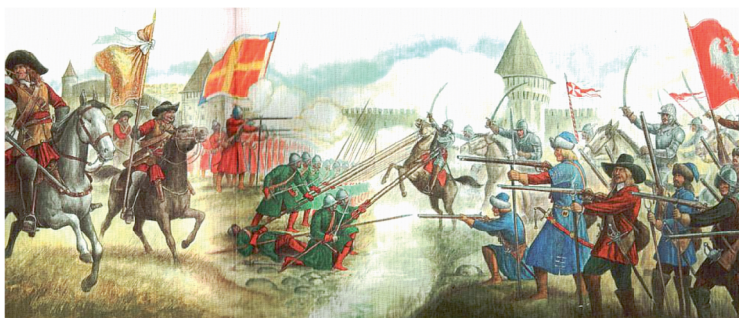

Россия и Польша: ОПЫТ ТЫСЯЧЕЛЕТНЕГО СОСЕДСТВА

Материалы Международной научной конференции
г. Москва, 15 марта 2019 г.

Москва 2019

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»
Институт социально-гуманитарного образования

РОССИЯ И ПОЛЬША:
ОПЫТ ТЫСЯЧЕЛЕТНЕГО СОСЕДСТВА

*Материалы Международной научной конференции
г. Москва, 15 марта 2019 г.*

МПГУ
Москва • 2019

УДК 94(47)+ 94(438)
ББК 63.3(2)-64я431+63.3(4Пол)-64я431
P768

P768 Россия и Польша: опыт тысячелетнего соседства : материалы Международной научной конференции, г. Москва, 15 марта 2019 г. / под. ред. С. В. Леонова, Г. В. Талиной. – Москва : МПГУ, 2019. – 440 с.

ISBN 978-5-4263-0849-7

Сборник содержит статьи участников Международной научной конференции, состоявшейся в Московском педагогическом государственном университете 15 марта 2019 г. Российские, польские и германские исследователи представили компаративистский анализ исторических путей развития России и Польши, а также исследования различных аспектов взаимовлияния, политических, культурных, конфессиональных отношений двух стран с раннего Средневековья и до начала XXI столетия.

Книга предназначена для исследователей, аспирантов и студентов, а также для всех интересующихся историей и культурой России и Польши.

УДК 94(47)+ 94(438)
ББК 63.3(2)-64я431+63.3(4Пол)-64я431

ISBN 978-5-4263-0849-7

© МПГУ, 2019
© Коллектив авторов, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Лубков А.В.

«Солярис» как образ будущего в произведениях
Станислава Лема и Андрея Тарковского 11

Леонов С.В.

Исторические пути развития России и Польши:
взгляд из XXI столетия 18

Ланцева А.М.

Гимнографическое наследие святого Войтеха-Адальберта
в контексте средневековых чешско-польских
межкультурных отношений. 42

Смирнов А.Г.

Роль западноевропейской культурной традиции
в формировании эталонной модели
польского рыцарства 55

Волков В.А.

«Ви́флянская земля» (Ливония) в русско-литовских
и русско-польских конфликтах второй половины XVI в. 68

Амброзяк Т.

Восприятие Московского государства
поветовыми сеймиками Великого княжества Литовского
во второй половине XVI – первой половине XVII в. 82

Белоусов И.В.

Между волей и властью: южнорусские
и запорожские казаки в XVI–XVIII вв. 92

Ершов В.Ф.

Черкесская военная культура в Польше
XVI–XVIII вв. 98

Филина Е.И.

Польская политическая традиция и попытки
ее реализации в России в Смутное время. 111

Талина Г.В.

Россия и Речь Посполитая: взаимные претензии
на престол в XVII в. 120

Захаров В.Ю.

Политика «конституционной дипломатии»
Александра I в Польше и ее результаты 135

Ефремов А.В.

Глазами женщины: Польское восстание 1830–1831 гг.
по воспоминаниям графини Наталии Кицкой 149

Короткий Г.А.

М. Бакунин и польская политическая эмиграция 154

Ковалев Б.Н.

Феофил Попель и другие:
Польская политическая ссылка в Новгородскую губернию
после восстания 1863–1864 гг. 164

Симонова Т.М.

А. Мицкевич в русской культуре: от А.С. Пушкина
до русской эмиграции первой волны 175

Ерохина О.В.

Взаимовосприятие русско-польской аристократии
в первой половине XIX в. 188

Юдин Е.Е.

Европейские политические элиты и аристократия
западнославянских земель в Российской
и Австро-Венгерской империях накануне
и в годы Первой мировой войны 196

Цабай Я.

Холмская проблема в польско-русских отношениях
во второй половине XIX и в начале XX в. 219

Баконина С.Н.

Вопрос о церковном имуществе Варшавской епархии
Русской православной церкви, 1914–1922 гг. 230

Булдаков В.П.

1914 год: мировая война и российские поляки 241

Посадский А.В.

Вторая Речь Посполитая и Белое движение:
казус А.С. Карницкого. 256

Куреньшев А.А.

Борис Викторович Савинков и Польша, 1889–1924 гг. 266

Дьячков В.Л.

Восприятие поляков и польского
Советским государством и обществом в 1917–1945 гг.
(тамбовский случай) 277

Деннингхаус В.

«В политическом отношении заподозрен
скрытым поляком...»: к вопросу
«национальной» мимикрии в СССР в 1920-е гг. 298

Хаустов В.Н.

Советско-польские отношения и их влияние
на положение поляков в СССР в 1920–1930-е гг. 313

Уль М.

Взгляды советского руководства
на германо-польские отношения в 1930-е гг. 324

Степанов А.С.

Польский фактор и Советский Союз в период
Мюнхенского кризиса. 331

Родионова Ю.В.

К вопросу о деятельности польских спецслужб
в 1939–1942 гг. 339

Сенявский А.С.

Поляки в Красной армии в 1944 г.:
к проблеме национальной идентификации. 353

Сенявская Е.С.

Русские и поляки в 1944–1945 гг.: встреча народов
и культур в экстремальной ситуации
военного времени 363

Невежин В.А.

Поляки на дипломатическом приеме в Кремле
(4 декабря 1941 г.) 378

Васильева В.В.

К вопросу о восприятии советской интеллигенцией
литературы и кинематографии
Польской Народной Республики. 389

Черемушкин П.Г.

Жизненный путь генерала Войцеха Ярузельского
в контексте советско-польских отношений
XX в. 399

Шетэля В.

К вопросу об отражении
польско-российских отношений
в учебнике для польских лицеев
по отечественной истории
Г. Михник и Л. Мослер (1961 г.) 419

Косулина Л.Г.

Польша в составе Российской империи:
основные проблемы в освещении
современных учебников
по истории России. 425

TABLE OF CONTENTS

Lubkov A.

“Solaris” as an image of the future
in the works Stanislav Lem and Andrei Tarkovsky 11

Leonov S.

Historical ways of the development
of Russia and Poland: A view from the XXI century. 18

Lantseva A.

The hymnography of St. Vojtěch-Adalbert
in the context of medieval
Czech-Polish cultural relations 42

Smirnov A.

The role of the Western European cultural tradition
in the formation of the reference model
of Polish knighthood. 55

Volkov V.

“Livland land” (Livonia) in the Russian-Lithuanian
and Russian-Polish conflicts of the second half
of the XVI c. 68

Ambroziak T.

The Perception of the Muscovy by local seymics
of the Grand Duchy of Lithuania in the second half
of the XVI – first half of the XVII c. 82

Belousov I.

Between freedom and power:
South Russian and Zaporozhean Cossacks
in XVI–XVIII c. 92

Yershov V.

Circassian military culture in Poland of XVI–XVIII c. 98

Filina E.

Polish political tradition and its transmission in Russia
in the distemper period. 111

Talina G.

Russia and Rech Pospolitaya:
reciprocal pretensions to throne in XVII c. 120

Zakharov V.

The policy of constitutional diplomacy
of Alexander I in Poland and its results. 135

Yefremov A.

Though a woman's eyes: The Polish uprising
of 1830–1831 according to the memoirs
of countess Natalia Kitskaya. 149

Korotky G.

M. Bakunin and Polish political emigration 154

Kovalev B.

Teofil Popiel and others: The Polish political exile
to the Novgorod province after the uprising
of 1863–1864 164

Simonova T.

A. Mickievich in Russian culture: From A.S. Pushkin
to Russian emigration of the First Wave 175

Yerokhina O.

Mutual perception of the Russian-Polish aristocracy
in the first half of the XIX c. 188

Yudin E.

European political elites and the aristocracy
of West Slavic lands in the Russian
and Austro-Hungarian Empires
on the eve and during the First World War 196

Cabaj Ja.

The Chelm's problem in Polish-Russia relations
in the second half of the XIX
and in the beginning of the XX c. 219

Bakonina S.

The question of the church property
of the Warsaw diocese
Russian Orthodox Church (1914–1922) 230

Buldakov V.	
1914: World War I and the Russian Poles	241
Posadsky A.	
Second Reich Pospolitaya and the white movement: the case of A. Karnitsky.	256
Kurenishev A.	
Boris Viktorovich Savinkov and Poland, 1889–1924	266
Dyachkov V.	
Perception of Poles and Polish by Soviet State and society in 1917–1945 (Tambov case)	277
Dönninghaus V.	
«In political sense, we suspect he is a hidden Pole...»: The problem of «national mimicry» in the USSR in the 1920s.....	298
Khaustov V.	
Soviet-Polish relations and their influence on the position of the poles in the USSR in the 1920–1930s	313
Uhl M.	
The Soviet leadership's views on German-Polish relations in the 1930s	324
Stepanov A.	
Polish factor and the Soviet Union during the Munich crisis.....	331
Rodionova Y.	
On the question of the activities of the Polish special services in 1939–1942	339
Senyavskiy A.	
Poles in the Red Army in 1944: To the problem of national identification	353
Senyavskaya E.	
Russians and Poles in 1944–1945: Meeting of peoples and cultures in the extreme situation of wartime	363

Nevezhin V.

Poles at diplomatic reception in the Kremlin
on December 4, 1941 378

Vasileva V.

To the question of the Soviet intelligentsia's perception
of the literature and cinema
of the Polish People's Republic 389

Cheremushkin P.

The life path of General Wojciech Jaruzelski
in the context of the Soviet-Polish relations
of the Twentieth Century 399

Shetelya (Szetela) V.

To the question about the reflection
of Polish-Russian relations
in the textbook for high schools
on Polish history, G. Michnik and L. Mosler (1961) 419

Kosulina L.

Poland as part of Russian Empire:
Main problems in interpretation
of modern textbooks on Russian history 425

Лубков Алексей Владимирович,
доктор исторических наук, профессор;
ректор Московского педагогического
государственного университета,
член-корреспондент Российской академии образования

**«СОЛЯРИС» КАК ОБРАЗ БУДУЩЕГО
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СТАНИСЛАВА ЛЕМА
И АНДРЕЯ ТАРКОВСКОГО**

Аннотация. В статье отмечаются влияние польского кинематографа на советский, связи Андрея Тарковского с Польшей и предыстория создания его произведения. Главное внимание уделяется анализу книги и фильма «Солярис». На этом материале выявляются общие и особенные черты образа будущего у Станислава Лема и Андрея Тарковского. Подчеркивается, что если у Лема этот образ был связан во многом с космосом, то у Тарковского – с землей, с поисками ответа на вечные человеческие вопросы.

Ключевые слова: Тарковский, Лем, Солярис, будущее, человечество, кинематограф, Польша

Lubkov Alexey Vladimirovich,
Doctor of Historical Sciences, Professor;
Rector of Moscow Pedagogical State University,
Corresponding Member of Russian Education Academy

**“SOLARIS” AS AN IMAGE OF THE FUTURE
IN THE WORKS STANISLAV LEM
AND ANDREI TARKOVSKY**

Abstract. The article notes the influence of Polish cinema on the Soviet, Andrei Tarkovsky's ties with Poland and the background of his work. The main attention is paid to the analysis of the book and the film “Solaris”. This material reveals the common and special features of the image of the future of Stanislav Lem and Andrei Tarkovsky. It is emphasized that if Lem's image was associated largely with the cosmos, Tarkovsky's – with the earth, with the search for an answer to the eternal human questions.

Key words: Tarkovsky, Lem, Solaris, future, humanity, cinema, Poland

Я люблю очень Андрея Тарковского, и в данной статье, конечно, больше говорится о нем. Сама идея экранизации «Соляриса» появилась у него, безусловно, не случайно. По целому ряду оценок, этот роман является одним из лучших среди мировой фантастики. Радиопостановка, созданная по нему в Советском Союзе, экранизация самого Тарковского и позднее американская экранизация Стивена Содерберга – очень разные, говорящие о своем.

«Первоисточник» рисует образ будущего, где существует некая очень интересная планета Солярис: живой разум, который живет по своим законам, отрицающим законы небесной механики. То, что происходит на станции вокруг Соляриса, – это попытка писателя Станислава Лема показать, что будущее несет такие вопросы, на которые человечество не может дать однозначные ответы. Само это будущее, образ которого нарисовал Лем в своем произведении, – нечто неизведанное. Самое главное – это попытка человека раскрыть его тайну, тайну взаимоотношений с неизвестным и очень мощным явлением, которое изображено в виде разумного океана Солярис. Примечательно, что многие персонажи не имеют этнического происхождения. И сам образ будущего, и образы тех людей, которые живут на Солярисе, главных героев, продиктованы тем, что они являются «общими человеками», «общими» людьми вне национального, вне культурного контекста. По сути, они являются посланцами будущего и решают самую главную задачу – познания и встречи с неизвестным, оставаясь при этом верными своему человеческому призванию. Именно поэтому Крис остается на этой планете и пытается дальше войти в контакт с Солярисом. Это общая фабула того, что написал Станислав Лем.

Интересно, что Тарковский был связан с Польшей. Он не имел никакого отношения к дагестанскому селу «Тарки», и хотя многие говорят, что у него кавказские корни, его сестра – она живет напротив нашего университета – это отрицает. Она подтверждает, что у Тарковского польские корни. Его отец – замечательный русский поэт Арсений Александрович Тарковский – происходил из польского шляхетского рода. И до сих пор в Польше распространена фамилия Тарковский.

Когда Андрей Арсеньевич Тарковский в начале 1970-х гг. решил экранизировать «Солярис», у него за плечами уже было три фильма. Первый – это «Каток и скрипка» (1960), его дипломная работа. Вторым фильмом – «Иваново детство», который был выпущен в 1962 г. и сразу получил «Золотого льва» на Венецианском кинофестивале.

После «Иванова детства» в 1966 г. Тарковский закончил свой великий фильм, который называется «Страсти по Андрею», или «Андрей Рублев». Он долго не выходил на экраны, и с 1966 по 1972 г., когда вышел «Солярис», Тарковский пребывал в очень сложном состоянии. Он был лишен возможности снимать и пытался найти какую-то тему. Он хотел экранизировать «Идиота», у него были попытки выйти на экранизацию Томаса Манна и т.д. Он, лежа на диване, составлял в голове будущие сценарии своих фильмов: первого, второго, третьего. В своих дневниках он пишет, что, когда замысел уже полностью созрел, потом снимать для него было уже неинтересно. Творчески себя он уже реализовал, «лежа на диване». Это обломовское состояние продолжалось в течение, по сути, четырех-пяти лет, после которых ему все-таки разрешили снимать «Солярис».

Если роман Станислава Лема – прежде всего о будущем и о человеке в космосе, то фильм «Солярис» – это совершенно не о космосе, совершенно не о будущем. Это фильм о Земле и о человеке, связанном с Землей, который погружен в свой исторический, культурный контекст. Это с самого начала разделило режиссера и писателя. Станислав Лем жил в Москве и общался с Тарковским более полутора месяцев. Они сильно разругались, потому что то, о чем писал Станислав Лем в романе, и то, что сделал Тарковский в сценарии и затем в своем фильме, – это противоположные представления, смыслы и ценности. Сегодня нас не удивит тем, что экранизация или постановка даже классического произведения является вольной интерпретацией той или иной темы. Андрей Арсеньевич был одним из первых, кто именно таким образом использовал «первоисточник».

Тарковский показывает будущее как угрожающее явление. Он специально ездил в Японию и снимал автострады, которые

тогда можно было снять только там. Проезд Криса по ним занял несколько минут экранного времени, и эти автострады были показаны как реальный образ будущего.

Сама станция, где через какое-то время он появляется, находится в полузаброшенном состоянии. Крис – которого играет великий литовский и советский актер Донатас Банионис – встречается с вполне конкретными людьми, у которых есть свои истории и реальные биографии: Снаутом, Сарториусом и Гибаряном. И сам фильм начинается не с космоса, не с океана, а с разговора на той прекрасной Земле, которую Крис покидает для того, чтобы разобраться, – он психолог, – что же происходит с людьми на этой станции. Кадры Земли идут под хоральную прелюдию Баха. Это была последняя работа с Тарковским оператора Вадима Ивановича Юсова. (Уже «Зеркало» он снимал с Г. Рербергом.) Он дает панораму земли, речку, плакучие ивы, камыши, воду, которая переходит из живого состояния в застывшее, кольшущуюся траву, и за кадром звучит Бах. Есть лошадь, мальчик и девочка, туман. Эти кадры Тарковского и Юсова стали цитатами, кочевали затем из фильма в фильм. Это типичный Тарковский в уже зрелом состоянии, любой его кадр, с кем бы он его ни снимал, можно идентифицировать как кадр Андрея Арсеньевича. Интересно, что снимали эти кадры земли под Звенигородом. Это место, когда въезжаешь в Звенигород, находится с левой стороны, по мосту. Там была построена декорация дома, и это все он тоже вписал в свою историю.

Тарковский сознательно идет на разрушение фабулы, которая представлена в романе. Он считает, что человек сам по себе и есть та вселенная, в которой необходимо разобраться. Отсюда вопросы морали, вопросы философии, памяти ставятся им во главу угла. Важные образы связаны с ушедшей любовью, с трагедией, которую пережила Хари. Она появляется то в одном, то в другом облики, то в третьем. В конце концов через любовь к этому существу, которое не является человеком, но которое очеловечивается в результате общения и возвращения друг к другу через любовь, и проявляется то самое главное, ради чего Крис приехал на эту станцию. Устанавливается контакт, и Солярис отвечает на него.

Солярис-океан отвечает на контакт именно через любовь, через то, что главные герой и героиня обретают в этих нечеловеческих космических условиях самое человеческое, самое высокое чувство, – это практически его финал.

Есть еще второй финал, который связан с аллюзиями на Рембрандта, «Возвращение блудного сына». Это уже концовка фильма, когда Донатос Банионис встает перед Гринько, перед своим отцом на колени. Итог таков: космос – ничто, все главное происходит здесь, на Земле, и происходит в нашей памяти. Тарковский цитирует Лема, но звучит это цитирование совершенно по-иному. Смысл заключается в том, что человеку не нужен космос, человеку нужен человек, ему нужно зеркало. Кстати говоря, «Зеркало» – это уже следующий его фильм. Это ключевая для него тема человеческой памяти, и очень важно в этой памяти разобраться и понять, что она несет для человека в настоящем и в будущем.

Фильм «Солярис» интересен и тем, что здесь представлены – особенно в известной сцене зависания корабля над станцией, когда он меняет свою траекторию и за кадром звучит музыка Баха, – те артефакты, которые говорят о неразрывной связи человека и Земли. Прежде всего это картины Брейгеля, это «Дон Кихот», это другие произведения, которые очень дороги были самому Андрею Арсеньевичу Тарковскому. И это как раз показывает, что он делал фильм не по Станиславу Лему, а по извечным человеческим вопросам.

Лем очень болезненноотреагировал, он не принял этот фильм, хотя тот прошел очень широко. Более того, это самый успешный в прокате фильм Тарковского в Советском Союзе и за рубежом. Фильм не получал никаких «золотых», «пальмовых ветвей». И между тем он был отмечен зрителями и критикой. Для Тарковского этот фильм был переходным этапом к его последующим картинам, где наблюдался уход в глубины человеческой вселенной, раскрытие неисчерпаемости человеческого пространства души. Это уже совсем философские вещи. Они привели его к последующим фильмам: «Сталкеру» (1979), «Жертвоприношению» (1986) и «Ностальгии» (1983), где основой его киносозерцания стали христианские, религиозные, метафизические идеи.

Почему я решил поставить рядом два выдающихся произведения Лема и Тарковского? Я бы не хотел все сводить к тому, что один пишет об одном, а другой его переиначивает и говорит о человеке, его внутреннем мире, о моральных ценностях, о Боге, – потому что «Солярис» тоже возможно интерпретировать как Бога, так же как и Зону в «Сталкере». Это тоже встреча с нравственным абсолютом, встреча с Богом. Потом у Тарковского это красной нитью прошло и через «Жертвоприношение», и через «Ностальгию». Но там Бог не имеет никакой объектности, он прежде всего внутри нас самих. Это человеческая совесть, это та культурная национальная память, которую переживают герои Тарковского. Но вместе с тем сопоставление очень интересное, потому что неслучайно идет отталкивание именно от польского произведения. Дело в том, что вообще польская тема была очень близка российскому кинематографу 1960–1970-х гг.

Великие польские режиссеры, так называемые представители польской волны: прежде всего Анджей Вайда, Ежи Кавалерович, Анджей Мунк, Кшиштоф Занусси и Кшиштоф Кесьльёвский – несли в себе в 1960-е гг. (а Вайда еще в 1950-е) тему нравственного беспокойства. Это было связано с тем историческим опытом, который они имели в период Польской Народной Республики. Нелучайно Анджей Вайда ушел в оппозицию. Кавалерович поставил замечательную картину «Загадочный пассажир», таинственный фильм с прекрасной музыкой почти однофамильца Тарковского Анджея Тшасковского. Этот фильм до сих пор остается одной из загадок всего европейского кино. Потом Ежи Кавалерович снимал такой фильм, как «Мать Иоанна от ангелов», и там тоже был вопрос, прежде всего религиозный, хотя режиссер сам был коммунистом. Сама тема нравственного выбора, морального беспокойства была очень близка нашим режиссерам.

Помимо Тарковского можно назвать Илью Авербаха, и прежде всего его замечательный двухсерийный фильм «Объяснение в любви», где играла его любовь – Эва Шиккульска, а также Ангелина Степанова и Бруно Фрейндлих. До этого он снял еще два выдающихся произведения, где тема нравственного беспокойства

звучала очень остро. Это фильм «Монолог», где играли Михаил Глузский и молодая Марина Неёлова, с замечательной музыкой О. Каравайчука, а также не менее выдающееся произведение «Чужие письма», где играли Ирина Купченко и Олег Янковский. В чем-то биографии двух режиссеров похожи. Они ушли, когда Тарковскому было 54, а Авербаху – 52 года. Видимо, чувствуя конечность своего существования на земле, они пытались предостеречь зрителей и потомков от тех надвигающихся проблем, которые они уже тогда как художники осознавали, – прежде всего от того, что человеческое уходит из человека. Разумеется, были и социальные, и политические вопросы. В «Чужих письмах» эта тема также важна, и главный посыл заключается в том, что нельзя читать чужие письма – только потому, что они чужие, что у человека есть личное пространство, которое нельзя нарушать.

Это уважение к человеческой личности. Это то, о чем мы говорили недавно, открывая конференцию памяти Я. Корчака, что две его заповеди должны быть для нас, для педагогов, святыми: это уважение и любовь к детям. Уважение к их незнанию, и через это уважение мы передаем миссию познаваемости мира и любви. И то же самое, по сути дела, заложено в вышеназванных картинах, которые до сих пор входят в Золотой фонд отечественной кинематографии. В связи с темой морального беспокойства нельзя не упомянуть и о том, что в 1960-е, 1970-е гг. для нас существовал еще и польский рок, польская музыка. Все мы знали бессмертную песню «Червонных гитар», которую пел Северин Краевский, «Не успокоимся», для советской аудитории она несла свои смыслы.

Тот диалог, который происходил в пространстве кинематографа и литературы, а также в более широком контексте нашего взаимовлияния, взаимопроникновения, нашей любви и отчасти ненависти, состоял из тех страстей, которые были прописаны еще у Гоголя и у Достоевского. При этом важно помнить: мы как соседи всматриваемся друг в друга. Когда мы пытаемся понять себя, нам нужно зеркало. Наша история и наша культура – это и есть то зеркало, в которое и смотримся мы: русские и поляки.

Леонов Сергей Викторович,
*доктор исторических наук;
профессор кафедры истории
Института
социально-гуманитарного образования
Московского педагогического
государственного университета*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ РОССИИ И ПОЛЬШИ: ВЗГЛЯД ИЗ XXI СТОЛЕТИЯ

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу важнейших тенденций, общих и особенных черт истории России и Польши. Отмечается, что в раннее Средневековье, за исключением профессионального фактора, уровень и тип развития двух стран были близки. С XIII в. их пути принципиально расходятся. С XVI столетия на фоне качественных, цивилизационных различий у них появляются и отдельные общие черты в виде крепостного права, многонационального характера государства, а также стремления к доминированию в Восточной Европе. Вхождение в состав Российской империи оказалось болезненным для Польши, ее национального сознания, но подтолкнуло развитие индустрии. После обретения независимости, в 1918–1938 гг., пути развития двух стран кардинально разошлись. В послевоенный период из-за принудительной советизации Польши они вновь стали сближаться. Крушение социализма, начало рыночных реформ, казалось, закладывали новую основу для сближения двух стран, но с середины 1990-х и особенно с 2000-х гг. пути их развития вновь разошлись.

Ключевые слова: Польша, Русь, Россия, пути развития, сравнительно-исторические исследования

Leonov Sergey Viktorovich,

*Doctor of Historical Sciences;
Professor of the Department of the History,
Institute of Social Studies and Humanities,
Moscow Pedagogical State University*

HISTORICAL WAYS OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIA AND POLAND: A VIEW FROM THE XXI CENTURY

Abstract. The article is devoted to the comparative analysis of the main trends, general and special features of the history of Russia and Poland. It is noted that in the Early Middle Ages, with the exception of the confessional factor, the level and type of development of the two countries were close. From the XIII century their paths diverge fundamentally. Since the XVI century, against the background of qualitative differences, they have some common features in the form of serfdom, the multinational nature of States, as well as the desire to dominate in Eastern Europe. Joining the Russian Empire proved to be a disease for Poland, its national consciousness, but pushed the development of industry. After independence, in 1918–1938, the ways of development of the two countries radically diverged. In the post-war period, due to the forced sovietization of Poland, they again began to converge. The collapse of socialism, the beginning of market reforms seemed to lay a new Foundation for the rapprochement of the two countries, but since the mid-1990s and especially since the 2000s, the paths of their development have diverged again.

Key words: Poland, Russia, development paths, comparative historical research

Кроме Польши за пределами бывшего СССР нет другой страны, исторические судьбы которой демонстрировали бы столь же длительное и тесное взаимопереплетение с Россией и в то же время такое острое соперничество, отталкивание от нее. Если применительно к XVIII–XX вв. нечто похожее можно сказать и о Германии, то относительно всей, более чем 1150-летней истории Руси – лишь о Польше. В настоящее время наши страны, кажется, объединяет лишь распространенность в них взаимных негативных стереотипов. Однако это поверхностное впечатление. У России и Польши

глубокие общие корни и завораживающие, прихотливые, трагико-героические истории. У обеих стран сохраняются некоторые черты типологического сходства в культуре¹, а также в национальном характере. Хотя его изучение является самостоятельной проблемой и затруднено политико-идеологическими факторами, а также доведенными порой до абсурда требованиями «политкорректности», представляется, что в этой сфере нас объединяют такие черты, как эмоциональность; талантливость; приспособляемость; дар импровизации; относительная необязательность и неорганизованность, даже безалаберность; патриотизм, порой граничащий с ксенофобией, и в некотором смысле мессианство; бытовая хитрость и недоверие к государству, сильные личные – дружеские, родственные – связи; любовь к застолию и выпивке; двойственное, «восторженно-критическое» отношение к Западу и т.д.

«Спарены судьбы», – подметил особенность России и Польши Г.Д. Гачев [6, с. 40]. Лишь непредвзятый конкретно-исторический, компаративистский анализ позволяет увидеть многообразие взаимоотношений, выделить сходство и различие исторических путей наших стран и народов.

Обе страны издавна объединяли окраинное, отдаленное от важнейших центров положение в Европе; соседство и многообразные контакты между собой; но главное – единые истоки. К ним можно отнести славянство, язычество (общий пласт которого – помимо индоевропейских корней, культя Сварога, а также упырей, вурдалаков и прочей «совместной» нечисти – из-за скудости источников остается малоизученным) [29, с. 52, 80–104, 162–183, 319, 320], старославянский язык и, разумеется, историю.

¹ Славянство как феномен мировой культуры обладает такими общими чертами, как пограничность, переходность или синтезность, относительные – на фоне Западной Европы – традиционность и устойчивость, отсутствие военного эпоса как завоевательных походов и т.д. [14, с. 6, 7]. Российская и польская культуры, несомненно, европейские и в то же время – самобытные, проникнутые социальными мотивами, наиболее развитыми их сферами традиционно выступали литература, музыка, театр и кинематограф.

Территория Польши (Висло-Одерский регион) является наиболее вероятным местом вычленения праславян, происходившего в середине I тыс. до н.э. и ассоциируемого с археологическими культурами подклешевых погребений и поморской (последняя, по-видимому, относилась к периферийным балтским, но участвовала в этногенезе славян) [49, с. 44–51, 76; 50, с. 6, 20, 25, 31, 68–79, 88, 124, 129, 134, 135]. Однако сколько-нибудь достоверно мы можем судить об истории славян лишь с V–VI вв. н.э.: с формирования славянского языка, с пражско-корчакской, суковско-дзедзитской (лехитской), пеньковской культур и особенно с расселения славян. Оно к рубежу VII–VIII в. привело к разделению славян на западных и восточных (а также южных) [1, с. 24, 26, 31, 33, 325; 44; 50, с. 205–402, 431–472, 525–574].

Восточные славяне распространились по обширной Восточно-Европейской равнине, с густой сетью рек, удобных для передвижения, по соседству с немногочисленными и относительно неагрессивными балтскими и финно-угорскими племенами. Все это позволило восточным славянам расселиться на огромных просторах, на границах со степью и на важном водном пути в Византию (вдоль которого в итоге и сформировалось государство Русь). Западные же славяне оказались в условиях, когда сама география: на севере – Балтийское море, на юге – Карпатские и Судетские горы, а на западе – многочисленные и могущественные соседи германцы² – воспрепятствовала столь же широкому расселению и не позволила им преодолеть относительную периферийность в Европе. Более того, горы способствовали разделению западных славян на поляков, чехов и словаков [13, с. 39, 40].

Великопольская хроника содержит сюжет о трех братьях: Лехе, Русе и Чехе – как прародителях соответствующих народов.

² В I в. н.э., по некоторым оценкам, германцы насчитывали уже 3–4 млн чел., во II в. н.э. они начали Великое переселение народов (существенно опередив славян) и сыграли в нем наиболее активную, возможно, решающую роль. Примечательно, что, в отличие от славян, кельтов и т.д., германские племена не назывались по рекам в силу своей склонности к миграциям [2, с. 7, 8, 41, 49, 155].

Он не имеет серьезного научного значения, но отражает народную традицию – память о единстве происхождения, этническом родстве была важным элементом сознания славянских народов в раннее Средневековье [см.: 4, с. 52, 204; 20, с. 16; 21, с. 204–220]. (Правда, отчасти здесь могло сказаться и стремление польской элиты к союзу с Великим княжеством Литовским – к налаживанию контактов с его православным населением [14, с. 369].) Хотя в Польше идея славянского единства была, возможно, менее популярна, чем в других славянских странах, в первой половине XIX в. она пережила настоящий расцвет, а в том или ином виде эта идея сохранялась все XX столетие [57, с. 64–75].

Общее родство имело массу конкретных проявлений. В раннее Средневековье одним из ключевых союзов племен, затем племенных княжений в обеих странах были поляне. (Они и дали название Польше.) Разделение этого и ряда других племенных союзов стало результатом расселения славян. По свидетельству «Повести временных лет», радимичи и вятичи также имели «ляшское» происхождение. «Радимичи бо и вятичи от ляхов» [42, стб. 6, 12]. На основе современных данных археологии и лингвистики, к выходцам из племенной группы, родственной суковско-дзедзитским или ляшским славянам, по-видимому, можно отнести кривичей, словен ильменских и славян Ростово-Суздальской земли, но не вятичей (те вышли из среды антов) [50, с. 347, 362, 363, 371, 372, 393, 397, 525; 58, с. 110, 111]. Подобно тому как в Польше существует историческая область Куявия, в Южной Руси, по данным арабских источников, была Куявия или Куябия, причем этот топоним идентифицируется с Киевом. С. Роспанд предположил, что он происходит от польского или украинского обозначения «песчаный» или «крутой холм», но эта версия подвергается критике некоторыми отечественными исследователями, по-прежнему возводящими название города к легендарному Кию [37, с. 373–390].

В схематическом, общем виде на некоторые из черт типологического сходства средневековых Руси и Польши обращалось внимание в отдельных работах советских и российских историков [см.: 7; 20; 45; 48 и др.]. Наше недавнее исследование показало

уникальную схожесть ключевых тенденций и этапов развития Руси и Польши в раннее Средневековье [27, с. 94–100]. В данной работе соответствующий сравнительно-исторический анализ углублен и хронологически расширен.

Наличие феодализма на Руси является давней дискуссионной проблемой. Ситуация усугубляется тем, что само понятие «феодализм» начало пересматриваться на Западе [8, с. 9–26; 40, с. 161–170; 47, с. 5–55; 48, с. 4–15; 53 и др.]. Однако все зависит от дефиниции. Как представляется, данный термин вполне применим к Руси, если рассматривать его в широком смысле, – понимая под ним аграрное и сословное, корпоративное общество (где ведущими сословиями выступают феодалы и зависимые крестьяне), с вассалитетом (не обязательно с вассально-ленными, но с договорными, служилыми отношениями между феодалами) и с господством религии (христианства) в духовной сфере. Такое определение открывает широкие возможности для сравнительно-исторических исследований.

Русь и Польша относились к числу бессинтезных стран, где генезис феодализма шел только за счет разложения родоплеменного строя славян, без синтеза с античными отношениями, как в Западной Европе. Это породило ряд других его особенностей. В результате в раннее Средневековье обе страны – помимо крайне малого количества источников – объединяло позднее и почти одновременное возникновение вотчинной собственности знати (на Руси – XI в., в Польше, по-видимому, к XII в.) [16, с. 148; 48, с. 271, 272, 301], замедленное ее развитие, а также наличие «служебной организации», т.е. корпоративной, централизованной эксплуатации крестьян путем обложения их государственной податью. Вассальные отношения в обеих странах носили главным образом не поземельный, а служебный и не индивидуальный, а коллективный или корпоративный характер – коллективным вассалом князя выступала поначалу дружина. Роль государства на Руси и в Польше была в целом большей, чем в Западной Европе в ту эпоху. (В Польше до XII в. государству подчинялась даже церковь.) Большинство крестьян в двух странах в XI–XII вв. оставались лично свободными.

В Англии, например, согласно «Книге Страшного суда» 1086 г., свободными оставались лишь 12% крестьян [17, с. 19; 48, с. 123, 124, 262, 299, 300 и др.]. Таким образом, по сравнению с Западной Европой, генезис феодализма на Руси и в Польше носил замедленный и специфический характер. В XI–XII вв. здесь наблюдалось не оформление, а лишь зарождение, ранняя стадия феодальных отношений.

При этом между обеими странами проявлялись удивительные черты сходства. Создание сколько-нибудь стабильной государственности в них шло практически синхронно. Оно датируется серединой IX – X в. На Руси решающим импульсом для этого послужило призвание Рюрика в 862 г., а оформилось государство при Владимире Святославиче (980–1015). Польское государство создано при Мешко I (ок. 960–992) и оформилось при Болеславе I Храбром (992–1025). Зарождению государства как на Руси, так и в Польше, по мнению ряда исследователей двух стран, в существенной мере помогли интересы широкой транзитной торговли, точнее, контроля за ее узловыми пунктами. Это укрепляло положение знати, ускоряло разложение родоплеменного строя и создало костяк формирующегося государства³. Характерными особенностями обеих стран являлось то, что раннесредневековые государства в них являлись своего рода коллективными владениями одной династии – Рюриковичей и Пястов.

Весьма примечательно, что принятие христианства – послужившее важнейшим, этапным событием для всех европейских стран – с учетом приблизительности датировки этих событий произошло практически одновременно: на Руси – в 988, а в Польше –

³ Стремление укрепиться в ключевых пунктах транзитной торговли между странами Восточной и Западной Европы играло важную роль во внешней и внутренней политике Руси и Польши. Об этом «ярко свидетельствуют знаменитые слова Святослава Киевского: “Не любо ми есть в Киеве быти, хочю жити в Переславци на Дунай, яко то есть середя в земли моей, яко ту вся блага сходятся <...> Изменения в балтийской транзитной торговле в известной мере способствовали переносу центра польской политической жизни из Великой в Малую Польшу, из Познани в Краков», начавшемуся при Болеславе Храбром и завершившемуся при Казимире I [20, с. 344, 345].

в 966 г. Ряд общих черт, особенно в X–XI в., имело и формирование государственной идеологии⁴.

Почти одновременно в двух странах прошли и массовые восстания с использованием языческой идеологии: в Суздальской земле – в 1024 г., а в Польше – в 1037–1038 гг. Там оно охватило подавляющую часть страны и даже подтолкнуло государство Пястов к временному распаду. На Руси данное событие имело региональный характер, зато восстания крестьян и горожан с участием волхов повторились в 1160–1170-х гг. в Ростовской земле, Новгороде и Киеве [20, с. 246].

Переход к раздробленности на Руси завершился после 1132 г. (смерти сына Владимира Мономаха Мстислава Великого), а в Польше – после смерти Болеслава III Кривоустого в 1138 г., а окончательно – в 1146 г., после провала попыток Владислава II объединить страну. Поскольку государство в двух странах выступало коллективным владением Рюриковичей и Пястов, после перехода к раздробленности представители этих династий и возглавили почти все княжества.

Таким образом, в раннее Средневековье тип развития Руси и Польши был близок, а во многом – совпадал. Несмотря на известную схожесть развития всего региона Восточной и Центральной Европы в ту эпоху, такого сходства, как с Польшей, Русь не имела ни с одной другой страной. Поиски иных параллелей интересны [см.: 33, с. 35–48], но не приносят подобных результатов. Например, Е.А. Шинаков подметил типологическую схожесть Руси конца IX – середины X в. с I Болгарским царством VIII в. Однако это сопоставление проведено лишь по единичным параметрам и на хронологически разных, сравнительно непродолжительных периодах.

⁴ В этой сфере восточным и западным славянам были свойственны «ярко выраженный параллелизм» и известная взаимосвязь. «Канонизация на Руси Бориса и Глеба и беатизация Владимира была таким же выражением этих процессов, как канонизация Вацлава – в Чехии и Войтеха-Адальберта в Польше... Когда Ярослав поставил в Киеве митрополитом Илариона, он вел такую же борьбу с универсалистской внешнеполитической программой Византии, как и польские князья Мешко I и Болеслав I, добивавшиеся создания независимой польской церкви...» [20, с. 340].

Причем сам автор признал, что на Руси, в Польше и Чехии (и, возможно, в Дании) было создано «дружинное государство» с сосредоточением власти в руках князя и дружины и четким разделением общества на воинов и «налогоплательщиков» [58, с. 162, 163, 277, 279–298].

Между Русью и Польшей были тесные и разнообразные отношения. В частности, через Краков на Прагу шел важный сухопутный путь, соединявший Русь с Европой (Восточной немецкой маркой) [12, с. 17]. «...Страна польская удалена от проторенных дорог паломников, – сетовал Галл Аноним, – и знакома она лишь немногим, идущим на Русь ради торговли...» [5, с. 27]. С середины XII и особенно в начале XIII в. значение этого пути еще более выросло.

Важнейшим отличием двух стран стало то, что Русь приняла восточный (византийский) вариант христианства, а Польша – западный, римский. В итоге это повлекло за собой принципиальные и далеко идущие последствия. Католичество способствовало развитию в Польше латиноязычной культуры, схоластики и университетов, а также рыцарства, бюргерства, городского самоуправления, цехов, самих городов как центров ремесла и торговли и т.п. В результате страна инкорпорировалась в латинскую, или католическую, цивилизацию – *Rex Romana*, а Русь – в Византийское содружество, в православную цивилизацию – *Rex Orthodoxa* [26, с. 67–76].

Вместе с тем расхождение путей развития наших стран проявилось далеко не сразу. Причем во многом оно стало следствием раскола христианской церкви в 1054 г., широкой немецкой колонизации Польши, а затем – завоевания Руси монголо-татарами и их 240-летнего господства. До XIII столетия принципиального влияния на взаимоотношения двух стран конфессиональный фактор, как показали еще советские исследователи, в целом не оказывал. Даже когда Бернард Клервоский и другие апологеты католицизма стали активно выступать за распространение католицизма на русские земли, это не возымело существенного эффекта. Поэтому и на Руси антилатинские настроения не получили тогда широкого распространения. В занятом в результате Первого крестового похода (1096–1099) Иерусалиме существовал русский монастырь.

Во Втором крестовом походе (1147–1149) русское войско вместе с польским ходило в сторону Прибалтийского Поморья. Древнерусские книжники конца XII в. поддержали Третий крестовый поход (1189–1192) во главе с Фридрихом Барбароссой и сравнивали его воинов со святыми мучениками, а арабов – с половцами. Лишь Четвертый крестовый поход (1202–1204), приведший к захвату Константинополя, расстроил русско-польско-венгерский союз. Только с XIII в. начались попытки папства насадить католичество и создать унию в Галичине, Волыни, но и тогда особой активности поляки еще не проявляли [7, с. 78, 79, 95, 96, 98; 38, с. 199].

Более того, в связи с возникновением на пути из Руси в Византию «половецкого барьера» и военно-политическими конфликтами между двумя странами в середине XI в., а особенно после падения в 1204 г. Константинополя русско-византийские отношения ослабли, в то время как связи с Европой, напротив, стремительно развивались. Это наглядно демонстрировали широкие междинастические браки русских князей.

С XI в. представители Польши занимали здесь видное место. Княжеские дворы обеих стран были еще равнодушны к тонкостям межконфессиональных отношений, и даже периодические военные конфликты не могли воспрепятствовать их матримониальным, а следовательно, и военно-политическим союзам. Хотя намерение Болеслава Храброго взять в жены сестру Ярослава Мудрого Предславу не осуществилось (что подтолкнуло его совершить военный поход на Русь), дочь Болеслава была замужем за Святополком Владимировичем (Окаянным); сын Ярослава Мудрого киевский князь Изяслав (1054–1078, с перерывами) был женат на Гертруде, сестре польского короля Казимира I (ок. 1038–1058); а сестра Ярослава Мария вышла замуж за самого Казимира. Польский князь Владислав I (1079–1102) одну из дочерей выдал замуж за волынского князя Ярослава Святополчича (1100–1118). Болеслав III Кривоустый (1102–1138) был женат на Збыславе – дочери киевского князя (1093–1113) Святополка Изяславича. Дочь киевского князя Изяслава Мстиславича (1146–1154, с перерывами) Евдокия была замужем за Мешко III Старым (1173–1191, с перерывами), а сын Изяслава князь Мстислав (1159) был женат на Агнешке, дочери

Болеслава Кривоустого. Дочь галицкого князя Ярослава Владимировича Остомысла (1153–1157) была замужем за великопольским князем Одоном [5, с. 35, 36, 51, 66, 152; 7, с. 20, 21, 25, 26, 43, 62, 64, 80, 81; 11, с. 5; 19, с. 20; 36, с. 275–277].

По мнению В.Т. Пашуто, из межславянских связей русско-польские отношения были особенно тесными и имели наибольшее значение для Европы. Несмотря на пересечение интересов в Червенской и Прусских землях, участие во враждебных коалициях и походы друг на друга (поляков на Русь в 1013, 1018, 1069, 1077, 1092 гг. и т.д., русских на Польшу – возможно, в 981, а также в 1031, 1041, 1043, 1047 гг. и т.д.), страны стабилизировали границу и перешли к союзу (договоры 1042, 1074, 1077, 1099, 1103, 1145 гг. и т.д.) [7, с. 10–12, 20, 21, 36, 44, 49–51, 60–62; 38, с. 196–198; 39, с. 207].

Важную роль в создании государства на Руси сыграл внешний фактор в виде хазар, но в особенности – варягов и Византии. В Польше появлению государственности также предшествовали иноземные завоевания, прежде всего со стороны Моравии и Чехии. Побывали там и варяги (норманны), чье обособление от германской языковой общности, по данным лингвистики, произошло в VII–VIII вв. [25, с. 153], т.е. примерно одновременно с разделением славян. Несмотря на отдельные попытки доказать варяжское происхождение Мешко I и его дружины, существенных элементов влияния норманнов на создание польской государственности не прослеживается [31, с. 32–56]. Вместе с тем страна испытывала мощное давление Священной Римской империи и пусть в значительной мере номинально, но входила в ее состав.

Таким образом, в период раздробленности, и особенно с XIII в., пути развития двух стран расходятся, различия резко усиливаются. Для Польши, как и для Европы в целом, период феодальной раздробленности, несмотря на ужасы междоусобиц, массовых смертоносных эпидемий и т.д., оказался эпохой бурного развития. При этом многие специфические черты, отличавшие страну в раннее Средневековье, постепенно смягчались (хотя и не исчезли совершенно). В XII–XIV вв. ускорился рост экономики. Население Польши к середине XIV в., по сравнению с 1000 г., увеличилось на 3/4, а его плотность достигла 8–9 чел. на 1 км². (В европейской части

России этого показателя удалось достичь только во второй половине XVII в.) Бурно росли города, торговля и горное дело. Доля городского населения достигла 10–14%. В России это уровень XVIII, а затем конца XIX – начала XX в.⁵ С XII столетия в Польше развивалось трехполье. В XV в. оно стало преобладающим, а урожаи составили сам-4. В России же трехполье стало преобладать лишь в XVII в. и урожаи вплоть до середины XIX в. не превышали в среднем сам-3 – сам-4 [15, с. 121,186; 22, с. 13; 34, табл. 2.6; 52, с. 55, 67, 68, 96, 97].

Вотчинная собственность в Польше стала бурно развиваться и уже к XIV в. стала преобладающей. «Служебная организация» сошла на нет. С XII в. нарастала широкая эмиграция немцев и других европейцев. Распространялись немецкое право (с 1211 г. – городское: Магдебургское, Любекское и т.д.), самоуправление городов и ремесленные цеха. По мнению некоторых исследователей, в Польше формировалась сословная структура, близкая к западноевропейским странам. С XIV в. увеличилось число людей, выезжавших на обучение за границу. В 1364 г. по образцу североитальянских университетов была основана Краковская академия (ставшая затем Ягеллонским университетом) [16, с. 170; 52, с. 55, 56, 65–68, 103 и др.]. В отличие от Руси, Польша испытала феномен Ренессанса, а отчасти – Реформации и потом Контрреформации.

На Руси лишь отдельные процессы были схожи с польскими, причем их содержание нередко существенно отличалось. Например, широкая колонизация носила принципиально иной, во многом вынужденный и экономически неэффективный характер. Поскольку после распада единого государства сдерживать натиск кочевников стало сложнее, плодородные, хозяйственно освоенные земли Юга Руси пустели, шло широкое освоение неплодородных, лесистых земель северо-востока. Наблюдавшийся после перехода к раздробленности экономический и культурный подъем русских земель, в том числе рост городов, был прерван в 1237 г.

⁵ В XVIII – первой пол. XIX в., по мнению некоторых исследователей, доля горожан в России снижалась [35, с. 377].

Монголо-татарское завоевание и иго (1237–1480) охватило подавляющую часть (до 70%) всего периода раздробленности на Руси. При этом сама раздробленность приобрела большие размеры, чем в Польше и других славянских странах [30, с. 269]. Нашествие и длительное господство свирепых кочевников, качественно уступавших Руси по уровню культуры (разве что кроме военной), привели к массовой гибели и угону в рабство людей, к небывалому разорению (особенно городов), к резкому ослаблению русских земель и к определенной изоляции их от Европы. Более того, наложившись на ряд специфических черт древнерусского общества, иго оказало «деформирующее» влияние почти на все сферы жизнедеятельности и в итоге способствовало изменению «вектора», типа развития Руси. В частности, рост вотчинной собственности еще более затормозился, а государственной – вновь стал увеличиваться, поскольку с него было удобнее платить ордынский «выход». Даже к XVI в. доля светского землевладения в России была невелика, а подавляющую часть земельного фонда составляли государственные, черные земли, раздававшиеся в кормление боярам, детям боярским, а затем и в виде поместий – дворянам и боярам. Поскольку основная часть феодалов погибла в ходе монголо-татарского завоевания и ига, а оставшиеся (главным образом, выходцы из непривилегированных слоев населения, привычные к подчинению) оказались тесно привязаны к Орде, то слабые и специфические ростки вассалитета были почти вытеснены деспотическими традициями, отношениями «государь – холоп» в самой жесткой форме. Отчасти столь мощному влиянию ига благоприятствовало то, что в Северо-Восточной Руси, ставшей центром формирования Российского государства, вотчинное землевладение было особенно слабо (оно зародилось, по-видимому, лишь в сер. XII в. и еще в XIV в. оставалось редкостью), а власть князя традиционно была более сильной, чем в других русских землях⁶.

⁶ Проблема влияния монголо-татар на Русь традиционно является дискуссионной. Аргументы в пользу вышеприведенной точки зрения см.: [9, с. 50, 51; 18, с. 39–42, 45; 19, с. 55–58 и др.].

Таким образом, если ордынское иго резко развернуло Русь от европейского пути развития, то Польша, напротив, все более европеизировалась и интегрировалась в западный мир. В XIV–XV вв. она находилась пусть и не на западноевропейском, но уже на качественно более высоком, чем Русь, уровне социально-экономического, политического и культурного развития. Вместе с тем немецкая угроза стала одним из важнейших факторов всей польской истории. Хотя в XIV в. Польша заняла Галицкую Русь, сама она – в результате наступления Тевтонского ордена, а отчасти и ослабления страны в результате междоусобиц, набегов монголо-татар (в 1241, 1259–1260, 1287–1288 гг.), а также литовцев, ятвягов, чехов и т.д. – за полтора века потеряла выход к морю и порядка 60% (!) своей территории – примерно 150 тыс. из 250 тыс. км² [4, с. 20, 21].

Единое государство в Польше в основном создано уже в первой четверти XIV в. при Владиславе Локетке, а в России – в конце XV – начале XVI в. при Иване III. Но гораздо важнее было то, что качественно иными были механизмы его формирования, а отсюда – характер государства, положение феодалов, горожан и церкви. В Польше еще до создания единого государства земля светских феодалов освобождалась от большинства государственных податей (что рассматривалось как свидетельство «свободы»), короли не смогли сломить эту традицию и лишь расширяли свой домен. В России представление о боярской (или детей бояр) собственности было иным, и создание единого государства привело к ограничению подобных привилегий. Польское королевство складывалось из бывших княжеств Пястов со своими органами и политической элитой, которая даже после создания единого государства сохранила монополию на занятие должностей в своей земле, издавала региональные сборники законов, участвовала в международных переговорах. В России местные (бывшие княжеские) элиты занимали должности в своих землях лишь поначалу после объединения. Постепенно, в течение примерно столетия, они потеряли свои привилегии, обзавелись вотчинами в других уездах, а в итоге перестали быть выразителями местных интересов и вошли в состав формирующей правящей элиты государства [10, с. 5–12; 18, с. 48–68, 210; 54]. Все это обусловило гораздо большую централизацию Российского государства, деспотизм ее власти.

Польское шляхетство наращивало свои традиционные свободы. С XIII в. в княжествах быстро развивались (на основе вечевых традиций) сеймы. Удельные княжества стали походить на небольшие сословные государства. С последней четверти XIV в. стали проводиться общегосударственные съезды феодалов, на которых решались важнейшие вопросы внутренней и международной жизни страны. В 1422 г. дворянство добилось от короля обязательства не конфисковывать их имения без постановлений суда, а в 1430 г. – личной неприкосновенности: отныне дворянина нельзя было арестовать или карать без судебного приговора. (В России это произошло лишь в 1762 г.) С 1453 г. сейм стал заседать отдельно от королевского совета, что позволяет его рассматривать как парламент. Вальный сейм – в составе Сената и Посольской избы – стал с конца XV в. центральным, решающим органом власти в Польском королевстве (при этом рост свобод и привилегий шляхты сопровождался падением политического влияния городов) [22, с. 30, 31; 28, с. 23, 24, 29, 30, 34, 35 и др.].

В России, во всяком случае на протяжении подавляющей части XVI–XVII вв., наблюдались лишь ростки сословно-представительной монархии. Земские соборы главным образом внешне, по некоторым параметрам напоминали польские сеймы до обособления их от королевского совета, да и просуществовали немногим более столетия. Все сословия и даже феодалы находились в жесткой зависимости от государства и почти не имели защиты от царского произвола. Бояре и дворяне с молодых лет и до старости обязаны были служить государю; у них могли отобрать не только поместье, но и вотчину; их могли подвергать телесным наказаниям (!); почетным титулом для бояр с конца XV в. стало «холоп» царя⁷.

⁷ Некоторые авторы видят в уничижительном именовании бояр лишь ордынскую практику. Однако совпадение этого названия с русским названием раба вряд ли было случайным. После падения ига оно сохранялось более двух веков, а в 1702 г. было заменено Петром I на «раб царя» для всех подданных. Обращение «холоп» отражало во многом бесправный статус даже высших русских феодалов, во всяком случае по отношению к политически сильному царю, и кардинально отличало их положение от европейских феодалов, с их традиционными правами, замками, представлениями о неотъемлемых свободах и дворянской чести.

Верховная власть была сильно сакрализована, и царь, согласно византийской традиции, считался даже не помазанником (как некоторые западноевропейские короли), а наместником божьим⁸. В Европе аналогов такой деспотии не было.

В противоположность самодержавному «служилому государству», в Польше уже в сер. XIV – XV вв. сложилась сословно-представительная монархия, а в XVI–XVII вв. – шляхетская демократия, фактически своеобразная феодальная республика, с выборными королями и «либерум вето» [28, с. 76, 78]. Такое государственное устройство – с противоположным «знаком», чем российское, – выделяло Речь Посполитую на фоне европейских стран. Таким образом, в раннее Новое время две соседние, преимущественно славянские страны представляли собой крайние, полярные варианты политических режимов в Европе.

Вместе с тем с XVI столетия у России и Польши вновь появляются и отдельные общие типологические черты – нехарактерные для Западной Европы, – в виде крепостного права (хотя и вызванного разными по большей части факторами) и многонационального характера единых государств. Существовавшие в России в середине XVI – середине XVII в. земские соборы внешне, как уже отмечалось выше, напоминали польский сейм до обособления его от королевского совета.

Оба рассматриваемые государства территориально были самыми крупными в Европе. Фактически они являлись специфическими, по западноевропейским меркам, но империями, причем с разными государственными религиями и с близким, а отчасти и совпадавшим этническим составом. Это не могло не породить между ними острой многовековой конкуренции в Восточной Европе.

Само создание в 1569 г. Речи Посполитой, распростершейся более чем на 0,8 млн км² между Балтийским и Черным морями, явилось в значительной мере реакцией на стремительное укрепление и территориальное расширение Московского царства. Уже

⁸ Во всяком случае, данную точку зрения защищает ряд историков. См., напрмер, *Филлошкин А.И.* Термины «царь» и «царство» на Руси // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 144.

в результате Ливонской войны Польша отвоевала у России Ливонию и Полоцкую землю. С конца XVI в. в Речи Посполитой ухудшалось положение православного населения, предпринимались попытки его окатоличивания и полонизации. В начале XVII столетия в период русской Смуты поляки попытались объединить варшавский и московский престолы. В глобальном плане их вторжение в Россию и затем противоборство со шведами и русскими можно рассматривать не только как продолжение давней традиции вмешательства в борьбу за власть друг у друга, но и как специфический эпизод эпохи религиозных войн в Европе 1546 (1559) – 1648 гг. В итоге длительного военно-политического и религиозного противостояния Российское государство смогло приобрести территории на западе, юге (включая Левобережную Украину) и обезопасить себя от польской угрозы, но преимущественно расширилось все же на восток, «по следам» монгольского нашествия. В русской литературе и массовом сознании в XVII–XIX вв. возник и утвердился негативный образ соседей, национальный стереотип с акцентом на «гонор», кичливость и ненадежность «полячишек». В Польше же стали доминировать стереотипы, подчеркивавшие несвободу России, деспотизм власти и рабскую покорность ей «москалей», их более низкую культуру [46, с. 10–12, 25, 26, 49, 50 и др.].

Вместе с тем, если с XIII в. пути исторического развития двух стран принципиально расходятся, то с XV в. – на фоне качественных, теперь уже цивилизационных различий в большинстве сфер жизнедеятельности и в условиях военно-политической, религиозной конкуренции – усиливаются взаимный интерес и контакты друг с другом. Бурно растет торговля между двумя странами. Из Речи Посполитой в Россию проникла культура барокко, ставшего первым общим для всех славян стилем [14, с. 10, 11; 56, с. 32, 35, 36]. В целом в XVII столетии Польша (а отчасти и Украина, Белоруссия) стала важнейшим каналом, через который в Россию проникали европейское влияние и мода. Первые западники, появившиеся у нас в XVII в., были в значительной мере полонофилами. По повелению царя Алексея Михайловича его старшие сыновья Алексей и Федор были обучены польскому и латинскому языкам. Знали польский и царевна Софья, и ряд государственных деятелей.

А.Л. Ордин-Нащокин мечтал о «династическом соединении» России и Польши под властью московского царя или его сына. В то же время для противостояния католической Речи Посполитой в Москве активно приглашались протестанты. В доме одного из первых московских западников А.С. Матвеева воспитывался Петр I. Другим западником, предшественником Петра I, был В.В. Голицын, вынашивавший, по некоторым сведениям, альтернативный вариант модернизации России [41, с. 65, 67–69, 72, 116, 117, 119–122, 133–136, 141 и др.].

Еще с середины и особенно с конца XVII в. из-за крайней слабости, нестабильности королевской власти в Речи Посполитой и опустошительных войн соотношение сил между двумя странами стремительно менялось в пользу России. Вхождение в состав Российской империи оказалось весьма болезненным для Польши, ее национального сознания. (У нас зачастую недооценивается острота и драматизм потери национальной независимости для поляков.) С конца XVIII в., с трех разделов Речи Посполитой (и затем и в XX в.) оно формировалось во многом как антироссийское.

Эпоха Просвещения затронула Польшу и Россию позднее, чем Европу, ей не был присущ французский антиклерикализм, но она способствовала распространению грамотности, научных знаний и индивидуализации культур. В целом же переход к культуре Нового времени в Польше оказался ближе к западноевропейской модели, чем в других славянских странах. В отличие от них, в Польше (и в России) не было эпохи Национального Возрождения. Наблюдалось разве что усиление интереса к национальным традициям, истокам. Вместе с тем невозможность легальной политической жизни, бывшей ключом в Речи Посполитой, ограничение сферы «дозволенной» практики и внешнее давление не только подтолкнули массовую эмиграцию поляков, но и явились одними из факторов расцвета польской культуры, научного творчества в XIX – начале XX в. [14, с. 11, 12; 23, с. 17, 37, 117, 118, 126, 132], а также относительной устойчивости религиозных традиций.

Обширный рынок Российской империи способствовал развитию польской индустрии. С 1870 по 1913 г. ВВП Польши вырос в 2,9 раза – больше, чем общероссийский. Удельный вес ее

экономики в российской увеличился примерно с 19 до 20%. Если в 1870 г. по ВВП на душу населения Польша незначительно превышала Россию (946 и соответственно 943 долл.), то в 1913 г. – уже существенно (1739 и 1488 долл.). Был превзойден и средний уровень по Восточной Европе⁹. Российская Польша была наиболее индустриально развитым, а политически – самым «беспокойным» регионом империи, активнее других боровшимся за свою независимость. Борьба поляков за независимость имела общеевропейское значение. К. Маркс писал, «что сила и жизнеспособность всех революций, начиная с 1789 г., довольно точно измеряется их отношением к Польше» [26, с. 67].

После обретения независимости Польша превратилась в сравнительно крупное государство, занимавшее пятое место в зарубежной Европе по территории и населению. Пути развития «Второй Речи Посполитой» и СССР кардинально разошлись. Имея 1286-километровую общую границу, обе страны подавляющую часть межвоенного периода (1918–1939 гг.) рассматривали друг друга как главного противника, врага № 1. До 1925 г. советские спецслужбы вели против Польши «активную разведку» (партизанско-диверсионную деятельность). С территории Польши велась подрывная работа против СССР. В 1926 г. Ф.Э. Дзержинский уверял политическое руководство в том, что Польша готовится напасть на СССР [55, с. 658].

Возможно, в какой-то мере сказались и личные счеты Дзержинского с Ю.К. Пилсудским. Соперничество двух харизматичных лидеров носило давний характер. Остроту ему придавало их землячество, в молодости – относительная близость идеологий

⁹ Для характеристики уровня экономического развития ключевым показателем является ВВП на душу населения (в сочетании со структурой экономики). Его историческая статистика разработана Ангусом Мэддисоном. По некоторым показателям она носит спорный характер, но в целом она дает возможность корректных сопоставлений разных стран в различные исторические эпохи. Кроме специально оговоренных, все расчеты здесь приведены в международных долларах 1990 г. Подсчитано автором по: [59, р. 98, 100]. Эти цифры носят сугубо приблизительный характер, поскольку Польша, ее экономика была разделена между Российской, Германской и Австро-Венгерской империями.

(оба были социалистами), политические амбиции и мессианский настрой. После поражения в Польше 1920 г. своеобразные личные счёты – но уже к стране в целом – появились у И.В. Сталина. В СССР велась масштабная пропаганда против «панской Польши». Считалось, что более 2/3 ее территории – 260 тыс. из 386 тыс. км² – составляли области, отторгнутые от России (из них по Рижскому договору 1921 г. – 140 тыс.) [3, с. 10, 11, 51, 215]. Польское население в СССР рассматривалось как потенциальная база для подрывной работы польских спецслужб и подверглось целенаправленным репрессиям.

В 1920-х гг. на фоне бурных событий ранней советской истории (Гражданской войны, введения, а затем свертывания нэпа и массовой коллективизации) Польша успешно развивалась. Если в 1913 г. ее ВВП составлял примерно 20% от российского, то в 1929 г. – почти 25% (24,7%). ВВП на душу населения в СССР в тот год составил лишь 1386 долл., т.е. не достиг уровня 1913 г, а в Польше – в 1,5 раза больше – 2117 долл. Однако в 1930-е гг. – в связи с Великой депрессией и другими факторами – рост польской экономики существенно замедлился. В 1938 г. ВВП страны составлял лишь 16,7% от советского, опустившись ниже досоветского. На душу населения ВВП Польши почти не вырос, и СССР подошел к нему вплотную (2182 и 2150 долл.) (подсчитано автором по: [59, р. 98, 100]).

В послевоенный период из-за принудительной советизации Польши пути развития двух стран вновь стали сближаться. В 1950–1985 гг. польская экономика росла темпами, сопоставимыми с советской, но все же чуть медленнее. Ее удельный вес по отношению к последней опустился с 11,9 до 11,3%, а по ВВП на душу населения Польша впервые уступила СССР (на 1988 г. – 5789 и 7031 долл.). Таким образом, в советском блоке, на пути социализма Польша развивалась хуже, чем в составе Российской империи. Это обстоятельство создавало объективную основу для относительной – на фоне других социалистических стран – непопулярности социализма в ПНР. А ведь это было далеко не единственным и, возможно, даже не главный фактор «польского диссидентства» в «социалистическом лагере». Не случайно Л.И. Брежнев как-то обмолвился, что социализм подходит Польше «как корове седло». Из ПНР в СССР проникало определенное свободомыслие,

новые веяния в художественной, бытовой, отчасти в политической жизни. В советской литературе 1960–1970-х гг. поляк нередко становился примером свободолюбия [46, с. 28, 29].

Крушение социализма, начало рыночных реформ в двух странах – где Польша с ее опытом «шоковой терапии» поначалу выступала ориентиром для России, а Лешек Бальцерович был гуру для команды Е.Т. Гайдара, – казалось, закладывали новую основу для сближения. Однако с конца 1990-х и с 2000-х гг. пути развития наших стран вновь разошлись. Это проявилось не только во вступлении Польши в НАТО и в ЕС. В 1990–2000-х гг. польская экономика совершила рывок по отношению к российской. С 1985 по 2001 г. удельный вес ВВП Польши относительно экономики РФ повысился почти вдвое: с 11,3 до 21,5% (подсчитано автором по: [59, р. 98, 101]). В 2017 г., исходя из данных МВФ (в текущих ценах), ВВП Польши составил уже 29,6% от РФ. По ВВП на душу населения Польша в 2017 г. опередила РФ в 1,3 раза (13 833 и 10 608 долл.). Разрыв приближается к соотношению конца 1920-х гг. По ВВП на душу населения Польша занимает 55-е место в мире, а РФ – 62-е место (подсчитано автором по: [51]). При этом в структуре польской экономики гораздо меньший удельный вес занимают сырьевые отрасли.

В отличие от России, поляки в XX в. пусть вынужденно, но отказались от своего имперства, от притязаний на «Кресы всходни» и взяли курс на тесную интеграцию в Европу, в Евроатлантическое сообщество. Этот путь породил новые проблемы (в том числе в сфере национальной идентичности, массовых миграций, нехватки крупных отечественных инвесторов и пр.), но в целом дал Польше долгожданную стабильность и позволил ей успешно развиваться. Будучи одной из наиболее динамичных стран в Европе, в 2018 г. она перешла из категории развивающихся стран в развитые (став среди этой группы 25-й страной) [43].

Литература и источники

1. Алексеев С.В. Славянская Европа V–VIII вв. М.: Вече, 2009.
2. Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Н. Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты. М.: Институт российской истории РАН, 1999.

3. Будкевич С. Польша. Военно-географический и военно-статистический очерк с приложением карты. М.: Высший военный редакционный совет, 1924.
4. «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. (Перевод и комментарии) / Под ред. В.Л. Янина; сост. Л.М. Попова, Н.И. Щавелева. М.: Изд. Моск. ун-та, 1987.
5. Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. М.: Изд. АН СССР, 1961.
6. Гачев Г. Национальные образы мира. Соседи России. Польша, Литва, Эстония. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
7. Головкин А.Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII в. Киев: Наукова думка, 1988.
8. Горский А.А. О «феодализме»: «русском» и не только // Средние века. 2008. Т. 69. № 4.
9. Горский А.А. Русские земли в сер. XIII–XV в. // История России с древнейших времен до конца XX в. / С.В. Леонов – отв.ред. М.: Дрофа, 2000.
10. Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 4.
11. Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 1999.
12. Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015.
13. Зентара Бенедикт. Старая Россия: Деспотизм и демократия. Изд. 2-е. Вел. Новгород, 2016.
14. История культур славянских народов. В 3-х тт. Т. 1. Древность и Средневековье / Отв. ред. Г.П. Мельников. М.: ГАСК, 2003.
15. История России с древнейших времен до 1861 г. / Под ред. Н.И. Павленко. М.: Высшая школа, 1998.
16. История южных и западных славян. В 2-х т. Т. 1. М., 2001.
17. Кертман Л.Е. География, история и культура Англии: учеб. пособ. Изд. 2-е, перераб. М.: Высшая школа, 1979.
18. Кобрин В.В. Власть и собственность в средневековой России. М.: Мысль, 1985.
19. Кобрин В.В., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С. 55–58.
20. Королюк В.Д. Западные славяне и Киевская Русь в X–XI вв. М.: Наука, 1964. С. 88.
21. Королюк В.Д. Славяне и восточные романцы в эпоху раннего Средневековья (Политическая и этническая история). М.: Наука, 1985.
22. Краткая история Польши с древнейших времен до наших дней. М., 1993.
23. Культура народов Центральной и Юго-восточной Европы в XVIII–XIX вв. М.: Наука, 1990.

24. Культурные связи России и Польши IX–XX вв. М.: УРСС, 1998.
25. *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005.
26. *Леонов С.В.* К вопросу о влиянии Византии на русскую историю // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 6 (12).
27. *Леонов С.В.* Россия и Польша в Средневековье и раннее Новое время: общие и особенные черты развития // От традиционного общества к гражданскому: особенности национальных транзитов. Матер. междунаучн. конф. 23–25 апр. 2015 г. М.: МПГУ, 2015.
28. *Ливанцев К.Е.* Сословно-представительная монархия в Польше, ее сущность и особенности (II пол. XIV – конец XV в.). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968.
29. *Ловмянский Г.* Религия славян и ее упадок (VI–XII вв.). СПб.: Академический проект, 2003.
30. *Ловмянский Х.* Русско-литовские отношения в XIV–XV вв. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посв. Л.В. Черепнину. М.: Наука, 1972.
31. *Ловмянский Х.* Русь и норманны. М.: Прогресс, 1985.
32. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. Т. 29.
33. *Мельникова Е.А.* Возникновение Древнерусского государства и скандинавские политические образования в Западной Европе (сравнительно-типологический аспект) // Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия: избр. труды. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011.
34. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998.
35. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
36. *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне // Древнейшие государства Восточной Европы. 2007 г. М., 2009. С. 275–277.
37. *Назаренко А.В.* К спорам о происхождении названия Киева, или о важности источниковедения для этимологии // Древнейшие государства Восточной Европы. 2007 г. М., 2009.
38. *Паушто В.Т.* Место Древней Руси в истории Европы // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посв. Л.В. Черепнину. М.: Наука, 1972.
39. *Паушто В.Т.* Русь, Прибалтика, папство // Древнейшие государства Восточной Европы. 2008 г. М., 2011.
40. *Петрухин В.Я.* Феодализм перед судом русской историографии // Феодализм перед судом историков. Одиссей: человек в истории. 2006.
41. *Платонов С.Ф.* Москва и Запад в XVI–XVII вв. Л.: Сеятель, 1925.
42. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть Временных лет. Ленинград, 1926.

43. Польша вошла в число стран мира с наиболее развитыми рынками. <https://www.rbc.ru/kaliningrad/24/09/2018/5ba8f7cc9a7947a286d62bb6> (дата обращения: 2.02.2019).
44. *Приходнюк О.М.* Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования). Воронеж: Воронежский ун-т, 1998.
45. Польша и Русь: Черты общности и своеобразие исторического развития Руси и Польши. XII–XIV вв. / Под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1974.
46. Поляки и русские в глазах друг друга / Отв. ред. В.А. Хорев. М.: Индрик, 2000.
47. *Свак Д.* «Дурно» ли говорить о «русском феодализме» (К историографии вопроса) // Труды института российской истории РАН 1997–1998. Вып. 2. М.: ИРИ РАН, 2000.
48. *Свердлов Б.М.* Становление феодализма в славянских странах. СПб.: Изд. Дмитрий Буланин, 1997.
49. *Седов В.В.* Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979.
50. *Седов В.В.* Славяне: Историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры, 2002.
51. Список стран по ВВП (номинал) и по ВВП (номинал) на душу населения. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_ВВП_\(номинал\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_ВВП_(номинал)); [https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_ВВП_\(номинал\)_на_душу_населения](https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_ВВП_(номинал)_на_душу_населения) (дата обращения: 2.02.2019).
52. *Тымовский М., Киневич Я., Хольцер Е.* История Польши. М.: Весь мир, 2004.
53. Феодализм: понятия и реалии: Матер. кругл. стола. Москва, 25 апр. 2005 г. М.: ИВИ РАН, 2008.
54. *Флоря Б.Н.* Два пути формирования общегосударственной политической элиты (На материале, относящемся к истории Польши XIV в. и Русского государства XV–XVI вв.) // Восточная Европа в древности и Средневековье. Развитие государства: проблемы политогенеза. М., 2011.
55. Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926 / Сост. А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2006.
56. *Хорошкевич А.Л.* Россия и мировые торговые пути конца XV в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посв. Л.В. Черепнину. М.: Наука, 1972.
57. *Чубарова В.В.* Представление о славянах в Польше: веки истории // Славяноведение. 2016. № 2.
58. *Шинаков Е.А.* Образование древнерусского государства: Сравнительно-исторический аспект. Брянск: Изд. БГУ, 2002.
59. The World Economy: Historical Statistics by Angus Maddison. OECD Development Centre of The Organization For Economic Cooperation and Development, 2003.

Ланцева Анна Михайловна,
*кандидат культурологии;
доцент кафедры
славяноведения и культурологии
Российского государственного
университета им. А.Н. Косыгина
Института славянской культуры*

ГИМНОГРАФИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ СВЯТОГО ВОЙТЕХА-АДАЛЬБЕРТА В КОНТЕКСТЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЧЕШСКО-ПОЛЬСКИХ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В докладе рассматривается значение религиозного сознания в историко-культурном контексте польского Средневековья. В данном ракурсе представлено почитание жившего в X в. св. Войтеха, небесного патрона Чехии и Польши. Автор уделил особое внимание западнославянской гимнографии, у истоков которой стоял, по преданию, епископ Войтех-Адальберт. Выделены самые древние песнопения Чехии и Польши: «Hospodine, pomilujnu» («Господи, помилуй нас»), получившее распространение в Чехии на рубеже X–XI вв., и «Bogurodzica» («Богородица») – древний польский гимн, датируемый XIII–XIV вв. Рассматриваются их композиция, структура, социокультурное значение песнопений, их роль в межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: святой Войтех, культ святого, кирилло-мефодиевское культурное наследие, Польша, Чехия, средневековая западнославянская гимнография

Lantseva Anna Mikhailovna,
Candidate of Cultural Studies;
associate professor,
Department of Slavonic and Cultural Studies,
Institute of Slavonic Culture,
Russian State University
named after A.N. Kosygin

**THE HYMNOGRAPHY
OF ST. VOJTĚCH-ADALBERT
IN THE CONTEXT OF MEDIEVAL
CZECH-POLISH CULTURAL RELATIONS**

Abstract. The paper examines the historical and cultural context of the Polish Middle Ages and the significance of religious consciousness in this period. This article presents the importance of the honoring the st. Vojtěch, the saint patron of the Czech Republic and Poland, whose cult spread throughout the Central Europe. The author pays attention to the West Slavonic hymnography. According some legends at the origins of the West Slavonic hymnography stand the Bishop Vojtěch-Adalbert. We also specially designated the most ancient hymns of the Czech Republic and Poland. There are “Hospodine, pomilujny” (“Lord, have mercy on us”), which became widespread in the Czech Republic at the end of the 10th – beginning 11th centuries, and “Bogurodzica” (“Mother of God”) – the ancient Polish hymn dated XIII – XIV centuries.

Key words: the st. Adalbert, the cult of the saint, cultural heritage of saints Cyril and Methodius, Poland, Czech Republic, the medieval West Slavic hymnography

Культ св. Войтеха широко распространен как в Польше, так и в Центральной Европе в целом и является важным элементом историко-культурного наследия данного региона. Кем был этот человек? Монах и епископ, ученый и поэт, скромный паломник и миссионер, друг императора Священной Римской империи Оттона III и королей Центральной Европы, уроженец Чехии, ставший национальным патроном Чехии и Польши и получивший европейскую известность. Святого Войтеха также именуют «апостолом

славян». Именно он, будучи славянином по происхождению, распространял в Европе знания о кирилло-мефодиевской культурной традиции и ее последователях, а вместе с тем о западных славянах как о славных мужах, всегда готовых на компромисс и культурный диалог. В этом плане Войтеха можно назвать продолжателем миссии святых солунских братьев.

Будучи чехом по происхождению, волей историко-культурно-го процесса Войтех стал краеугольным камнем польской истории. Польша во многом обязана Войтеху появлением самостоятельной церковной организации. После канонизации Войтеха папой Сильвестром II на месте погребения останков святого в Гнезно было основано первое польское епископство¹. Последующая встреча императора Священной Римской империи Оттона III и польского князя Болеслава I Храброго на могиле святого Войтеха сделала Польшу значимым политическим компонентом семьи европейских государств [10, s. 119–120; 20].

Средневековые жития епископа Войтеха-Адальберта, приписываемые бенедектинским монахам Яну Канапариусу [16] и Бруно Кверфуртскому [8], сообщают о том, что будущий епископ Праги родился около 956 г. в семье чешского князя Славника и был шестым из семи его сыновей. Когда юному Войтеху исполнилось 16 лет, он был направлен на обучение в Магдебург (Германия), где получил образование в кафедральной школе. Духовным наставником и учителем юного Войтеха был архиепископ Адальберт, имя которого впоследствии Войтех взял себе. Практически во всех европейских странах Войтех известен под этим именем. В пастырском служении он проявлял аскетизм, смирение, которые сочетались с трудолюбием и настойчивостью на пути достижения цели.

В Чехии Войтех основал старейший в Праге бенедектинский Бржезновский монастырь (освященный 14 января 993 г. [19]), куда он привез итальянских монахов-бенедектинцев. Именитый

¹ По свидетельству чешского хрониста Козьмы Пражского, в 1039 г. в ходе Польско-чешской войны мощи Войтеха были перевезены в Прагу князем Бржетиславом I. Однако в 1127 г. они были чудесным образом обретены в кафедральном соборе в Гнезно. До сих пор и чехи, и поляки полагают, что именно в их стране покоятся истинные останки святого [11, s. 175–176].

чешский род Славниковичей конфликтовал с правящей династией Пршемисловичей, и это сказалось на судьбе чешского епископа: Войтеха часто изгоняли из своей страны. За свою жизнь Войтех побывал во Франции, Германии, Италии, Венгрии².

Приблизительно на рубеже 996–997 гг. Войтех оказался при дворе польского князя Болеслава Храброго. По его просьбе он отправился в качестве миссионера к язычникам-пруссам (к востоку от устья Вислы), где и погиб. По преданию, он был убит язычниками-лютичами в двенадцатый день своей миссии. Знаменательно, что день смерти Войтеха мог выпасть на пятницу Страстной седмицы, когда весь христианский мир молитвенно вспоминает смерть Господа Иисуса Христа. Таким образом, мученическая кончина Войтеха ознаменована особым смыслом и Божиим провидением. Место смерти святого доподлинно неизвестно, однако польские ученые склонны полагать, что местом упокоения Войтеха является деревня Тенкитен (современное название – пос. Береговое Калининградской области) [5]. Таким образом, этнический чех, проповедовавший по просьбе польского правителя, обрел венец мученика на земле, принадлежащей ныне России.

Святой Войтех был почитаем и в Древней Руси вплоть до XV в. Об этом свидетельствует то, что имя Войтеха встречается в русском сборнике молитв XIII в., а также в «Хронографе» XVI в. западнорусской редакции. Известно, что русский князь Изяслав (Ярославович), женатый на польской княжне Гертруде (дочери польского князя Мешко II), будучи в Гнездно, оставил вышитый русскими мастерицами покров на гробнице св. Войтеха [6].

С XV в. и вплоть до настоящего времени многие вопросы жизни и деятельности Войтеха относительно византийско-славянского вопроса в богослужении дискуссионны. Книжники Средневековья считали его врагом славянской литургии. Но он им не был, т.к. византийское богослужение напоминало ему древнюю литургическую традицию. В древнерусском памятнике XV в. «Сказание о русской грамоте», который сохранился в нескольких редакциях,

² Есть неподтвержденное свидетельство того, что Войтех крестил венгерского короля Стефана I (Иштвана).

фигура Войтеха предстает в роли немецко-латинского религиозного деятеля [1, с. 553–558]. Такая характеристика святого вряд ли сообразна действительности [4, с. 148–149]. Значимые моменты из его жития убеждают нас в том, что Войтех был далек от католической политики экспансии и прозелитизма. Доказательствами недостоверности фактов «Сказания» служат и биографические сведения о жизни и деятельности Войтеха: Либице, где родился Войтех, было средоточием славянского богослужения, а монастырь св. Алексея на Авентине, где подвизался святой, подчинялся Константинопольскому патриархату и был стартовой площадкой для подготовки духовенства в славянские страны. Таким образом, можно полагать, что холистической целью Войтеха было создание под римским началом единой религиозно-культурной общности христианского славянства.

Доказательством славянских взглядов Войтеха служит дошедшая до нас гимнография на славянском языке. Это древнейшие песнопения «Господи, помилуй нас» и «Богородица Девица», где прослеживается западный извод старославянского языка.

Крупным центром славянской письменности в Чехии в период раннего Средневековья стал основанный святым отшельником Прокопом Сазавский монастырь. Монастырь поддерживал духовные и культурные отношения с другим оплотом славянского православия – Киево-Печерской Лаврой [3, с. 10–12]. Возможно, именно братия Сазавского монастыря подвигла Войтеха к написанию славянских песнопений.

Песнопения «Господи, помилуй нас» и «Богородица Девица», скорее всего, исполнялись во время славянского богослужения западного обряда, т.к. они имеют характерные восточнославянские черты. С середины XI в. эти песнопения были уже полностью вытеснены из латинского богослужения, заняв свое место в системе нелитургических, внебогослужебных жанров, которые отражали общественно-религиозные и государственные тенденции той эпохи.

Самым старшим чешским гимнографическим памятником на славянском языке считается песнь «Господи, помилуй нас»,

которая пелась во время церковных и светских празднеств, паломничеств на святые места, а также во время эпидемий и военных действий. По поводу даты и места возникновения этого песнопения у чешских исследователей нет единой точки зрения. В настоящее время его датируют сер. X – нач. XI в. Есть факты, подтверждающие, что уже в 1055 г. это песнопение пел чешский народ [2]. Также имеется свидетельство, что данная песнь исполнялась при выборе Спитигнева II в 1055 г. Авторство этой песни приписывают Войтеху-Адальберту. Данный факт остается неподтвержденным, но известно, что святой Войтех писал песнопения на славянском языке во время своего пребывания в Польше. Вопросом генезиса песнопения «Господи, помилуй нас» занимались и польские филологи, которые находят лингвистические и музыкально-стилистические связи этого песнопения с другим польским песнопением «Богородица Девица», написанным Войтехом в Польше [6].

Первые упоминания о песнопении «Господи, помилуй нас» мы находим в чешской хронике Козьмы Пражского, относящейся к XII в. [2]. Здесь песнопение «Господи, помилуй нас» охарактеризовано как “cantantes Kyrieelison cantilenamdulcem” («сладкие песни “Kyrieelison”»). Упоминание о пении этой песни находим также у летописца Вацлава Гаека из Либочан, при описании государственных торжеств по случаю возвращения с коронационной процессии в Прагу Пржемысла Отакара I, а затем при торжественном въезде Вацлава I в Прагу (в августе 1249 г.) [13]. В XIV в. император Карл IV, обращаясь к общеславянскому кирилло-мефодиевскому наследию, повелел исполнять песнопение «Господи, помилуй нас» в качестве славянского тропа на латинских богослужениях, а также во время чина коронации [18, s. 66–68]. Самая старая запись текста без напева и нотации приводится в рукописи примерно 1380 г. Впервые текст с нотацией записал бржегновский монах Ян из Голешова в трактате 1397 г. [17]. Другие напевы данной песни сохранились в рукописях XIV в. В годы Тридцатилетней войны (1618–1648) рукописные редакции песнопения были опубликованы пробстом пражской капитулы Шимоном Бросиусом из Горштейна.

Рис. 1. Текст с нотацией песнопения “Hospodine, pomilujny!”

В настоящее время текст песнопения «Господи, помилуй нас» (его нотацию см. рис. 1) в переводе на современный русский язык выглядит следующим образом:

Чешский текст	Транскрипция	Перевод
Hospodine, pomilujny!	Господине, помилуй ни!	Господи, помилуй нас!
Jezu Krite, pomilujny!	ЕзуКрите, помилуй ни!	Иисусе Христе, помилуй нас!
Ty, spase všehomira, spasižny i uslyšiž,	Ти, спасевшего мира, спасижны и услышиж,	Ты, Спасе всего мира, спаси же нас, и услышь же,
Hospodine, hlasynašě!	Господине, гласи наше!	Господи, гласы наши!
Daj nám všem, Hospodine, žizn a mír v zemi!	Дай нам všem, Господине, жизн а мир в зemi!	Дай нам всем, Господи, жизнь и мир в стране!
Krlēs! Krlēs! Krlēs!	Крлеш! Крлеш! Крлеш!	Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй!

Три раза «Господи, помилуй» в конце в греческом варианте “Kyrieieleison”, которое впоследствии трансформировалось в славянскую форму “Krlěš”, говорит о восточнохристианской (византийской) традиции. Как замечают чешские лингвисты и русский лингвист-эмигрант Роман Якобсон, в песнопении встречаются слова, входящие в единый праславянский лексикологический комплекс. Это такие слова, как «жизнь» (по-чешски – *život, živobyť, žití*), «мир» (*klid, smír, pokoj*), дай (*dej*), «ны» (*nás*), «помилуй ны» (*smilujse*). Это объясняется тем, что чешский язык вплоть до XIII в. еще не успел окончательно оформиться как самостоятельный и представлял собой старославянский западного извода.

Форма песнопения «Господи, помилуй нас» строфическая: восемь нерифмованных строк без ритма и строфических членений. Текст песнопения представляет собой вольный славянский перевод просительной ектеньи в восточном богослужении или литании всем святым в западном богослужебном обряде. Произведение одноголосное со свободной ритмикой, написанное без тактовых черт, которые появились в нотации гораздо позднее. Мелодия следует за интонационными особенностями языка. Наблюдается восходяще-нисходящее движение мелодии, опеваются слова **Господь, Спаситель, спаси** с помощью восходящей ямбической секунды. Напев песни представляет собой спокойную, не ломанную волнообразную мелодическую линию, не превышающую диапазон чистой кварты. В мелодии отчетливо прослеживаются интонации церковных напевов, как знаменного распева, так и западного григорианского хорала, старославянского восточного происхождения, что, в частности, отражено в речитативном характере песнопения.

Другое песнопение «Богородице Девице» датируется второй половиной XIII в. В настоящее время его считают старейшим памятником польской церковной поэзии [14; 21, s. 34–47]. На протяжении веков набожные поляки называли эту славянскую песнь “Canticum Sancti Adalberti” («Песня святого Адальберта»), “Testamentum Sancti Adalberti” («Завещание святого Адальберта»).

Оригинал текста песни, известной из краковской рукописи, состоит из двух стоф. Первая, содержащая 6 строк, содержит обращение верующих к Деве Марии о ходатайстве Ее перед своим Сыном,

Иисусом Христом, за всех грешных христиан. Вторая строфа, состоящая из 7 строк, – это молитва к Иисусу Христу, Сыну Божьему, о даровании христианам благочестивой жизни на земле, а после окончания земной жизни – Царствия Небесного и пребывания в раю вместе с праведниками.

Как и песнопение «Господи, помилуй нас», каждая строфа «Богородицы» также заканчивается греческим рефреном *Kyrie eleison*, который в данной молитве исполняется один раз. Чешский лингвист, исследователь западных изводов старославянского языка Радослав Вечерка указывает на то, что в песнопении используется лексика старославянского языка наряду со старопольским и старочешским изводами. Это исследователь объясняет политическими причинами – экспансией великоморавского князя Святоплука Вислянского и Краковского княжеств, отсюда и чешско-польский культурный и лингвистический симбиоз [22, s. 46].

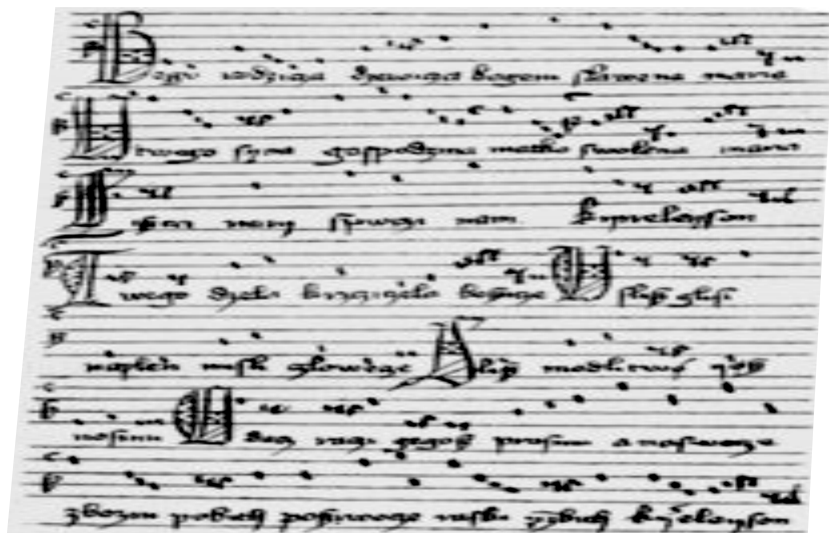

Рис. 2. Песнопение «Богородица».
Редакция Краковской рукописи, находящейся
в Ягеллонской библиотеке

Текст песнопения (рис. 2) следующий:

Bogvrodziczadzewicza
bogemslawenamaria
Vtwegosynagospodzina
matkoswolenamaria
Sziszcynam spwczinam
kyrieleyson.

Богородица Девица
Богом прославленная Мария
Твоим Сыном, Господом
Мать избранная, Мария!
Пошли нам Твоего Сына
Господи помилуй.

Twegodzelakrzczielaboszicze
Vsliszglosinaplenmisliczlowecze
Sliszmodlithwoyosznosimi
A daczraczigegoszprosimi
a nasweczczboznipobith
posziwoczera skipzbith
ky'eleyson.

Молим Твоего Владыку Божественного
Крестителя
Услышь гласы, наполни мысли людей
Услышь молитвы, с которыми мы к Тебе
приходим
Чтоб послать нам помощь (милость),
о которой мы просим
В мире благочестивое житие.
А после земной жизни пребывание
в раю.
Господи помилуй³.

Оригинал текста песни «Богородица» был первоначально написан от руки на свободном листе бумаги. Затем он был приклеен к внутренней странице дощатой обложки книги гомилий, написанных в 1407 г. кцынским викарием Мацеєм из Грохова [14, s. 22–23; 21, s. 34–47]. Уже тогда этот фрагмент песнопения был известен полякам как песнь “Bogurodzica” [7]. Речь идет о Краковской рукописи, более поздняя редакция которой хранится в Ягеллонской библиотеке под сигн. 1619aII. Текст песни «Богородица» по Краковской рукописи был позже записан и издан в 1506 г. в Кракове канцлером Яном Ласким в его так называемых статутах: “Communeincliti Regni Poloniae constitutionum” («Общие законы Царства Польского согласно конституции») – с указанием авторства Войтеха [9, s. 124–128; 23, s. 43–60].

Первоначально «Богородица», написанная на славянском языке, была песней исключительно церковной, она исполнялась во время латинских богослужений западного обряда. Позже

³ Текст на старопольском и ноты взяты из сборника песнопений, изданного в 1965 г. Яном Седлецким [15, s. 180–181].

песнопение стало также военным и коронационным гимном. Польский хронист Ян Длугош, назвав эту песнь “Carmen Patrium” («Песня отцов»), считает ее гимном Грюнвальдской битвы, т.к. перед этой кровопролитной битвой пелся гимн «Богородица». В XV в. количество строк «Богородицы» увеличилось в целом до 15. Известно, что с XVIII в. был издан синодальный указ, чтобы песнопение «Богородица» исполнялось собором духовенства гнездненского собора у мощей св. Войтеха каждое воскресенье. И эта традиция сохраняется вплоть до наших дней.

Во второй половине XX в. «Богородица» стала источником вдохновения для прославленных польских композиторов. В концовке симфонии “Sinfonia Sacra” Анджея Пануфника (1963), написанной по случаю 1000-летия крещения Польши, угадывается мелодия гимна. В 1975 г. Войцех Киляр написал «Богородицу» для хора и оркестра, а в 1982 г. Кшиштоф Мейер использовал древний гимн как главную тему в одной из частей «Польской симфонии», написанной в ответ на введение военного положения в Польше в 1981 г.

Сегодня, когда в словах «Европа» и «Европейский союз» мы в основном видим политико-экономический смысл, из тьмы деяний появляется фигура, напоминающая о гораздо более глубоком европейском измерении. Нынешняя Европа, в отличие от средневековой, существует без Бога, почти без традиционных устоев. Войтех намеревался восстановить былую мощь Римской империи, основанную на фундаменте христианской веры, на завете западных отцов Церкви: Тертуллиана и Августина («О Граде Божьем»). Войтех – символ духовного единства Европы. Он соединил западно- и восточнохристианскую традиции неразделенной Церкви. Христианство – это взаимодействие людей доброй воли. Войтех оказал неизгладимое влияние на сильных мира сего: императора Оттона, Стефана Великого (Венгрия), Болеслава Храброго из Польши, Болеслава Чешского. В эпоху расцвета богатства и светской власти Церкви Войтех проповедовал преимущества монашеской жизни, христианское смирение и тщетность благ мирских. Войтех старался консолидировать Польшу и Чехию, славянские народы Восточной и Центральной Европы. Славянские страны, будучи вписанными в систему западно-римских епархий, обогащали

западную культуру. Это, с одной стороны, продолжало кирилло-мефодиевскую миссию, с другой – было важным свидетельством славянского самосознания в Европе в целом и в Польше и Чехии в частности. В ходе двойного паломничества Папы Римского Иоанна Павла II в Прагу и Гнездно в память годовщины тысячелетнего юбилея со смерти святого в 1994 г. Папа назвал святого «первым чехом с истинно европейским значением, который наряду с европейскими патронами, святыми Кириллом и Мефодиеми Бенедиктом Нурсийским, является основателем христианской культуры в Европе, прежде всего в Центральной» [12].

Литература и источники

1. Живов В.М. *Slavia Christiana и историко-культурный контекст // Из истории русской культуры. Т. I. Древняя Русь. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 115–158.*
2. *Козьма Пражский. Чешская Хроника. Кн. 1, гл. 22. [Электронный ресурс]: URL: www.vostlit.info/Texts/rus/Cosmas/framekniga1.htm (дата обращения: 20.04.2019).*
3. Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности / под ред. А.И. Рогова. М.: Наука, 1970. 126 с.
4. *Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.). Т. 1. Praha: Slovanský ústav, 1935. 527 с.*
5. *Białkowska M. Tenkity – kultśw. Wojciecha w niepodzielnym Kościele. Available at: URL: https://www.przewodnik-katolicki.pl/Archiwum/2010/Przewodnik-Katolicki-41-2010/Archiepiscopia-Gnieznienska/Tenkity-kult-sw-Wojciecha-w-niepodzielnym-Kosciele (дата обращения: 12.03.2019).*
6. *Barłowska M. Silva Rerum Bogurodzica jako pieśń rycerska. Available at: URL: http://www.wilanow-palac.pl/bogurodzica_jako_piesn_rycerska.html (дата обращения: 12.03.2019).*
7. *Bogurodzica.ca 1408. Sign.1619 a II. Available at: URL: https://polona.pl/item/decisiones-rotae-romanae-collectae-a-guilelmo-horborch-secundum-thematum-ordinem,NzA4MzU5NjI/177/#info:metadata (дата обращения: 15.05.2019).*
8. *Bruno z Querfurtu Nasciturpurpleusflos. Životsvatého Vojtěcha / M. Kyrálová, J. Sláma (eds.). Praha: Vyšehrad, 2017. 125 s.*
9. *Dzianisz P., Kościelecka A. Najpierwdomiasta Gdańska. Gdańsk: Wydawnictwo BRYZA 1996. S. 124–128.*
10. *Dudek J. Emperor Otto III’s “advent” at Gniezno in March 1000 as evidence of the presence of the Byzantine ceremonials at the first Piasts’ court? //*

- Byzantinoslavica. Revue Internationale des études Byzantines. Praha, 2005. Roč. LXIII. S. 119–120.
11. *Hehl E.* Založení německého arcibiskupství z církevněprávního pohledu // *Střed Evropy okolo roku 1000 / A. Wiczorek, M. Hinz (eds.).* Praha, 2002. S. 175–176.
 12. *Henrix H.* Sv. Adalbert–Vojtěch z Prahy, evropský svatý. Available at: URL: <http://spolek-praha-cachy.cz/sv-adalbert-vojtech-z-prahy-evropsky-svaty.html> (дата обращения: 15.05.2019).
 13. *Hudba v český chdějinách od středověku do novověku.* Praha: Supraphon, 1983.
 14. *Chrzanowski I.* Historia literatury niepodległej Polski (965–1795). Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy (PIW) 1971. S. 22–23.
 15. *Kachlik J., Siedlecki J.* Śpiewnik kościelny. Wydawnictwo św. Krzyża w Opolu, 1965. S. 180–181
 16. *Kanapariusz J.* Vita sancti Adalberti episcopi Pragensis. Świętego Wojciecha żywot pierwszy. Gdańsk, 2009. 210 s.
 17. *Mazurek J.* Stručné dějiny evropské hudby. Ostrava: Montanex, 1992. 69 s.
 18. *Nedělka M.* Mše v soudobé české hudbě. Praha: Karolinum, 2005. 268 s.
 19. *Royt J.* Břevnovský klášter. Historie, průvodce a benediktinský život. Praha, 2002. 32 s.
 20. Svätý Vojtech – svätec, doba a kult / J. Nemeš, R. Koziačik (ed.). Bratislava: Vydavateľstvo Chronos v Bratislave v spolupráci s Centrom pre štúdium kresťanstva v edícii Studia Christiana. 2011. Vol. 6. 228 s.
 21. *Večerka R.* Počátky slovanské hospisovného jazyka: studie z dějiny staroslovenského písennictví a jazyka do konce 11. století. Praha: Univerzita Karlova, 1999. 103 s.
 22. *Večerka R.* Základy slovanské filologie a staroslovenštiny. Brno: Masarikova Univerzita, 2000. 112 s.
 23. *Wydra W.* Dzieje legendy o św. Wojciechu, autorze Bogurodzicy // *Gniezno: Św. Wojciech w tradycji i kulturze europejskiej*, 1992. S. 43–60.

Смирнов Александр Георгиевич,

кандидат культурологии;

доцент кафедры истории

Института

социально-гуманитарного образования

Московского педагогического

государственного университета

**РОЛЬ
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ
КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ
В ФОРМИРОВАНИИ ЭТАЛОННОЙ МОДЕЛИ
ПОЛЬСКОГО РЫЦАРСТВА**

Аннотация. Статья посвящена становлению аксиологиологических приоритетов польской воинской элиты. Этнически поляки относятся к славянским народам, но в цивилизационном плане уже в Средние века они идентифицировали себя как бастион западного мира. В силу особой роли шляхты и магнатов в Польском государстве важно рассмотреть истоки формирования ценностно-мировоззренческих установок польской воинской элиты. Автор уделяет приоритетное внимание «Хронике» Галла Анонима как наиболее раннему источнику, близкому по жанру к западноевропейским «chansons de geste», рыцарской литературе. Это позволяет сравнить идеальные модели польского и западноевропейского рыцарства и проанализировать роль западной традиции в формировании менталитета польской элиты.

Ключевые слова: Галл Аноним, история, культура, Польша, рыцарство, эталонная модель

Smirnov Alexander Georgievich,
Candidate of Cultural Studies;
History Department,
Institute of Social Studies and Humanities,
Moscow Pedagogical State University

THE ROLE OF THE WESTERN EUROPEAN CULTURAL TRADITION IN THE FORMATION OF THE REFERENCE MODEL OF POLISH KNIGHTHOOD

Abstract. The article is devoted to the formation of the axiological priorities of the Polish military elite. Ethnically, the Poles belong to the Slavic peoples, but in civilization terms, already in the Middle Ages, they identified themselves as a bastion of the Western world. In line with the problems of bilateral Russian-Polish relations, it seems important to consider the origins of the formation of value-ideological attitudes of the Polish military elite, given the special role of the nobility and the magnates in the Polish state. The author gives priority to the “Chronicle” of Galla Anonym as the earliest historical source, which is close in genre to the Western European “chansons de geste”, that is, knightly literature. This allows us to compare the ideal models of Polish and Western European knighthood and analyze the role of the Western tradition in the formation of the mentality of the Polish elite.

Key words: Gallus Anonymus, history, culture, Poland, knighthood, reference model

В русле проблематики взаимоотношений России и Польши важную роль играют аксиологические установки польского воинского сословия. С момента зарождения государственности в X в. в условиях практически постоянных боевых действий от воинов зависело само существование Польши. Интересы воинской элиты оказывали существенное влияние на развитие страны.

Для исследования феномена польского рыцарства важно понять его ментальность, совокупность ценностных установок, определявших приоритеты и поступки воинов. В силу сложности проблемы, в статье будет рассмотрена главным образом первая половина XII в.

Исследуемый период в истории Европы – эпоха становления и начала расцвета рыцарской культуры. Учитывая ориентиры Польши на латинский Запад, логично предположить, что определенные заимствования здесь были неизбежны. Это обуславливалось, в частности, религиозностью средневекового общества, крещением князя Мешко I по латинскому обряду и пристальным вниманием западной церкви к воинам в рамках концепций *Bellum justum* (Справедливой войны), *Bellum sacrum* (Священной войны) и *Pax Dei* (Божьего мира).

Своеобразный воинский кодекс чести нашел отражение в рыцарской литературе. В интересующий нас период это преимущественно рыцарский эпос. Среди польских аналогов, близких к западноевропейским *chansons de geste*, первое значительное произведение – «Хроника и деяния князей или правителей польских» Галла Анонима [5].

Аноним достаточно точен в изложении социально-политической истории Польши X – начала XII в., но субъективен в оценке освещаемых событий. Отсюда дихотомия «свои-чужие», где первые наделены множеством положительных качеств в противовес «плохим» чужакам. Так, Болеслав I Храбрый представлен как «бесстрашный», «благородный», «доблестный», «великодушный», «мудрый» [Там же, с. 32–48]. В «Хронике» присутствуют вымышленные послания и монологи, тенденциозное выделение благих деяний польских правителей.

Галл представил идеальную модель польской воинской элиты. Созданные им образы правителей должны были, учитывая дидактический характер средневековой литературы, служить своеобразным эталоном. Рассмотрим основные элементы представленного в «Хронике» этического идеала польского рыцаря и их западноевропейские аналоги.

Религиозность – одна из главных черт средневековой культуры. Ее проявление в жизни рыцарства следует рассматривать в трех аспектах:

- личное благочестие;
- защита церкви и деятельность по распространению христианства среди иноверцев;
- взаимоотношения светской и духовной власти.

Среди главных достоинств короля Болеслава I Аноним называет именно благочестие. Оно заключалось «в заботах о богослужении, в построении церквей, учреждении епископств и в пожаловании [им] бенефициев» [5, с. 41]. Владислав I и его жена Юдифь, долго не имея детей, постились, раздавали милостыню и молились, чтобы Бог «даровал им наследником такого сына, который бы боялся Бога, возвышал святую церковь, соблюдал бы справедливость» [Там же, с. 60]. По сути, это парафраз евангельской заповеди о любви к Богу и ближним [2, Мк., 12:28–33].

Благочестие рыцарей часто подчеркивалось и в западноевропейской литературе, особенно эпической. Образцом поведения рыцаря считалось приписываемое Карлу Великому обращение к сыну Людовику: «Святую церковь охранять всегда, / чтоб видел сатана в тебе врага» [11, с. 88].

Призывая ограничить насилие в христианских землях в рамках *Pax Dei*, западная церковь стремилась направить воинственность рыцарей за их пределы. Римская курия стремилась объединить и расширить христианский мир под своей властью. Ярким проявлением этих притязаний стала идеология крестовых походов.

Последние часто ассоциируются лишь с кампаниями западноевропейских воинов против мусульман Ближнего Востока. Но латинская церковь не ставила региональных ограничений. Напротив, такой статус имели и походы против еретиков в Европе (войны с альбигойцами на юге Франции, чешскими гуситами и пр.). Для современников практически не существовало разницы между мусульманами, язычниками и еретиками, воспринимавшимися как враги Бога.

В Балтийском регионе впервые статус крестовых походов получили мероприятия против язычников, инициированные епископом Рижским Альбертом в 1200 г. [3]. Отметим и походы Тевтонского ордена против пруссов с 1230 г. [6, с. 56–112].

Однако уже с X в. военные кампании польских правителей имели схожие цели. Патриотизм у Анонима имеет религиозную окраску, ярко проявляясь в противостоянии языческому миру. Уже в начале «Хроники» сообщается о Силезии, Поморье и Пруссии, населенных «дикими языческими народами <...>, с которыми

князь польский постоянно борется, стремясь обратить их в истинную веру» [5, с. 27]. Данной теме посвящена почти четверть повествования Галла.

Латинская христианизация часто была далека от апостольской проповеди. Болеслав Храбрый «обратившихся к истинной вере поддерживал, <...> строил там церкви и поставил епископов при помощи папы». Но он же «упорно уничтожал закосневших в язычестве» [Там же, с. 33]. Насильственное миссионерство не вызывало нареканий Римской курии. Напротив, войны с иноверцами уже в VIII–IX вв. трактовались ею как дело богоугодное в рамках теории *Bellum sacrum* [14, с. 35–36]. Отсюда характерное для средневековых повествований акцентирование идеи вооруженной борьбы за веру и особой миссии в ней рыцарства.

Третий аспект религиозности рыцарства – взаимоотношения с духовенством – двойственен. Аноним создал близкий к агиографическому образ Болеслава Храброго, который «к епископам и капелланам своим относился с таким почтением, что не осмеливался сидеть, если они стояли, и называл их не иначе, как господами, Бога же почитал с благочестием, святую церковь возвышал и преподносил ей королевские подарки». Он проявлял к церкви «преданность и послушание», а споры клириков и светских феодалов обычно решал в пользу первых [5, с. 38, 41].

Но церковь воспринимается верующими в двух ипостасях: как мистическое Тело Христово, объединение верующих на основе общности вероучения и культа, и как социальный институт, не принадлежащий к миру Вечности. Католическая церковь, в духе средневековой тенденции к универсализму, стремилась объединить в своих руках власть духовную и светскую. Догматически это обосновывалось главенством сферы деятельности церкви, направленной на спасение человека в Вечности, над проблемами мирскими, временными, находящимися в компетенции светских правителей.

Действуя в мире, иерархи церкви часто вступали в сферу светских отношений, как феодалы. Светские же правители, поддерживая духовенство, порой пытались вмешиваться в церковные дела. И это вело к конфронтации сторон. Данная проблема была

характерна для католической Европы. Яркий пример этого – конфликт папы Григория VII и императора Генриха IV в споре за инвеституру.

Но даже на этом фоне произошедшее в Польше участие Краковского епископа Станислава в неудачном заговоре против Болеслава II в 1079 г. и последовавшее затем кощунственное убийство епископа во время литургии – факт вопиющий [9, с. 364–365]. Хронист, видимо, близкий к королевскому двору, сдержанно оценил случившееся: «Не будем оправдывать изменника епископа, но не похвалим также и короля, который отомстил так постыдно» [5, с. 57].

По мнению Галла, в подобной ситуации требовалось, опираясь на Евангелие [2, Мф., 22:15–21], разграничить полномочия светской и церковной власти. «Следует, чтобы слуги Божьи в том, что касается Бога, выказывали духовное повиновение, а в том, что касается кесаря, оказывали почет и исполняли службы правителям мира» [5, с. 107].

Честь – центральное понятие рыцарского этоса. В его основе – моральные ценности, почитание предков и желание подражать их подвигам. Хронист ставит в пример Болеслава I и Болеслава III как умелых полководцев и правителей, укрепивших польскую государственность. В рассматриваемый период понятие о чести было связано преимущественно с «профессиональными» обязанностями и государственными интересами.

Защита родины – долг рыцаря. Репутация благородного человека во многом зависела от его способности защитить свои владения, помочь зависимым от него людям и выполнить обязательства перед сеньором.

Суверенитет Польши – предмет особой гордости Анонима. «Больше всего ей следует отдать предпочтение перед другими народами в том, что она, будучи окружена столькими <...> народами, и христианскими, и языческими, и подвергаясь нападению с их стороны, действовавшими как вместе, так и в одиночку, никогда, однако, не была никем полностью покорена» [Там же, с. 27–28].

Противостояние внешним врагам роднит «Хронику» с французским и испанским эпосом. Польские правители не уступают в этом компоненте Роланду [12], Сиду [13] и Гильому Оранжскому [11].

Доблесть как рыцарская добродетель требовала храброго поведения в опасности и стремления избежать позора. Согласно Галлу, Болеслав III писал вторгшемуся в его страну Генриху IV, что предпочтет потерять королевство, «нежели навсегда удерживать его в мире, но с бесславием» [5, с. 121].

Личная храбрость – одно из главных достоинств воина. Не случайно необычайная отвага принесла Ричарду I Львиное Сердце славу образцового рыцаря, затмив многие неблаговидные поступки. В этом русле Болеслав Кривоустый, надеясь застать врага врасплох, оставил пехоту и взял в поход на город Колобжег лишь «избранных рыцарей и отборных коней» [Там же, с. 88].

Однако авантюризм, роднивший в этом случае Болеслава III с Роландом из французского эпоса, скорее исключение. Польские правители более напоминают благоразумного Оливье, не рисквавшего напрасно, но в минуты опасности сражавшегося не менее доблестно, чем его знаменитый товарищ [12, с. 69]. Согласно «Хронике», короли Польши часто сражались с превосходящими силами врага, но делали это не ради почестей, а по необходимости.

Осторожность, с точки зрения Галла, не вредила репутации. Так, не имевший сил для открытого боя Болеслав Кривоустый разбивал отдельные германские отряды. Воинская доблесть дополнилась мудростью. Однако подобная «партизанская» война хотя и принесла победу, но далека от рыцарских баталий, воспетых литературой Средневековья. В этом аспекте идеал у Галла отличается от западноевропейской рыцарской модели.

По сословным правилам рыцарь должен стремиться к первенству. Целью его деятельности провозглашалась *личная слава*. Она добывалась на войне, турнирах, в личных единоборствах. Такие занятия сочетали развлечение с тренировкой воинских навыков.

При отсутствии реальной угрозы стране подобная мотивация была оправданна. Не случайно французский эпос воспевал защиту родины и веры, а рыцарский роман, поэзия трубадуров и труверов в той же Франции, но столетие спустя – индивидуальные подвиги ради славы.

Однако рыцарские турниры вошли в жизнь высшего сословия с представлениями о куртуазии, лишь зарождавшимися на юге

Франции на момент окончания «Хроники» и не представленными в эпосе. Поэтому не единоборства, а постоянные войны с соседями давали польскому рыцарству возможность проявить личные качества.

Методы ведения войны – важный элемент рыцарской этики. На идеологию воинов здесь значительное влияние оказала церковная концепция *Pax Dei*. Война со временем начала обретать более гуманные черты. Чувство чести диктовало предупреждать противника о нападении, предоставлять равные условия в бою, не нападать на заведомо слабых.

Но это касалось преимущественно внутренних феодальных войн. Получившее распространение позже описанных Галлом событий игровое начало при защите государства от внешних врагов и внутренних смут было неуместно. Не всегда христианские нормы соблюдались и в войнах с единоверцами. Болеслав Кривоустый в городе Быхом «захватил большую добычу и пленных и сделал это место совершенно пустым» [5, с. 90].

Обычно причины подобных пограничных войн – нападения врагов, измены вассалов, несоблюдение договоров, а их цель – месть, наказание виновных, восстановление справедливости. Методы ведения таких войн были далеки от христианского милосердия. К тому же обычай кровной мести был в почете у европейского рыцарства. Деятельность церкви по его искоренению не дала ощутимых результатов.

Под влиянием церкви в рыцарскую культуру вошло *обязательство защиты слабых, вдов и сирот*. Сила благородного человека должна быть поставлена на службу слабым. В романе XII в. князь Гурнеманц так наставлял молодого воина Парцифала: «Будь милосерд и справедлив... / Не оставляй людей в беде. / Спешу, спешу на помощь к ним, / к тем, кто обижен и гоним» [4, с. 345].

Однако этот рыцарский постулат дополнялся существенной деталью: помощь следовало оказывать равным по статусу. На простолудинов рыцарская этика не распространялась. Конечно, взамен податей и повинностей сеньор оказывал покровительство всем «бедным» (неспособным защититься) людям на своих землях. Но это делалось не из любви к простолудинам. Беззакония,

неспособность обеспечить порядок унижали феодала, говорили о его слабости, что могло привести к потере владений. В целом о «низших» в куртуазной литературе упоминается редко и пренебрежительно [1].

Польский идеал в этом плане выгодно отличался от западноевропейского. Истоки этого – в происхождении династии Пястов. Ее легитимизация и сакрализация связана с вмешательством Божьим, покаравшим знатного гордеца Попеля и избравшим «князем Польши» Земовита, сына благочестивого землепашца Пяста [5, с. 29–30]. В этом аспекте можно провести аналогию с принятыми Авраамом ангелами [2, Быт., 12:14–17] и словами Спасителя: «Я был странником, а вы Меня приютили. <...> Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» [2, Мф., 25:35–40].

Несмотря на то что Пяст и его сын были язычниками, в контексте истории Польши речь идет о Промысле Божьем, т.к. их потомок, князь Мешко, в 966 г. «обретя истинную веру, вырвал польский народ из смерти неверия» [5, с. 30].

Для хрониста важно, что крестьянский сын проявил себя на новом поприще с лучшей стороны, проводя время «в трудах и походах, и приобрел славу за свое благородство, и расширил границы своего княжества дальше, чем кто-либо до него» [Там же].

Аноним восторженно показывает гармоничные отношения Болеслава I и простого народа. Красноречиво название 12-й главы «Хроники»: «Каким образом Болеслав проезжал через свою страну, не причиняя ущерба беднякам». В.Б. Оболевич даже писал, что Галл, рисуя Болеслава Храброго, раскрывает идеальный образ «мужицкого» короля [10, с. 23].

Подобное отношение к *простолюдинам* радикально отличается от хрестоматийного суждения рыцаря из Прованса Бертрана де Борна, отражавшего в целом позицию западноевропейской элиты: «Кто своих вилланов холит, / их ни в чем не обездолит, / и им головы позволит / задрать – безумен тот» [8, с. 169].

В компетенции феодалов находилась судебная функция. Идеал правосудия – *справедливость*. Это качество – одно из важнейших в рыцарской системе ценностей. Согласно «Хронике», оно в полной

мере было присуще Болеславу I, который «разбирал судебные дела, не обращая внимания на положение лиц; справедливостью, т.к. он одинаково уважал и вельмож, и простой народ» [5, с. 41]. Кретьен де Труа дал схожую характеристику власти легендарного короля Артура: «Король – борец с бесчестьем: он / обязан охранять закон, / нельзя, чтоб и казалось даже людям, / что не в ладах я с правосудьем, / и слабый с сильным не равны / перед лицом моей страны» [7, с. 59].

Рыцарю следовало иметь *значительное состояние*, т.к. оружие, доспехи и боевой конь стоили дорого. А сеньор был обязан содержать еще и вассалов в походе на свои средства. Поэтому Аноним пишет, что страна его господина достаточно богата, «изобилует золотом и серебром, хлебом и мясом, рыбой и медом» [5, с. 27]. В условиях частых войн лишь сильный сеньор мог отстоять свои земли. Война же могла стать как причиной разорения, так и, при удачном исходе, средством обогащения.

Однако истинное достоинство заключалось не в состоянии, а умении его тратить. *Щедрость* – неперемнное свойство благородного человека. Ее проявление по отношению к бедным вассалам постоянно присутствует в рыцарской литературе. Скупость вела к потере авторитета; жадный барон обычно становился изгоем. Бережливость чужда рыцарству. Это свойство купца, простолюдина. Щедрость имела и политический смысл. Средневековые нормы требовали благодарности. Вассалы ее выражали верной службой.

Польские короли соответствовали этому требованию. Болеслав II даже имел прозвище «Щедрый». Аноним в качестве примера приводит бедного клирика, получившего столько золота, сколько смог унести [Там же, с. 56]. Болеслав III на своей свадьбе шестнадцать дней раздавал подарки гостям [Там же, с. 84], не уступая в этом легендарному Сиду из испанского эпоса [13, с. 130].

Хрониста восхищало как богатство страны, так и отношение правителей к нему. Болеслав I, Болеслав III и даже Земовит, выходец из крестьян, были чужды роскоши и праздных удовольствий. Зато подчеркнута их забота о подданных. Галл писал о якобы существовавшем при Болеславе I обычае в любой день «накрывать сорок больших столов, не считая маленьких, и выставлять на них

не чужое, все из своих собственных запасов» [5, с. 44]. Этот эпизод близок к былинным сказаниям о Киевском князе Владимире. В рыцарской же литературе забота о своих людях и готовность потратить на них свое состояние, неприятие скупости обычны для сеньора.

Рыцарю требовалась значительная *физическая сила*, развивавшаяся с детства. Аноним писал, что Болеслав III «не занимался в детстве пустыми играми, <...> но старался подражать серьезным военным деяниям. <...> Еще в юности находил он больше удовольствия в рыцарских упражнениях» [Там же, с. 72].

Галл выделяет еще одно достойное воинское занятие – *охоту*. Погоня за оленем развивала навыки верховой езды, а единоборство с кабаном или медведем было не менее опасно, чем бой с противником. Хронист с восхищением писал о молодом Болеславе III, который с одним копьём одолел вепря, а став чуть старше, «убил медведя в одиночку» [Там же, с. 72–73].

Данные аспекты у Галла близки к западноевропейской рыцарской традиции и связаны с профессиональной подготовкой воина.

Из хроники видно, что в Польше к XII в. существовал *обряд посвящения в рыцари*. Изначально это светская процедура, восходящая к церемонии инициации. Во время расцвета рыцарской культуры она обрела ощутимый христианский подтекст [14, с. 78–83].

У Галла это светский акт. Болеслава III опоясывает мечом отец. Сама церемония даже в том, что король Владислав из любви к сыну «даровал оружие и многим его сверстникам» [5, с. 82], близка к описанной в «Песнях о Гильоме Оранжевом» [11, с. 64–65].

Воспетая рыцарской литературой *верность* – одна из главных отличительных черт воина. Она проявлялась по отношению к Богу, сеньору, своему слову. Построенные на основе личной преданности общественные устои во многом зависели от следования членов общности своим обязательствам.

В идеале «Вассал сеньору служит своему, / он терпит зимний холод и жару, / кровь за него не жаль пролить ему» [12, с. 36]. У Галла речь идет о правителях, не служивших кому-либо. Их верность проявлялась в отношении интересов государства.

Воины в средневековой западной церковной концепции о разделении общества на три сословия представляются членами

единой элитной корпорации. Но тождественно ли рыцарство знати? Например, во Франции рыцарь по статусу был близок к господину, а в соседней с Польшей Германии – к военному слуге.

Из «Хроники» видно, что это сословие не было однородным: польское войско делилось на рыцарей (конных воинов) и щитников (пехотинцев), а Болеслав Храбрый был «окружен множеством магнатов и рыцарей» [5, с. 41].

Истоки рыцарства следует искать в княжеской дружине раннего Средневековья, которая пополнялась свободными общинниками. Неся военную службу, они утверждали привилегированный статус. Значительное ограничение, а к позднему Средневековью прекращение доступа в высшее сословие связано как с социальным и имущественным расслоением общества, так и с возросшими требованиями к профессиональным воинам. В XII в. ополчение свободных общинников не потеряло своего значения, но ядро войска составляло численно возросшее рыцарство.

Между можновладельцами (магнатами) и рыцарями была значительная имущественная и социальная дистанция. Современники часто противопоставляли их. В исторической же литературе рыцарями принято считать низшую часть правящего сословия.

В таком случае распространялись ли правила рыцарства, изложенные преимущественно на примерах из биографий монархов, на все сословие или служили образцом поведения лишь для элиты? Исходя из статуса рыцаря, некоторые элементы предложенной модели не могли играть существенной роли в его жизни. Например, рыцарь-голот (безземельный), не имея зависимых людей, не мог исполнять судебные функции. Но в Средние века человек с оружием уже обладал властью, и ему требовался образец распоряжения ею. Не влияя на взаимоотношения церкви и государства, рыцарь – в идеале – должен быть благочестив, оказывать помощь монастырям и храмам. Смелость и верность в равной степени требовались каждому воину. Поведение же элиты должно было служить образцом для всех членов сословия.

Таким образом, в «Хронике» Анонима представлен первый письменно зафиксированный образец поведения польского рыцарства. Конечно, это не строгая система правил сословия,

обязательная к исполнению. Но в средневековых источниках периода расцвета рыцарской культуры, а тем более времени ее становления, в Западной Европе такого свода не было. Отдельные его положения, в силу национальной специфики, отличаются от западных аналогов. Некоторые элементы отсутствуют. Например, мы не встретим у Галла элементов куртуазии, которая в XII в. – достояние Прованса, но не Польши. Принципиально различается на Западе и в Польше идеал отношения элиты к простолюдинам.

В большинстве положений польский кодекс чести воинов близок к аналогам стран классического рыцарства. Это свидетельствует о вхождении Польши в западноевропейский культурный универсум. Не случайно Аноним писал: «Если вы считаете королей и князей польских недостойными включения их в летописи, то этим вы приравняете королевство Польское к каким-нибудь некультурным языческим народам» [5, с. 106].

В заключение нельзя не задаться вопросом о месте идеалов в исторической реальности. При их сравнении возникает ощущение, что рыцарство – во многом литературный вымысел. Между фактами и их художественным преломлением – большая дистанция. В то же время ошибочно видеть в произведениях о рыцарстве лишь литературные фикции. Эти фикции достаточно часто встречаются в реальной жизни, поэтому следует признать, что они выполняли важную социальную функцию. Светская литература предлагала модели поведения и образцы героев, близкие к системе ценностей самого рыцарства [14, с. 41–43].

Изучение идеалов эпохи позволяет более полно и объективно понять интересующую нас культуру, прояснить аксиологические приоритеты элиты, влиявшие на социальные установки, политическую ситуацию и цивилизационный выбор Польши. Само же рыцарство на протяжении веков является идеалом, обладавшим высокими нравственными ценностями, востребованными обществом.

Литература и источники

1. *Бессмертный Ю.Л.* Крестьянин глазами рыцаря // *Культура и общественная мысль: Античность, Средние века, эпоха Возрождения.* М., 1988. С. 99–109.

2. Библия. М., 2016.
3. Бокман Х. Немецкий орден. М., 2004.
4. Вольфрам фон Эшенбах. Парцифаль // Средневековый роман и повесть. М., 1974. С. 261–580.
5. Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. М., 1961.
6. Генрих Латвийский. Ливонская хроника. М.–Л., 1938.
7. Кретъен де Труа. Эрек и Энида. Клижес. М., 1980.
8. Литература Средних веков. М., 1974.
9. Мельников Г.П. Культура Польши X–XVII вв. // История культур славянских народов. М., 2003. Т. 1. С. 362–402.
10. Оболевич В.Б. История польской литературы. Л., 1983.
11. Песни о Гильоме Оранжевом. М., 1985.
12. Песнь о Роланде. М.–Л., 1964.
13. Песнь о Сиде. М.–Л., 1959.
14. Смирнов А.Г. Культура европейского рыцарства: христианский идеал и реальность. Дис. ... канд. культ. М., 2010.

Волков Владимир Алексеевич,
*доктор исторических наук;
профессор кафедры истории России
Института истории и политики
Московского педагогического
государственного университета*

**«ВИФЛЯНСКАЯ ЗЕМЛЯ» (ЛИВОНΙΑ)
В РУССКО-ЛИТОВСКИХ
И РУССКО-ПОЛЬСКИХ КОНФЛИКТАХ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.**

Аннотация. Статья посвящена русско-литовско-польскому противостоянию во время Ливонской войны 1558–1583 гг. В середине XVI в. к старинной московско-литовской вражде за западнорусские земли добавилось стремление овладеть Прибалтикой – территорией, жизненно важной для дальнейшего развития как Московского государства, так и Великого княжества Литовского. Неудача первого рывка России к Балтийскому морю обернулась для нее

тяжелейшим кризисом начала XVII в. Победа Польско-Литовского государственного объединения способствовала недолгому, но яркому «золотому веку» Речи Посполитой.

Ключевые слова: Ливония, Ливонская война, Иван Грозный, Виленское соглашение 28 ноября 1561 г., борьба за замок Тарваст, Речь Посполитая

Volkov Vladimir Alekseevich,
*Doctor of Historical Sciences; professor,
Department of Russian History,
Institute of History and Politics,
Moscow Pedagogical State University*

**“LIVLAND LAND” (LIVONIA)
IN THE RUSSIAN-LITHUANIAN
AND RUSSIAN-POLISH CONFLICTS
OF THE SECOND HALF OF THE XVI c.**

Abstract. The article is devoted to the Russian-Lithuanian-Polish confrontation during the Livonian war of 1558–1583. In the middle of the XVI century the desire to seize the Baltic States, a territory vital for the further development of Moscow State and the Grand Duchy of Lithuania, added to the old Moscow-Lithuanian hostility for Western Russian lands. The failure of Russia in its first breakthrough to the Baltic Sea turned out for her the hardest crisis of the beginning of the XVII century. The victory of the Polish-Lithuanian state association is a short but bright “golden age” of the Rzeczpospolita.

Key words: Livonia, the Livonian War, Ivan the Terrible, the Vilna Agreement on November 28, 1561, the struggle for Tarvast Castle, Rzeczpospolita

Ливония (нем.: *Livland*, польск.: *Inflanty* (Инфлянты)), или, как ее именовали на Руси, «Вифлянская земля», – историческая область на территории Прибалтики. В XIII–XVI вв. так обозначался край, включавший территорию современных Латвии и Эстонии. Свое название Ливония получила по имени угро-финского племени ливов, жившего по южному и восточному побережью Рижского залива. Как и многие другие народы Прибалтики, этот малый

народ платил дань Руси (ливы отсылали ее полоцким князьям), признавая ее власть, но сохраняя свою веру. На рубеже XII–XIII вв. ситуация здесь резко меняется. Изобретение большегрузного корабля когга, способного перевозить морем не только воинов, но и рыцарских коней, а также рыцарское вооружение и снаряжение, сделало возможным начало завоевания Восточной Балтии северными немецкими государствами и духовно-рыцарскими орденами. В ходе этого немецкого «натиска на Восток» в 1224 г. был захвачен и русский город Юрьев (Дерпт). Защитников его крестоносцы перебили, а на землях к востоку от Чудского и Псковского озер возникло государство немецких рыцарей. Сначала оно называлось Орденом братства воинов Христа в Ливонии (лат.: *Ordo fratrum militiae Christi de Livonia*), а чаще именовалось Орденом меченосцев (по изображению красного меча рядом с крестом на белом орденском плаще) [26, с. 23]. После объединения Ордена братства воинов Христа с Тевтонским (Немецким) орденом там была создана его отдельная провинция.

Со временем могучая некогда военно-духовная организация тевтонских рыцарей-крестоносцев стала слабеть и разрушаться. Грюнвальдское поражение 1410 г. и особенно Тринадцатилетняя польско-тевтонская война 1454–1466 гг. привели к капитуляции Ордена. По Второму Торуньскому договору 1466 г. к Польше были присоединены Гданьское Поморье, земли Хелминская и Михаловская, Мариенбург (польск. Мальборк), Эльбинг (польск. Эльблонг). Позже эта потерянная часть Тевтонского ордена стала называться Королевской Пруссией. Поскольку старая резиденция магистра – Мариенбург – была потеряна, то новой столицей Ордена стал Кёнигсберг, находившийся на территории Восточной (Орденской) Пруссии. В 1525 г. великий магистр Тевтонского (Немецкого) ордена Альбрехт Гогенцоллерн перешел в протестантизм и по совету Мартина Лютера секуляризировал Пруссию, ставшую герцогством, а позже и королевством. Он признал вассальную зависимость от Польши и 8 апреля 1525 г. в Кракове принес присягу королю Сигизмунду I (Зыгмунду Старому), преклонив перед ним колени.

Независимость сохранил лишь упомянутый выше Кавалерский Тевтонский орден в Ливонии – младшее подразделение (первоначально ландмейстерство) государства тевтонских рыцарей.

Оно превращается в самостоятельное орденское государство (*Ordensstaat*). И если в XIII–XIV вв. ливонские магистры назначались гроссмейстерами Тевтонского ордена, то с 1413 г. они стали избираться капитулом, т.е. собранием представителей орденских конвентов Ливонии. Каждый рыцарский замок являлся центром округа (гебит), во главе которого стоял «окружной начальник» (гебитигер) – комтур или фогт. В то же время в Прибалтике сохранялись и другие государственные объединения, конкурировавшие или сотрудничавшие с Орденом. Среди них выделялись Рижское архиепископство и три епископства – Эзельско-Викское, Курляндское и Дерптское. Их духовные правители считались и светскими государями – ландсгеррами и подчинялись не только римскому папе, но и германскому императору, приравниваясь к князьям Священной Римской империи. Особое место занимали города, обладавшие самоуправлением, возглавляемые выборными бургомистрами и ратманами. Ряд этих городов вошли в знаменитый Ганзейский союз – Рига, Ревель, Дерпт, Венден, Вольмар, Кокенгаузен, Рооп (Страупе), Лемзаль, Виндава, Гольдинген, Феллин, Пернау. Один из крупнейших городов и торговых центров Ливонии Нарва в Ганзу принята не была, несмотря на хлопоты Любека. Против выступил Ревель, власти которого выдвинули требование прекращения контактов с русским Ивангородом [14, с. 91].

Для координации деятельности Ордена, других ландсгерров и городов стали созываться ливонские ландтаги. Первый из них состоялся в 1421 г. в Валке по инициативе Рижского архиепископа Иоганна VI Амбунди. Ландтаг состоял из четырех курий. В первую входили Рижский архиепископ и епископы Ливонии, капитулы каноников и монастыри; во вторую – власти Ливонского ордена; в третью – рыцари, ленники Ордена и епископов; в четвертую – представители немецкого населения крупнейших городов. Для принятия решения требовалось единогласное согласие всех четырех курий. Возникли и сословные собрания рыцарей – мантаги. Они существовали в Рижском архиепископстве (со второй половины XIV в.) и в Эстляндии [2, с. 69–76; 3, с. 51–57].

Судьбоносным для Ордена и Ливонии стало сражение под Вилькомиром. Оно произошло 1 сентября 1435 г. и закончилось поражением союзного литовско-русского и орденского войска

Свидригайло Ольгердовича и магистра Франциска фон Керскорфа. Их разгромил поддержанный поляками новый литовский государь Сигизмунд Кейстутович. Сам магистр Керскорф, а также тевтонский ландмаршал Вернер фон Нессельроде, несколько комтуров и многие рыцари погибли в бою. Этим воспользовались другие ливонские ландстерры, и прежде всего Рижский архиепископ Хеннинг Шарпенберг. Система управления Ливонией была изменена. Шарпенберг смог договориться с новым магистром Генрихом фон Бекенферде-Шюнгелем, и 4 декабря 1435 г. было заключено соглашение о создании Ливонской конфедерации.

Однако религиозная и этническая рознь сохранилась, продолжая ослаблять новое государство. Военная мощь Ордена также уменьшилась. Опасность поглощения его и епископских владений соседними державами возрастала с каждым годом. Особенно она усилилась после Войны коадьюторов 1556–1557 гг. [19], обернувшейся новым поражением государства рыцарей в Прибалтике. (В науке часто используется польское название этого вооруженного конфликта между Рижским архиепископством, поддержанным и спровоцированным Литвой, и Ливонским орденом – «Позвольская выправа».) 14 сентября 1557 г. под угрозой литовского вторжения магистр Вильгельм фон Фюрстенберг вынужден был подписать капитуляцию в городе Позволь на севере Литвы¹. После этого поглощение Ливонии Литвой стало лишь вопросом времени.

¹ Кoadьютор (епископ-коадьютор (лат. *coadjutor*)) – католический прелат, назначавшийся папской курией заместителем (наследником) магистра рыцарского ордена или епархии. Война коадьюторов – конфронтация сторонников сближения с Польским королевством, ВКЛ (эту партию возглавлял Рижский архиепископ Вильгельм Бранденбургский, родственник польского короля и литовского великого князя Сигизмунда II Августа) и сторонников сохранения независимости Ливонской конфедерации (объединившихся вокруг Вильгельма фон Фюрстенберга, ставшего коадьютором при старом магистре Генрихе фон Галене, а 20 мая 1557 г. – его преемником). Когда вторжение в Прибалтику литовских войск стало неизбежным, сторонники независимости Ливонской конфедерации вынуждены были признать поражение. Позвольский мир от 5 сентября (утвержден 14 сентября) 1557 г. предусматривал выплату Литве 60 тыс. талеров. Отправка этих денег была приостановлена в обмен на заключение военного союза против Московского государства.

Данные обстоятельства побуждали к решительным действиям и московские власти. Ради окончательного решения Ливонского вопроса Иван Грозный и его советники даже отказались на время от стремления подчинить себе последнее в Восточной Европе татарское государство – Крымское ханство. Столь резкое изменение внешнеполитического курса Московского царства случилось, скорее всего, по инициативе думного дьяка Ивана Михайловича Висковатого. Однако окончательное решение принял, несомненно, Иван Грозный. Следствием стала начавшаяся в 1558 г. 25-летняя война с западными державами, приведшая к тяжелому поражению Русского государства и отрицательно повлиявшая на развитие страны.

Причинами начала Ливонской войны справедливо называют стремление Ивана Грозного овладеть выходом к Балтийскому морю, а также приобрести новые земли для поместных раздач своим воинским людям. Но в первую очередь им двигало понимание того, что малейшее промедление в отстаивании прав на Ливонию чревато поглощением этой страны Великим княжеством Литовским. В связи с этим огромное значение приобретает вопрос – знали ли или нет в Москве о направленных против России статьях Позвольского трактата. Ход событий, казалось бы, свидетельствовал, что о союзе орденского руководства с Литвой царь и его окружение ведали, усиливая дипломатическое и военное давление на Ливонию. Однако, по смелому утверждению белорусского исследователя А.Н. Янушкевича, «на рубеже 1557–1558 гг. в Москве вообще не знали ни об осеннем походе литовского посполитого рушенья на Ливонию, ни о заключенном в Позволе соглашении» [23, с. 25; 24, с. 32; 25, с. 8]. В качестве доказательства Андрей Николаевич приводит несколько фактов. В своей грамоте от 6 сентября 1560 г., отосланной с московским посланником Никитой Сущевым, литовский государь высказал удивление, отчего Иван IV никак не отреагировал на заключение Позвольского трактата [7, с. 193–194]. Сигизмунд II Август насмеялся над царем из-за его незнания о развитии литовско-ливонских отношений летом–осенью 1557 г. [Там же, с. 194].

С нашей точки зрения, Москва оперативно и жестко отреагировала на происходившие на северо-западных границах события,

сосредоточив на ливонском рубеже свои войска. Известие об этом Янушкевич почему-то трактует в пользу своей версии. Между тем есть современное тем событиям свидетельство Франца Ниенштедта (жившего тогда в Дерпте – Юрьеве), подтверждающее полную информированность царя Ивана Васильевича о происходивших в Ливонии и вокруг нее событиях. Процитируем его высказывание: «Достигло также его (русского царя. – *В.В.*) ушей, что в Ливонии была пагубная борьба между господами страны и прелатами, возникшая отчасти вследствие перемены религии, отчасти же вследствие вспыхнувшего раздора между орденом и архиепископом, и кроме того узнал он (великий князь), что магистр вынужден унижаться перед королем польским Сигизмундом и заискивать у него, и пришло ему (великому князю) на мысль при этом, что он, конечно, столь же силен, как и король польский, и потому может покорить ливонские сословия. Да кроме того он (царь) хорошо знал, что войско распущено и выслано из страны и что все лифляндцы до того уверены в мире, что никаких приготовлений на случай неприятельского вторжения в их страну не сделали...» [11, с. 8]. Приведенные факты свидетельствуют в пользу нашего утверждения, высказанного еще в 2004 г., о том, что именно Позвольские соглашения стали *casus belli* для начала Ливонской войны [4, с. 413]. Оно признано и другими российскими учеными.

Сравнительно быстро и легко разгромив вооруженные силы Немецкого ордена и овладев городами Восточной Ливонии, Россия вынудила вмешаться польско-литовского короля Сигизмунда II Августа. Он давно уже мечтал возвысить и усилить одно из своих «панств» – Великое княжество Литовское, присоединив к нему прибалтийские земли. В историографии политика инкорпорации Ливонии литовским государем получила название «личного проекта Сигизмунда-Августа». Действующее (до марта 1562 г.) перемирие между Москвой и Вильно вынуждало короля готовиться к неизбежной войне с Россией, а в ожидании этого – пытаться овладеть рушащейся Ливонской конфедерацией. Уже с лета 1560 г. в Прибалтике действовал (правда, не очень успешно) отряд литовских «интернационалистов» князя Александра Полубенского. Будущий известный военачальник в то время был ротмистром

и командовал отрядом из 400 добровольцев («офочих людей», как их назвал в своей грамоте царю Ивану король Сигизмунд II Август [7, с. 194]). Дважды в августе 1560 г. отряд Полубенского атаковал русские войска, под Венденом и Мариенбургом, но был разбит и вытеснен обратно за Западную Двину [9, с. 116; 24, с. 50]. Когда участие литовских воинов в боях в Ливонии было обнаружено, то благодаря их «добровольческому» статусу Вильно удалось отвергнуть русские обвинения в нарушении условий действовавшего тогда перемирия с Московским государством.

Ситуация изменилась, когда 28 ноября 1561 г. Готтард Кетлер и Рижский архиепископ Вильгельм подписали в литовской столице с Сигизмундом II Августом договор, известный в истории дипломатии как «*Pacta Subjectionis*» («Условия подчинения»). По условиям Виленского соглашения государство рыцарей, неспособное защитить «Землю Ливонскую» от «лютого врага москвиты», прекращало свое существование, передавая города, замки и другие селения под совместную власть Литвы и Польши. Договор гарантировал права ливонцев на сохранение существующего строя и свободу исповедования лютеранства. За Кетлером сохранялось право «чеканить монету, по весу и стоимости литовской монеты, чтоб и употребление ее было смешанное и безразличное как в Литве, так в Ливонии, но желаем, чтобы на одной стороне было вытиснено наше изображение или знаки королевства и Великого княжества Литовского, на другой изображение его светлости» [6, с. 410–418]. Сам бывший магистр Кетлер получил в ленное владение герцогство Курляндское и Земгальское и стал вассалом польского короля и великого князя литовского Сигизмунда II Августа. Территорию нового герцогства составили часть земель павшего Ордена по левому берегу Западной Двины (латв. Даугавы). В экономическом отношении Курляндия и Земгалия (Семигалия) были самыми бедными областями Ливонии, где находилось всего три небольших города – Голдинген (Кулдига), Виндава (Вентспилс) и Газенпот (латв. Айзпуте). Из них только Голдинген входил в Ганзейский торговый союз.

На правобережье Западной Двины создавалось Задвинское герцогство. Оно отходило к Литве, но с внутренней автономией –

правом чеканить собственную монету, своими судебными органами, освобождением от налогов, запретом для евреев заниматься торговлей. Административным центром нового политического образования стал город Динабург (совр. Даугавпилс). Генеральным уполномоченным Сигизмунда II Августа по делам Ливонии был назначен Николай Радзивилл Черный. Автономный статус Задвинского герцогства будет пересмотрен в 1566 г., когда его губернатором стал Ян Иероним Ходкевич [6, с. 130; 15, с. 8–9; 18, с. 399; 24, с. 55–56]. Ливонцы получили право посылать своих представителей на вальный сейм – сословно-представительный орган Великого княжества Литовского.

5 марта 1562 г. прекратил свое существование и сам Орден. Собрав в Риге командоров и рыцарей, Готтард Кетлер передал представителю Сигизмунда II Августа великому литовскому канцлеру Николаю Радзивилл Черному ключи от всех замков. Также он отдал ему печать Ордена и снял с себя белый форменный плащ с черным тевтонским крестом. Присутствующие на собрании комтуры, фогты и рыцари по его приказу также сняли с себя кресты и орденские плащи. К сожалению, в интересной работе Игоря Борисовича Бабулина, посвященной Ливонской войне, это событие ошибочно датировано предыдущим 1561 г. [1, с. 326].

В декабре 1561 г., еще до ликвидации Ордена, в Ливонию были направлены новые литовские войска, занявшие города Пернау (Пернов), Вейсенштейн (Пайде), Венден (Кесь), Эрмес, Гельм, Вольмар (Владимирец Ливонский), Трикатен (Трикат), Шванебург (Гольбин), Мариенгаузен (Влех), Резекне (Режица), Люцин (Луца), Динабург (Невгин) и Кокенгаузен (Куконос). Отряд из 300 драбов под командованием ротмистров Вавринца (Лаврентия) Таминского и Якуба Мондревского был направлен к Ревелю. Однако овладеть им литовцы не смогли, – Северная Эстляндия к тому времени перешла под власть Швеции [27, с. 40].

Обострившаяся борьба за ливонское наследство не могла не привести к резкому ухудшению отношений между Москвой и Вильной. Получив известие о первых русских нападениях на вожделенную Ливонию, Сигизмунд Август сразу же объявил царя своим «неприятелем». Король призвал каждого из своих подданных

подняться на войну и, «оземши Бога на помочь, замкам, местам, волостям и селам того неприятеля нашего московского к тамошнему краю прилегалым и где досягнути можешь, тажеж плен, пустошенье и шкodu мечом и огнем и всяким способом и обычаем неприятелским чинил, колько тебе Бог поможет». 2 июля 1561 г. войско великого гетмана литовского и воеводы трокского Николая Юрьевича Радзивилла Рыжего перешло через Западную Двину. Сам канцлер двинулся на занятый русскими ливонский город Тарваст (Таурус), а пятитысячное войско старосты волковысского Юрия Тышкевича и маршалка господарского Григория Тризны выдвинулось к Дерпту (Юрьеву) [22, с. 108]. Именно его, видимо, настигли и разбили под Пернау (Перновым) воеводы Василий Михайлович Глинский и Петр Семенович Серебряный уже после взятия Тарваста [17, с. 241].

В июле 1561 г. в листах, направленных старостам и державцам, Сигизмунд II Август приказал им объявить на торгах о сборе литовского шляхетского ополчения на войну с Московским государством [27, с. 53–54]. Обстановку осложнила начавшаяся борьба за Тарваст. Город защищал небольшой гарнизон: князя Тимофей Андреевич Кропоткин, Матвей Михайлович Путятин и Григорий Еремеевич Большой Трусов «не со многими людьми» [12, с. 339].

Подойдя к Тарвасту, Николай Радзивилл попытался уговорить русских воевод сдаться. Сохранился пересказ его послания князю Кропоткину. (О нем в Москве долго не забывали, т.к. послание содержало оскорбительные для царя выражения.) Называя Ивана Грозного «бездушным государем», правящим «безо всякого милосердия и права», гетман сравнивал его со своим королем. Великая Сигизмунда II Августа как «государя славного, справедливого, добротью <...> яко солнце на свете светяще», он предложил воеводе перейти к нему на службу «з неволи до вольности, з опалы до ласки». Радзивилл обещал исхлопотать для него у короля жалованья, какого он «похочет» [13, с. 235–236], но тщетно – Тимофей Андреевич не предал своего государя.

Началась осада. Она затянулась на 6 недель (по псковским летописям – на 5) [12, с. 339; 17, с. 241]. Русские ожесточенно сопротивлялись, и тогда литовцы, как и за 26 лет до этого при взятии

Стародуба, применили пороховые мины². 30 августа взрывом были разрушены часть стены и башня. 31 августа литовцы начали штурм. В ходе его выяснилось, что защитники города успели заложить пролом бревнами. Атака захлебнулась. На стенах Тарваста пали не только простые литовские воины, но и их командиры – ротмистры Модревский и Клюковский [22, с. 109–110].

Когда сил держаться уже не стало, русские воеводы доверились обещанию литовского гетмана отпустить защитников крепости. 1 сентября гарнизон Тарваста сложил оружие. Их отправили в замок Вольмар, и только там некоторых русских служилых людей освободили, но, вопреки обещанию Радзивилла, ограбив. «...И литовские люди царя и великого князя людем крест целовали на том, что их отпустить ко царю и великому князю со всеми животы. И троцкий воевода пан Николай Юрьевич Рад[з]ивилл и королевы паны, целовав крест царя и великого князя людем, изменили, отпустили их пограбля» [12, с. 339]. Мало того, некоторых из пленных литовцы отдали в немецкие тюрьмы, где их и сгубили. Об этом московские представители подробно указывали на переговорах 1563–1564 гг.: «...межи себя они (гетман Радзивилл и “королевские паны”, с другой стороны – тарвастские воеводы. – В.В.) на том договорилися, что было им их со всеми животы к нам отпустить, ино толи им они слово свое и веру сдержали, что вели их с собою до Володимерца (Вольмара. – В.В.) за сторожи, как всяких полонянников, и дважды их в избы запирали и ограбив, нагих и босых и пеших к нам отпустили, а иных переимав, да нашим изменником вифлянским немцом подавали; ино *иные у них в тюрьмах сидячи померли, а иные и ныне у них сидят по тюрьмам, мучатца всякими розными муками*» [13, с. 258].

² Во время так называемой Стародубской войны 1534–1537 гг. литовско-польское войско осадило пограничную крепость Стародуб. Под стены города подвели подкоп с пороховым фугасом, и 29 августа 1535 г. его взорвали. Укрепления города оказались разрушены, и он был взят. Поход на Стародуб – первая военная кампания, в которой принял участие молодой Николай Радзивилл Рыжий. Эффектное взятие русской крепости с помощью минного оружия, несомненно, произвело на него сильное впечатление.

20 сентября 1561 г., когда Тарваст был уже захвачен гетманом Радзивиллом, король Сигизмунд II Август оповещал украинских старост и державцев о вероломном взятии города московскими войсками. По его словам, неприятель Таурус «несправедливе посел» [27, с. 69]. Продолжая рассылать по стране свои «листы» (грамоты), король сообщал в них о выступлении в поход гетмана Николая Юрьевича Радзивилла Рыжего и его действиях [Там же, с. 93–94]. Однако литовская шляхта не спешила на сборные пункты. В начале 1562 г., накануне истечения срока перемирия с Русским государством, король, встревоженный состоянием военных сил Великого княжества Литовского, изменил свои планы и попытался продлить перемирие. Направив в Москву своего дворянина Баркулаба Ивановича Корсака, он запретил украинным воеводам и старостам чинить «зачепки» на границе [Там же, с. 89]. Однако оттянуть начало военных действий ему не удалось.

25 марта 1562 г., точно в день окончания перемирия, сосредоточенное в Смоленске войско во главе с Иваном Васильевичем Большим Шереметевым, Иваном Михайловичем Воронцовым и татарскими царевичами Ибаком и Тохтамышем направилось воевать «литовские места». Зона военных действий расширилась, интенсивность боев возрасла. Основным театром военных действий вплоть до начала стратегического наступления Стефана Батория в 1579 г. оставалась Прибалтика. Желая получить Ливонию, Иван Грозный даже готов был отдать за нее завоеванный в 1563 г. Полоцк. Во время переговоров с литовскими послами в июне 1566 г. на заседании Боярской думы всерьез обсуждалась возможность обмена этого города на «Вифлянскую землю». От литовских послов, правда, предложение о таком обмене решили скрыть, поскольку «сами послы про Полоцк припомянули» (т.е. согласились признать его за Россией) [13, с. 394].

В борьбе за Ливонию Литва все чаще стала терпеть поражения. Стремясь укрепить свои позиции в тяжелой войне с Россией, власти Великого княжества Литовского пошли на объединение с Польским королевством. Решение об этом было принято на Люблинском сейме, проходившем с января по июль 1569 г. Литовской стороне пришлось пойти на значительные уступки, отдав

Польше Подляшье, Волинь, Подолию и Киевское воеводство. 1 июля 1569 г. сенаторы и сеймовые послы принесли взаимную присягу, после чего состоялось торжественное богослужение в костеле святого Станислава [5; 8, с. 27–81; 10, с. 115–119; 22, с. 139–165]. По словам историка Александра Трачевского, заключив Люблинскую унию, «Литва теряла все лучшее, чем отличалась от Польши, получая взамен все ее язвы. А Польша, наградив соседку свеженькою Ливонией, т.е. тяжкою борьбою со Шведом и Московским царем, завладела предметом своих давних желаний, Киевом, Подолией (Брацлавом), Волинью, Подляхией...» [19, с. XXXI.].

Объединение военных потенциалов Литвы и «Коруны Польской» оказало решающее влияние на исход войны (особенно сказавшееся после заключения антимосковского союза со Швецией). Под ударами польских и шведских войск русские рати стали терпеть поражения. Стремясь разрушить единство в лагере враждебных стран, Иван Грозный пошел на заключение Ям-Запольского перемирия с Речью Посполитой. Отдав ей значительную часть Ливонии, он надеялся удержать Нарву и контроль за торговыми операциями на Балтийском море [15, с. 1–2; 16, с. 179–180; 21, с. 705]. Однако эти расчеты не оправдались. Нарву и некоторые другие русские крепости захватили шведы, а на попытку вернуть их Речь Посполитая пригрозила Ивану Грозному новой войной. Тому пришлось отступить. По требованию польского короля, переданному гонцом Петром Визгердом, Иван Грозный вынужден был вернуть уже двинутые к Нарве войска в Новгород. Борьба за Ливонию была им проиграна.

Литература и источники

1. *Бабулин И.Б.* Осада Ревеля (1570–1571 гг.) по данным хроники Бальтазара Рюссова // История военного дела: исследования и источники. СПб., 2016.
2. *Бессуднова М.Б.* К вопросу о элитах орденового государства (по материалам ливонских ландтагов конца XV – начала XVI в.) // Научные ведомости Белгор. ГУ. 1010. № 7 (78). Вып. 14.
3. *Бессуднова М.Б.* Особенности системы административно-территориального управления Ливонского ордена в начале XVI в. // Вехи минувшего. Уч. зап. ист. ф-та ЛГПИ. Вып. 1. Липецк, 1999.

4. Волков В.А. Войны и войска Московского государства. М., 2004.
5. Дневник Люблинского сейма 1569 г. Соединение Великого княжества Литовского с Королевством Польским. СПб., 1869.
6. Документы к истории присоединения Ливонии к Польше // Сб. материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 3. Рига, 1880.
7. Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского. Т. 1. М., 1843.
8. Коялович М.О. Люблинская уния. СПб., 1863. С. 27–81.
9. Курбский А.М. История о делах великого князя московского. М., 2016.
10. Лапто И.И. Люблинская уния 1569 г. Минск, 2013.
11. Ниенштедт Ф. Ливонская хроника // Сб. материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 4. Рига, 1883.
12. Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. М., 2000.
13. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 3 // Сб. РИО. Т. 71. СПб., 1892.
14. Петров А.В. Город Нарва, его прошлое и достопримечательности. СПб., 1901.
15. Посольская книга по связям с Великим княжеством Литовским и Польским королевством // РГАДА. Ф. 79. Оп. 5. Ед. хр. 1.
16. Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983.
17. Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955.
18. Рюссов Б. Ливонская хроника // Сб. материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 2. Рига, 1879.
19. Трачевский А.С. Польское бескорольевье по прекращении династии Ягеллонов. М., 1869.
20. Филюшкин А.И. Закат северных крестоносцев: «Война коадьюторов» и борьба за Прибалтику в 1550-е гг. М., 2015.
21. Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. I. Борьба из-за Ливонии. СПб., 1893.
22. Чарунко В. Геркулес, Рыжий, Перун: Радзивиллы-победители. Минск, 2014.
23. Янушкевич А.М. Вялікае княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна: 1558–1570 гг. Минск, 2007.
24. Янушкевич А.Н. Ливонская война. Вильно против Москвы. 1558–1570. М., 2013.
25. Янушкевич А.Н. Начало Ливонской войны 1558–1570 годов и столкновение интересов Великого княжества Литовского и Московского государства // Белоруссия и Украина: История и культура. Ежегодник. 2005–2006. М., 2008.
26. Heinrichi Chronicon Lyvoniae ex recensione W. Arndt in usum scholarum ex Monumentis Germaniae historicis recudi fecit G.H. Pertz // Scriptorum rerum Germanicarum. Hannoverae, 1874.
27. Lietuvos Metrika. Kn. 7. (1553–1567). Vilnius, 1996.

Амброзяк Томаш,
*кандидат исторических наук;
эксперт по вопросам истории
Польского культурного центра в Москве
(Польша)*

**ВОСПРИЯТИЕ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА
ПОВЕТОВЫМИ СЕЙМИКАМИ
ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.**

Аннотация. Делопроизводство сеймиков позволяет исследовать не только политическую позицию шляхты Речи Посполитой, но и способ ее восприятия окружающего мира. Анализ последовательности выдвигавшихся постулатов, их объема или исползовавшейся риторики позволяет оценить значение этих проблем для наиболее активной части шляхетского общества. В данной статье на материалах сеймиковых документов с территории Великого княжества Литовского рассматривается способ восприятия литовской шляхтой Московского государства во второй половине XVI – первой половине XVII в. Делается вывод, что отличительными чертами ее восприятия России были: представление о том, что Москва является неприятелем, чувство угрозы с ее стороны и отсутствие к ней доверия. Фактор недоверия выступал одним из аргументов за или против принятия конкретных внешнеполитических решений. Отчасти этому способствовало влияние королевских инструкций и писем, направляемых сеймикам от имени монарха. Вместе с тем сеймики далеко не всегда повторяли приемы королевской риторики, а иногда и открыто высказывали свое несогласие с ними.

Ключевые слова: Речь Посполитая, Московское государство, Великое княжество Литовское, сеймики, шляхта, внешняя политика

Ambroziak Tomasz,
Candidate of Historical Sciences;
expert in History,
Polish Cultural Center in Moscow
(Poland)

**THE PERCEPTION OF THE MOSCOW STATE
BY LOCAL SEYMICS OF THE GRAND DUCHY
OF LITHUANIA IN THE SECOND HALF
OF THE XVI – FIRST HALF OF THE XVII c.**

Abstract. Documents of local seymics are an interesting material for the study of not only the position of the nobility of the Polish-Lithuanian Commonwealth on certain political issues, but also its way of perceiving the surrounding world. In this article, on the material of documents of the seymics of the Grand Duchy of Lithuania, the perception of the Moscow state in the second half of the XVI – first half of the XVII centuries by the Lithuanian nobility is considered. The external security of the Commonwealth occupies an honorable place in the seymics' documents. In the eyes of the Lithuanian nobility, the relations of the Commonwealth with Russia took on special significance. In the article the distinctive features of the Lithuanian nobility's perception of Russia are specified: hostility and endangerment from its side together with distrust, which acted, among other things, as an argument for or against the adoption of specific foreign policy decisions. One of the possible reasons for this situation was the influence of royal instructions and other documents sent to the seymics. On the other hand, seymics not always repeated the royal rhetoric, sometimes even openly expressing their disagreement.

Key words: Polish-Lithuanian Commonwealth, Muscovy, Grand Duchy of Lithuania, seymics, nobility, foreign policy

Делопроизводство сеймиков польско-литовской Речи Посполитой является интересным материалом, который дает возможность не только определить позиции широких слоев шляхетского сословия по тем или иным вопросам политической повестки дня, но и в какой-то мере определить более глубокие черты его способа мышления. Неудивительно поэтому, что сеймиковая жизнь

Польской Короны и Великого княжества Литовского стала предметом многих исследований (см. например: [5; 9; 10; 14; 16–18; 21; 22; 24; 25]). Особый интерес историографии по праву привлекают сеймиковые инструкции, т.е. поручения, выдаваемые собранной на поветовом сеймике шляхтой послам, избранным ею на общегосударственный сейм (подробнее об институте сеймиковой инструкции см.: [19, s. 131–135; 20, s. 189–197; 25, s. 116–127; 28, с. 455–479]). Но, кроме этого, предметом нашего анализа необходимо сделать и другие документы, связанные с деятельностью сеймиков.

Стоит, однако, сразу оговориться, что содержание источникового материала являлось равнодействующей различных факторов, которые нужно учитывать при его анализе: политики короля, позиции и влияния различных магнатских группировок, внутри- и внешнеполитической обстановки и т.д. К сожалению, наш анализ затрудняет, во-первых, плохая сохранность источникового материала (подробнее см.: [27, с. 91–99]), во-вторых – территориальная и временная неравномерность сохранившихся самих сеймиковых документов [Там же, с. 81–83]. Важно также помнить, что публичные документы следовали своеобразным «законам жанра», часто требующим использования целого рода риторических приемов.

Теперь обратимся к анализу шляхетских постулатов, касающихся внешней политики Речи Посполитой и отношений с ее соседями. Уже количественный анализ, при всей его условности, доказывает, что отношения с Московским государством в политическом сознании литовской шляхты являлись приоритетными. Во всех инструкциях, являющихся предметом данного исследования, постулаты, в той или иной степени касающиеся отношений с Москвой, появлялись 250 раз, занимая первое место среди всех внешнеполитических вопросов. Для сравнения, отношения со Швецией были предметом внимания около 200 раз, отношения с Турцией и ее ленником – Крымским ханством – около 150 раз. Отношениям с Пруссией и Бранденбургом было посвящено всего 70 постулатов, из которых существенная часть носила локальный характер и была связана прежде всего с местной торговлей; отношениям с Курляндией – только 30 постулатов. Франция

упоминается в литовских сеймиковых инструкциях всего 3 раза [1, s. 101; 7, s. 302].

О значении «московского» направления внешней политики Польско-Литовского государства в глазах литовской элиты свидетельствует не только количественный анализ содержания сеймиковых документов, но и довольно высокое место в их структуре постулатов, касающихся Москвы, а также использованная там риторика. Можно констатировать, что отношения с Москвой для шляхты Великого княжества Литовского являлись ключевой внешнеполитической проблемой на протяжении всего рассматриваемого периода. Это совпадает с негласным распределением компетенций во внешней политике Речи Посполитой, согласно которому за отношения с восточным соседом отвечали в основном представители Великого княжества.

Какой же образ России мы находим в делопроизводстве сеймиков?

Первая характерная черта этого образа – восприятие Москвы как «неприятеля». Именно этот термин очень часто употребляется литовской шляхтой по отношению к Москве. Особенно часто он использовался во время конфликтов между Речью Посполитой и Россией. 2 февраля 1634 г. (т.е. во время Смоленской войны) ошмянский сеймик велел своим послам благодарить короля Владислава IV за то, что он «z miłości ku ojczyźnie, nie folgując zdrowiu swemu, z wielkim niewczasem swym, zaczęłą wojnę z wiarołownym (sic!) nieprzyjacielem moskiewskim kontynuować prezencją swoją raczu» («из-за любви к отчизне, не поддаваясь здоровью своему, начатую войну с вероломным неприятелем московским продолжат присутствием своим соизволяет») [15, rkps. 160, s. 86].

Определение Москвы как «неприятеля» мы встречаем также и в мирное время. В частности, в 1596 г. та же ошмянская шляхта обсуждала вопрос лиги против турок. В своей инструкции она указывала, что, прежде чем начать военные действия против Османской империи, необходимо сначала заключить союз с Федором Ивановичем, «który jest najprzyleglejszym nieprzyjacielem ojczyzny naszej» («который является самым ближайшим неприятелем родины нашей») [2, 352, k. 2; 8, s. 409].

Важно отметить, что подобная ситуация в определенной мере уникальна. Из всех соседей Речи Посполитой в сопоставимых масштабах выказывалась «неприятельность» только к Турции. При этом по отношению к ней использовался в первую очередь религиозный фактор. В качестве примера можно привести такие названия, как «неприятель веры святой», «неприятель креста», «язычники». Примечательно, что, несмотря на долгую войну в Ливонии, мы почти не находим использования подобных риторических приемов по отношению к Швеции. Исключение составляет лишь период 1626–1629 гг., когда «неприятелем» в некоторых источниках (например, в новгородской инструкции от 1626 г.) называли Густава II Адольфа [2, Supplement, 400, k. 1; 11, k. 2].

Второй характерной чертой образа Москвы в глазах литовской шляхты являлось то, что она представляла собой источник угрозы. Собравшаяся на сеймиках шляхта опасалась Московского государства как сильнейшего противника. Примечательно, что даже во время Смуты в литовских сеймиковых документах редко встречается чувство военного превосходства или триумфальные настроения. Ярким примером может служить инструкция полоцкого сеймика 1611 г., уже после взятия Смоленска, когда польско-литовский гарнизон находился в Кремле. Несмотря на эти успехи, собравшаяся на сеймике шляхта указывала на опасность со стороны Москвы, сообщая: «...nam już przychodzi do obrony granic naszych, gdyż zewsząd woyska się nieprzyjacielskie do kupy zbiraia» («нам уже нужно защищать границы наши, т.к. отовсюду неприятельские войска в кучу собираются») [4, rkps. 365, k. 49]. Два года спустя вторил ей виленский сеймик: «...od Moskwy dziedzicznych nieprzyjaciół naszych w wielkim niebezpieczeństwie jesteśmy» («от Москвы, наследственных неприятелей наших, мы в большой опасности») [2, 593, k. 1].

Конечно, иногда встречаются и исключения из этого правила. Так, в 1607 г. пинский сеймик призывал не упускать шанс «rozszyczenia granic naszych, a na ostatek do pozyskania całego Państwa Moskiewskiego» («расширения границ наших, а в конечном итоге получения всего Московского государства»), а также побуждал к мести за «rozlania krwi braci naszej» («пролитие крови

братьев наших») [4, rkps. 365, k. 36]. Однако анализ источникового материала дает основание полагать, что в большинстве случаев литовская шляхта считала Россию более сильным противником, а собственные успехи рассматривала лишь как временные.

Разумеется, в данном случае мы говорим не столько об объективной и реальной опасности, которая угрожала Речи Посполитой в целом или Великому княжеству Литовскому в частности, сколько о субъективном восприятии исторической действительности. Вопрос соотношения военного, экономического или демографического потенциала Московского государства и Речи Посполитой мы оставим за пределами нашего исследования (см.: [12]). Тем не менее субъективные умонастроения, реконструированные нами на основе источникового материала, являлись одним из факторов принятия тех или иных политических решений. Можно поэтому констатировать, что присущее литовской шляхте чувство угрозы со стороны Московского государства было одной из причин литовских призывов к завершению военных действий во время Смуты [26].

Предполагаемые пацифистские настроения польской и литовской шляхты имели и другие, не менее важные причины. Поскольку в Польской Короне существовала лишь немногочисленная постоянная армия, а в Литве ее не было вообще (см.: [23]), то ведение войны каждый раз требовало сбора дополнительных, внеочередных налогов. К тому же часто плохо оплачиваемые (или неоплачиваемые вообще) солдаты учреждали конфедерации и вместо того, чтобы воевать, грабили имения, своевольно добывая продовольствие.

Третья характерная черта образа Москвы в глазах литовских сеймиков – недоверие. Этот фактор встречается в источниковом материале довольно часто. Например, новгородский сеймик в 1636 г., через два с половиной года после окончания Смоленской войны, требовал обеспечить крепости в Смоленске, «widząc <...> śliską nieprzyjaciela moskiewskiego wiare, którego ingenium ad omnes occasiones promptum, czegośmy niedawno na sobie doznali» («видя <...> скользкую неприятеля московского веру, которого натура ко всяким оказиям подталкивает, что мы недавно на себе испытали») [3, rkps. 375, s. 636; 11, 2, k. 5v]. В 1638 г. тот же сеймик предупреждал:

«...postrzegać tego, żeby hruby et fluctuosae fidei naród moskiewski jakich przeciwnych przeciw [k]o Rzpltej zamysłów <...> przed się nie brał» («остерегаться нужно, чтобы грубой и переменчивой веры московский народ каких-то против Речи Посполитой замыслов <...> не предпринимал») [3, rkps. 375, s. 648].

«Скользкая вера» Москвы являлась, по мнению сеймиков, одним из источников опасности для Речи Посполитой. В 1640 г. браславский сеймик утверждал, что, несмотря на заключенный с Россией мир, необходимо собрать армию, поскольку Москва – это «nieprzyjaciel podejrzany do dotrzymania pokoju» («неприятель подозрительный в вопросе соблюдения мира») [2, 1192, k. 2]. Год спустя виленский сеймик предостерегал: «...niebezpieczeństwa też od ściany moskiewskiej lekce nam ważyć nie trzeba, bo jużesmy doszli, że kalkacja f[o]jedera i violatio pactorum jest u nich niemal powszednią potrawą» («опасностью также от московской стены пренебрегать нам не надо, ибо мы уже пришли (к мнению. – А.Т.), что топтать союзы и нарушать договоры у них почти обыденное блюдо») [Там же, 1202, k. 3].

Фактор недоверия выступал иногда в качестве аргумента за или против принятия конкретных внешнеполитических решений. Так, в 1646 г. часть сеймиков довольно настороженно отнеслись к идее союза с Россией против Турции, ссылаясь именно на недоверие к потенциальному союзнику. Новгородский сеймик писал: «...societatem armorum z carem moskiewskim przyjmować nie bez odkrytego niebezpieczeństwa Ojczyźnie naszej być widzimy, bo <...> moskiewskiego suspectam fidem mając do wojennej konfederacyi z onym przychodzić incredibile być rozumiemy» («союз военный с царем московским заключать не без открытой опасности для родины нашей усматриваем, ибо <...> московского подозрительной веры имея, к военной конфедерации с ним приступать сомнительным считаем») [3, TN 140, s. 429]. В этом вопросе вторил ему виленский сеймик: «...z Moskwą jako z narodem lubricae fidei wielce nam ostrożenie postępować należy» («с Москвой, как с народом скользкой веры, весьма нам осторожно поступать нужно») [4, rkps. 365, k. 140v].

Объясняя причину фиаско переговоров между Речью Посполитой и Московским государством во время Смуты, ошмянский

сеймик в 1616 г. утверждал, что они не завершились успехом «dla zwykłego uporu i pływkiej wiary ich» («из-за обычного упрямства их (т.е. Москвы) и мелкой веры») [3, 2245, s. 107]. Два года спустя утверждение о том, что в неудаче переговоров виновата Москва, повторил виленский сеймик: «...naród hardy, ani na przysięgę swoją nie pamiętając, do żadnych traktatów przystępować nie chce» («народ строптивый, ни своей присяги не помня, ни к каким трактатам приступать не хочет») [2, 693, k. 2].

Интересной, но до сих пор не получившей всестороннего анализа проблемой являются факторы формирования содержания сеймиковых материалов. Открытым является, в частности, вопрос о масштабе влияния королевских инструкций и других средств, применявшихся монархами (рассылаемых перед началом сеймика письмом, деятельности прокоролевски настроенных магнатов и чиновников, королевских послов в сеймиках и пр.). Такое влияние, несомненно, прослеживается (см.: [25, s. 89–91]). В инструкциях послам короля в сеймиках или письмах, направленных сеймикам от имени монарха, есть формулировки, схожие с встречающимися в сеймиковых документах, хотя редко речь идет о прямом заимствовании. К примеру, в инструкции виленскому сеймику 1566 г. Сигизмунд Август указывал, что тот созывается для обсуждения унии между Польшей и Литвой, целью которой является более эффективное ведение «вальки зъ неприятелемъ Его К(о)ролевъское Милости, великимъ княземъ московскимъ» [29, 529, л. 145об]. В свою очередь, формулировку о «наследственной неприязни» встречаем в инструкции послу от Стефана Батория на виленский сеймик от 1577 г., в которой царь назван «старожытным а праве дедичным неприятелем» [Там же, 60, л. 90об].

Примеры поддержки политики короля со стороны сеймиков также наблюдались во время Смуты. Когда в 1607 г. Сигизмунд III созвал сеймики, он попытался – во многом из-за желания разрядить накаленную внутреннюю обстановку в Речи Посполитой во время рокоша – обратить внимание шляхты на возможности, связанные с активной политикой в отношении Москвы [13, s. 124–127; см. также: 6, s. 230]. Свою поддержку королевской линии высказал тогда пинский сеймик, который призвал приостановить

внутренние споры, чтобы не упустить шанс расширения границ и «получения всего Государства Московского» [4, rkps. 365, k. 36].

Однако шляхта далеко не всегда разделяла королевскую риторику. Упомянутая инструкция пинского сеймика являлась все же исключением. В большинстве своем литовские сеймики не поддерживали в 1607 г. королевскую позицию [26, с. 182–183].

Иногда литовская шляхта открыто высказывала свое несогласие с королевскими призывами. В частности, она возражала против указания короля на угрозу Речи Посполитой со стороны Московского государства. Так, ошмянский сеймик в 1590 г. обязал своих послов требовать соблюдения перемирия с Россией, несмотря на то, что король «рачыть указовати нам непрязнь князя великог(о) московског(о) и земли его ку народомъ нашим и подаеть намъ то, ижъ быхмо мели часъ и погоду з ними воину зачати» [2, 242, k. 3]. В 1618 г. вилкомержский сеймик даже прямо настаивал: «...jeśliby nas metu natarcia moskiewskiego straszono, w prawdzie się tym nie obawiajmy, bo już się też moskiewskiego dużo przytępiło potęgi» («если бы нас московским наступлением пугали, воистину давайте не опасаться, т.к. уже московская многая мощь затупилась») [Там же, supl. 306, k. 4].

Отношения с Москвой играли существенную роль в сознании литовской шляхты и ее политических воззрениях. Присущее ей недоверие и чувство угрозы со стороны Московского государства выступали заметным фактором политических решений. В том числе, надо полагать, это послужило одной из важных причин дальнейшей интеграции Великого княжества Литовского и Польской Короны. Детальное рассмотрение механизмов этого явления во взаимодействии с другими факторами, в том числе внутренними, кажется одним из перспективных направлений дальнейших исследований.

Литература и источники

1. *Ambroziak T.* The necessity to reexamine the question of Lithuanian particularism during the reign of Sigismund III and Władysław IV // *Zapiski Historyczne*. T. LXXIX. 2014. S. 90–109.
2. *Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Archiwum Radziwiłłów. Dział II.*

3. Biblioteka Czartoryskich w Krakowie.
4. Biblioteka Polskiej Akademii Nauk w Krakowie.
5. *Choińska-Mika J.* Sejmiki mazowieckie w dobie Wazów. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 1998.
6. *Czwołek A.* Piórem i buławą. Działalność polityczna Lwa Sapiehy, kanclerza litewskiego, wojewody wileńskiego. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2012.
7. *Czwołek A.* Spory w rodzinie. Polsko-litewskie dyskusje i polemiki wokół interpretacji zapisów Unii Lubelskiej w czasach Zygmunta III // Проблемы інтэграцыі і інкарпарацыі ў развіцці Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга Новага часу. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 440-годдзю Люблінскай уніі (Мінск, 15–17 кастрычніка 2009 г.). Рэд. С.Ф. Сокал, А.М. Янушкевіч. Мінск, 2010.
8. *Dyaryusze sejmowe r. 1597.* W dodatkach akta sejmikowe i inne odnoszące się do tego sejmu. Wyd. E. Barwiński *Scriptores Rerum Polonicarum*. T. 20. Kraków, 1907.
9. *Konieczna D.* Ustrój i funkcjonowanie sejmiku brzeskolitewskiego w latach 1565–1763. Warszawa : DiG, 2013.
10. *Kriegseisen W.* Sejmiki Rzeczypospolitej szlacheckiej w XVII i XVIII wieku. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 1991.
11. Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka. F. 198 – 2 (Dokumentai iš Kauno miesto archivo).
12. *Łowmiański H.* Zaludnienie państwa litewskiego w wieku XVI: zaludnienie w roku 1528. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1998.
13. *Maciszewski J.* Polska a Moskwa 1603–1618. Opinie i stanowiska szlachty polskiej. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968.
14. *Mazur K.* W stronę integracji z Koroną: sejmiki Wołynia i Ukrainy w latach 1569–1648. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2006.
15. Muzeum Narodowe w Krakowie.
16. *Pawiński A.* Rządy sejmikowe w Polsce 1572–1795 na tle stosunków województw kujawskich. Warszawa: Drukarnia Józefa Bergera, 1888.
17. *Piłaza S.* Sejmiki i zjazdy szlacheckie województw poznańskiego i kaliskiego: ustrój i funkcjonowanie (1572–1632). Warszawa, Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1984.
18. *Piłaza S.* Sejmiki i zjazdy szlacheckie województwa sieradzkiego: ustrój i funkcjonowanie (1572–1632). Cz. 1. Warszawa, Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1987.
19. *Rachuba A.* Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2002.
20. *Seredyka J.* Instrukcje powiatu wileńskiego na sejmy panowania Zygmunta III Wazy // Śląski Kwartalnik Historyczny “Sobótka”. 1993. T. XLVIII. Z. 2–3. S. 189–197.
21. *Siemieński J.* Organizacja sejmiku ziemi dobrzyńskiej // Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Hist. Filolog. Ser. II. 1906. T. XXIII. S. 260–322.

22. *Ternes J.* Sejmik chełmski za Wazów (1587–1668). Lublin: Lubelskie Towarzystwo Naukowe, 2004.
23. *Wisner H.* Wojsko litewskie 1 połowy XVII wieku. Cz. I // *Studia i Materiały do Historii Wojskowości*. 1973. S. 61–138.
24. *Włodarczyk J.* Sejmiki łęczyckie. Łódź: Uniwersytet Łódzki, 1973.
25. *Zakrzewski A.B.* Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI–XVIII w. – ustrój i funkcjonowanie: sejmik trocki. Warszawa: Liber, 2000.
26. *Амброзяк Т.* Отношение литовских сеймиков к Смуте и интервенции Речи Посполитой в Москве (1604–1618) // Смута как исторический и социокультурный феномен. Материалы Всерос. науч. конф. 22–23 апреля 2013 г. М.: Прометей, 2013. С. 183–185.
27. *Амброзяк Т.* Партикуляризм в парламентской жизни Великого княжества Литовского 1587–1648 гг.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2018.
28. *Lanno И.И.* Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия. Литовско-русский повет и его сеймик. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1911.
29. Российский государственный архив древних актов. Ф. 389. Литовская метрика.

Белоусов Игорь Викторович,

*доктор исторических наук;
профессор кафедры истории*

*Института
социально-гуманитарного образования
Московского педагогического
государственного университета*

МЕЖДУ ВОЛЕЙ И ВЛАСТЬЮ: ЮЖНОРУССКИЕ И ЗАПОРОЖСКИЕ КАЗАКИ В XVI–XVIII вв.

Аннотация. В работе представлен сравнительный анализ взаимодействия казачества с государственными институтами. Рассмотрены некоторые моменты взаимоотношений казаков с русским государством и Запорожского войска с Речью Посполитой. Отмечено, что существование и деятельность казачества сталкивались с необходимостью соотносить свои силы, возможности и интересы

с интересами государства. В XVII–XVIII вв. казачество смогло продолжить свое развитие лишь в рамках государственности.

Ключевые слова: казачество, запорожская сечь, Речь Посполитая, Московское государство, Донское войско

Belousov Igor Viktorovich,

*Doctor of Historical Sciences; professor,
History Department,
Institute of Social Studies and Humanities,
Moscow Pedagogical State University*

BETWEEN FREEDOM AND POWER: SOUTH RUSSIAN AND ZAPOROZHIAN COSSACKS IN XVI–XVIII c.

Abstract. Main kinds of interaction between cossacks and state institutions were subject to a comparative analysis in the article. The author described the history of the interrelationships between both cossacks with the Russian state and Zaporozhian Army with the Polish-Lithuanian Commonwealth. The conclusion was made that the possibility of cossacks' existence and activities came into collision with a real need to correlate their forces, possibilities and exceptionally own cossacks' interests with the state ones, i.e. cossacks as a reality at a certain historical stage managed to continue their development in the frame of statehood, which actually took place in the XVII–XVIII centuries.

Key words: cossacks, Zaporozhian Setch, Polish-Lithuanian Commonwealth, Moscow State, Don Army

XVI столетие в истории казачества знаменательно тем, что с этого времени начинается так называемая беспорочная служба казаков Русскому государству сначала на правах союзников, а с XVIII в. – как непосредственной части государственного механизма, его военно-сословной организации. Взаимоотношения южнорусского казачества и русской государственной власти с самого начала были чрезвычайно сложными. Известно, что Донское войско было самообразованным организмом. И здесь неважна проблема происхождения казачества, т.е. были ли эти люди беглыми из разных русских (и не только русских) земель или появились

в незапамятные времена и не имели отношения к народам, населявшим Московское государство.

Важен принцип. Казаки говорили: «Здравствуй, царь-государь, в кременной Москве, а мы, казаки, на Тихом Дону». Этим казаки показывали, что они и только они являются хозяевами своей судьбы. Позднее, уже в послебулавинские времена, находясь на государственной службе, казаки горевали об утерянной воле и сетовали, что с течением времени появилась у них новая поговорка: «Зачем казак родится – чтобы царю на службе пригодиться».

Судьба всех российских сословий, включая казачество, в XVIII в., во многом переломном для России, была сложной. Петровские преобразования шли во всех сферах жизни общества, царь-модернизатор пытался создать государственный механизм нового, европейского типа, где правят закон и целесообразность. Маховик государства так или иначе, но «чесал» всех одной «гребенкой». Однако что же привело казаков на службу царю и государству? Почему, завоевав Сибирь в начале 80-х гг. XVI в. или взяв у турок Азов в 1637 г., вольнолюбивые казаки захотели поддержки Русского государства? Почему к царскому двору прибывали казачьи послы и просили принять завоеванное казаками под высокую руку государя?

В Смутное время казаки поддерживали «настоящего» царевича Дмитрия в его притязаниях на престол. Атаман Карела по решению войскового Круга даже в Польшу ездил, чтобы убедиться в подлинности претендента на престол [1, с. 335]. Почему казаки просто не воспользовались ситуацией? Почему они с гордостью считали себя более чем причастными к выборам первого Романа на царский престол? И еще почему многие из казачьей старшины получали за заслуги после Смуты в опустевшей стране землю и входили в иное сословие, теряя любимую казачью вольность? Вольные казаки и хомут государственной власти, казалось бы, не очень связываются воедино.

Помочь ответить на эти вопросы может сравнительно-исторический анализ.

Существовала еще одна страна, где значительную роль играло казачество, – Речь Посполитая. Для ее общественно-государственных отношений казаки в какой-то степени были даже более значимы, чем для России. Казаки там – это изначально запорожцы, а потом чуть ли не все непольское население страны. Видимое начало взаимоотношений казаков с государством началось в Речи Посполитой в последней трети XVI в. при Сигизмунде II Августе, а четкие формы, выраженные в виде Реестра казачества, оформились в период правления Стефана Батория [4, с. 123].

Как и на Руси, пополнение казачества по большей части происходило за счет недовольного, но пассионарного беглого элемента. Казаки служили своеобразной завесой степного пограничья Польско-Литовского государства во время достаточно частых проявлений турецко-татарской экспансии. В результате, какими бы сложными ни были отношения между Польской Короной и казаками, они были нужны как реальная фронтальная сила.

Летопись украинского казачества в контексте непосредственно Речи Посполитой начинается с XVI в., при гетмане Дмитрие Вишневецком, знаменитом «Байде». Споры вокруг его личности и деятельности много. В советской историографии он в основном рассматривался с отрицательной стороны. По сей день спорят о разных периодах его биографии и о том, кому же он в итоге служил. Ведь сам Вишневецкий обладал территорией, могуществом, влиянием и различными ресурсами, которые позволяют его рассматривать как самостоятельного правителя. Он служил и королю польскому, и царю московскому. Некоторые считают, что служил он исключительно своим интересам, другие боготворят его как человека, начавшего «оформление» казачьей системы Украины, или даже создателя антитурецкой стены для защиты ни много ни мало всей Европы [4, с. 118–119].

Здесь важен следующий момент. Чтобы казачьи вожди могли ставить перед собой большие задачи, они должны были обладать немалыми ресурсами. Кто предоставлял вольным казакам необходимые для масштабных военно-политических деяний деньги,

оружие и снаряжение, фураж, продукты и т.д.? И вот здесь выходит на первый план государственная мощь (или немощь) окружавших казачьи земли – Дикое поле, если угодно, – государств.

В итоге какими бы ни были казаки вольными, но деятельность свою по большому счету они всегда приравнивали к внешнеполитическим задачам окружавших государств. Были ли это Московское государство, Речь Посполитая, Крымское ханство, Османская империя или даже далекая Швеция. Самостоятельность казачьих квазигосударственных образований заканчивалась на хитросплетениях большой политики. Даже самые удачливые походы не могли поддерживать их экономику. В чистом виде грабительские пиратские республики всегда в конце концов терпели поражения, если только пираты не обретали какого-либо государственного покровительства. Стоит вспомнить флибустьеров Нового времени с английскими, французским или испанскими патентами, разрешавшими грабеж противника. Так же и у казаков претензия на самостоятельность разбивалась о необходимость служить кому-либо. Даже предполагаемое обретение казаками некоей государственности несло в себе зерна серьезных противоречий. Украинское казачество в конце концов поделилось на несколько составных частей, где реестровые казаки имели свои интересы, а нереестровое войско запорожское, а точнее, сама Сечь, – свои. На Дону сложившаяся казачья старшина и казаки, давно обосновавшиеся там, уже не хотели принимать новоприбывавших [2, с. 59].

В результате казачьи ватаги предлагали свои услуги государям различных стран. В России появились городовые и прочие служилые казаки, которые, в частности, были авангардом русского освоения Сибири и Дальнего Востока. Примечательно, что казаки завоевали Сибирь, но не устроили там казачьей республики, а преподнесли ее московскому царю с просьбой через это деяние простить им их многочисленные «казачьи вины».

Постепенно архаичная структура казачьих сообществ, восходившая к моргановской военной демократии, уже не стала соответствовать исторической обстановке, окружавшей их действительности. Среди факторов, побуждавших казачество метаться между волей и необходимостью вводить собственные государственные

институты или идти под крыло иных государств, были: экономическое (имущественное) и политическое расслоение казаков, а также желание казачьей верхушки зафиксировать свое привилегированное положение [2, с. 63].

В силу уже изменившейся эпохи не выдержал у казаков и институт сугубо мужского коллектива. Люди, уходившие в степь, были уже носителями совершенно иного социального опыта, связанного с брачно-семейной традицией. Воспроизводя парамилитарную общину, казачество быстро разделилось на женатую и неженатую части, а это совершенно иной тип взаимоотношений, не говоря уже от том, что семья эволюционирует и моногамная семья производящего типа является уже ячейкой не только общества, но и государства [5, с. 20].

Казачество Восточной Европы – это, пожалуй, единый организм, обнаруживший в своей эволюции схожие процессы. И для Русского, и для Литовско-Польского государства казачество являлось весьма серьезной проблемой. Поскольку казаки выполняли важную функцию защиты рубежей, верховная власть рассматриваемых государств пошла на признание за ними большой совокупности прав. С усилением государств происходило наступление на казачьи права и привилегии.

В России это наступление сделалось особенно сильным в XVII в. и в царствование Петра I в первой четверти XVIII в. В итоге казаки стали составной частью общероссийского общественного устройства. В Речи Посполитой в силу разных причин такого не произошло. Своеволие казаков и, конечно, шляхты привело к тому, что в XVII в. казаки поменяли себе государство-сеньора, что отчетливо проявилось в событиях Руины – гражданской войны в Польско-Литовском государстве. В XVIII столетии Речь Посполитая, оказавшись среди более авторитарных, но внутренне консолидированных соседей, на полторы сотни лет утратила свою государственность.

Выводом из вышесказанного может служить то, что «былая вольность» казачества в контексте собственной государственности – это скорее нравственный, «эфемерный» идеал, а не реальная действительность Дикой степи.

Литература и источники

1. Астапенко М. Донские казачьи атаманы. Ростов н/Д, 1996.
2. Донские казаки в прошлом и настоящем. Ростов н/Д, 1998.
3. За други своя, или Все о казачестве. М., 1993.
4. Запорожская сечь. М., 2004.
5. Щербина Ф.А., Фелицын Е.Д. Кубанское казачество и его атаманы. М., 2007.

Ершов Виталий Федорович,
*доктор исторических наук, профессор;
директор Центра стратегии и аналитики
Московского областного университета*

ЧЕРКЕССКАЯ ВОЕННАЯ КУЛЬТУРА В ПОЛЬШЕ XVI–XVIII вв.

Аннотация. В статье исследуется проблема польско-черкесского взаимодействия в сфере военной культуры в XVI–XVIII вв., рассматривается процесс интеграции воинов-иммигрантов черкесов (адыгов) в армию Королевства Польского и Речи Посполитой, а также в шляхетскую социальную корпорацию. Отмечена роль черкесского фактора для укрепления внешнеполитического положения Речи Посполитой, а также влияние черкесской военной культуры на польскую. Сделан вывод, что польско-черкесский диалог в сфере военного дела и культуры XVI–XVIII вв. является важной частью общемирового военно-исторического наследия.

Ключевые слова: польско-черкесский культурный диалог, Королевство Польское, Речь Посполитая, Северный Кавказ, черкесы, военная культура

Yershov Vitaly Fedorovich,

*Doctor of Historical Sciences, Professor;
Director of Center for Strategy and Analytics,
Moscow State Regional University*

CIRCASSIAN MILITARY CULTURE IN POLAND OF XVI–XVIII c.

Abstract. The article examines Polish-Circassian interaction in the field of military culture in the XVI–XVIII centuries, considers the process of integration of Circassian immigrant warriors into the army structure of the Kingdom of Poland and the Polish-Lithuanian Commonwealth, as well as into the gentry social corporation, highlights the status of Circassian soldiers in the military hierarchy of the Polish army. The paper studies the role of the Circassians who were in the Polish military service in the external wars of Poland with the Ottoman Empire, Sweden and the Crimean Khanate and shows the importance of the Circassian factor in strengthening the foreign policy situation of the Polish-Lithuanian Commonwealth. The author compares the Polish and Circassian military cultures, revealing their symbolic and mental similarity, the influence of the Circassian military art and traditions on the Polish military culture. The article concludes that the Polish-Circassian dialogue in the field of military affairs and culture of the XVI–XVIII centuries is an important part of the global military historical heritage.

Key words: Polish-Circassian cultural dialogue, Kingdom of Poland, Polish-Lithuanian Commonwealth, Northern Caucasus, Circassians, military culture

В условиях глобализации особое значение приобретает международный диалог культур, в том числе в историческом аспекте [15, с. 5]. Тысячелетний период соседских взаимоотношений России и Польши нашел свое выражение и в сфере военной культуры: взаимном восприятии национальных традиций воинского искусства, боевой этики, оружия, военного костюма. Существенным аспектом в этом диалоге явилась служба поляков в армии Российской империи в XIX – начале XX в., а в Новейшее время – совместная борьба против фашизма в годы Второй мировой войны и участие наших стран в Организации Варшавского договора. Опыт

российско-польского военного сотрудничества принадлежит общемировой военной истории, являясь в то же время частью национальных военных культур и духовного наследия народов наших стран [23, с. 69]. При этом остается недостаточно изученным ряд аспектов истории общеевропейского и российско-польского культурного пространства, связанных с влиянием воинского искусства и военной культуры Северного Кавказа. Оно проявилось в Польше и ряде других стран Юго-Восточной Европы, а затем и в России в эпоху Нового времени [1, с. 10].

С территории Северного Кавказа с древнейших времен и в период XVI–XVIII вв. происходили значительные миграции в различные регионы европейского Средиземноморья (Венеция, Генуэзская республика), на Ближний Восток (Сирия, Иордания), в Египет, а также в страны Центральной и Восточной Европы, в том числе в Польшу. Эти миграционные потоки имели ярко выраженный военно-профессиональный характер – главным мотивом черкесов-иммигрантов являлось стремление поступить на военную службу в странах-реципиентах. Спрос на квалифицированных, отважных и выносливых черкесских воинов был высок, воины-адыги охотно принимались на службу в армии различных европейских королей и османских султанов. В Средиземноморском районе действовали черкесские пираты, грабившие торговые суда и захваты-вавшие пленников для продажи на невольничьих рынках Ближнего Востока и Северной Африки [14]. В то же время черкесы охотно нанимались и для охраны морских купеческих судов. Черкесское пиратство оказывало влияние на торговлю и военно-политическую ситуацию в южноевропейском регионе [20, с. 105].

На территории Восточной Европы первые черкесские общины образовались еще в раннее Средневековье и представляли собой небольшие компактные поселения полувоенного типа; постепенно они втягивались в хозяйственную и военно-политическую жизнь стран проживания [21]. В Королевстве Польском черкесские воины (адыги) являлись одним из факторов формирования польской военной культуры – в организационном, тактическом и эстетическом аспектах. Утверждению военного авторитета черкесов в войсках Речи Посполитой способствовал их исторический

ореол героических воинов, прославившихся в ряде масштабных битв Средневековья – при Хаттине (1187), при Айн-Джалуте (1260), в Малкинском сражении (1641) и др.

Военная иммиграция черкесских военных наемников в Королевство Польское началась в XVI в. и активизировалась во второй половине столетия. Отчасти это было обусловлено борьбой горцев Северного Кавказа (адыгов) против наступления Османской империи и крымских татар. Адыгская феодальная аристократия стремилась в лице Польши получить союзника против своих внешних противников – Турции и Крымского ханства. К военному покровительству Речи Посполитой обращались прежде всего западные адыги, в то время как восточные адыги вступили в союзнические отношения с Иваном IV Грозным, участвуя в его борьбе с крымским ханом [24].

Польские короли в войнах с Османской империей и с Крымским ханством видели в черкесах союзников, повышавших боеспособность их армии и демонстрировавших примеры военной доблести и дисциплины, верности и боевого искусства. Отношения польской аристократии XVI–XVIII вв. и черкесских воинов, в том числе княжеского происхождения, были шире, чем просто наем на воинскую службу. Между ними устанавливались и отношения вассалитета. Король Сигизмунд II Август зачислил в состав шляхты большую группу присягнувших ему черкесских феодалов. Таким образом, черкесы-иммигранты, представлявшие феодальную элиту Северного Кавказа, были инкорпорированы в социум польского дворянства.

В 1561–1562 гг. Сигизмунд II Август проводил переговоры с черкесскими феодалами с целью привлечь их на свою сторону. В 1561 г. ряд черкесских князей, недовольных усилением влияния России в Кабарде и имевших дружеские личные отношения с Дмитрием Вишневецким, отправили в Польшу группу воинов-черкесов с просьбой о помощи. В августе 1561 г. король Сигизмунд II Август дал разрешение всем воинам Пятигорья, желавшим служить польской короне, приехать в Польшу. Воспринявший это как измену Иван IV Грозный приговорил всех переехавших на службу в Польшу черкесских князей и дворян-уорков к смертной казни [12].

В 1562 г. король Сигизмунд II Август пригласил на службу пять западночеркесских (жанеевских) князей – Касима Камбулатовича, Гаврилу Камбулатовича, Александра (Онышко) Сибоковича, Темрука Шамковича и Солгина Шамковича Черкасских, которые прибыли в Краков в сопровождении 300 дворян-уорков. Черкесские князья были приняты королем Сигизмундом II Августом с большими почестями и по своему статусу причислены к князьям Речи Посполитой, а дворяне-уорки введены в состав шляхетского корпуса, имели гербы литовские и черкесские [17, с. 102]. Из приехавших черкесских воинов было сформировано два отдельных кавалерийских полка – Пятигорские хоругви.

В первых же сражениях с Османской армией Пятигорские хоругви показали свою эффективность и высокую подготовку, а их командиры князь Солгин и Темрук зарекомендовали себя как доблестные и искусные военачальники, умеющие в трудный момент проявить выдержку и стойкость. Когда в ходе боя в Молдавии 13 апреля 1572 г. между польской и османской армиями польские отряды временно отступили под натиском турок, черкесский отряд князя Темрука не покинул поле боя и сдерживал напор османов, пока польские воины, передислоцировавшись, не подошли на помощь и не остановили атаку турецких войск. Польский сейм и король в награду за проявленную отвагу пожаловали князю Темруку значительные земельные владения в Подолии, под Киевом и в Литве с многочисленными крепостными крестьянами [13]. За проявленную доблесть пятигорские черкесы были включены в состав польской королевской гвардии. В королевской армии Речи Посполитой в 1580 г. состояли на службе: рота Темрука (включавшая свыше 140 всадников) и две роты пятигорских черкесов – Темрука и Галимбека (были дислоцированы в районе Пскова) [11]. В составе Литовского войска в XVII в. находились части черкесской Пятигорской кавалерии.

Помимо выполнения воинских функций черкесские князья в Речи Посполитой решали еще во многих случаях задачи дипломатического характера, прежде всего в области укрепления политических отношений польского двора с Крымским ханством. Например, подобное дипломатическое поручение

получил от короля Стефана Батория черкесский князь Адриан Камбулатович.

В периоды наивысшего черкесского влияния в польской армии, при королях Сигизмунде II Августе и Яне III Собесском общая численность черкесских воинов достигала нескольких тысяч человек, составляя значительный компонент королевских войск. Происходила ротация личного состава черкесских полков. Поскольку черкесы воевали обычно в авангарде, осуществляя кавалерийские атаки на противника, они несли высокие потери, которые возмещались прибытием новых воинов с Северного Кавказа. Польские короли целенаправленно создавали центр военного притяжения черкесов в Речи Посполитой, стремясь опереться на них в своей борьбе с внешними противниками – Османской империей, Крымским ханством и Московским царством. Наличие присягнувших на верность польской короне черкесских воинов укрепляло и личную власть королей. Нередко они выполняли роль личной королевской гвардии, уравновешивая военную, политическую независимость польских магнатов и являясь определенной угрозой для сейма. Соответственно, потомки черкесского князя Сибока, западные адыгские князья, в XVI–XVII вв. имели при польском королевском дворе сильные позиции и высокий социальный статус. Подобное положение было характерно для черкесской знати эпохи Мамлюкских султанатов в Египте и Сирии XIII–XIV вв. Польские короли, приглашавшие черкесов на военную службу, символически уподоблялись легендарным султанам Саладину и Бейбарсу, в армиях которых черкесы составляли элитные гвардейские части.

Черкесские феодалы, в свою очередь, пытались использовать польское военное влияние для укрепления своих личных владельческих прав в горской феодальной системе, а также в междоусобной борьбе на Северном Кавказе и в рамках военных корпораций в Восточной Европе.

В Речи Посполитой черкесские князья и дружинники-уорки успешно инкорпорировались в феодальную социально-экономическую систему: получали земельные наделы с крепостными крестьянами, жалованье, шляхетские титулы и др. Черкесские князья роднились со знатными представителями польских, татарских

и литовских фамилий, что открывало им дорогу в высшие эшелоны военной и властной корпораций. Например, адыгский князь Кассим, сохраняя исламскую веру, в 1592 г. женил своего сына Ахмета на татарской княжне Софье Шейхувне Барыньской, породнившись, таким образом, с влиятельной и уважаемой в Речи Посполитой семьей [11].

Большинство черкесских военных переселенцев в Польшу были православными, но некоторые являлись язычниками. Впоследствии представители черкесской феодальной аристократии – князя и дворяне-уорки – в большинстве своем приняли католичество, а потомки простых воинов сохранили православие, интегрировавшись в польский и украинский православный социум. Более тесным союзническим отношениям и военному взаимодействию польских королей и черкесских феодалов мешала географическая разделенность Северного Кавказа и Польши.

Польские короли покровительствовали западночеркесским князьям. Так, король Сигизмунд III в 1592 г. специально обратился к русскому царю Федору Иоанновичу с просьбой «освободить из неволи князей черкасских: Тьтэрка, Пшимофтука и Солтана, братьев ротмистра нашего князя Темрука Семеновича Черкасского», которые были захвачены в плен донскими казаками недалеко от Азова. Вышеупомянутые князья были вскоре по царскому решению «отпущены домой в Тетрук-город» [Там же].

Черкесские воины показали высокую боевую эффективность в войнах Польши с Османской империей в XVII в., активно участвовали в борьбе Польши с Крымским ханством, в составе польской армии принимали участие в боевых действиях против Швеции.

Высокая военная активность черкесов была обусловлена самим характером их исторической сословной иерархии. Высший слой феодальной горской элиты в эпоху Средневековья и Нового времени был в высшей степени военизирован [2, с. 20–21]; его второй, после князей, иерархический эшелон составляли профессиональные воины – уорки, важнейшей социальной характеристикой которых являлась «неограниченная приверженность своим князьям» [5, с. 122–123]. Уорки, занимавшие доминирующее положение в социальной структуре адыгского общества,

составляли значительную часть населения средневековой Черкесии и посредством военной миграции интенсивно интегрировались в военное пространство стран Западной и Центральной Европы, в армии стран Ближнего Востока, в Османскую империю, в войско Московского царства и др. С.Ф. Платонов пишет, что в Туле XVII в. наряду с российскими ратными людьми (50 стрельцов, 50 затынщиков, 23 пушкаря, 16 воротников и др.) существовала «особая слобода “черкас”», т.е. выходцев из польско-литовской Украины, – московский обычай обращал таких выходцев в особый «чин служилых же людей» [16, с. 63].

В военной культуре черкесов в XVI–XVIII вв. сохранялся древний музыкальный обычай, институт придворных джегуако – бардов, исполнявших военные песни о храбрых героях, старинных воинских традициях, боевых походах [19, с. 111]. Он сущностно совпадал с западноевропейским институтом трубадуров, также воспевавших рыцарские воинские качества, и был знаком польской шляхте. (Джегуако еще называли «дружинными поэтами», они сопровождали князей и уорков в походах, играли и пели на пирах и др.) Черкесские трубадуры гармонично вошли в европейскую военную музыкальную традицию [18, с. 16].

Черкесский военный стиль с безудержной отвагой, лихостью атак и презрением к смерти хорошо сочетался с польским менталитетом. Это сближало черкесских князей и воинов-уорков с королевскими офицерами. Благодаря схожей этике и эстетике ведения боя, самого образа воина черкесы легко интегрировались в польскую армию, находя у ее офицеров одобрение. Последних восхищала воинская доблесть черкесов, понимание ими героической смерти в бою как желанного конца пути воина: «Воинская слава была основным приоритетом в жизни каждого черкеса, и добиться ее можно было только при условии исполнения и почитания идеалов воинской доблести...» [7, с. 95].

Большой интерес у польской шляхты вызывал сложный черкесский обычай абречества, также входивший в северокавказскую военную культуру и представлявший ее наиболее загадочную и этноспецифическую часть. Образ одинокого мужчины-воина, отрекшегося от мира и оказавшегося за пределами своего социума

(эпический мотив «Мужчина и волк»), мстящего и ищущего смерти в бою, исповедующего кровную месть и в то же время черкесский рыцарский этикет, гостеприимство и куначество [4, с. 254], в некотором смысле был созвучен душевному настроению польского дворянства периода угасания и распада Речи Посполитой. Черкесская идея воинского братства, предполагающая самопожертвование в бою ради спасения товарищей, презрение к смерти и осуждение трусости, также была во многом близка польской военной традиции [8].

Удивление и интерес у польских воинов вызывали древние игровые традиции черкесов, являвшиеся частью архаичной военной культуры Северного Кавказа: пляска с кинжалами ряженных воинов – в устрашающих масках, вывернутых наизнанку шубах, мохнатых шапках и др., в своей основе имевшая древние шаманские ритуалы [10, с. 221].

Польская военная традиция также имеет примеры использования архаичных воинских символов: так, польские «крылатые гусары» XVI–XVIII вв. – элитная кавалерия Королевства Польского и Речи Посполитой – имели характерные отличительные атрибуты – крылья из больших птичьих перьев, которые крепились на спине всадника, и звериные шкуры. Боевые функции гусарии и черкесской конницы были во многом схожи – концентрированным ударом осуществить прорыв вражеских боевых порядков. Черкесская джигитовка в бою в некоторых аспектах была, по сути, близка североевропейской культуре берсеркеров, также отождествлявших себя с дерущимися насмерть волками.

Общим моментом в польской и черкесской военной культуре являлось рыцарское отношение к женщине, признание в определенных моменты ее высшей власти над воинами-мужчинами. Так, черкешенка могла остановить поединок, бросив платок между сражающимися; польская пани также могла остановить поединок рыцарей, что являлось наследием старинной рыцарской культуры турниров и образа Прекрасной Дамы. И черкесская, и польская военная культура предполагала почитание женщины, обязывала защищать ее даже ценой собственной жизни.

В XVI–XVIII вв. в польской королевской армии возникла мода на «черкесский военный стиль»: польские офицеры, придворные и даже короли заказывали себе на Северном Кавказе горское холодное оружие, черкесскую национальную военную одежду, доспехи, воинские атрибуты. Король Ян III Собесский носил черкеску, ездил на горских скакунах. Черкесские лошади, поставлявшиеся в Западную Европу с Северного Кавказа, высоко ценились представителями военной элиты Франции, Англии, Италии, которые сравнивали их с испанскими. Так, Абри де ла Монтрэ в начале XVIII в. писал о кабардинских лошадях, что они «прекраснее когда-либо виденных до сих пор после арабских» [9, с. 5]. В среде шляхты черкесские лошади пользовались большой популярностью, их выписывали из Кабарды за высокую цену, они являлись элементом польского военного престижа.

Во второй половине XVII – XVIII в. черкесские Пятигорские полки приобрели многоэтничный характер: их состав пополнялся поляками, литовцами, украинцами и другими представителями народов Юго-Восточной Европы. Это снижало их военную черкесскую специфику, способствуя утверждению в них обычной для того времени тактики ведения боя. Но в отдельных «черкесских полках» вплоть до 1795 г. дворянами-уорками сохранялась национальная северокавказская система воинской подготовки и тактика боя. Воины-черкесы предпочитали использовать в бою свое традиционное горское оружие. С целью сохранения черкесского характера таких воинских частей командование королевской армии осуществляло закупку на Северном Кавказе холодного и огнестрельного оружия, доспехов, лошадей, амуниции и др.

Черкесская военная стилистика нашла отражение в мундирах польской легкой кавалерии – кракусов, подразделения которых начали создаваться в 1812 г. в герцогстве Варшавском, подчиненном наполеоновской Франции, из числа жителей Кракова, Познани, Радема, Капиша. Кракусов называли «польскими казаками»; их боевые функции включали диверсионные рейды, стремительные броски, преследование противника, т.е. вполне соответствовали военной тактике черкесов. В обмундировании кракусов

использовались функциональные и символические элементы северокавказского происхождения, в том числе газыри на черкесский манер. Здислав Жигульский-мл. и Хенрик Велецкий в книге «Польский военный мундир» отмечают, что после реорганизации войск в 1814 г. «кракусы получили новые мундиры, очень неожиданные, в черкесском стиле. Это, несомненно, сказывалось влияние известных подразделений в российской армии, которые так запомнились французам» [22].

Черкесская военная эмиграция прекратилась в 1795 г. после раздела Речи Посполитой. На протяжении конца XVIII – XIX в. черкесские воины-иммигранты постепенно ассимилировались в иноэтничной среде и перестали представлять самостоятельный военный элемент.

Изменение геополитической ситуации в Восточной Европе после разделов Речи Посполитой в 1772–1795 гг. привело к резкой переориентации западночеркесских князей и дворян-урков – к союзу с Османской империей и Крымским ханством. Там на протяжении первой половины XIX в. они получали существенную военную и иную поддержку. В XIX в. в период Кавказской войны произошел приток черкесских военных иммигрантов в страны Западной Европы, на Балканы и на Ближний Восток. Они проявили себя в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., причем, черкесы воевали как в составе османской армии, так и в российской армии.

Черкесы оставили заметный след в истории Польши, проявив себя в военной, культурной и дипломатической сферах. Во многих районах Польши и Литвы сохранилась черкесская топонимика, есть сведения о существовании старых адыгских кладбищ и др. Черкесы-иммигранты оказали в XVI–XVIII вв. влияние на систему организации и тактику войск Королевства Польского, Речи Посполитой, на их стилистику и символику. Образ черкесского воина-джигита в какой-то мере совпал с образом западноевропейского рыцаря, лежавшим в основе польской военной культуры.

Уникальность черкесской военной культуры подтвердилась в XIX – начале XX в. уже в системе российской армии, где черкесские традиции не только стали одной из основ для развития казачьего воинского искусства и военного костюма, но и утвердились

в социуме военной элиты, включая офицерский корпус и императорский двор [3].

В результате революции и Гражданской войны в России 1917–1922 гг. произошло возрождение практики воинской службы черкесов в европейских армиях. В 1918–1939 гг. офицеры-черкесы служили в Войске Польском, в том числе в командном составе иррегулярной кавалерии («Татарская язда») [6, с. 230–232, 281–282]. Эмигранты-черкесы принимали участие в воинских мемориальных мероприятиях Польской Республики в 1920–1930 гг., а в годы Второй мировой войны сражались в антифашистском Сопротивлении.

Тема черкесской военной культуры представляет значительный интерес в контексте общеевропейского, в том числе российско-польского, цивилизационного взаимодействия и имеет потенциал для дальнейшего изучения.

Литература и источники

1. *Арсентьев А.* Кавказская туземная конная дивизия // Дикая дивизия: Сборник материалов / Под ред. В.Л. Телицына. М.: Таус, 2006. С. 9–22.
2. *Бгажноков Б.Х.* Образ жизни адыгейской феодальной знати // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980. С. 78–104.
3. *Бигаев Н.А.* Последние наместники Кавказа (в свете личных воспоминаний) (1902–1917) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. Т. XII. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. архив, 2003. С. 402–449.
4. *Ботяков Ю.М.* Абреки // Кавказ. Вып. XVI. Нальчик: Полиграфсервис, 2014. С. 254–430.
5. *Гутнов Ф.Х.* Горский феодализм. Ч. 2. Владикавказ: Ир, 2008. 287 с.
6. *Еришов В.Ф.* Русский мир и северокавказское зарубежье. М.: Инфра-М, 2016. 420 с.
7. *Кагазежев Ж.* Институт войны как часть национальной культуры адыгов // Литературная Кабардино-Балкария. 2017. № 4. С. 95–103.
8. *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987. 384 с.
9. *Кармоков Х.* (Президент фонда «Адыгское наследие»). Обращение к читателю // Черкесская лошадь. Коневодство и коннозаводство. Сб. источников / Сост., вступ. ст. и коммент. С. Хатко. Нальчик: Полиграфсервис, 2008. С. 3–6.
10. *Карпов Ю.Ю.* Джигиты // Кавказ. Вып. XVI. Нальчик: Полиграфсервис, 2014. С. 4–252.

11. Кошев М.А. Кавказцы в истории Польши (Постановка проблемы) [Электронный ресурс]. URL: <http://adyghe.ru/menu/2013-09-16-10-20-45/istoriya-adygov/384-kavkaztsy-v-istorii-polshi> (дата обращения: 15.04.2019).
12. Крушинский М. Черкесские князья в Польше. (Пять князей) [Электронный ресурс]. URL: <http://kraevedenie.net/2010/01/26/cherkas-cherkez/> (дата обращения: 15.04.2019).
13. Кушабиев А. Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. Нальчик: Эль-Фа, 2007. 320 с.
14. Марзей А.С. Традиции пиратства у черкесов с античных времен по Новое время // Древняя и средневековая культура адыгов: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Нальчик, 16–20 октября 2013 г). В 2-х ч. Ч. 1: Древняя и средневековая культура адыгов / Под ред. Б.Х. Бгажнокова и В.А. Фоменко. Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ. Нальчик: Изд-во Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований (КБИГИ) РАН, 2014. С. 101–109.
15. Пивовар Е.И., Павленко О.В. Историческая наука в России и Польше: траектории для взаимопонимания // Россия и Польша. История общая и разобщенная: сборник статей / Под ред. Е.И. Пивовара и О.В. Павленко. Российско-польский центр диалога и согласия (Москва). Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ). М.: Аспект-Пресс, 2015. С. 5–20.
16. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М.: Памятники исторической мысли, 1995. 469 с.
17. Сокуров В.Н. Институт выезда на службу у черкесов // Эльбрус. 1999. № 1. С. 97–119.
18. Хавжожо Шаукат Муфты. Герои и императоры в черкесской истории. Нальчик: Эль-Фа, 1994. 317 с.
19. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978. 333 с.
20. Хотко С. История Черкесии в Средние века и Новое время. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. 552 с.
21. Черкесские общины в странах Европы [Электронный ресурс] // Сайт Международной Черкесской ассоциации. URL: <http://intercircass.org/?p=2570> (дата обращения: 12.04.2019).
22. Черкесский мундир польских кракусов [Электронный ресурс]. URL: <http://napoleon.org.pl/polska/czerkiesi.php> (дата обращения: 16.04.2019).
23. Якунин В.И. Российско-польские отношения в треугольнике: история, политика, наука // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2011. Вып. 6. С. 67–77.
24. Grala H. Czerkiesi i Nohajcy w służbie Rzeczypospolitej. Kilka uwag o najemnych i posilkowych formacjach tatarskich w drugiej połowie XVI wieku. In: Prace Naukowe WSP w Czstochowie. Zeszyty Historyczne. 1999. T. V. P. 1–19.

Филина Елена Ивановна,

*кандидат исторических наук;
доцент кафедры истории Института
социально-гуманитарного образования
Московского педагогического
государственного университета*

ПОЛЬСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ПОПЫТКИ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИИ В СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Аннотация. В период Смуты различные политические деятели и группы в России предпринимали активные попытки заимствовать польский политический строй. Яркими примерами этого служили проекты государственной унии, выборы царей, условия ограничительных записей русских монархов и идеи Лжедмитрия I о переустройстве московского государственного аппарата на польский манер. Из-за приверженности русского общества традиционным формам самодержавия и религиозных различий католической Польши и православной России возможности изменения государственного устройства России оказались утраченными.

Ключевые слова: Генриховы артикулы, Смутное время, выборы монарха, политическая традиция, Земский собор, шляхетская демократия, ограничение власти монарха

Filina Elena Ivanovna,

*Candidate of Historical Sciences;
associate professor, History Department,
Institute of Social Studies and Humanities,
Moscow Pedagogical State University*

POLISH POLITICAL TRADITION AND ITS TRANSMISSION IN RUSSIA IN THE DISTEMPER PERIOD

Abstract. The article is devoted to the history of relations between Russia and Poland during the Time of Troubles. At this time, attempts

to borrow Polish political patterns from various political figures and groups in Russia are most actively observed. The projects of the state union, the election of kings, the conditions of the restrictive records of the Russian monarchs, and finally, False Dmitry I with his ideas of reorganizing the Moscow state apparatus in the Polish manner – these are vivid examples of borrowing the Polish political system. The possibilities of changing the state system of Russia have been lost due to the excessive adherence of the Russian society to the traditional forms of autocracy. Not the last role was played by the religious differences of Catholic Poland and Orthodox Russia.

Key words: Henrich's articles, Distemper period, election of monarchs, political tradition, assembly of the land, gentry democracy, restriction of the monarch's power

Период конца XVI – начала XVII в., именуемый в России Смутой, являлся точкой бифуркации и для Польско-Литовского государства. Россия и Речь Посполитая, подверженные сильному взаимовлиянию, практически одновременно оказались перед выбором исторического пути. Пресечение правящих династий (Ягеллонов и Рюриковичей) явилось тем поводом, который привел в движение все общество сверху донизу. Ситуация в двух странах была схожа не только из-за династических кризисов. Дворяне – основная вооруженная сила обоих государств – требовали увеличения жалования и наделения землями. Усиление крепостной зависимости привело к бегству крестьян на окраины, где они пополняли ряды казаков. Бурное распространение казачества очень скоро стало государственной проблемой как в России, так и в Речи Посполитой.

Распространение Люблинской унии (1569) на значительных территориях Украины и Белоруссии с населением, сформировавшимся на основе единой древнерусской народности, означало адаптацию там польской общественной модели, отличной от великорусской. С другой стороны, поражение в Ливонской войне подталкивало Россию к заимствованию порядков победоносного противника. Все это стало отправными точками сближения Московского государства и Речи Посполитой, распространения в России польского влияния.

Польша во второй половине XVI – начале XVII в. была одной из немногих стран Европы, где правила дворянская элита. После

мятежа шляхты в лагере под Нешавой в 1454 г. король был вынужден утвердить Статуты, фактически первую польскую конституцию. С тех пор дворянство не только собиралось на сеймы, но и выбирало королей, а также вотировало субсидии на ведение войны и фактически монополизировало (за небольшими исключениями) право замещения высших духовных должностей. Если на сейме не достигалось согласия, то по польским обычаям недовольная сторона могла поднять вооруженный мятеж. Дворянство свободно владело землями, и это не было обусловлено службой. Возрастание значения земских сеймиков привело к созданию в составе вального сейма отдельной палаты послов (Посольская изба), а затем к уравниванию ее роли с олигархическим Сенатом. Теперь для принятия каждого нового закона было необходимо согласие земских послов. Польский сейм превратился в высший законодательный орган власти, в котором решающий голос принадлежал Посольской избе из депутатов шляхетских сеймиков. В компетенцию сейма входило установление налогов, финансовый контроль над правительством, прием иностранных послов и выработка внешнеполитического курса. На сейме происходил суд по особо важным делам под предводительством короля. Сейму принадлежало право помилования и амнистии [1, с. 204–215]. Все это заложило основу польской свободы, «золотой вольности».

Своеобразие Польши заключалось в том, что эволюция сословной монархии привела к утверждению там, а затем в Речи Посполитой шляхетской республики во главе с избираемым монархом. Ее закрепили Генриховы артикулы 1573 г. Им предшествовал акт Варшавской конфедерации, позволивший заложить основы религиозной терпимости и смягчить очень важную для Речи Посполитой конфессиональную проблему. Ведь если в Польше доминировали католики, то на восточных землях Великого княжества Литовского преобладало православие, на западных – католицизм, на севере и западе распространялись идеи Реформации, а еще со времен Витовта в Великом княжестве Литовском проживала и большая иудейская община. Данный акт сделал Речь Посполитую намного более безопасным местом, чем большая часть Европы, где в то время бушевали религиозные войны.

Генриховы артикулы подтверждались всеми последующими правителями Речи Посполитой. Они ввели новые ограничения королевской власти и окончательно узаконили систему «шляхетской демократии». Монарх не мог без согласия сейма ни объявлять войну, ни заключать мир, ни созывать посполитое рушение (армию), ни вводить новые налоги, ни даже вступать в брак. Нерушимость этих статей подтверждалась клятвой: *А если же мы (чего Боже сохрани) учиним что-либо вопреки этим артикулам, законам и вольностям, то всех жителей королевства и великого княжества объявляем свободными от должного нам повиновения и верности* [2, с. 17]. Достижением шляхетской демократии стало и создание Коронного трибунала по распоряжению Стефана Батория в 1578 г. Он состоял из избираемых представителей шляхты и ограничил судебную власть короля. Тот принимал участие только в сеймовых судах и не имел права помилования или амнистии.

Примечательно, что выборы польских королей до конца XVI в. всегда сопровождалась широкой предвыборной кампанией с участием большого количества кандидатов, в том числе и иностранных. В период с 1573 по 1587 г. на польский престол были выбраны иностранцы: Генрих III Валуа, герцог Орлеанский; Стефан Баторий, князь Трансильвании; Сигизмунд III, принц шведский. Следует заметить, что соперничество кандидатов на выборах 1613 г. в России очень напоминало польские кампании.

В Смутное время подвергся тяжелым испытаниям государственный строй, созданный при Иване IV, с жестокой централизацией, ликвидацией самостоятельности огромных территорий, укреплением целых сословий и превращением всех жителей Московского государства в царских «холопей». Однако дело создания самодержавного государства не было доведено до конца. Попытка установить режим личной деспотии потерпела крах в 1572 г. И именно в это время кандидатуры Ивана Грозного или его сына впервые появились на выборах польских королей. Подробности русско-литовских переговоров 1572–1573 гг. можно найти в работах Б.Н. Флори [10; 11]. Возможно, русский царь искал различные варианты для сохранения своей власти.

Последняя четверть XVI – начало XVII в. были отмечены интенсивной работой политической мысли, находившей выражение в целой серии официальных и неофициальных проектов, предусматривавших заключение унии двух государств на различных условиях. Существовало по меньшей мере три проекта унии: 1587, 1590 и 1600 гг. Однако Россия вынашивала планы воссоздания «Киевской державы» как вотчины династии Рюриковичей, а также заключения мира и военно-политического союза с Речью Посполитой, направленного против Турции и предусматривавшего разграничение сфер влияния в Прибалтике. Речь Посполитая рассчитывала превратить Россию в свой политический придаток. Религиозные различия двух стран тем более обрекали на неудачу все проекты их «соединения».

После неудачных попыток посадить на польский престол представителей московских царей тенденция к взаимному сближению не прекратилась. В связи с пресечением династии Рюриковичей был использован опыт соседей и впервые в истории России поставлен вопрос об избрании нового царя Земским собором. Именные бояре противились коронации хундородного Бориса Годунова. Тот обратился к дворянству. Завершив закрепощение крестьян, Борис Годунов заслужил поддержку среднего служилого сословия. Под предлогом якобы ожидавшегося татарского набега под Серпуховом было собрано дворянское ополчение. Годунов использовал характерные приемы польских выборных сеймов – в частности, он посылал справиться о здоровье дворян, устраивал для них грандиозные пиршества и раздавал им деньги [4, с. 475]. Новый царь был избран по польскому образцу и стремился подражать польским порядкам. Земские соборы, выборы царя и введение крепостного права явственно указывают на начавшуюся трансформацию России по польскому образцу.

Стоит отметить еще одно обстоятельство. Земский собор как орган сословно-представительной монархии по функциям и регламенту был весьма схож с сеймом. Сначала не было ни постоянных сроков созыва обоих органов, ни постоянного места их заседаний. Король созывал сейм тогда, когда у него возникала в этом необходимость, и там, где он указывал. Так же делал и русский

царь. Часто причиной созыва сейма был вопрос о налогах, и поэтому сейм созывался иногда два раза в год, а иногда его не было в течение нескольких лет. Финансовые проблемы казны также являлись основным вопросом, обсуждаемым на Земском соборе. Однако, в отличие от польского сейма, который после Генриховых артикулов обрел регламент и четкие функции, земские соборы так и остались в компетенции царя.

При правлении Бориса Годунова боярская оппозиция опиралась на Польшу. Литовский канцлер Сапега писал, что знатные бояре – сторонники короля Батория. Один из московских эмигрантов, Михаил Головин, говорил Баторию: «Где король не придет, тут все его будет, никто... против его руки не подымет» [5, с. 43]. По мнению Р.Г. Скрынникова, «московской знати импонировали порядки Речи Посполитой, ограничивавшие королевскую власть в пользу магнатов и устанавливавшие принцип выборности монарха» [Там же, с. 58]. Бояре не прочь были распространить подобные порядки на Руси и таким путем ограничить самодержавную власть царя.

Квинтэссенцией влияния польских политических традиций на российскую действительность стала фигура Лжедмитрия I. Помимо общеизвестных фактов, обращает на себя внимание, что у Самозванца был даже проект преобразования совещательного органа в аналогичный Речи Посполитой: «Поименная роспись духовных и светских особ, составляющих государственный совет в правление Лжедмитрия I» [6, с. 207–210]. Написан он был по-польски в Москве. Новая Дума («Сенат») должна состоять из двух Советов («рад»): духовного и светского. «Светская Рада» – из трех «кол» («классов»): боярского (36 «особ»), окольных (17) и «дворян, которые также в Раде сидят» (6 «особ»)¹. Как исследовал А.В. Лаврентьев, надпись на обороте документа называет всех

¹ Известно, что как минимум однажды новая Дума собиралась в количестве 74 человек. См. подробнее: Дневник Марины Мнишек. СПб., 1995. С. 40. Об увеличении численности Думы при Лжедмитрии см.: Ульяновский В.И. Социальная и внутриполитическая борьба в Русском государстве на первом этапе крестьянской войны (1603–1606): Автореф. ... канд. ист. наук. Л., 1986. С. 7.

74 перечисленных в «Поименной росписи» «сенаторами». Сохранилось подробное художественное изображение приема польского посольства Н. Олесницкого и А. Гонсевского в Грановитой палате в мае 1606 г. (ныне в Будапештской национальной галерее), которое является фактической иллюстрацией «Поименной росписи» [3, с. 156–158].

Можно проследить прямую аналогию: Сенат Речи Посполитой насчитывал 140 человек и после Люблинской унии состоял из двух «советов» – «духовного» и «светского». Сенат был одновременно и королевским советом (как Дума при царе), и верхней палатой сейма. Согласно документу, созыв совместных заседаний «Освященного собора» и Думы должен стать постоянным. По мнению некоторых исследователей, Боярская дума при Лжедмитрии обладала правом законодательной инициативы и занималась всеми делами в государстве [8, с. 8].

Еще одна точка русско-польского сближения – идея о призвании принца Владислава «от государьского корени» – сопровождалась договором с будущим государем. Один из соответствующих проектов в августе 1610 г. и был подписан под Москвой, причем он обсуждался не только боярами, но и сотнями московского дворянства. Начиная с В.О. Ключевского, историки неоднократно отмечали, что такой договор был первым возможным шагом в направлении конституции. Присяга Владиславу означала, что трансформация по польскому образцу принимала полномасштабный характер. Владислав должен был править в соответствии с конституционным договором (такой договор напоминала и крестоцеловальная запись В. Шуйского), по которому суд и установление новых податей были делом Боярской думы, а законы утверждались Земским собором. Защита обоих государств должна осуществляться заодно, даже от татар предполагалось обороняться совместно. (Возможно, эта статья содержит отголоски несостоявшихся проектов государственных уний, предполагавших совместные внешнеполитические акции.) В договоре утверждалась нерушимость крепостного права и некоторых иных традиций и установлений. Уступкой прежним традициям было обещание Владислава принять православию и гарантия возможности отъезда «на науки» и сохранения

имущества тех, кто уезжал для обучения в другую страну, прежде всего в Речь Посполитую [7].

В основе договора лежали три основания, усиливающие его легитимность: «прирожденность» (а значит – несвязанность с московскими кланами), «выбор всенародства» и собственно договор. Политически такое решение было очень удачным, но вмешался отец Владислава, не принявший эту идею. Хотя имеющий ярлык «оголтелого и непримиримого католика» король Сигизмунд Ваза терпел кальвинистов в своем окружении и посещал православные богослужения во время и сразу после Смоленской осады, допуская многоконфессиональность подданных. Важное обстоятельство отметил в этом договоре Б.Н. Флоря, объясняя острый для начала Контрреформации вопрос о вероисповедании государя. Московские элиты отказывались его включать, т.к. не могли себе представить неправославного государя, а подписавший проект договора гетман С. Жолкевский отказался решать вопрос о конфессиональной принадлежности юного принца, исходя из представлений о свободе совести. В этом культурном диссонансе – вся нереальность такой кандидатуры [10, с. 119].

Что касается польских кандидатур на русский престол, то эта мысль со времен Лжедмитрия I возникала во всех дискуссиях на тему замещения московского трона. Василий Шуйский был столь непопулярен, что в Москве было много разговоров о желании видеть на царском троне польского короля. Посол Н. Олесницкий объяснял это тем, что по «по вкусу им вольность наша и очень надоела неволя, как была при Борисе и теперь при Шуйском» [9, с. 170].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать некоторые выводы. Россия перенимала основные компоненты польской государственности: выборных королей с ограниченной властью, свободу для дворянства и крепостное право для крестьян. Это проявилось в активизации земских соборов, в земском избрании на царство Бориса Годунова и Михаила Романова, в попытках создания феодальной «федерации» в Восточной Европе путем унии России и Речи Посполитой. Смута породила специфическую, до того почти незнакомую русскому человеку форму выражения

политических идей – правовую. Именно в Смуту появились документы, нормативно определявшие не только права и обязанности подданных, но, начиная с В. Шуйского, и самих правителей.

Великая Смута была не только гражданской войной, но и столкновением партий различной культурной ориентации, сторонников копирования польских порядков и приверженцев традиций. При этом Москва пыталась сохранить стержень национальной традиции – православие, настаивала на неприкосновенности церкви и крещении Владислава.

В конечном счете традиционалистская реакция заставила на время забыть о социальных проблемах и консолидировала различные социальные группы в борьбе с поляками и их приспешниками. На исходе Смуты в общении с поляками русские скептически отзывались о политическом устройстве Речи Посполитой. Но польские порядки с их вольностями и выборностью монархов отрицались не априори: просто у них одно, у нас другое. Из-за длинной череды катаклизмов политическая элита Московского государства, дворянство центра страны и духовенство оказались заинтересованы в сильной центральной власти, стремление к свободе и ограничению царской власти было пересилено.

Литература и источники

1. Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М. История государства и права Польши. М., 1980.
2. Генриховы артикулы (контракт выборных королей). <http://www.se-dmitza.ru/lib/text/439821/> Central Archives of Historical Records in Warsaw <http://belreform.org/ru/confed.php>
3. Лаврентьев А.В. Царевич – царь – цесарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали. 1604–1606 гг. СПб., 2001.
4. Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. 1. М., 2010.
5. Скрынников Р.Г. Борис Годунов М., 1983.
6. Собрание государственных грамот и договоров (СГГД). Ч. 2. М., 1819.
7. Статьи Тушинского посольства королю Сигизмунду III об избрании на московский престол королевича Владислава (4 (14) февраля 1610 г.)// Общественная мысль России в XVI–XVII вв.: в 2-х т. Т. 1: «Великая Смута» / Сост., авторы коммент. И.Л. Андреев, В.Н. Козляков; автор вступ. ст. И.Л. Андреев. М., 2010. С. 294–299.

8. *Ульяновский В.И.* Социальная и внутривластная борьба в Русском государстве на первом этапе крестьянской войны, 1603–1606 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.
9. *Флоря Б.Н.* Три письма о событиях Смуты // Архив русской истории. Вып. 3. М., 1993. С. 167–176.
10. *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978.
11. *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.

Талина Галина Валерьевна,
доктор исторических наук, профессор;
зав. кафедрой истории
Института
социально-гуманитарного образования
Московского педагогического
государственного университета

РОССИЯ И РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ: ВЗАИМНЫЕ ПРЕТЕНЗИИ НА ПРЕСТОЛ В XVII в.

Аннотация. В статье рассмотрены претензии королей Речи Посполитой Сигизмунда III и Владислава IV на русский престол в первой трети XVII в.; претензии русского царя Алексея Михайловича, царевичей Алексея Алексеевича и Федора Алексеевича на корону Речи Посполитой в третьей четверти XVII в.; поддержка, оказанная Петром I саксонскому курфюрсту Фридриху Августу I в борьбе за польский престол в конце XVII в. Проблема борьбы за корону иностранного государства ставится в рамках общеевропейских международных отношений, политических союзов в Европе. Сравниваются разные формы монархического устройства России и Речи Посполитой, рассматриваются оценки современниками выборной и наследственной самодержавной монархий.

Ключевые слова: престол, элекционный сейм, наследственная абсолютная монархия, выборная монархия, международные отношения

Talina Galina Valeryevna,

*Doctor of Historical Sciences, Professor;
Head of History Department,
Institute of Social Studies and Humanities,
Moscow Pedagogical State University*

RUSSIA AND RECH POSPOLITAYA: RECIPROCAL PRETENSIONS TO THRONE IN XVII c.

Abstract. The article describes the pretensions of the kings Zygmund III and Vladislav IV to the Russian throne in the first third of the XVII century, the pretensions of the Russian tsar Alexei Mikhailovitch, tsarevitches Alexei Alexeyevitch and Fyodor Alexeyevitch to the crown of Rech Pospolitaya in the third quarter of the XVII c., Peter's I supporting Saxon elector (Kurfürst) August I in the fight for the Polish throne at the end of the XVII c. The problem of fighting for the crown of a foreign country is considered within a framework of the problem of European international relations and political unions established in Europe of that period. Different forms of monarch governments of Russia and Rech Pospolitaya are compared. Attention is paid to the assessment of evaluating electoral and inherited autocratic monarchies by contemporaries.

Key words: throne, Election Sejm, inherited absolute monarchy, electoral monarchy, international relations

Во взаимоотношениях России и Речи Посполитой XVII век – уникальный период, отмеченный претензиями монархов обоих государств на престол друг друга. В первой трети столетия перевес сил был на стороне Польши, а призвание польского королевича на трон Рюриковичей стало реальностью. Во второй половине столетия ситуация существенно изменилась. Роль России в европейских делах возросла, встал вопрос об избрании на польский престол русского монарха или его наследника. Обе страны при этом показали пример эволюции разных типов монархии: Россия – наследственной, но переживавшей пресечение одной и становление другой династии, Речь Посполитая – выборной. В век становления европейского абсолютизма Россия смогла выстроить свой

национальный тип абсолютной монархии. Ее идеологи и мыслители, доказывая необходимость такой формы правления, каждый раз сравнивали наш опыт с польским. В Речи Посполитой попытки построения абсолютизма наталкивались на претензии шляхты, а выборность монархов становилась важнейшим козырем в политической игре высшего сословия. Русско-польские отношения в рассматриваемый период не были изолированы от общеевропейских процессов и выстраивались с учетом интересов целого ряда иных стран.

На период русской Смуты в Речи Посполитой пришелся рокош Зебжидовского (Сандомирский рокош) – восстание шляхты против короля Сигизмунда III (1606–1609). Король победил, но развитие абсолютистских тенденций было прервано. Польско-литовские оппозиционеры способствовали появлению в России Лжедмитрия II, которого они провозгласили русским царем. Попытка заключить мирный договор не удалась, и правивший в России Василий Шуйский вынужден был заключить союз со Швецией. Сигизмунд III начал войну с Россией, продолжавшуюся с 1609 по 1618 г. В результате осады 1609–1611 гг. войска короля заняли стратегически важный Смоленск, но не смогли пройти к Москве на помощь польскому гарнизону.

Находясь под Смоленском, Сигизмунд III приказал полякам-тушинцам прибыть к нему на службу. Лжедмитрий II лишился польской помощи и в конце 1609 г. бежал в Калугу. Тушинские бояре во главе с «нареченным патриархом» Филаретом (Ф.Н. Романовым) вернуться в Москву уже не могли и вступили в переговоры с Польшей. Они первыми выдвинули идею о приглашении на московский престол сына польского короля королевича Владислава. Согласно договору от 4 февраля 1610 г., Владислав должен был занять русский престол после крещения в православие [2, № 180, с. 314–317].

В июле 1610 г. Василий Шуйский был свергнут с престола. Власть в России перешла к Семибоярщине – князю Федору Ивановичу Мстиславскому со «товарыщи». 20 июля 1610 г. в грамоте, направленной в Пермь, бояре писали о необходимости «выбрать ... государя всею землею». Они рассматривали боярскую комиссию как временный орган, действовавший до избрания нового государя.

Поляки во главе с гетманом коронным Станиславом Жолкевским к 26 июля находились в непосредственной близости от Москвы. С другой стороны к городу подошли отряды Лжедмитрия II. Противоречия между знатнейшими русскими родами способствовали возрождению идеи о призвании на русский престол иностранца. Основным кандидатом стал сын польского короля Сигизмунда III – Владислав. Переговоры о призвании начались под Москвой, у села Хорошева, где стояло польское войско. Договоренность была достигнута только к концу августа. Русская сторона особо настаивала на том, чтобы королевич перешел в православие, а кроме того, чтобы не предпринимались попытки «отводить» русское православное население в иную веру, строить в России католические костелы и возводить поляков и литовцев на государственные должности [3, с. 37–38]. 27 августа 1610 г. Москва присягнула Владиславу.

11 сентября к королю Сигизмунду под Смоленск было отправлено посольство почти в 200 человек. Возглавляли его Филарет (Федор Романов) и В.В. Галицын [5]. 11 октября польские войска вошли в Москву. Комендант Московского кремля в 1610–1612 гг. Александр Гонсевский располагался на старом дворе Бориса Годунова, войско – в Китае и Белом городе. Гонсевский присутствовал на заседаниях Боярской думы. К марту 1611 г. действия москвичей против оккупантов приобрели характер городской войны. В это время к Москве подошли и силы Первого Земского ополчения. Однако ополчение распалось, в июле 1611 г. был убит один из его лидеров Прокопий Ляпунов, пал Смоленск. Русские послы из-под Смоленска отправлены были в Литву.

Королевич Владислав в Москве не появлялся. В октябре 1611 г. Семибоярщина отправила в Речь Посполитую новое посольство во главе с князем Ю.Н. Трубецким и боярином М.Г. Салтыковым. Однако конкуренцию своему сыну в претензиях на русский престол составил сам Сигизмунд III. 16 октября 1611 г. в послании папе римскому он писал: «Постараюсь внести святую католическую веру и в княжество Северское (выделено мною. – Г.Т.), расширяя пределы католической веры вместе с пределами моего королевства» [1, № 3, с. 109; № 7, с. 117; 12, с. 91–99].

С сентября 1611 г. в Нижнем Новгороде формировалось Второе Земское ополчение. В августе 1612 г. с частью сил, оставшихся под Москвой от Первого ополчения, оно разбило польскую армию под Москвой, а в октябре 1612 г. полностью освободило столицу.

Присяга 1610 г. королевичу Владиславу и присяга 1613 г. Михаилу Романову (который сам до этого присягал Владиславу) давали повод польской стороне не признавать легитимный характер власти первого Романова. В 1614 г. польские паны прислали московским боярам грамоту с упреками в «измене» Владиславу и предложением переговоров [9, с. 274–299]. Переговоры продолжались с 1615 по 1618 г. Тем временем в Столбово 27 февраля 1617 г. был подписан «вечный мир» России со Швецией, закрывавший для России выход в Балтийское море.

В этих условиях польский королевич Владислав выступил в поход на Москву. На Украине к нему присоединились отряды гетмана Сагайдачного. Воеводы Дорогобужа и Вязьмы фактически признали его «царем московским». Поляки подошли к Москве, но штурмом взять ее не смогли. Стороны вступили в переговоры к северу от русской столицы в местечке Деулино 1 декабря 1618 г. В итоге было подписано перемирие на 14,5 лет. Речь Посполитая больше не претендовала на территорию к западу от Москвы, но удержала Смоленск. На весну 1619 г. был назначен обмен пленными (произошел 1 июня). Отец Михаила Федоровича Филарет вернулся в Москву, став патриархом всея Руси и великим государем. Фактическое двоецарствие продолжалось в России вплоть до его смерти в 1633 г.

В 1632 г. истек срок российско-польского перемирия. Летом 1631 г. русские полки во главе с князьями Д.М. Черкасским и Б.М. Лыковым подошли к Дорогобужу и Смоленску. В апреле 1632 г. умер король Речи Посполитой Сигизмунд III, начался период бескоролья. В сентябре из Москвы выступило 32-тысячное войско во главе с боярином М.Б. Шеиным и окольным А.В. Измайловым. 12 октября сдался польский гарнизон Серпейска, 18 октября – Дорогобужа, были взяты Белая, Рославль, Новгород-Северский, Стародуб и другие города. В декабре 1632 г. русские войска осадили Смоленск.

Тем временем на престол в Речи Посполитой был избран сын Сигизмунда Владислав. Он выступил к Смоленску. Союзник поляков крымский хан летом 1633 г. стал опустошать российские окраины, доходя до Московского уезда. В конце августа – сентябре 1633 г. Владислав предпринял несколько штурмов русских укреплений и снял осаду Смоленска. Шеин мог отступить, чтобы продолжить борьбу, но для этого надо было бросить артиллерию. Он такого решения не принял и приказал строить новые укрепления. 9 октября польско-литовская армия, усиленная запорожским войском гетмана Тимофея Арандоренко, перекрыла Московскую дорогу и блокировала русскую армию. В середине февраля 1634 г. Шеин согласился начать переговоры с польским королем о капитуляции. Русские полки с личным оружием, знаменами, 12 полевыми пушками, но без осадной артиллерии и обозного имущества получали право отхода к своей границе. Самым тяжелым условием капитуляции был пункт о выдаче всех перебежчиков, он и привел в дальнейшем к казни главнокомандующего. С февраля по март 1634 г. продолжалась оборона гарнизона города Белая, что не позволило польской армии поникнуть вглубь Русского государства [13].

По Поляновскому миру 1634 г. Черниговская земля с городами Чернигов и Новгород-Северский оставалась за Польшей, Смоленская земля с городами Смоленск, Трубчевск, Рославль и др. – за Литвой. К России переходил г. Серпейск с уездом. Речь Посполитая обязывалась вывести войска из пределов России. Король польский и великий князь литовский Владислав IV отказывался от претензий на русский престол. Россия должна была выплатить Речи Посполитой 20 тысяч рублей серебром.

Во второй половине XVII в. ведущими европейскими державами являлись Франция и Священная Римская империя германской нации. Франция, борясь за гегемонию в Европе при Людовике XIV (1643–1715), пыталась привлечь на свою сторону Швецию. С XVI в. происходило сближение Франции и Османской империи, хотя этот союз не был оформлен официальными договорами. По инициативе кардинала Ришелье против империи Габсбургов формировался союз, в который кроме Османской империи и Швеции входила Речь Посполитая. Интересы проавстрийских и профранцузских

группировок сталкивались и на элекционном сейме при избрании польского короля.

Борьба с Польшей (Смоленская война 1632–1634 гг.) предопределила сближение России со Швецией и странами антигабсбургской коалиции. В 1653 г. Россия приняла Украину под государеву руку и начала борьбу с Речью Посполитой. В 1654 г. русские войска заняли Смоленск, обширные земли в Восточной Белоруссии. К осени 1655 г. они вступили в Ковно, Вильно, Минск, дошли до Гродно, Бреста, Львова. Наступил переломный момент в процессе вхождения России в формирующуюся в Европе вестфальскую систему международных отношений, опирающуюся на приоритеты национальных государств.

Балтика стала зоной конфликтов России, Швеции и Речи Посполитой. Успехи русских войск в кампании 1654 г. вызывали беспокойство в Швеции. Карл X Густав в 1655 г. напал на Речь Посполитую, начав Первую северную войну (1655–1660). Речь Посполитую поддерживали государства габсбургской коалиции – Священная Римская империя, Дания, Бранденбург. В конце 1655 г. в Москву прибыло посольство из Вены в составе А. Аллегретти и И.Т. Лорбаха с предложением о посредничестве в русско-польских переговорах. Императору был необходим русско-польский союз против Швеции, не позволявший шведам вести борьбу против империи.

Москва опасалась усиления Швеции за счет Речи Посполитой и в 1656 г. разорвала дипломатические отношения со шведами. Осенью 1656 г. в Вильно начались русско-польские переговоры. В частности, на них рассматривался и вопрос о польском престоле после Яна II Казимира (1648–1668). (Это третий и последний король польский и великий князь литовский из династии Ваза, сын Сигизмунда III и единокровный брат Владислава IV).

Еще в середине XV в. в Польше утвердился принцип избрания нового монарха на общем собрании дворянского сословия (шляхты) в рамках «свободной элекции». После Люблинской унии (1569) правило распространилось и на Речь Посполитую. При этом было несколько попыток избрать следующего монарха еще при жизни правящего монарха (*vivente rege* (лат.) – «при живом короле»). Принцип «при живом короле» мог способствовать формированию

династического правления, но не соответствовал представлениям шляхты о ее привилегиях. В середине 1650-х гг. сторонником этого принципа выступали: король Ян II Казимир и королева Мария Луиза де Гонзага. Королева – дочь французского герцога Шарля де Невера и супруга обоих братьев Ваза – Владислава IV и Яна II Казимира. Своих детей королева не имела, но рассматривала кандидатов из числа родственников. Для короля определение наследника при его жизни давало возможность найти союзников в борьбе со Швецией.

Рассмотрение кандидатов началось в 1655 г. Обсуждался вопрос о возможности возведения на польский престол Фердинанда III – императора Священной Римской империи или его сына. (Сама Австрия, ослабленная Тридцатилетней войной, к этому готова не была.) Другими кандидатами были бранденбургский курфюрст Фридрих-Вильгельм и трансильванский князь Дьеорд Ракоци II. Русский царь Алексей Михайлович также выступил в роли соискателя. (Москва опасалась, что Речь Посполитая окажется под влиянием кого-нибудь из своих соседей.) По Виленскому соглашению кандидатуру царя должен был утверждать сейм. Рассматривался и вопрос о выдвижении на польский престол русского царевича Алексея Алексеевича. Русская кандидатура обсуждалась даже в Риме. Папа Александр VII готов был ее поддержать, но при условии перехода кандидата в католическую веру. После Виленских переговоров сейм утвердил кандидатуру царя Алексея Михайловича, но после возобновления Русско-польской войны в 1658 г. польская сторона уже не соблюдала условий Виленского соглашения [7, с. 147–148].

Завершение войны с Польшей и подписание Андрусовского перемирия усиливало позиции России, создавало условия для совместной борьбы двух стран против Османской империи. Главой Посольского приказа стал А.Л. Ордин-Нащокин, внешняя политика России активизировалась. В мае-июне 1667 г. были отправлены посольства в Испанию, Францию, Соединенные провинции, Англию, Данию, Швецию, Бранденбург, Венецию, Австрийскую монархию, т.е. государства как габсбургской, так и антигабсбургской коалиции. Такие миссии были дорогостоящими, поэтому каждому посольству предстояло посетить несколько стран.

В 1667 г. вновь встал вопрос о польском престоле. Франция, Швеция, Бранденбург (присоединившийся к антигабсбургской коалиции) выступали за кандидатуру принца Конде – представителя младшей ветви Бурбонов. Папа и император Священной Римской империи Леопольд I – за Михаила Вишневецкого, представителя польского шляхетского рода. Россия выдвинула кандидатуру царевича Алексея Алексеевича и пыталась найти поддержку у Австрии и Испании, понимая, что обе ветви Габсбургов выступают противниками французского претендента и распространения в Европе влияния Франции. Переговоры в Австрии вел И.А. Желябужский, в Испании – стольник П.И. Потемкин. Австрии Россия предлагала помощь в борьбе с Османской империей (несколько миллионов гульденов и 40 тыс. человек), а Испании – помимо денег и огромного военного контингента для борьбы с османами – возможность рассмотрения вопроса о переходе царевича в католичество и гарантии того, что Россия и Речь Посполитая не будут объединены в одно государство [7, с. 154]. Реальных результатов переговоры не принесли, европейские страны тогда не были заинтересованы в России как союзнике в борьбе с Османской империей.

В 1668 г. король Ян II Казимир, попытавшись усилить свою власть, натолкнулся на резкое недовольство шляхты и был вынужден отречься от трона. Начался период бескоролья. Занимавшие ключевые позиции в Великом княжестве Литовском братья Казимир (канцлер) и Михаил (великий гетман и воевода виленский) Пацы направили «пункты» – предложения А.Л. Ордину-Нащокину. В документе говорилось об условиях приглашения русского царевича на польский престол: принятие католической веры, отказ от наследственных прав на русский трон (как способ предотвратить в дальнейшем объединение двух стран), возвращение Речи Посполитой всех ранее завоеванных Россией земель, выплата Россией долгов Речи Посполитой и внесение в ее казну трех миллионов руб., переговоры об унии церквей, вооруженная помощь России своему царевичу в борьбе с иными кандидатами и др. При переговорах в сентябре 1668 г. с посланцами К. Паца А.Л. Ордин-Нащокин сообщил, что царь не намерен выдвигать кандидатуру своего сына на выборах [14, с. 407–408, 411]. Королем

польским и великим князем литовским 19 июня 1669 г. был избран Михаил Корибут Вишневецкий.

«Литовский проект» вновь дал знать о себе после смерти короля Михаила 10 ноября 1673 г., во время выборов 1674 г. Речь Посполитая с 1672 г. воевала с Турцией. Первый этап войны был для нее неудачен: турецкие войска вторглись в Подолию и взяли Каменец-Подольский. По Бучачскому миру вся Правобережная Украина до Днепра, за исключением Каменец-Подольского, подчинялась власти гетмана П.И. Дорошенко, союзника султана. Сейм договор не утвердил. В ноябре 1673 г. польский командующий Ян Собеский разбил османские войска под Хотинем. К весне 1674 г. султан готовился к новому походу.

Литовские политики предложили польский трон царевичу Федору Алексеевичу, ставшему после смерти своего старшего брата Алексея Алексеевича наследником русского престола. «Литовская партия», с одной стороны, стремилась к возвращению земель на востоке – Смоленска и Украины, перешедших к России в 1667 г. С другой стороны, Россия могла стать союзником в борьбе с Турцией. Кроме того, было и сильное желание найти способ восстановления Великого княжества Литовского в его границах до Люблинской унии 1569 г.

В начале 1674 г. встал вопрос о правобережье Днепра. По Андрусовскому договору территория была признана частью Речи Посполитой, но затем отошла к Османской империи. В течение февраля 1674 г. русско-украинское войско заняло такие города Среднего Поднепровья, как Черкасы, Канев, Корсунь. (Россия трактовала эти действия как борьбу с Османской империей, а не с Речью Посполитой.) 15 марта на Раде в Переяславе Иван Самойлович был провозглашен гетманом обеих сторон Днепра. Россия не только не собиралась отказываться от земель на западе от Днепра, перешедших к ней по Андрусовскому перемирию, но и стремилась к тому, чтобы Речь Посполитая признала переход под русскую власть земель Правобережного гетманства.

Вместо кандидатуры царевича царь Алексей Михайлович предложил собственную кандидатуру и пообещал защитить Речь Посполитую в войне с османами. Царь настаивал и на изменении

сложившихся правил элекционного сейма, а именно выбора короля из числа кандидатов, приславших своих послов. Царь желал, чтобы «всенародный совет» Речи Посполитой принял решение о его избрании, и направил своих послов в Москву. Жители Речи Посполитой должны были просить царя занять их трон. Официально Москва так и не «выставила» своего кандидата. 19 мая 1674 г. польская шляхта избрала королем Яна Собеского, через два дня к этому решению присоединились магнаты и шляхта Великого княжества Литовского [15, с. 269–290].

Фигуры Михаила Вишневецкого и Яна Собеского принципиально отличались от королей Речи Посполитой первой половины XVII в. Сигизмунд III, Владислав IV, Ян II Казимир являлись представителями шведской королевской династии Ваза, занимавшей шведский трон в 1523–1654 гг. и польский престол в 1587–1668 гг. Вишневецкий был первым королем Польши шляхетского происхождения и первым с конца XIV в. монархом, имевшим существенные польские корни. Ян Собеский являлся представителем польского дворянского рода. Оба не имели отношения к королевским фамилиям. Идея выборности монарха в Речи Посполитой достигла своего апогея.

Россия столкнулась с совершенной иной тенденцией. Представители боярского рода Романовых оказались на царском престоле. Основным доказательством их прав на долгие годы стало родство (хотя и крайне отдаленное) с Рюриковичами. Придворные идеологи, да и сами государи трудились над тем, чтобы показать не становление новой, а реконструкцию прежней династии. Правивший в России с 1645 по 1676 г. царь Алексей Михайлович принял участие в разработке чина объявления наследника и дважды (1 сентября 1667 г. и 1 сентября 1674 г.) совершил церемонию его представления подданным, сначала в отношении царевича Алексея, затем – царевича Федора [10, т. 1, № 415, 586]. После подписания в 1667 г. Андрусовского перемирия Алексей Михайлович издал указ, в котором была дана детальная характеристика большой государственной печати. Среди прочего отмечалось: «...под орлом знак отчича и дедича; *на персах изображение наследника* (выделено мною. – Г.Т.); в пазноктех скипетр и яблоко, и являют

милостивейшаго государя, его царского величества самодержца и обладателя» [10, т. 1, № 421]. Отметим, что помещать изображение наследника или царствующего монарха вместо изображения Георгия Победоносца, пронзающего копьём змея, – характерная практика 60-х гг. XVII в. В Московской Библии 1663 г. на фронтисписе был изображен двуглавый орел, на груди которого помещалась фигура царя Алексея [4].

Отечественные мыслители хотя и не обласканные властью, но, сопоставляя русскую и польскую монархию, видели в последней ряд недостатков. Известный хорватский философ, писатель, историк и публицист Юрий Крижанич, прибывший в Москву в 1659 г. и сосланный в Тобольск в 1661 г., в своем трактате «Политика» написал целый раздел «О том, что русское правление лучше польского». Анализируя ситуацию с правлением представителей династии Ваза, он отметил, что поляки «всегда должны терпеть чужеземных королей и <...> не могут поставить короля из своего народа». Положение «сосватанных чужеземных королей» также незавидно, т.к. «сейм заглушает их своим обычным криком, а если они что-нибудь прикажут, люди их не слушают». Характеризуя положение польского дворянства, автор подчеркивал, что «из-за непрерывных сеймов они никогда не имеют покоя, а всегда скитаются и разъезжают <...>, приехав на сейм они отдают <...> за наемные дома, за вино и за иные товары все свое добро и закладывают тело и душу». Хотя один из основных пороков правления, по Крижаничу, – «чужевладство» – с приходом на престол Речи Посполитой представителей польских родов на некоторое время был устранен, главный недостаток сохранялся. Идеальная форма правления, по Крижаничу, – самовладство (самодержавие, абсолютизм) – была установлена в России. В Польше же было «столько королей и тиранов, сколько властелей» [8, с. 547–552].

Сложившаяся в России наследственная монархия, как показала история, имела свои уязвимые стороны. Чрезмерное количество наследников государя от разных браков могло спровоцировать борьбу кланов. Это проиллюстрировало противостояние Милославских и Нарышкиных в конце XVII столетия.

Речь Посполитая в последней четверти XVII в. при Яне III Собеском представляла собой достаточно сильное европейское государство. Изначально король ориентировался на Францию и считался противником России и Священной Римской империи. Однако на Европу усиливалось давление Порты. В августе 1675 г. Собеский разгромил 20 000 турок и татар под Львовом, а в 1676 г. польские войска отбили наступление турецко-татарских войск на Львов. В том же году Польша подписала с Турцией Журавенский договор, отдав ей 1/3 Украины, но вернув 10 тысяч пленных-христиан. В 1677 г. впервые после 1657 г. Речь Посполитая возобновила союз с Австрийской монархией. В борьбе с османами она была заинтересована в России как в союзнике.

Противоречия России и Турции вылились в войну 1672–1681 гг., в которой на стороне Османской империи выступало вассальное Крымское ханство. В 1681 г. при царе Федоре Алексеевиче между воюющими сторонами был подписан Бахчисарайский договор – соглашение о 20-летнем перемирии. Правобережная Украина осталась под протекторатом П. Дорошенко. В 1682 г. к власти пришло правительство царевны Софьи – регента при царевичах Иване и Петре.

В 1683 г. турки осадили Вену. Европа поднялась на борьбу с Османской империей. В 1686 г. Россия и Речь Посполитая подписали «вечный мир». За Россией закреплялись Левобережная Украина, Запорожская Сечь и Киев, Россия выплачивала 150 000 рублей, должна была разорвать отношения с Османской империей и Крымским ханством и присоединиться к «Священной лиге», став участником общеевропейской коалиции. Крымские походы В.В. Голицына окончились неудачно. Однако Австрийская монархия и папская курия были вынуждены признать те изменения в расстановке сил в Восточной Европе, которые произошли с завершением Русско-польской войны в 1667 г.

17 июня 1696 г. скончался король Ян III Собеский. Последние его годы ознаменовались разладом в семье, – каждый из его сыновей надеялся получить престол благодаря поддержке той или иной иностранной державы. Выборная монархия не позволяла правящему монарху решить судьбу престола самолично.

Основными претендентами на корону оказались не сыновья Сосбеского, а кузен Людовика XIV Франсуа-Луи, 3-й принц де Конти, и саксонский курфюрст Фридрих Август I. Большинство голосов было отдано французскому кандидату, но коронован 15 сентября 1697 г. под именем Августа II был его соперник. Его поддержали Австрия, папа, Бранденбург-Пруссия и Россия. В конце XVII в. Россия уже не выставляла своих кандидатов на польский престол. Однако, поддерживая Августа, русский царь Петр I отправил к литовской границе войско князя Ромодановского. Чтобы занять польский престол, протестант Август принял католицизм. Речь Посполитая вновь оказалась под властью чужеземца.

Во время Северной войны (1700–1721) Август II надеялся вернуть Речи Посполитой захваченную шведами Лифляндию, ввести в Польшу саксонскую армию и монополизировать власть. Сделать этого не удалось. В ходе войны король терял корону, а по итогам войны не получил земельных приращений [6, с. 192–196]. Россия же превратилась в империю, перешла к европеизированной модели абсолютистского государства, получила выход в Балтику и значительно усилилась в Европе.

Петр I своим указом 1722 г. установил право монарха назначать своего преемника [10, т. 4, № 3893]. Главный идеолог царствования Феофан Прокопович обосновал это узаконение в «Правде воле монаршей в определении наследника державы своей». Тем не менее Россия продолжала считать свою монархию наследственной и по-прежнему критиковать избирательную монархию, ссылаясь на опыт Польши.

Согласно Прокоповичу, «в избирательной монархии ... государь настоящий трудов подымать не хочет, понеже не ведает, докончит ли оные, кто по нем державу примет»; «мятежи и смущения творит смерть государева, когда явятся равносильные ... ищущие короны соперники, и народа часть за сим, а часть за другим станет, и аки бы на два народа Государство разделится: коликое междоусобие, коликие внутренние брани, взаимные нападения, кровопролития, грабежи и разорения» [11].

В целом XVII столетие стало периодом, когда Россия и Речь Посполитая выступали в качестве равных партнеров и соперников.

Самодержавно-абсолютистская система правления с наследственной монархией как доминантная модель европейского развития давала больше преимуществ избравшим ее государствам в системе международных отношений. Абсолютизация во многом предопределила переход русских властодержателей от попыток сохранить свой престол к претензиям на чужой. Между тем абсолютизация сочеталась не только с бюрократизацией государства, но зачастую с отмиранием представительных учреждений. Неизбежный на более позднем историческом этапе кризис абсолютизма приводил к кризису монархии в условиях запоздалого формирования парламентской системы.

Литература и источники

1. Акты времени Междущарствия // Смутное время Московского государства. М., 1915. Вып. 3. Разд. II.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 4. СПб., 1851.
3. *Ананьев В.* Семибоярщина // Родина. 2005. № 11.
4. Библия Москва, Печатный двор, 12 декабря 1663 г. Rarus's gallery. Fine Books, Prints, Photographs and Icons. URL: <http://www.raruss.ru/slavonic/slav3/1735-biblia-1663.html> (дата обращения: 13.04.2019).
5. Голицыны – русский княжеский род. URL: <https://to-name.ru/biography/golicynu.htm> (дата обращения: 13.04.2019).
6. *Иволина Л.И.* Польская корона Августа Сильного: выгода или ошибка? // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты: Матер. II Междунар. науч.-практ. конф. Мин. образ. и науки РФ; Рязанский гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2017.
7. *Кобзарева Е.И.* Россия и вестфальская система (1648–1686 годы) // Новая и Новейшая история. 2014. № 2.
8. *Крижанич Ю.* Политика / Под ред. М.Н. Тихомирова, пер. А.Л. Гольдберг. М., 1965.
9. *Наумов Е.Ю.* Внешняя политика России в XVII в.: на пороге «общей» Европы // Новый исторический вестник. 2001. № 2 (4).
10. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830.
11. Правда воли монаршей в определении наследника державы своей. М., 1726. URL: <http://музейреформ.рф/node/13642>
12. *Рыбалко Н.В.* Проблема выбора государя в России: земское самоуправление в период междущарствия: по материалам актового делопроизводства // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер.: История. Политология. 2013. № 15 (158).

13. Смоленская война 1632–1634 гг. // Военное обозрение, 4 октября 2012. URL: <https://topwar.ru/19578-smolenskaya-voyna-1632-1634-gg.html> (дата обращения 10.03.2019).
14. *Флоря Б.Н.* Внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013. С. 407–408, 411.
15. *Флоря Б.Н.* Россия и элекция в Речи Посполитой 1674 года // Средние века. 2015. Т. 76. № 1–2.

Захаров Виталий Юрьевич,
доктор исторических наук;
профессор кафедры истории России
Института истории и политики
Московского педагогического
государственного университета

ПОЛИТИКА
«КОНСТИТУЦИОННОЙ ДИПЛОМАТИИ»
АЛЕКСАНДРА I В ПОЛЬШЕ
И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с проведением политики «конституционной дипломатии» в присоединенных польских территориях по итогам Венского конгресса 1814–1815 гг. Раскрываются причины, суть и цели этой политики, которая являлась важной составной частью внешнеполитического курса Российской империи. Характеризуется роль императора Александра I в ее разработке и реализации. Особое внимание уделяется польскому направлению этой политики. Анализируются предыстория, основные положения и особенности Конституции Царства Польского 1815 г., а также противоречивые результаты проведения политики «конституционной дипломатии» в Польше.

Ключевые слова: политика «конституционной дипломатии» Александра I, внешняя политика России первой четверти XIX в., Конституция Царства Польского 1815 г., польский вопрос и Российская империя

Zakharov Vitaliy Yuryevich,
*Doctor of Historical Sciences; professor,
Department of Russian History,
Institute of History and Politics,
Moscow Pedagogical State University*

**THE POLICY
OF CONSTITUTIONAL DIPLOMACY
OF ALEXANDER I IN POLAND
AND ITS RESULTS**

Abstract. This article is about the constitutional aspects of Russian foreign policy under the ruling of Alexander I. The author analyses reasons and aims of the policy of constitutional diplomacy which was carried out in the epoch of Restoration, especially in Poland. It considers prehistory, main positions and peculiarities of the Constitution of Polish kingdom 1815 and analyses results of the policy of constitutional diplomacy in Poland which was very contradictionary.

Key words: constitutional diplomacy, foreign policy of Alexander I, the Constitution of Polish kingdom 1815, epoch of Restoration, polish question and Russian empire

Одним из наиболее оригинальных и в то же время малоизвестных для широкого круга читателей направлений российской внешней политики в период правления Александра I является политика «конституционной дипломатии». Она довольно активно проводилась на международной арене в 1801–1820 гг. Сам термин был предложен в 1960-х гг. специалистом по русско-английским отношениям и греческому вопросу на рубеже XVIII–XIX вв. А.М. Станиславской [8; 9].

Суть этой политики заключалась в использовании идей умеренного конституционализма в целях приспособления к изменившейся ситуации в Европе после Французской революции. Наиболее дальновидным представителям правящих кругов России было понятно, что для успешной борьбы с «революционной заразой» необходимо выдвинуть в качестве противовеса какую-то привлекательную идею, пойти навстречу общественному мнению. Такой

идеей стала идея верховенства права и закона, выраженная в Конституции как основном законе государства. Само принятие конституционного документа мыслилось как необходимая и в то же время достаточная гарантия от повторения революционных событий в том или ином государстве. По сути, это была доктрина *правительственного конституционализма*, которой придерживался Александр I на протяжении большей части своего правления, по крайней мере до 1820 г., как внутри страны (разработка конституционных проектов в 1801, 1809, 1818–1820 гг.), так и в сфере внешней политики. Приверженность этой доктрине императора можно объяснить не только особенностями полученного – благодаря Ф.-Ц. Лагарпу – воспитания и образования в юные годы, но и, по-видимому, пониманием того, что ведущие державы развиваются по конституционному пути, за этим будущее и любая менее развитая страна, включая и Россию, неизбежно пойдет по тому же пути. Весь вопрос во времени, когда это произойдет.

Политика «конституционной дипломатии» являлась одним из проявлений правительственного конституционализма в сфере внешней политики. Ее содержание заключалось во введении умеренных конституций в тех странах, которые в 1801–1820 гг. оказывались в сфере влияния России или под ее непосредственным управлением. Нельзя сказать, что Александр I был единоличным изобретателем такой политики. Скорее его можно назвать продолжателем идей, высказанных его предшественниками на российском престоле Екатериной II и Павлом I. Уже в проекте 1792 г. восстановления королевской власти во Франции Екатерина II, по сути, отказалась от мысли полностью восстановить во Франции дореволюционные порядки. Она допускала сохранение наиболее умеренных преобразований времен революции, укладывающихся в концепцию «истинной монархии», включая конституционные ограничения власти монарха [4, с. 471]. Павел I пошел еще дальше. Он отказался от идеи реставрации «легитимной» династии Бурбонов и признал законным приход к власти Наполеона Бонапарта, заявив при этом, что ему «безразлично, кто будет царствовать во Франции, лишь бы правление было монархическим» [Там же, с. 471–472]. Тем самым предшественники Александра I

заложили основы будущей теории легитимизма, понимая под «законным правлением» монархический принцип безотносительно к личности, его представляющей.

В порядке своеобразного эксперимента политика «конституционной дипломатии» впервые была осуществлена на Ионических островах, находившихся под протекторатом России в 1799–1807 гг. (Конституции 1803 и 1806 гг.), и показала неплохие результаты. Продолжение последовало в 1809 г., когда конституционное устройство и широкую автономию получила Финляндия (вошедшая в состав Российской империи по итогам Русско-шведской войны 1808–1809 гг.). Кульминацией политики «конституционной дипломатии» можно считать эпоху Реставрации (1814–1820) [7]. Именно тогда по инициативе Александра I и при его личном участии в 1814 г. была принята Конституционная Хартия Франции, а в 1815–1818 гг. – и конституции в большинстве малых германских государств (Бадене, Баварии, Вюртемберге, Гессене и др.) на основании решений Венского конгресса [3]. В этом ряду находится и Конституция Царства Польского 1815 г., которая и будет интересовать нас прежде всего.

Так называемое Царство Польское было образовано в результате Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг., в ходе которых Россия заняла Великое герцогство Варшавское и контролировала, таким образом, около 90% бывшей Речи Посполитой. Основываясь на праве победителя и фактическом владении польскими землями, Александр I, судя по всему, по совету бывшего члена Негласного комитета и министра иностранных дел России в 1804–1806 гг. князя А. Чарторижского решил образовать соединенное с Россией личной унией Царство (или Королевство) Польское. В его состав должны были первоначально войти земли этнической Польши, а в будущем, возможно, и Литвы. Но главное, создаваемое Царство Польское должно было обязательно получить конституционное устройство. Эту идею Александр I особенно упорно отстаивал в дискуссиях с бывшими союзниками на Венском конгрессе 1814–1815 гг. С резким протестом против планов Александра I выступили английский представитель лорд Р. Кэслри и прусский представитель барон Г. фон Штейн. Суть их возражений

сводилась к тому, что предоставление Польше конституции «разрушит единство внутреннего управления в России». В «русских поляках» это будет поддерживать мечты о возрождении их независимости, а среди тех поляков, которые достанутся остальным державам, – «причины к брожению и стремление к отделению» [1, с. 1–22]. При этом слышавший либералом Г. фон Штейн фактически оправдывал разделы Речи Посполитой, объявив их справедливой карой за многовековую анархию, произвол магнатов, постоянные притеснения низших сословий. Кроме того, польская нация, по его мнению, «не доросла до получения конституции и свободы», у нее отсутствуют необходимые элементы, которые должны лежать в основе свободы, – чистота нравов, уважение к человеку, просвещенность населения, наличие третьего сословия, городско-го и сельского самоуправления [Там же, с. 22].

Истинные мотивы негативного отношения Пруссии к введению конституции в Царстве Польском лежали, что называется, на поверхности. Это опасение роста национально-освободительных и сепаратистских настроений у польского населения в прусской и австрийской частях Польши, «вдохновенного» российским примером. Тем более, что ни Пруссия, ни Австрия не собирались в своих частях Польских земель вводить хоть что-то, похожее на конституционное устройство. Позиция Англии в лице лорда Р. Кэслри также вполне объяснима. Британская империя, верная своей концепции «равновесия сил в Европе», не желала чрезмерного усиления позиций России в Центральной и Восточной Европе.

30 октября 1814 г. Александр I при активном участии князя А. Чарторижского подготовил обстоятельный ответ на меморандум Р. Кэслри и письмо барона Г. фон Штейна, в котором обрушился на них с упреками и резкой критикой их позиции. Помимо прочего в этом письме содержалась четкая аргументация позиции российского императора. Во-первых, Россия должна получить справедливое территориальное вознаграждение за понесенные потери в борьбе с Наполеоном и за огромные услуги, оказанные Европе. Во-вторых, Россия в лице Польши хочет получить верного союзника, а не потенциального врага и навсегда обеспечить Россию защитной линией на западе. В этой связи Александр I

не хочет оставлять в своих новых владениях очаг смуты и волнений, который при обострении международной ситуации всегда может быть использован против России [1, с. 22–24; 4, с. 299–300].

После обмена посланиями по польскому вопросу переговоры между бывшими союзниками по антифранцузской коалиции окончательно зашли в тупик. Александр I твердо стоял на своем: в состав России на правах автономии должно войти все бывшее Великое герцогство Варшавское и для него должна быть разработана конституция (по примеру Конституционной Хартии Франции 1814 г., которая была создана при самом активном участии Александра I). Из-за польского вопроса отношения между бывшими союзниками становились все более холодными, если не сказать враждебными. Дело дошло до того, что в ноябре 1814 г. Англия, Австрия и Франция заключили тайный союз против России. Пруссия в него не вошла только из-за того, что претендовала на Саксонию, чему препятствовали Англия и Австрия.

Каждая из сторон не собиралась идти ни на какие уступки, и все шло к войне между бывшими союзниками. Помешал этому лишь вторичный приход Наполеона к власти и его знаменитые Сто дней. Россия, Англия, Австрия и Пруссия были вынуждены вновь объединиться против общего врага, а в польском вопросе – пойти на взаимные уступки. Россия отказалась от претензий на всю территорию бывшего Великого герцогства Варшавского. Примерно его четвертую часть получала Пруссия под названием Великого герцогства Познанского. Австрии Россия передала Тарнопольский край, т.е. Восточную Галицию, отошедшую к России по договору 1809 г. Краков с прилегающей территорией объявлялся вольным городом с особым конституционным уставом под протекторатом трех держав. В обмен Австрия и Пруссия соглашались на учреждение Царства Польского в составе Российской империи (из оставшейся части Великого герцогства Варшавского) и введения там конституции. Это компромиссное решение было закреплено в Венском трактате по польскому вопросу от 3 мая 1815 г. [2], подписанному представителями России, Австрии и Пруссии с согласия Англии, а затем в Заключительном акте Венского конгресса от 9 июня 1815 г. [3].

Примечательно, что во всех последующих официальных документах Царство Польское именовалось государством, что, по замыслам Александра I и князя А. Чарторижского, должно было привлечь польское общественное мнение на сторону России и сделать из поляков верных союзников. Александр I позиционировал себя если не восстановителем польской государственности, то как минимум защитником и выразителем польских национальных интересов перед германоязычными Австрией и Пруссией. В этой связи ему удалось добиться включения в венские трактаты обещания, что польское население, отходящее Австрии и Пруссии, получит «национальное представительство и национальные учреждения». Кроме того, на всем пространстве бывшей Речи Посполитой в границах 1772 г. была обещана свобода пограничного сообщения, а также свобода судоходства и торговли [4, с. 301].

Далее началась разработка конституции для Царства Польского. Основой послужили «Принципы Конституции», подготовленные А. Чарторижским и подписанные Александром I 25 мая 1815 г. К следующему приезду императора в Варшаву 12 ноября 1815 г. специальной комиссией во главе с А. Линовским и Л. Плятером при участии А. Чарторижского был подготовлен конституционный проект, состоявший из 11 разделов и 438 статей. Но Александр I его раскритиковал за огромный объем (для сравнения, конституционный акт Великого герцогства Варшавского был почти в 5 раз меньше), чрезмерную сословность и, исходя из этого, несоответствие требованиям, предъявляемым к конституционному документу. Было принято решение данный проект существенно переработать и сократить. Судя по всему, подготовку нового проекта император поручил А. Чарторижскому, который привлек к его составлению авторитетных польских общественных деятелей – И. Соболевского и Ст. Потоцкого. В результате их коллективного творчества через неделю был подготовлен новый, второй по счету конституционный проект из 162 статей [1, с. 26–28].

На полях этого проекта почти напротив каждой статьи Александр I карандашом сделал примечания. Общий их смысл сводился к некоторому расширению полномочий императора в отношении всех трех ветвей власти. На этом этапе к разработке польской

конституции был подключен еще один бывший участник Негласного комитета Н.Н. Новосильцев. Окончательное редактирование проекта конституции было поручено временному министру внутренних дел Царства Польского Игнатию Соболевскому, назначенному 16 ноября 1815 г. статс-секретарем.

После всей этой подготовительной работы Александр I подписал окончательный вариант польской конституции на французском языке под названием *Charte Constitutionnelle du Royaume de Pologne* (Конституционная Хартия Царства Польского). Это произошло 27 ноября 1815 г., хотя есть версия, что 1 декабря [1, с. 29]. Впрочем, это было не так уж и важно. Важнее сам факт подписания конституции на фоне отказа правительств Пруссии и Австрии сделать то же самое в отношении их польских территорий.

Примечателен и тот факт, что в разработке польской конституции приняли самое активное участие бывшие члены Негласного комитета А. Чарторижский и Н.Н. Новосильцев. Это свидетельствует, на наш взгляд, о преемственности реформаторской политики Александра I до и после Наполеоновских войн.

Сама Конституционная Хартия Царства Польского была опубликована уже после отъезда Александра из Варшавы 24 декабря 1815 г. Обращают на себя внимание поистине феноменально быстрые сроки подготовки окончательного варианта этой конституции – всего 2 недели (с 12 по 27 ноября 1815 г.). Даже на подготовку Конституциональной Хартии Франции 1814 г. – а разрабатывалась она в большой спешке – было затрачено вдвое больше времени.

Конституция состояла из 7 разделов, именуемых титулами, и 165 статей. Целью принятия конституции декларировалось стремление «добиться мира, согласия и единения в польском обществе» [здесь и далее: 6, с. 41–63]. В разделе о правах и свободах человека (Титул II) обращает на себя внимание повышенный интерес разработчиков конституции к определению особого правового статуса польских подданных российской короны. Помимо традиционных для конституций эпохи Реставрации статей о неприкосновенности частной собственности, свободе печати, равенстве всех граждан перед законом, свободе совести и т.д., провозглашался особый статус католической религии, неприкосновенность

имущества католической церкви (ст. 11–15). Кроме того, разрешалась свобода передвижения по стране и перемещения имущества, отбывание наказания для поляков в пределах Царства Польского. Все делопроизводство должно было вестись только на польском языке, а все государственные должности, за небольшими исключениями, могли занимать только поляки (ст. 24–25 и 28–29). На наш взгляд, в этих статьях прослеживается явное стремление Александра I пойти навстречу польскому общественному мнению, предоставить полякам национально-культурную автономию и тем самым превратить их из врагов в лояльных подданных. Налицо и попытка перетянуть на свою сторону католическое духовенство, видя в нем своего потенциального союзника.

Форму правления Царства Польского по Конституции 1815 г. можно охарактеризовать как конституционную дуалистическую монархию с явным перевесом полномочий императора. Законодательная власть принадлежала императору (царю) и народному представительству – сейму, состоявшему из двух палат: Сената и Палаты послов (ст. 31). Сейм должен был созываться каждые два года на сессию продолжительностью 30 дней. Во время сессии депутаты обеих палат обладали правом депутатской неприкосновенности (ст. 89).

В ст. 93 содержится информация, из анализа которой можно сделать вывод о том, что царь мог не созывать сейм максимум 4 года. (Если сейм не принял проект нового бюджета, то старый бюджет продолжал действовать, но не более 4 лет; следовательно, через 4 года сейм все-таки должен был быть созван.)

Верхняя палата – Сенат – состояла из 64 депутатов, назначаемых императором пожизненно. В состав сенаторов входили принцы императорской и царской крови (с 18 лет), епископы, воеводы и кастеляны (для них вводился возрастной ценз 35 лет и имущественный ценз – уплата прямых налогов на сумму не менее 2000 флоринов в год). При этом на будущее к принципу назначений добавлялся элемент выборности. Если освобождалось вакантное место, то Сенат через заместника предлагал две кандидатуры (кроме принцев крови), из которых царь выбирал одну (ст. 110). Примечательно, что в ст. 112 проводилось различие между

титулами императора и царя. Возможно два объяснения этого: либо смысловая ошибка при переводе французского текста на русский язык, либо допускалось, что российским императором и царем Польши могут быть разные лица.

Нижняя палата – Палата послов – была выборной и состояла из 128 человек. Формироваться она должна была из двух категорий депутатов: 77 – от дворянских сеймиков, по одному от каждого повета (административного округа) и 51 – от так называемых гминных округов (недворянских), из них 8 депутатов от Варшавы, 43 – от остальных городов (ст. 119).

Обе категории депутатов избирались на 6 лет с правом переизбрания. Каждые 2 года 1/3 депутатского корпуса обновлялась (ст. 120). Требования к кандидатам в депутаты (пассивное избирательное право) предъявлялись следующие: следовало быть старше 30 лет (возрастной ценз), быть гражданином Царства Польского и уплачивать налоги не менее чем на 100 флоринов в год (имущественный ценз) (ст. 121). Требования к избирателям (активное избирательное право) зависели от сословной принадлежности. Дворяне должны были быть старше 21 года и владеть хоть какой-нибудь недвижимой собственностью (минимальная стоимость не указывалась). Недворяне, участвующие в гминных собраниях, делились на пять категорий: настоятели и викарии; профессора и учителя, художники и «лица, отмеченные талантами, знаниями или заслугами по торговле или искусствам» (для всех этих категорий имущественный ценз не предусматривался); собственники недвижимого имущества при уплате любого налога; фабриканты и торговцы с имуществом или капиталом свыше 10 000 флоринов (ст. 131).

Обращает на себя внимание повышенный имущественный ценз для предпринимателей на фоне его отсутствия для представителей творческих профессий. Отсюда можно сделать вывод, что Александр I и его советники при формировании нижней палаты польского парламента в качестве социальной опоры рассматривали просвещенную часть общества, к которой, судя по всему, относили дворянство и интеллигенцию. В отношении же местной буржуазии, видимо, были сомнения в ее лояльности, скорее всего,

из-за активного участия представителей третьего сословия в революционных событиях во Франции и других странах Европы в эпоху Наполеоновских войн.

Для Польской конституции 1815 г. характерна равнозначность палат сейма. Законопроект от имени императора мог быть внесен в любую из палат (кроме закона о бюджете) (ст. 97). Поэтому само разделение палат на верхнюю и нижнюю весьма условно. Отсюда и полномочия палат сейма были, по сути, общими (ст. 90–92): обсуждение всех проектов уголовных и гражданских установлений, переданных Госсоветом от имени царя; проекты изменений конституционных установлений, касающиеся положения сейма, Госсовета суда и правительства в обязательном порядке; все финансовые законопроекты (бюджет, налоги, пошлины); рассмотрение запросов, жалоб и предложений избирателей, переданных через депутатов на имя Госсовета или царя.

Вопрос о соотношении полномочий сейма и царя решался с явным перевесом в пользу последнего. У императора сохранялись огромные законодательные полномочия: назначение сроков сессии сейма, исключительное право законодательной инициативы (ст. 97), право абсолютного вето на решения сейма (ст. 105), право досрочного роспуска Палаты послов без объяснения мотивов, но с обязательным назначением новых выборов в течение двух месяцев (ст. 124). По сути, единственным ограничением законодательной власти монарха было то, что он не мог единолично принимать законы. Кроме того, у императора оставалась вся полнота исполнительной власти. Ему подчинялись назначаемый им наместник (либо родственник, либо местный уроженец), Государственный совет (полностью назначаемый императором) и министры (ст. 69–79). В то же время согласно ст. 47 все указы и распоряжения монарха должны были быть контрастированы соответствующим министром, который нес ответственность за то, что такой указ не противоречит конституции и действующим законам. Сам принцип контрастирования можно оценивать по-разному: и как признак ограничения власти монарха, и как стремление свести к минимуму ошибки при принятии политических решений, и как способ переложить ответственность

на соответствующего министра. Для сравнения, в Конституционной Хартии Франции 1814 г. принцип контрагнатуры не упоминался. В этом смысле Конституция Польши 1815 г. более прогрессивна.

Что касается судебной власти, то провозглашалась ее независимость от других ветвей власти (ст. 139). Возглавлял судебную систему Высший (или Верховный) суд, состоявший наполовину из сенаторов, наполовину из судей, пожизненно назначаемых императором (ст. 151). Вторым уровнем судебной системы были апелляционные палаты по уголовному и гражданскому судопроизводству, третьим уровнем – полицейские (уголовные) и гражданские суды воеводств и гминных округов (ст. 144–148). Низшим подразделением были мировые суды (ст. 149). В целом структура судебной власти напоминает и французские конституции 1790-х гг. (они, видимо, и являлись главным источником для авторов конституции), и последующую российскую Судебную реформу 1864 г. Это позволяет сделать вывод о преемственности в разработке судебных установлений во Франции, Польше и России.

Если в целом оценивать Польскую Конституцию 1815 г., то к ее достоинствам, на наш взгляд, можно отнести небольшой объем, высокий уровень юридической техники (почти полное отсутствие двусмысленных и обтекаемых формулировок), более-менее четкую структуру, проработанность разделов об исполнительной и законодательной власти, введение принципа выборности практически всех высших должностных лиц, в том числе и исполнительной власти. Недостатками можно считать чрезмерное преобладание исполнительной власти над законодательной, недостаточную проработанность раздела о судебной власти, отсутствие раздела о пересмотре Конституции.

К особенностям Польской Конституции можно отнести равнозначность палат сейма, из-за чего лишь с достаточной мерой условности разделить их на верхнюю и нижнюю (это напоминает структуру парламента по Конституции Бадена 1818 г.); низкий избирательный ценз при выборах в Палату послов, что выгодно отличает Польскую Конституцию 1815 г. от, например, Конституционной Хартии Франции 1814 г.; постоянную апелляцию

к национальным чувствам поляков (наименование Царства Польского государством (ст. 10), сохранение польских орденов (ст. 160), объявление польского языка государственным и языком делопроизводства (ст. 28), запрет использовать польские военные части вне Европы (ст. 10) и т.д.).

По форме правления Царство Польское должно было стать типичной конституционной дуалистической монархией, для которой характерно сохранение огромных полномочий монарха в сфере всех трех ветвей власти, но с определенными ограничениями в сфере законодательной власти. Польская Конституция 1815 г. рассматривалась Александром I как своеобразный эксперимент, пробный шаг по внедрению конституционных принципов в общественную жизнь, который в случае успеха предполагалось распространить на всю Российскую империю [5, с. 496–504]. Ну а главная цель, как уже отмечалось выше, состояла в том, чтобы путем серьезных уступок польским национальным чувствам и общественному мнению добиться лояльности населения Царства Польского российскому императору.

Как же оценить результаты политики «конституционной дипломатии» в отношении Польши? На наш взгляд, они были противоречивыми. С одной стороны, их можно считать положительными, т.к. первоначально подавляющая часть польского общества восприняла введение в действие конституции если и не с восторгом, то с явным одобрением. Вплоть до конца правления Александра I сепаратистские тенденции в Польше особо не проявлялись. С другой стороны, в долговременной перспективе политика «конституционной дипломатии» должного эффекта не дала и сепаратистских устремлений поляков не предотвратила. Другими словами, второй Финляндии, приобретшей широкую автономию и конституционный статус с 1809 г., не получилось.

Финляндия до 1809 г. никогда не имела своего самостоятельного государства, поэтому местное население рассматривало предоставленную автономию как огромное благо. Польша же имела тысячелетний опыт государственности, которой она в силу разных исторических обстоятельств оказалась лишена в конце XVIII в. Поэтому польское общественное мнение вряд ли могло быть

удовлетворено предоставленной автономией, пусть даже и учитывая их национальные особенности. Большинство поляков мечтали о восстановлении самостоятельного Польского государства, пусть и не в границах 1772 г., и никакая, даже самая широкая автономия удовлетворить поляков не могла, они рассматривали ее лишь как шаг на пути воссоздания единого Польского государства.

Был ли другой вариант развития событий? На наш взгляд, был. Александр I мог, например, не включать Царство Польское в состав Российской империи, а создать своеобразное буферное, формально независимое государство, находящееся с Россией в личной унии или просто в союзнических отношениях. При этом царем Царства Польского мог быть объявлен, например, брат императора Константин Павлович (который впоследствии стал наместником Польши) с формированием собственной династии. Но удовлетворила бы поляков такая форма независимости – большой вопрос. Еще один возможный вариант – не портить отношения с главой «прорусской партии» в Польше князем Адамом Чарторижским, назначить его наместником, о чем он, видимо, мечтал и на что рассчитывал. Ведь именно с назначения его на эту должность (причины до сих пор не выяснены) начался его постепенный переход в стан антироссийской оппозиции, завершившийся в 1830 г. Но все это гипотетические рассуждения. В целом же следует признать, что политика «конституционной дипломатии» в отношении Польши не принесла того эффекта, на который рассчитывали Александр I и его окружение.

Литература и источники

1. Аскенази Ш. Царство Польское (1815–1830 гг.). М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1915.
2. Дружественный трактат, заключенный в Вене между Их Величествами Императором Всероссийским, Императором Австрийским и Королем Прусским «Об утверждении благосостояния поляков» от 21 апреля (3 мая) 1815 г. // ПСЗ. I. № 25824.
3. Заключительный акт Венского конгресса от 28 мая (9 июня) 1815 г. // ПСЗ. I. № 25875.
4. Захаров В.Ю. Эволюция российского абсолютизма в контексте развития конституционных идей в России и Европе во 2-й пол. XVIII – 1-й четверти XIX в. Ч. 1. М., изд-во МосГУ, 2008.

5. *Захаров В.Ю.* Российский и зарубежный конституционализм конца XVIII – 1-й четверти XIX в.: опыт сравнительно-исторического анализа. Ч. 1. М.: Прометей, 2017.
6. Конституционная Хартия 1815 г. и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1814–1881 гг.). (Б-ка «Окраин России», № 5). СПб.: Н.Д. Сергеевский, 1907.
7. *Савельева О.А.* Греческий патриот на службе России. И.А. Каподистрия и Священный союз // Российская дипломатия в портретах. М.: Международные отношения, 1992. С. 135–151.
8. *Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья: 1798–1807 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
9. *Станиславская А.М.* Россия и Греция в конце XVIII – начале XIX в. Политика России в Ионической республике. 1798–1807 гг. М.: Наука, 1976.

Ефремов Александр Валентинович,

*кандидат исторических наук;
доцент кафедры истории Института
социально-гуманитарного образования
Московского педагогического
государственного университета*

**ГЛАЗАМИ ЖЕНЩИНЫ:
ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1830–1831 гг.
ПО ВОСПОМИНАНИЯМ
ГРАФИНИ НАТАЛИИ КИЦКОЙ**

Аннотация. За столетнее пребывание Польши в составе Российской империи (1815–1915) произошло два польских восстания, в 1830–1831 и 1863–1864 гг. Они получили широкое отражение в литературе, в том числе мемуарной. Воспоминания графини Наталии Кицкой (1801–1888) в части, относящейся к восстанию 1830–1831 гг., остаются одними из важнейших и наиболее любопытных. Автор являлась непосредственным участником событий и женой одного из руководителей восстания генерала Людовика Кицкого. Аристократка, патриотка, пламенная католичка, Кицкая с женской непосредственностью, даже простотой, выражает польский взгляд на восстание 1830–1831 гг., а также на русских и на Россию в целом.

Ключевые слова: Польша, восстание 1830 г., война, армия

Yefremov Alexander Valentinovich,

*Candidate of Historical Sciences;
associate professor, History Department,
Institute of Social Studies and Humanities,
Moscow Pedagogical State University*

**THOUGH A WOMAN'S EYES:
THE POLISH UPRISING
OF 1830–1831 ACCORDING TO THE MEMOIRS
OF COUNTESS NATALIA KITSKAYA**

Abstract. Relations between Russia and Poland have never been simple. And the centenary stay of Poland in the Russian Empire (1815–1915) gave them additional drama. During this time there were two Polish revolts in 1830–1831 and 1863–1864, widely reflected in the literature, including memoirs. Remembering Countess Natalia Kickas (1801–1888), in part related to the uprising of 1830–1831, remains one of the most interesting, for the author, a direct participant in the events and the wife of one of the leaders of the rebellion, General of Louis Kickas. Aristocrat, patriot, ardent Catholic, Kicka with immediacy, even a simplicity, expresses the Polish view of Russia.

Key words: Poland, uprising 1830, war, army

Отношения России и Польши никогда не были простыми. Столетнее пребывание Польши в составе Российской империи (1815–1915) придало им дополнительный драматизм. За это время произошло два польских восстания, в 1830–1831 и 1863–1864 гг., широко отраженных в литературе, в том числе мемуарной. Воспоминания графини Наталии Кицкой (1801–1888) в части, относящейся к восстанию 1830–1831 гг., остаются одними из наиболее любопытных. Аристократка, патриотка, пламенная католичка, Кицкая с женской непосредственностью, даже простотой, выражает польский взгляд на Россию, который, похоже, с тех пор изменился не очень сильно.

Выражение «присоединение Польши к России» является не совсем точным. В некотором смысле император Александр I восстановил независимость этой страны, соединив ее с Российской

империей династической унией. Польша получила конституцию и собственную армию. В 1816 г. был учрежден Варшавский университет, основаны высшие школы: военная, политехническая, лесная, горная, институт народных учителей, увеличено число средних и первоначальных школ. Отношение поляков к России и русским оставалось крайне отрицательным. Восстановление полной независимости грезилось им в границах 1772 г., т.е. с украинскими, белорусскими и литовскими землями. Неудачное управление Польшей Константина Павловича, во многом связанное с личными качествами великого князя, стали поводом к восстанию 1830–1831 гг.

Все время восстания графиня Наталия Кицкая оставалась в Варшаве и была непосредственной свидетельницей происходящих событий. Это делает ее воспоминания одним из важнейших источников по истории восстания, тем более что ее муж – генерал Людвик Кицкий – был одним из его руководителей. В свои мемуары графиня включила отрывки из дневников, написанных в ходе этих событий, и письма мужа с театра военных действий. Кроме того, а может, и в первую очередь, воспоминания графини – интереснейший психологический материал для понимания польского восприятия России и русских. Любопытно, что Россия постоянно именуется ею Москвой, хотя столица империи уже более века находилась в Петербурге. Соответственно, русские оказываются москалями с неприятными, а то и отвратительными лицами. Кузина А.С. Грибоедова княгиня Паскевич «столь же безобразна, сколь и ревнива» [1, с. 209], жена польского генерала и писателя Максимилиана Фредро, урожденная графиня Головина – «русская с уродливым лицом» [Там же, с. 278], а полковник Муханов – «типичный москаль татарского происхождения» [Там же, с. 281]. При этом внешность польских дам и кавалеров либо прекрасна, либо не комментируется.

Москальи-русские, по мнению мемуаристки, хитры, коварны и лживы, но и у поляков есть недостатки, происходящие, впрочем, из достоинств. «Один из самых губительных недостатков, присущих польскому характеру и происходящих из благородства его чувств и порывов, – писала графиня, – это особое сочетание

добродушия, веры и безоглядной беспечности, с которой мы оцениваем характер и ум русских, а также намерения и доселе притесняющей нас самодержавной власти» [1, с. 188].

Начало восстания сопровождалось погромами и убийствами русских, евреев и оставшихся верными государю поляков. Согласно некоторым свидетельствам, вдову генерала Бажанова «выволокли на улицу и распоролы ей живот. Один из главарей вырвал у нее внутренности и, подняв их высоко, кричал: “Смотрите, люди, как цветет дерево свободы!”» [2]. Популярного польского генерала Станислава Трембицкого долго уговаривали изменить присяге, а после его категорического отказа убили. Виноватой в этих преступлениях графиня Наталия почему-то посчитала Россию. «Сколько же зла приносит нам московское иго, – писала она, – заглушает совесть, искажает представления способнейших людей о народном благе» [1, с. 170].

Муж мемуаристки, бывший наполеоновский офицер граф Людовик Кицкий приходился ей родным дядей. Несмотря на солидный возраст (45 лет) и генеральский чин письма его к жене напоминают послания гусарского поручика к невесте: «Артиллерия, пехота, гусары, казаки наступали на меня. 3-й полк улан (им командовал Кицкий. – А.Е.) стоял стеной и выдержал первую атаку москалей. Потом уланы закричали: “Да здравствует наш генерал, пусть ведет нас в атаку!” Я на полном скаку во главе их нападаю на русскую пехоту и рассеиваю ее. Она выстрелила только раз, заколебалась и сложила оружие. Около тысячи человек разных родов войск приходят ей на помощь, я всех их разбиваю, а после трезвой оценки этой победы признаю необходимость отступления» [Там же, с. 235]. Если верить письмам мужа, которые Кицкая поместила в свои мемуары, этот человек за две недели умудрился захватить в плен 8 тыс. русских солдат притом, что общие потери наших войск в этой компании убитыми и ранеными составили примерно 23 тыс. человек.

Показательно – благородная графиня Наталия очень сожалела, что план ее мужа в начале восстания захватить великого князя и сделать его заложником не удалось осуществить.

Бытие поляков в ту эпоху было наполнено мечтами и мифами о слабости России и помощи Европы. В дневниках Кицкая много пишет о том, будто потери императорской армии столь велики, что место убитых русских солдат занимают переодетые пруссаки, а на Украине начался мятеж. «Банкир Розен получил письмо от одного из своих корреспондентов, – пишет она, – который сообщает ему, как, возвращаясь из Одессы, он убедился, что Украина восстала, а в Балте паспорт ему подписали от имени польского правительства» [1, с. 252].

Что касается Европы, то правительства великих держав не собирались оказывать полякам какой-либо помощи. Луи-Филипп направил послом в Петербург герцога Мортемара, который уверил императора Николая, что «поляки не получают от французского короля никакой поддержки» [3]. Тем не менее, учитывая общественное мнение страны, Луи-Филипп счел возможным выступить посредником при условии сотрудничества с Англией. Британский министр иностранных дел лорд Пальмерстон «ответил решительным и категорическим отказом» [Там же, с. 284].

Генерал Людовик Кицкий погиб 26 мая 1831 г. в битве под Остоленкой. Сама графиня Наталия прожила долгую жизнь, пережив мужа более чем на полвека, сумев сохранить свои поместья и оставить обширные мемуары, часть которых, посвященная событиям польского мятежа 1830–1831 гг., была издана на русском языке в 2005 г. [1, с. 209].

Литература и источники

1. *Кицкая Н.* Главы из воспоминаний // Война женскими глазами. Русская и польская аристократки о польском восстании 1830–1831 годов. М., 2005. С. 209.
2. *Сапега Л.* Мемуары. Пг., 1915. С. 181.
3. *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы. Священный союз от Венского до Берлинского конгресса. 1814–1878. Ростов н/Д, 1995. Т. 1. С. 273.

Короткий Геннадий Анатольевич,

*кандидат философских наук;
независимый исследователь*

М. БАКУНИН

И ПОЛЬСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ

Аннотация. В истории российско-польских отношений интересен эпизод участия русской эмиграции в польской борьбе за независимость от российской короны в середине XIX в. Первоначально Бакунин искал контактов с поляками в одиночку. В 1860-е гг. к нему присоединяются А. Герцен, редакция журнала «Колокол», Комитет русских офицеров в Польше, подпольная организация «Земля и Воля». Взаимодействие с поляками выявило разногласия о будущих границах Польского государства, его социальном устройстве, а в итоге нанесло тяжелый удар по авторитету русских революционеров. Тем не менее Бакунин до конца жизни не ослаблял внимания к польскому вопросу и считал «примирение России и Польши» важнейшей задачей, «заслуживающей совместных усилий».

Ключевые слова: Бакунин, Герцен, поляки-эмигранты, польский вопрос, восстание 1863 г.

Korotky Gennady Anatolyevich,

*Candidate of Philosophical Sciences;
independent researcher*

M. BAKUNIN

AND POLISH POLITICAL EMIGRATION

Abstract. In the general historical context of Russian-Polish relations there is an interesting episode of participation of Russian emigration in the Polish struggle for independence from the Russian crown in the middle of the XIX c. M. Bakunin explained his appeal to the Poles with a few political reasons. If initially he was looking for contacts with them alone, in the 1860s he was joined by A. Herzen, the editorial Board of the magazine “Bell”, Committee of Russian officers in Poland, the clandestine organization “Land and Liberty”. The interactions revealed serious disagreements. First of all they concerned the future

borders of the Polish state, its social structure. They also worsened the prestige of the Russian revolutionaries. However Bakunin until the end of his life did not weaken attention to the Polish question. "Reconciliation between Russia and Poland is an important task that deserves our joint efforts" (M. Bakunin).

Key words: Bakunin, Herzen, poles emigrants, the Polish question, the uprising of 1863

Прапорщик М. Бакунин вышел в отставку всего после года службы по причине «глубокой меланхолии» [3, с. 7]. К прибытию во Францию будущий революционер уже стал «невозвращенцем». Постановлением Правительствующего Сената от 26 декабря 1843 г. он был приговорен к лишению чина и дворянского достоинства, а в случае появления на Родине – к каторжным работам. Его имущество подлежало секвестру. Но суровые правительственные меры, кажется, его только раззадоривали. Несколькими газетными публикациями он сжег последние мосты для возвращения. Он переезжал из страны в страну и искал связи с любимыми европейскими революционерами.

Бакунин познакомился с поляками после приезда в Париж в 1844 г. Из известных эмигрантов, с которыми ему удалось сойтись: историк Иоахим Лелевель, Адам Чарторижский, Алоиз Бернацкий (министр финансов в правительстве повстанцев 1830–1831 гг.), поэт Адам Мицкевич. Бакунин предложил им содействие в пропаганде среди живущих в Польше русских, а также помощь в организации нового восстания.

На польско-французском торжественном вечере, посвященном восстанию 1831 г., он заявил: «Именно то, что вы (поляки) враги императора Николая, враги официальной России, делает вас, даже помимо вашей воли, друзьями русского народа. В Европе господствует представление, что мы, русские, образуем с нашим правительством нерасторжимое единство, что мы счастливы под дланью Николая, что он и его система – репрессивная внутри и агрессивная снаружи российских границ – есть совершеннейшее воплощение нашего национального гения. Чуть... До той степени, до которой мы разъединены, мы обоюдно парализованы. Вместе же мы всемогущи в деянии добра... Примирение России и Польши есть

важнейшая задача, заслуживающая совместных усилий. Это будет освобождение 60 миллионов человек, всех славян, стонущих под иноземным игом. И в конечном итоге решительным коллапсом деспотизма в России» [4].

Эту речь он потом повторил перед польскими эмигрантами в феврале 1848 г. в Брюсселе. До этого, чтобы «обратить на себя внимание поляков» [3, с. 50], он опубликовал в парижской газете «Constitutionnel» статью в защиту белорусских униатов. Он добивался контактов как с «белой» аристократической (Чарторижский, Бернацкий), так и с «красной» демократической эмиграцией, с централизацией – Центральным комитетом Польского демократического товарищества. Бакунин перевел для Лелевеля обращенный к россиянам манифест.

Плоды его усилий, однако, оказались довольно скромными. Поляки проявляли к нему настороженность. То, что русский дворянин хочет помогать им против своего отечества и государя императора, которому он присягал, удивляло их. Быстро выяснились и «разногласия в наших национальных понятиях и чувствах» (Бакунин) [3, с. 51]. Кроме того, разнесся слух, поддержанный «Новой Рейнской газетой» К. Маркса, что Бакунин – тайный царский агент, старающийся втереться в доверие к руководству эмиграции. Поляки начали сторониться его еще более. Бакунин оказался «чужим среди чужих».

Впрочем, некоторые эмигранты приняли его более радушно. Из Лондона пришло приглашение на ежегодное чествование памяти русских декабристов, устроенное польскими демократами. В Брюсселе Лелевель ободрил его словами: «Не оставляй, Бакунин, начатого тобою дела, доведи до конца, держись крепко против ожидающих тебя препятствий... Друг Бакунин, подай нам братскую руку, и обнимемся сердечно!» [Там же, с. 198].

«К контактам с поляками, – заметил Бакунин, – меня вполне логично привели мои демократические взгляды этого периода». Подробно разъясняя свою позицию Николаю I, он обратится к тому не с исповедью, а с проповедью. «Должны ли мы, русские, насильно включать другие народы (хотя бы и славянские... хотя бы и малороссов, и поляков...) в свой состав? Хорошо ли это?

Должны ли все они делаться русскими? Что же, они должны забыть свою родную литературу, родной язык, родной говор, родные песни... Одним словом, для того, чтобы совершенно потеряться и “слиться в русском море”, по выражению Пушкина?» [3, с. 99]. «Быть все на одно лицо?! Да и может ли стать русским тот, кто нерусский языком, душою и сердцем!? По какому моральному праву... мы взялись заставить их, чужих, подчиняться? <...> Не спросится ли с нас за это в будущем?» [Там же]. «Да и будет ли польза от такой внешней политики для России!? <...> Наша держава станет так же “ненавистна всем прочим славянам,... как теперь она ненавистна полякам”. Из России Освободительницы она станет Россией Завоевательницей. Россией Притеснительницей... Сможем ли мы гордиться такой державой?! Не потеряет ли она от этого добытую в сражениях славу?! ... Рано или поздно... такой близорукой политикой не погубит ли она себя <...> Убьет славян, убьет и себя! Таков ли должен быть конец едва только что начавшейся славянской жизни и славянской истории?» [Там же].

Эти чувства приобрели теоретический вид в «Революционном Катехизисе». «Национальная независимость есть национальное, неотчуждаемое право, как независимость отдельного лица есть таковое же его право; она должна быть священна на основании этого факта, а не на основании исторического права» [6]. Если на свободу имеет право один человек, то ею должна обладать и группа, и целый народ, подчеркивал Бакунин. Никто не имеет права заставить его жить вразрез с его суверенной волей. Соответственно, «она (Польша), бесспорно, разделяет со всеми народами земли права организовываться и жить так, как она это понимает» [2, с. 249].

Революционер руководствовался и практическими соображениями. Разжечь революционное пламя в Польше с ее накопленным протестным потенциалом было неизмеримо легче, чем в России. Из Польши волнения могли перекинуться на украинские земли, где, как он полагал, тлело недовольство малороссийских крепостных крестьян. Эти мысли также подталкивали его к польским эмигрантам. Контакты с ними возобновились в Бреслау и Праге, куда он отправляется из Парижа. Среди «ключиков к польскому сердцу» революционер использовал и такой: «Достаточно было иногда

побранить, кстати, немцев для того, чтоб они позабыли и польскую исключительность, и ненависть к русским...» [3, с. 73].

Как честно признался Бакунин, деньги (2000 франков) на волнение поляков в Познани он получил у французского правительства. Берлинский полицай-президент Минутоли снабдил его фальшивыми паспортами.

На Славянском конгрессе в Праге в июне 1848 г. поляки приняли Бакунина в состав своей делегации. Являясь, по сути, делегатом лишь самого себя, он быстро стал одним из главных действующих лиц собрания. Он попытался развернуть повестку конгресса в сторону развивавшихся им в тот момент идей революционного панславизма. Бакунин заявил, что демократы всех наций должны объединиться, чтобы противостоять реакционерам – людям, выступающим за сохранение старого порядка против рождающегося нового. Новый порядок подразумевал и независимость славянских народов, которой можно добиться только путем развала Российской и Австрийской империй, а также Прусского королевства. Важную роль в этом процессе должны сыграть суверенная Польша и будущее объединенное государство славян.

«Мы, – писал Бакунин в “Воззвании к славянам”, – ...сами себе создали право, основанное на совершенной независимости, и обещали, что она отныне будет общей всем славянским народам... Вместе со всеми демократами всех народов, потребовали: СВОБОДЫ, РАВЕНСТВА И БРАТСТВА ВСЕХ НАЦИЙ, в среде которых свободные, как они, и в братских отношениях со всеми славянские народы должны завязать между собою тесный братский союз для образования одного большого союзного тела» [1].

Один человек, никого кроме себя не представлявший, объявил (словно барон Мюнхгаузен в фильме М. Захарова) ни много ни мало войну трем европейским империям: Российской, Австрийской и формирующейся Германской, – говорит от имени всех славян, требует независимости народов, кроит карту Европы, провозглашает новый Мировпорядок. Притом быстро переходит от слов к делу. Сражается на баррикадах Дрездена и Праги.

Герцен полагал, что причина этого – предыдущие занятия философией в кружке Станкевича. Преподавание философии

в Московском университете в 1826 г. было прекращено, но молодые люди самостоятельно ее осваивали (особенно модную немецкую), объединяясь для этого в интеллектуальные кружки. Бакунин, как и сам Герцен, быстро понял ограниченность немецкой абстрактной мысли и захотел преодолеть разрыв между разумным идеалом и действительностью на практике. Это привело к оппозиции власти. Подтвердилась сентенция Герцена: учение Гегеля – «алгебра революции». Знаменитый лозунг Бакунина – «страсть к разрушению есть творческая страсть» (слова, которые в 1968 г. бунтующие студенты выводили на парижских стенах) – перевод на политический язык гегелевской концепции саморазвертывающегося духа, снимающего и низвергающего застывшие формы старого существования.

Незадолго до смерти Бакунин открыл, что его бросил в революцию врожденный «бунтарский инстинкт». «Среди этих элементов (исторического развития)... есть один, имеющий совершенно решающий характер в собственной истории каждого народа: это сила бунтарского инстинкта и, в зависимости от нее, той свободы, которой наделен и которую сохранил. Этот инстинкт является совершенно животным, первородным явлением; его можно обнаружить в различной степени в каждом живом существе, и энергия, жизненная мощь каждого измеряется его силой» [2, с. 310].

Русские и поляки наделены этим инстинктом в достатке. И, соответственно, если К. Маркс – с которым Бакунин ожесточенно спорил – видел двигатель истории в борьбе экономических интересов, Бакунин (возможно, исходя из личного опыта) называл таковым «стремление к свободе». Отсюда его предсказание: революция скорее произойдет у поляков, русских или славян, чем у немцев. Немцы цивилизованны и организованны, но желания свободы им не хватает. Славяне – не «цивилизованны», зато мечтают о воле. Революция в Германии была и будет пародией на революцию. Какие они «бунтовщики»! Другое дело русский мужик. Другое дело гордецы-поляки. Польша в этом смысле вызывала у него особые надежды, а готовность молодых польских эмигрантов биться – восхищение.

В этом он ощущает их близость к себе. При всех отмечаемых современниками недостатках Бакунина (расхлябанности, лени, необязательности в денежных вопросах) никто не мог упрекнуть его в недостатке мужества. Во время восстания в Дрездене он предложил руководителям восстания взорвать себя вместе с ними в ратуше, чтобы продемонстрировать прусским солдатам презрение к смерти. В самоподрыве в тот момент не было необходимости, но он настаивал на нем, а затем протестовал против роспуска отрядов: «в случае поражения они обязаны отдать свою жизнь: честь их должна остаться незапятнанной...» [7, с. 100].

В 1861 г. после восьми лет тюремного заключения и четырех лет сибирской ссылки Бакунин опять появился в Европе. У него за плечами было два отмененных смертных приговора, побег из Сибири по Амуру через русскую границу. В Лондоне беглец сразу включился в работу газеты «Колокол», являвшейся тогда главным заграничным оппонентом российской власти.

В «Колокол» обращались представители польского повстанческого движения, чтобы использовать завоеванный изданием авторитет в своих пропагандистских целях. (Среди них глава Комитета русских офицеров в Польше Андрей Поттебня.) Заинтересованность «Колокола» в поляках заключалась в том, что они помогали переправлять свежие номера издания в Россию [11].

Политическая позиция редакции, в т. ч. статьи Бакунина и Герцена, приобретали большее значение в польском вопросе. В свете готовившегося в Варшаве восстания основная дискуссия развернулась вокруг того, должна ли ему быть оказана поддержка со стороны русских? И если да – в чем конкретно она должна выражаться?

По всем обсуждаемым пунктам Бакунин придерживался радикально оптимистического мнения, и многие строки Герцена в поддержку польского восстания 1863 г. написаны под его непосредственным влиянием. «Мне с ужасом, – вспоминал Герцен, – мерещилось, что они (Поттебня и др.) идут в неминуемую гибель. – Смертельно жаль Поттебню и его товарищей, – говорил я Бакунину, – и тем больше, что вряд по дороге ли им с поляками... – По дороге, по дороге! – возражал Бакунин. – Не сидеть же нам вечно сложа руки и рефлектируя» [8, с. 338].

Фразой «вряд ли по дороге с поляками» Герцен имел в виду острые разногласия относительно конечных целей выступления. Эти разногласия выявились еще в спорах с польскими эмигрантами в 1840-е гг. В случае обретения Польской державой независимости не превращается ли она сама опять в мини-империю, удерживающую насильно в своем составе русинов (украинцев) Галиции и белорусов Западного края? Как показали предыдущие выступления [12], украинцы относились к полякам даже более враждебно, чем к чиновникам Австрийской империи, в состав которой Галиция в то время входила. Теперь к этому опасению прибавился и образ восстановленной шляхетской Польши, в которой положение крестьян будет не лучше, чем прежде. А возможно и хуже. Какой же смысл в поддержке такого рода выступления русскими революционерами?

Бакунин разрешил эту проблему. «Вопрос мне кажется также простым, коль скоро мы хотим его разрешить с единственной точки зрения – справедливости и свободы: все народы, все страны, которые захотят принадлежать новой Польской конфедерации, будут польскими; все те, кого это не интересует, ими не будут. Русинское население Белоруссии, Литвы и Галиции объединится, с кем захочет, и никто не сможет определить сегодня его будущую волю» [2, с. 258].

В каких границах новая Польша собирается существовать? – вопрошал Бакунин. – По вашим понятиям, в ее состав должны входить Литва, Западная Украина и Белоруссия? Но какое же моральное право вы имеете их туда включать, если бедные малороссы, украинские холопы польских панов, всегда ненавидели Польскую державу как свою древнюю притеснительницу?! Не соответствовало воссоздание Польши в старых границах и бакунинскому принципу нового международного права.

Почему же тогда он так горячо убеждал А. Герцена и Н. Огарева в 1863 г. поддержать польское выступление? В грядущем варшавском восстании ему мерещился пролог Великой Русской Революции, в которую он свято верил всю жизнь. Герцен заметил, что такую возможность допускало даже русское правительство. Именно поэтому польское выступление его так напугало. Лишь

впоследствии оно пришло в себя. Общественное бурление, «напряжение умов, брожение умов было неоспоримо, и никто не предвидел тогда, что его свернут на свирепый патриотизм» [8, с. 341]. Брожение нашло для себя и такой удивительный выход, как создание в Польше подпольной организации русских офицеров.

С посланцами Варшавы удалось достичь взаимопонимания. 3. Падлевский и А. Гиллер согласились признать право крестьян на обрабатываемую землю и право народов на самоопределение. «Колокол» 1 февраля 1863 г. приветствовал начало восстания: «Что за геройство, что за несокрушимая отвага, что за неизлагаемая любовь!.. Открыто поднять знамя восстания и, бросая перчатку дикому самовластию, громко сказать: “Довольно! Мы не хотим больше терпеть. Ступай вон, или клюй вороном наши трупы”» [10].

На привезенное молодым А. Потемней письмо с вопросом, что делать русским офицерам в случае начала восстания, Бакунин ответил: «Отложение его (восстания) до более дальнего срока было бы, без всякого сомнения, и для них, и для нас спасительно. К этому вы должны устремить все усилия свои, не оскорбляя, однако, ни их священного права, ни их национального достоинства. ... Но вместе с тем не теряйте времени, пропагандируйте и организуйтесь, дабы быть готовыми к решительной минуте, – и когда выведенные из последней меры и возможности терпения наши несчастные польские братья встанут, встаньте и вы не против них, а за них, – встаньте во имя русской чести, во имя славянского долга, во имя русского народного дела с кликом “Земля и Воля”. И если вам суждено погибнуть, сама погибель ваша послужит общему делу... Что бы вас ни ожидало, успех или гибель, я надеюсь, что мне будет дано разделить вашу участь» [8, с. 349].

Бакунин присоединился к отряду польских волонтеров, которые на пароходе «Уорд Джексон» должны были высадиться в Литве. Пароход был арестован в Мальме шведскими властями, Бакунин из-за неясного конфликта с варшавским эмиссаром Домантовичем остался на берегу. Во время высадки в шторм в районе Клайпеды 24 из 32 участников экспедиции утонули. Захлебнулось и варшавское выступление.

Поражение восстания стало и поражением «Колокола». Оно обернулось резкой потерей популярности и влияния на читающую российскую публику. Тираж «Колокола» за год упал с 2000–2500 до 500 экземпляров. Эмигрантов обвиняли уже не просто в отсутствии патриотизма, но в государственной измене. Российский публицист, хорошо знавший Бакунина лично, написал, что никогда не думал, что тот дойдет до такой низости – объединиться с врагами России. «Всякая мерзость для врага дело пригодное, и если бы не было Бакунина, Нечаева и tutti quanti, то враги России должны были их создать... Враги России и создали их. Наши так называемые революционеры – это орудие в руках наших врагов» [9].

Литература и источники

1. Бакунин М. Воззвание к славянам. http://az.lib.ru/b/bakunin_m_a/text_0140.shtml
2. Бакунин М. Интернационал, Маркс и евреи. М.: Вече, АЗ (Знатнов), 2008.
3. Бакунин М. Исповедь. СПб.: Азбука-классика, 2010.
4. Бакунин М. On the 17th Anniversary of the Polish Insurrection of 1830. <http://theanarchistlibrary.org/library/michail-bakunin-on-the-17th-anniversary-of-the-polish-insurrection-of-1830>
5. Бакунин М. Реакция в Германии. <http://knowledge1871.narod.ru/Anarhism/Bakunin/ReactionInGermany.htm>
6. Бакунин М. Революционный катехизис. <http://ak-protest.narod.ru/revolytkatexiz.htm>
7. Вагнер Р. Моя жизнь. В 2 т. Т. 2. М.: АСТ; Астрель, 2003.
8. Герцен А. И. Избранные произведения. В 5 т. Т. 5: Былое и думы. Ч. 6–8. М.: Терра – Книжный клуб, 2009.
9. Катков М. Кто наши революционеры? (Характеристика Бакунина). http://az.lib.ru/k/katkov_m_n/text_0040.shtml
10. Колокол. Газета от 1 февраля 1863 года. <https://books.google.cz/books?id=iLvckhjohRgC&hl=ru&pg=PA1269#v=onepage&q&f=false>
11. Рудницкая Е. Л. Герцен, Огарев, Бакунин и польское восстание 1863 г. http://old.old.imli.ru/litnasledstvo/Том%2096/LN96-36_Герцен,Огарев.pdf
12. Энгельс Ф. Борьба в Венгрии. <http://www.uaio.ru/marx/06.htm>

Ковалев Борис Николаевич,

*доктор исторических наук;
профессор Санкт-Петербургского
политехнического университета
Петра Великого (Санкт-Петербург)*

**ФЕОФИЛ ПОПЕЛЬ И ДРУГИЕ:
ПОЛЬСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА
В НОВГОРОДСКУЮ ГУБЕРНИЮ
ПОСЛЕ ВОССТАНИЯ 1863–1864 гг.**

Аннотация. После подавления польского восстания 1863–1864 гг. многие его участники оказались в ссылке, в том числе и на территории Новгородской губернии – в губернском центре и в уездных городах. Контингент ссыльных здесь был неоднороден по социальному составу, возрасту, состоянию и степени участия в восстании. Власти опасались, что ссыльные будут заниматься пропагандистской деятельностью, поэтому они находились под постоянным контролем со стороны полиции. Их переписка перлюстрировалась. Многие участники Январского восстания, оказавшиеся в Новгородской губернии, перед этим прошли десятилетия каторги и ссылки в Сибири. 15 мая 1883 г., более чем через 20 лет после начала восстания, последовало повеление императора, снимавшее для ссыльных поляков ограничение места их проживания.

Ключевые слова: Польша, Январское восстание 1863 г., политическая ссылка, жандармы, Новгородская губерния

Kovalev Boris Nikolaevich,

*Doctor of Historical Sciences;
professor of St. Petersburg Polytechnic University
of Peter the Great. (St. Petersburg)*

**TEOFIL POPIEL AND OTHERS:
THE POLISH POLITICAL EXILE
TO THE NOVGOROD PROVINCE
AFTER THE UPRISING OF 1863–1864**

Abstract. After the suppression of the Polish uprising of 1863–1864 many of its participants were forced into exile, specifically in the territory

of the Novgorod province. The contingent of exiles in the province was very heterogeneous in the social background, age, property status and degree of participation in the uprising. The places of exile were either the provincial center or district towns. The authorities were apprehensive that the exiles would carry out propaganda activities in the new places of their forced residence; therefore they were under constant police control. Their correspondence was perused. Many former participants of the January Uprising, who ended up in the Novgorod province, had gone through decades of hard labor and exile in Siberia. On May 15, 1883, more than 20 years after the beginning of the uprising, the emperor's decree allowed the exiled Poles to leave the places of their residence.

Key words: Poland, January Uprising of 1863, political exile, gendarmes, Novgorod province

Польское восстание 1863 г. (Январское восстание) стало своего рода рубежом в жизни тысяч людей как в самой Польше, так и за ее пределами. Оно привело к массовой ссылке не только в Сибирь, но и во внутренние губернии европейской России. Судьба многих участников восстания оказалась связана с Новгородской губернией. Эта статья написана по архивным документам, которые находятся в Государственном архиве Новгородской области, в фондах Новгородского губернского жандармского управления и Канцелярии новгородского губернатора.

Новгородская губерния, располагавшаяся между двух имперских столиц, была обширной – почти 105 000 квадратных верст. Некоторые из ее населенных пунктов находились на дороге из Петербурга в Москву. В этих условиях ресурсы местных властей по размещению ссыльных были ограничены. Поэтому местами ссылки поляков в Новгородской губернии стали населенные пункты как весьма удаленные от губернского центра: Кириллов, Белозерск, Устюжна, Череповец, – так и достаточно близко: Тихвин, Демянск, Старая Русса, Боровичи, Валдай, Крестцы. Наиболее «привилегированных» ссыльных распределяли в сам Новгород.

Польские ссыльные относились к категории политических, поэтому за каждым из них был установлен полицейский надзор. МВД составляло подробные инструкции о строжайшем контроле за лицами, высланными из мест своего проживания в великорусские губернии. Контингент ссыльных в губернии был весьма неоднороден

по социальному составу, возрасту, состоянию и степени участия в восстании, т.е. можно говорить о том, что здесь находились люди совершенно разные.

Для преодоления недостатков полицейского контроля в мае 1863 г. Департамент полиции в «правилах полицейского надзора за лицами, обнаружившими вредные политические стремления», указывал на необходимость отмечать, «к какому званию принадлежит высланный, один или с семьей, кто составляет семью, имеет ли собственные средства к существованию или должен получать пособие, с кем имеет знакомства, кого посещает, не образовались ли с кем-либо из местных жителей у него связи и отношения» [1, л. 3].

Польская диаспора формировалась во многих городах Российской империи. Родственники и друзья часто оказывались за сотни, а иногда и тысячи верст друг от друга. Единственным средством общения были письма. Переписка в полном объеме систематически перлюстрировалась. «Корреспонденция высланных должна быть постоянно под особенным ведением полиции в отношении к тому, с кем она производится», – указывала инструкция. На контроль брались все контакты с местным населением. Власти опасались, что ссыльные и в новых местах своего вынужденного пребывания будут заниматься пропагандистской деятельностью.

Инструкция для начальника губернии от 17 августа 1863 г. обязывала, чтобы «состоящие под надзором за политические преступления лишены были возможности устно и письменно распространять в местности, назначенной для их пребывания... те вредные политические воззрения, за которые они оттуда удалены» [Там же, л. 18].

Большинство ссыльных имели право писать письма родным, близким, да и просто знакомым людям. Эпистолярный жанр, столь хорошо развитый в XVIII–XIX вв., позволяет заглянуть и в душу человека. О чем думали польские ссыльные, о ком они переживали? В своих письмах они передавали приветы, не только жаловались, но и ободряли своих родственников и друзей.

Поскольку переписка ссыльных была под контролем, адресовать ее следовало на канцелярию губернатора. Для осуществления

контроля в штат Новгородского губернского правления был определен специальный переводчик, хорошо знающий польский язык, штабс-капитан Николай Леохновский. В определенных случаях от него требовался дословный перевод письменного послания, а когда в письме ничего предосудительного не обнаруживалось, достаточно было кратко изложить послание, а то и просто пере-сказать основные мысли.

Каждое письмо, вернее, его общее изложение, заканчивалось обязательной припиской переводчика: «Вообще, письмо не включает ничего, что бы препятствовало выдаче его адресату». Но если у него возникали какие-либо подозрения, что в письме присутствует «эзопов язык», автор упоминает августейших особ или затрагивает какие-либо вопросы, связанные с политикой, то подобные абзацы воспроизводились целиком, а их автор брался на особый контроль.

Копии писем прикладывались к донесениям уездных исправников о поведении поднадзорных. Это своего рода живая история, окошко в 60–80 гг. XIX в. Они отражают различные события на протяжении более четверти века. Здесь есть послания середины 1860-х гг., когда восстание еще не закончилось и оставалась надежда на победу. Немало документов, связанных с адаптацией ссыльных в различных местностях империи. Здесь интересно все: их быт, условия содержания, проблемы взаимоотношений с местными жителями и начальством. Из Новгородской губернии и в Новгородскую губернию шли письма из Польши и Сибири, Поволжья и даже из Европы: Австрии и Франции.

Многие участники Январского восстания были офицерами русской армии (в частности, Сигизмунд Сераковский). После начала вооруженных действий они самовольно покинули расположения своих частей, чтобы примкнуть к восставшим. Поэтому в конце 1864 г. МВД распространяет циркуляр «О военных дезертирах польского происхождения» [1, л. 50].

Как известно, одним из поводов к началу восстания послужил рекрутский набор в январе 1863 г. Тогда в списки было включено 12 тысяч человек, подозреваемых в принадлежности к различным патриотическим организациям. Объявление рекрутского набора

послужило сигналом к восстанию. В этих условиях Новгородский губернатор получил распоряжение, из которого следовало: «Уроженцы Царства Польского, которые, будучи отданы в военную службу за участие в мятеже или по набору 1863 г., учинят побег для уклонения от военной службы и при поимке выкажут явное недоброжелательство к Правительству, подлежат, взамен возвращения, по наказанию, в войска, ссылке на водворение в отдаленнейших местах Сибири» [1, л. 50].

Даже в губерниях с абсолютным большинством русского населения, как, например, в Новгородской, предписывалось изымать из продажи польские буквари и детские книжки, т.к. они, по мнению императора, издаются «в Варшаве и иных городах с революционной целью, ибо в оных намеренно везде распространяются мысли об отделении северо-западного края от России» [Там же, л. 40].

Ссылным было трудно найти себе занятие, обеспечивающее им нормальное материальное положение. Им запрещалось заниматься педагогической деятельностью, врачебной практикой, поступать на государственную службу, но эти правила зачастую нарушались. Нахождение в российской глубинке образованных людей давало шанс местным жителям получить определенные знания в различных науках. Польских ссыльных стали активно использовать в качестве домашних учителей. Это приобрело такой широкий масштаб, что Санкт-Петербург был вынужден издать циркуляр о строгом запрещении подобных занятий.

Новгородскими губернаторами в то время были Владимир Яковлевич Скарятин (1862–1864) и Эдуард Васильевич Лерхе (1864–1882). С 1863 по 1865 г. пост вице-губернатора занимал граф Эмерик Гуттен-Чапский, католик, известный коллекционер. Его именем сейчас назвал нумизматический музей в Кракове. Но тогда через него проходили не старинные польские и литовские монеты, а человеческие судьбы.

От этих людей во многом зависела жизнь большинства ссыльных поляков. Высшие чиновники губернии получали инструкции и распоряжения из Санкт-Петербурга, к ним стекались сотни жалоб и прошений ссыльных: о пособии, временной отлучке, переселении, трудоустройстве, решении личных вопросов и т.д.

В 80-е гг. XIX в. польские ссыльные освобождались от гласного надзора и над ними учреждался негласный надзор. Поднадзорный не должен был знать о существовании установленного за ним наблюдения. Лицо было как бы свободно в своих передвижениях, образе жизни, выборе занятий в отличие от лиц, находившихся под гласным надзором.

Наблюдение за политически неблагонадежными производилось чинами жандармского управления и общей полиции. Для этого использовались перлюстрация корреспонденции, наружное наблюдение и секретная агентура. Ведущее место в процессе контроля за ссыльными занимала полная перлюстрация всей переписки. По каждому поднадзорному в Новгородском губернском жандармском управлении было заведено дело, в котором собирались все поступающие о нем сведения.

До 1880-х гг. губернские жандармские управления оставались единственными учреждениями политического сыска на местах. Являясь частью государственной полиции, они входили в систему Министерства внутренних дел, но имели особый правовой статус. В губернских центрах, пожалуй, только они могли делать замечания и даже угрожать губернатору.

Новгородская губерния, находившаяся между двух столиц империи, несмотря на все обширные размеры, не считалась оторванной от благ цивилизации. Поэтому изначально сюда отправляли лиц, не вызывающих особого опасения со стороны властей. Это могли быть члены семьи активного участника восстания, люди, лишь заподозренные в сочувствии к ним, отправленные в ссылку «для профилактики», как возможные противники русификации Польши.

С конца 1870-х гг. здесь появляются ссыльные, отбывшие длительные – 10–15 лет – сроки наказания в Сибири. Многие из них являлись людьми преклонного возраста, с подорванным здоровьем и очень сильно нуждались в средствах. Часто за их плечами была непосильная работа на каторге. Из переписки видно, что одним из важных вопросов, который их волновал, был вопрос физического выживания. Они мечтали не только о далекой Родине, но и о куске хлеба насущного. Так, Франц Ростковский писал

череповецкому уездному исправнику: «За участие в польском восстании в 1863 г. я был сослан в Сибирь, где и пробыл в каторге и на поселении 14 лет. На основании Высочайшего повеления от 9 января 1874 г. освобожден из Сибири, нахожусь на жительстве в г. Череповце под надзором Полиции шестой год. До сих пор кое-как зарабатывал на свое пропитание, ныне же вследствие пожилых лет, а главное, вследствие одержимых болезней зарабатывать не в состоянии» [2, л. 74].

10 декабря 1865 г. Александр II утвердил закон, по которому всем высланным из западных губерний предлагалось в течение двух лет продать или обменять свои земли, а покупать их могли только православные. С реалиями этого закона столкнулись и поляки, сосланные в Новгородскую губернию. Викентий Шадурский просил разрешения самому продать принадлежащее ему имущество: «Имея восемь человек детей, требующих материальной поддержки и приличного образования, я считаю священным для себя долгом, по мере сил моих и возможности, устроить будущую судьбу их. Мне известны вызовы различных лиц русского происхождения, желающих приобрести мое имение, находящееся в Витебской Губернии, но не в состоянии окончить этой продажи без личного моего присутствия» [3, л. 29 об.].

Многие жены и дети разделили со своими мужьями и родителями тяготы ссыльной жизни. Массовые репрессии затронули семьи причастных к восстанию, высылаемых в центральные губернии России [Там же, л. 14]. Варшавянин Лев Ясинский, высланный на жительство в Новгород, ходатайствовал: «Жена моя находится в беременности последнего времени и чрезвычайно страдает, чему главная причина климат здешний... Поэтому за лучшее нахожу отправить ее в город Варшаву вместе с родною ее матерью. Вышеизложенное заставляет меня просить Ваше Превосходительство приказать переписать жену мою... из паспорта моего на паспорт родной ее матери» [4, л. 8].

Причиной ссылки могло стать не только личное участие в восстании. Сочувственное слово, наличие родственников или друзей среди восставших, а иногда и простой донос ломали человеческие судьбы. Иногда в качестве доказательства неблагонадежности

могли служить найденные стихи. У Антония Фибиха, кроме любовной лирики, было изъято стихотворение следующего содержания:

*От Бескидов до Поморья,
От Литвы до Запорожья –
Всю Польшу знаю.
Знаю то все племя,
Польские моря,
Польские земли и ту польскую соль <...>
Что лучше в свете польского меду,
Старого меча и подольского снопа
И польской чести,
Вольного Края, собственной нивы,
Польской черной брови и польской крови*

[5, л. 62 об]

Даже в экстремальных условиях ссылки, далеко от дома, люди думали о своих родных и близких, пытались их успокоить, убедить в том, что в жизни есть не только плохое. Их интересовали и трогали многие проблемы, вплоть до того, «как устроить клетку для кенариков» (канареек) [Там же, л. 50].

Большинство польских ссыльных жили на казенное пособие. Его размер и регулярное получение были залогом самой жизни. Этих денег явно не хватало на нормальное существование, а заниматься работой по профессии, как уже отмечалось, ссыльным часто запрещалось. Поэтому финансовые проблемы так часто поднимались в их переписке с властями.

Один из ссыльных с черным юмором писал своим близким: «Кормовых получаю по 15 коп, что составит в месяц 4 с половиной рубля, а потому, кроме чая, которого одну чашку пью сладкого и другую вприглядку, и то должен прибавлять ежемесячно 1 рубль, так что скоро придется оставаться с одной чашкой, а вместо чая есть кусок хлеба с водой» [Там же, л. 77].

Под особый контроль властей попали католические священники. Именно их называли главными идейными и духовными вдохновителями восстания. Представитель католического клира иеромонах Ченстоховского монастыря Бонавентура Гавельчик был выслан административным порядком в Кириллов. Он пробыл

в ссылке 17 лет. К священнику Яну Пацевичу у новгородских властей претензий вроде бы и не было. Пожилой 67-летний человек, отбывший восьмилетнее наказание на каторге в Сибири. Однако переписка, связанная с улучшением его положения, т.к. он «ведет скромную жизнь, в предосудительных поступках не замечался, поведения хорошего», закончилась весьма интересным выводом: «Если сам он не будет выдавать себя за мученика, то всегда найдутся охотники в католической среде, выдавая его за такового» [6, л. 65 об].

У некоторых ксендзов было одно желание: умереть там, где есть костел. Так, Филипп Мокржецкий ходатайствовал о том, чтобы получить «дозволение остаться мне в этом последнем городе (Новгороде. – Б.К.), т.к. я уже в преклонных годах (70 лет), постоянно нахожусь в болезненном состоянии и нуждаюсь в помощи медицинской и духовной и желал бы здесь умереть, где находится католическая каплица» [7, л. 2].

Как российские средства массовой информации объясняли причину ссылки не просто священника, а католического епископа? Тем более прямого участия в восстании не принимавшего. Так, русская либеральная газета «Биржевые ведомости» писала в № 239 за 28–30 августа 1868 г.: «Варшава. На днях выслан на жительство в Новгород плочкий епископ Попель. Он, как пишут в Москву, постоянно отличался оппозиционным характером. Все новые реформы, даже не касающиеся Церкви, находили в нем тайного или явного противника, и не пропускал он случая возбуждать и в населении подобные же чувства» [8, л. 18].

Первое, в чем он обвинялся, была особая близость между ним и его паствой: «Так, в прошлом году граф-наместник, снисходя к просьбам некоторых католических духовных особ и не католических светских, разрешил епископам католическим объехать свои епархии». Но что послужило причиной ссылки в Новгород? От плочкого архиепископа потребовали, чтобы он выслал депутата в Санкт-Петербург, в учреждающуюся здесь коллегию или синод католический. Попель отказался исполнить это требование. Это и послужило поводом отправить его на жительство в Новгород.

«Биржевые ведомости» с гневом отмечали, что Попель «выпил свою карету, своего повара и все, что нужно для удобств жизни богатому человеку. Сверх этого Попелю сохранено и все содержание, простирающееся до 6000 рублей. Для нас поучительно то, что епископ Попель, будучи богатым землевладельцем, переселившись в Новгород, заживет там жизнью, полною довольства и роскоши, и прослывет в то же время между своими “родаками” и по всей Европе мучеником за свои убеждения, за свою веру и свою Отчизну» [8, л. 18].

Первое упоминание о появлении плоцкого бискупа в Новгороде относится к августу 1868 г. 14 августа зашифрованной телеграммой из столицы новгородским губернским властям было сообщено о высылке в Новгород епископа Попеля. Местные чиновники получили распоряжение «озаботиться приготовлением для него приличного помещения и учреждения за ним по прибытии его надлежащего надзора» [Там же, л. 2 об]. На наем квартиры для епископа Попеля было выделена немаленькая сумма 35 рублей. Она складывалась из аренды помещения и обстановки в нем [Там же, л. 6 об]. Снимающим жилье было запрещено разглашать любые известия о его высылке и сообщать хозяевам, для кого наименее данная квартира.

Власти на самом высоком уровне проявляли к сосланному епископу повышенное внимание. Среди людей, которые решали судьбу плоцкого епископа, были не только губернские чиновники, имперские министры, но и сам император всероссийский – Александр II.

Нельзя сказать, что действия властей по отношению к епископу Попелю носили исключительно карательный характер. Скорее, они были изоляционистскими. Так, летом 1873 г. ему разрешили (после соответствующих консультаций с Санкт-Петербургом) провести два летних месяца в дачном местечке Собачьи Горбы. Но, когда ссыльный ходатайствовал о разрешении посетить ему столицу Российской империи, ему ответили отказом [Там же, л. 66].

Ссылка епископа Попеля закончилась в августе 1875 г.: императорским указом от 29 августа он был назначен Куявско-Калишским епископом. Он должен был прибыть в Петербург для принесения

присяги в новой должности. На дорожные расходы от Александра II ему была пожалована одна тысяча рублей [8, л. 74]. В сентябре того года епископ Феофил Винсент Попель выехал в Польшу. Его ссылка в Новгород закончилась.

Вдова Сигизмунда Сераковского, капитана русского Генерального штаба, одного из руководителей восстания, Аполлония находилась в Новгороде под надзором полиции с сентября 1863 г. Изначально Сераковской и ее сестре Текле Далевской была назначена ссылка в Белозерск, затем из Министерства внутренних дел пришло распоряжение «отправить ее на жительство в Боровичи под строгий полицейский надзор» [9, л. 32].

Не только болезнь дочери, родившейся раньше срока, была главным предметом ходатайств А. Сераковской к властям, но и ее попытки найти в Боровичах хоть какую-либо работу, в частности преподавать французский язык и музыку. Хотя ее потенциальные ученики «были известны своей благонадежностью», решение было принято следующее: «...удовлетворение ходатайства их о дозволении им заниматься в настоящем месте жительства преподаванием французского языка и музыки представляется неудобным» [Там же, л. 58]. Аполлония Сераковская вернулась в Варшаву в 1867 г. Она умерла 2 января 1919 г. и была похоронена в семейном склепе на Повонзковском кладбище.

15 мая 1883 г., более чем через 20 лет после начала восстания, последовало повеление императора, снимавшее для ссыльных поляков ограничение места их проживания. Бывшим участникам восстания наконец разрешалось свободное повсеместное проживание в России «без всяких ограничений» [10, л. 22 об.]. С этого времени польские ссыльные освобождаются от негласного надзора и возвращаются на родину.

Литература и источники

1. Государственный архив Новгородской области (ГАНО). Ф. 138. Оп. 1. Д. 2261.
2. ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2814.
3. ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2330.
4. ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2328.
5. ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2814.

6. ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2804.
7. ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2803.
8. ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2513.
9. ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2290.
10. ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2813.

Симонова Татьяна Михайловна,

*кандидат исторических наук;
независимый исследователь*

**А. МИЦКЕВИЧ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ:
ОТ А.С. ПУШКИНА ДО РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
ПЕРВОЙ ВОЛНЫ**

Аннотация. А. Мицкевич явился составной частью русского романтизма XIX в. и символизма XX в. Литературные отношения Пушкин – Мицкевич стали концептом российского национального самосознания с середины XIX в. Духовный и практический опыт освободительной борьбы Великой польской эмиграции явился значимым для русской интеллигенции второй половины XIX – начала XX в., а также для эмиграции первой волны.

Ключевые слова: А. Мицкевич, А.С. Пушкин, П.А. Вяземский, Великая польская эмиграция, Д.В. Философов, первая волна русской эмиграции

Simonova Tatyana Mikhailovna,

*Candidate of Historical Sciences;
independent researcher*

**A. MICKIEWICH IN RUSSIAN CULTURE:
FROM A.S. PUSHKIN
TO RUSSIAN EMIGRATION
OF THE FIRST WAVE**

Abstract. A. Mickiewicz was an integral part of Russian romanticism of the XIX century and symbolism of the XX century. Literary relations between Pushkin and Mickiewicz became a concept of Russian national

identity from the mid-nineteenth century. Spiritual and practical experience of the liberation struggle of the Great Polish emigration was important for the Russian intellectuals of the second half of XIX – the beginning of XX centuries and also for the emigration of the first wave.

Key words: A. Mickiewicz, A.S. Pushkin, P.A. Vyazemskiy, The Great Polish Emigration, D.W. Philosophov, The First Wave of Russian Emigration

В апреле 1873 г. П.А. Вяземский писал в статье «Мицкевич о Пушкине»: «Политика – сила обыкновенно разъединяющая; поэзия должна быть всегда примиряющей и скрепляющей силой. Политические предубеждения, политические злопамятства и сочувствия Мицкевича умерли с ним: нам до них дела нет. Но то, что создано внутренним духом и дарованием поэта, переживает попытки односторонней и тревожной деятельности Мицкевича-эмигранта» [3, с. 306–307].

Почти 200 лет Адам Мицкевич неотделим от русской культуры. Молодой филолат, сосланный в «почетную ссылку» на восток, оказался в центре внимания сразу после вынужденного появления в России (1824–1829) в важный для польской и российской истории период подготовки и восстания декабристов; когда, по словам А.С. Грибоедова, «сто прапорщиков» мечтали изменить «государственный быт в России» [9, с. 33]. Поляки переживали смену либерального «варшавского» курса Александра I после 1821 г. и ее грустные последствия: отказ от автономии Царства Польского; а после 1825 г. – нововведения императора Николая I при наместничестве великого князя Константина.

Пушкин в ссылке с глубокой болью узнал о подавлении восстания декабристов и жестокой расправе над ними. Формально подозрения с поэта были сняты, но жизнь его была поставлена под негласный надзор, публикация «Бориса Годунова» – запрещена. В среде польской радикально настроенной молодежи вызревала романтическая идея освободительной борьбы за восстановление «единой и неделимой» отчизны. По мнению Х. Глембоцкого, именно польские романтики с Мицкевичем во главе невольно «внедрили конфликт с Россией» в период «российского просвещенного

империализма» в новое осмысление польско-российских отношений [5, с. 167].

Пристальное внимание к теме отношений двух великих поэтов (в значительной степени мифологизированных) проявилось в середине XIX в. Она вышла за рамки литературных диспутов, стала одной из важных тем русского национального самосознания. Д.П. Ивинский полагал неизбежными исследовать ее через призму «польского вопроса» [9, с. 11, 14]. А.В. Липатов видит корни параллельно существовавшего русского полонофильства и полонофобии в разделении социума империи на «гражданское общество» и общество «огосударственное» [11, с. 191, 200]. Молодой Вяземский в 1828 г. как представитель «гражданского общества» в письме к одному из братьев Тургеневых писал: «...я не понимаю романтической любви к отечеству» [13, т. 2, с. 6].

По мнению же позднего Вяземского, в то время, когда Мицкевич появился в России, «польского вопроса еще не было». Польшу, ее литературу и язык знали мало, но «все оценили и полюбили» Мицкевича «как человека». Оставаясь «кровным поляком», Мицкевич в отношении России и русских «озлобления» не имел [3, т. 7, с. 309]. Широко известны строки Пушкина о польском поэте: «...вдохновен был свыше И свысока взирал на жизнь». П.В. Анненков вспоминал, что Мицкевич «долго и с жаром» говорил о любви, которая «должна связать народы между собою» [29, с. 169]. Однажды, встретив Мицкевича на улице, Пушкин посторонился и сказал: «С дороги, двойка, туз идет». На что Мицкевич ответил: «Козырная двойка туза бьет» [3, т. 7, с. 309]. И.В. Киреевский в 1829 г. поставил Мицкевича первым в ряду польских национальных поэтов, которые выразили «дух своего народа» и дали польской поэзии «возможность действовать и на нашу поэзию» [34, с. 250–251]. Современники сходились во мнении, что поэзия Мицкевича получила гораздо более высокую оценку в России, чем в Польше [18, с. 340].

Июльская революция во Франции 1830 г. оказала влияние на всю Европу, и в первую очередь на разделенную Польшу; Ноябрьское восстание стало причиной формирования новой, «романтической модели польской идентичности», вызревшей в политике, литературе и философской мысли Великой эмиграции [5, с. 168]. В 1831 г.

в столичной военной типографии вышел короткий поэтический сборник «На взятие Варшавы» (два стихотворения Пушкина и одно Жуковского). Пушкинское «Клеветникам России» родилось во время осады Варшавы и было вызвано возмущением поэта предложением французских депутатов направить вооруженное подкрепление полякам. Патриотические чувства многих были сильно уязвлены; поэт – очевидец Отечественной войны 1812 г. – предостерег депутатов:

*...Вы грозны на словах – попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измайловский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?..*

Для Пушкина и его единомышленников (их было немало) «польский мятеж» был «делом семейственным, старинной наследственной распрей»; для полонофила Вяземского это произведение стало «шинельной одой»; братья Александр и Николай Тургеневы наградили Пушкина и «всех русских» именем «варваров» [5, с. 201].

Мицкевич не участвовал в восстании, но с горечью и обидой воспринял это издание в марте–октябре 1832 г.; его ответ «Друзьям-москалям» был опубликован в «Пане Тадеуше» в 1834 г. Горькие упреки в предательстве «свободной души», переданной на милость царя; в унижительных «поклонах» на царском пороге; в «оплаченных» речах, – все это Пушкин отнес на свой счет [9, с. 224–225]. После взятия Варшавы – и до своей кончины в Константинополе во время Крымской войны Мицкевич, по словам А.Л. Погодина, готовил «хотя и фантастические, но вражеские планы» против России [13, т. 2, с. 11]. Опубликованные в России произведения Мицкевича после 1830 г. стали подвергаться цензуре [3, т. 2, с. 327].

Кончина Пушкина глубоко потрясла Россию. 25 мая 1837 г. в одном из парижских журналов Вяземский обнаружил заметку на смерть Пушкина, автором которой, по его убеждению, был Мицкевич. Очистив текст от «польско-политических пряностей» [Там же, с. 316–317], он опубликовал ее перевод. В оценке

Пушкина-поэта Мицкевичем Вяземский не нашел ни озлобления, ни политизации, но глубокое понимание его необъятного дарования и остроты его ума: когда Пушкин говорил «о политике внешней и отечественной, можно было думать, что слушаешь человека, заматеревшего в государственных делах» [3, с. 317].

В марте 1827 г. Мицкевич высказал мысль о том, что Россия как покровительница славянских партий «привлечет к себе более, чем войсками» [13, т. 2, с. 14]. В эмиграции (с 1832 г.) Мицкевича захватила идея славянского единства на почве польского мессианизма. Его лекции о славянской литературе в Коллеж де Франс не содержали резких антирусских оценок. «Евгения Онегина» он ставил выше произведений Байрона, выделял «Пророка» Пушкина как «начало новой эры» в его жизни. По словам Вяземского, Мицкевич настолько был захвачен Пушкиным, что с его смертью «похоронил и всю русскую литературу» [3, т. 7, с. 320–324]. В 1842 г. Ф.И. Тютчев так обращался к Мицкевичу – «мужу» «несомненного призванья и примиряющей любви»: «...вдохновенный твой Глагол, Как вестник Нового завета, Весь Мир Славянский обошел» [17, с. 191].

Взаимный интерес русских и польских писателей возрос после восстания 1863 г. [27, с. 204]. М. Здзеховский, польский и российский филолог, историк литературы и философ, в год 90-летия Мицкевича (1888) отмечал психологическое единство русских и поляков, присущий им «мистический патриотизм» и мессианизм. В качестве общего источника этих черт национальных характеров он выявил опору на «чувственный», а не «интеллектуальный» опыт: обеим культурам присуще осознание «громадной разницы» между религиозно-культурными идеалами и действительностью, что нехарактерно для «приземленных реалистов» западной культуры [38, с. 216, 226].

Первый памятник Мицкевичу в Варшаве был торжественно открыт в декабре 1898 г. На торжестве 12 тысяч человек присутствовали молча, поскольку речи были запрещены. Однако на всю империю прозвучал голос В.С. Соловьёва – яркого представителя Серебряного века русской литературы и Золотого века русской философии [27, с. 204–205]. Он читал польского поэта в оригинале и перевел одно из его стихотворений. Мицкевич идеально

соответствовал соловьевским представлениям о гармоничном сочетании человека-творца с началами христианской нравственности [16, с. 401]. Соловьёв выделил в становлении поэта три духовных подъема: вначале «дух Мицкевича» впервые поднялся над «руинами мечтательного личного счастья» и он беззаветно отдался «более широким мечтам о счастье национальном». Затем, до знакомства с Товьянским, он сформулировал мысль «о значении и призвании Польши» (в «Книге польского народа и паломничества» и в «некоторых чтениях в College de France»). Наконец, он не только «объявил Польшу народом-мессией», но «преклонился перед нею, как перед мессией», поняв, что «торжество не дается даром и не добывается одною внешнею силою», но «должно быть выстрадано». Вершиной национальной идеи является понимание, что «внешнее благополучие народа должно быть добыто его нравственным подвигом» [Там же, с. 205, 207, 208, 210–212].

Спустя полгода после установления памятника Здзеховский в письме Л.Н. Толстому вторил Соловьёву, выделяя универсальное нравственное значение наследия Мицкевича: «...он был не только великий поэт, но и великий человек в христианском смысле слова»; «между Мицкевичем и Вами гораздо более точек соприкосновения, чем между Мицкевичем и Пушкиным» [8].

Интерес к польской культуре и Мицкевичу резко вырос в середине первого десятилетия XX в. [2, с. 345]. Одним из его проявлений стало сюжетное полотно Г.Г. Мясоедова «В салоне Зинаиды Волконской» (1907), на котором изображена встреча в салоне З.А. Волконской в Москве в декабре 1826 г. А. Мицкевича, А.С. Пушкина, П.А. Вяземского, Е.А. Баратынского, А.С. Хомякова, В.А. Жуковского, М.П. Погодина, Д.В. Веневитинова, П.Я. Чаадаева и др.

В 1908 г. К.Д. Бальмонт опубликовал в Париже эссе «Флейты из человеческих костей (Славянская душа текущего мгновенья)», дав точную поэтическую характеристику польского языка в сопоставлении с русским языком: «Польская речь – энергия ключа, который взрывает горы. Русский язык – разлитые степей, развернутость вольных равнин», «польский язык учит Русскую речь силе: он есть энергия»; «нам, Русским, нужен Польский язык, ибо он учит мести. Учит силе. Быстроте. Русским нужна Польская душа.

Ибо Польские судьбы велики и печальны, красивы и безумны. Они учат разбегу морского вала, бесстрашию замысла, твердости, в самом паденьи за паденьем до дна есть восстанье из мертвых» [1, с. 594–595].

Современникам А. Блока был близок образ Польши в его «варшавской» поэме «Возмездие» (1910–1911): «...страна – под бременем обид, Под игом наглого насилья – Как ангел, опускает крылья, Как женщина, теряет стыд. Безмолвствует народный гений, И голоса не подает, Не в силах сбросить ига лени В полях затерянный народ». Экзаменовал Блока по польскому языку в Петербургском университете Ян Бодуэн де Куртене, в 1919–1929 гг. – почетный профессор Варшавского университета [30, с. 69–73]. Произведения Мицкевича в эти годы переводили В.Я. Брюсов, И.А. Бунин, В.Ф. Ходасевич, И. Северянин и многие другие.

В 1912 г. профессор Варшавского и Харьковского университетов А.Л. Погодин посвятил своей жене двухтомную биографию Мицкевича: «...о величайшем поэте ее народа». «Народным поэтом, поэтом восставших», Мицкевич стал с началом восстания 1830 г., «страстно» обличая зло «во имя идеала человеколюбия и справедливости» и «неудержимо» стремясь «к борьбе с тиранией и эгоизмом» [13, т. 1, с. 304–305]. В его «Книге польского народа и польских пилигримов» Погодин увидел не только призывы «сеять любовь к Родине», но и излишек «мистических намеков», «преувеличенного восхищения», в то время как «народ нуждался в простом и мужественном слове утешения» [Там же, т. 2, с. 15, 37, 128–129, 152–153]. В «Пане Тадеуше» Польша предстала подобной распятому Христу; история гонений польского народа была сопоставлена с гонениями на христиан. «Пана Тадеуша», где польским эмигрантам было дано «нравственное руководство», как подняться «над омутом мелких партийных счетов», не забывать «о высшем назначении страдающего народа», Погодин поставил на уровень «одного из величайших произведений мирового эпоса» [Там же, т. 2, с. 143–144, 194].

Первые бои мировой войны на территории Польши в 1914 г. актуализировали внимание к польскому вопросу и творчеству Мицкевича [27, с. 204; 35, с. 1]. В одном порыве сошлись во взглядах

польские и российские литераторы различных направлений, мало кто из русских писателей и поэтов остался в стороне [2, с. 347–354]. В 1914 г. в Париже был издан курс лекций Мицкевича в Коллеж де Франс (Les Slaves). Появилась лавина публикаций, гравюр, плакатов и лубочных картинок на польскую тему. В стихотворении «Польша» медбрата С.А. Есенина (1915) «Мицкевич заряжает пушки»; в «Записках кавалериста» Н.С. Гумилев признавался в любви к Южной Польше, где воевал, и т.д. [4, с. 38–46]. Д.С. Мережковский в эссе «Распятый народ» (1915) призвал «народы Европы» открыть глаза на мучения польского «народа распятого», «стертого с карты Европы». Польша виделась ему искупительной жертвой за все человечество, а Мицкевич – «пророком Божьим, Исайей или Иезекииелем новых времен», «истинным пророком Славянства» [12, с. 51–60]. С этим нравственным посылом Мережковский, Гиппиус, Д.В. Философов и В.А. Злобин в начале января 1920 г. через Вильно эмигрировали из Советской России.

В период Русского исхода интерес к политическому эмигранту Мицкевичу усилился [10, с. 376–391]. По свидетельству дуайена русских дипломатов в изгнании В.А. Маклакова, только в эмиграции «почувствовали всю жестокую правду тех слов, которые мы, когда у нас была еще государственность, с каким-то пророческим предвидением оценили у поэта, которого и любил, и переводил Пушкин»: «Отчизна милая, подобна ты здоровью: Тот истинной к тебе исполнится любовью, Кто потерял тебя» [28, с. 376–391]. Бальмонт, выехавший в 1920 г. из Советской России, был убежден, что «без «Дзядов» Мицкевича, «Лилли Венеды» и «Балладины» Ю. Словацкого и «Небожественной комедии» И. Красинского невозможно помыслить польскую душу» [1, с. 187–188]. В.Ф. Ходасевич по поводу столетия «Пана Тадеуша» (1934) отметил, что Мицкевич никогда не был врагом русского народа, что его мессианство было основано не на «чувствах шовинистических, а лишь на том бесспорном обстоятельстве, что в его время Польша была наиболее страдающим из страдающих народов», поэтому «борьба за политическую свободу славянства стала для него религиозной необходимостью» [26, с. 312–313].

Только в Польше русским эмигрантам была предоставлена возможность практически реализовать разнородно понимаемые задачи борьбы с большевизмом путем создания антисоветских формирований, подобно польскому легиону 1848 г. Одним из самых ярких «активистов» стал Философов; он, как и лидеры польской эмиграции после 1848 г., пытался пропагандировать свои идеи силой художественного слова. В Польше был выдвинут лозунг «Свобода», «За свободу!» – как заглавие газеты; во Франции эмигрантов и всех славян вокруг Польши должна была объединить “*La tribune des peuples*” («Трибуна народов» с Мицкевичем в 1849 г.).

В середине 1920-х гг., после крушения военных проектов и разочарований в «предавшем дело» Б.В. Савинкове, Философов, размышляя о «сложной простоте, целомудренной стыдливости», «страданиях» славянской души [20, № 93], находил опору в Мицкевиче: его «славянская душа» могла бы «выпрямить не одну надломленную эмигрантскую душу» [21, № 108]. Майский переворот Пилсудского 1926 г. вызвал надежды на создание «условий для новой жизни». В 1943 г. М. Домбровская в «Дневнике» записала: «Боже, какой ошибкой оказалась эта вера» [32, с. 180]. Философов призывал русское меньшинство преодолеть состояние толстовского «неделания»; был убежден, что у «бесподданных безгосударственников», бесправных и презираемых при «полном равнодушии польского общественного мнения», есть только один выход: «...стоять на своем посту, охраняя неприкосновенность великих духовных ценностей», вывезенных из страны, чтобы передать их «грядущей, свободной России» [22, № 230]. Великая польская эмиграция и ее поэты-пророки (Мицкевич, Словацкий, Красинский), которые сумели создать «землю обетованную» вне польских пределов и заложить основу «здорового, героического активизма», возродившего Польшу в ноябре 1918 г., были ему примером [23, № 324]. В числе современников Философов не находил фигур, равных Мицкевичу; пожалуй, лишь Мережковский в «Грядущем хаме» (1904) «занимал позицию, подобную позиции Мицкевича» [24, № 119].

Фигура Философова в польской культуре межвоенного периода занимает заметное место. В 2015 г. в Варшаве под редакцией

профессора П. Митцнера вышли два тома переводов работ Философова на польский язык [15, с. 163–182; 33]. Статья о Мицкевиче вынесена в отдельное приложение второго тома под названием «Философов как мицкевичолог» [33, с. 417–448]. Одним из первых в 1934 г. публицист обратился к творчеству Мицкевича русского периода [31, с. 15], написав, по существу, книгу [6, с. 146]. Его четыре статьи (1932) о последних годах жизни Мицкевича стали практическим воплощением активизма и патриотизма, к которым публицист призывал русскую эмиграцию [25, № 125]. Замечания Философова на первый том биографии поэта авторства М. Кридла и Ю. Клейнера вызвали шумную дискуссию в научных кругах Польши, в ней М. Домбровская встала на сторону Философова – «публициста европейского уровня» [31, с. 15].

В середине 1930-х гг. началось испытание на прочность европейского миропорядка. 26 января 1934 г. была подписана германо-польская декларация о мирном разрешении споров и неприменении силы, воспринятая политиками Польши как успех; в марте ее продлили до 31 декабря 1945 г.; русская газета «Молва» была закрыта. В течение последующих пяти лет Философов стоял во главе литературно-политического еженедельника (с 21-го номера – еженедельная газета) «Меч». Философов и Мережковский в программной статье «Чего хотим» призывали к пробуждению и возрождению эмиграции, к борьбе на широком фронте «с коммунизмом и большевизмом» («антикоммунизм, антиматериализм, антимарксизм») [14, с. 381–390]. Подготовка грядущего польско-русского сближения отступала на второй план; возрождение эмиграции с «ослепшими и оглохшими старичками» зависело от активной позиции молодежи, от уважения к русскому языку в печати. Как и Мицкевич в свое время, Философов провозгласил необходимость создания Ордена рыцарей – бескомпромиссных служителей Богу, глашатаев правды, а в новых условиях – врагов «оффенбаховщины» и «кабарежного юмора» [33, с. 305–308]. В 1936 г. он произвел себя в рыцари «Невесты» или «Спящей царевны» – России [Там же, с. 410–411].

По мысли Философова, каждый эмигрант – «раненый человек» со своей душевной травмой. В споре с Мережковским о духовном состоянии русской эмиграции, рассыпавшейся по странам

(парижская, пражская, варшавская), он пришел к выводу, что чем ближе к границам России, тем выше требования активизма, которые почти не слышны в Париже. Мечта об идеологическом возрождении и активизации эмиграции разбивалась о реальность: «...в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань» (Варшаву и Париж) [33, с. 340]. Совместный варшавско-парижский еженедельник создать не удалось; политическое руководство журнала было передано молодежи (В.В. Бранду и Г.Г. Соколову). В 1920–1936 гг. Философов издал около 600 статей на разные темы, считая своей «главной обязанностью» веру в будущее России и неустанный труд для его приближения [Там же, с. 272–273, 282].

В СССР официальная идеология формировала образ Мицкевича в характерном для вульгарной марксистско-ленинской идеологии этого периода стиле. Литературовед и театральный критик М.С. Живов, отец которого до 1917 г. издавал в Варшаве газету на идише, в «Большой советской энциклопедии» (1938) особо отметил, что «реакционные стороны шляхетского движения» привели Мицкевича к религиозному мистицизму», что «буржуазная критика» не дала заслуженной оценки поэту, что «фашистские критики современной Польши» пытаются «представить его певцом современных реакционных идей фашистской государственности» [7, с. 529–531].

Мицкевич в письме И. Лелевелю идентифицировал себя так: «*Żeś znad Niemna, żeś Polak, mieszkanięc Europę*», современники воспринимали его не только литовцем и поляком, но «соплеменником» (П.А. Вяземский) и «земляком» (Н.А. Полевой). М. Джедушицка обоснованно поставила вопрос о «польскости» Мицкевича как «зеркале русской идентичности» [34, с. 210, 213]. Вселенскость мировосприятия Мицкевича способствовала самоидентификации русских романтиков; в тесном контакте с польской культурой развивался русский символизм. «Политические планы Мицкевича не сбылись ни разу», заключил Погодин, но «пока жив был Мицкевич, пока раздавался его голос – тревожный, шевелящий чужую совесть, беспокоящий мирный сон народов и дипломатов, голос пророка и поэта, – до тех пор о поляках не забывали» [13, т. 2, с. 345].

Литература и источники

1. *Бальмонт К.Д.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6: Статьи, очерки, путевые заметки: «Флейты из человеческих костей» (Славянская душа текущего мгновенья). М., 2010.
2. *Бэлза С.И.* «Польская тема» и переводы с польского в русской поэзии конца XIX – начала XX в. // Польско-русские литературные связи / ред-колл.: Н.И. Балашов и др. М., 1970.
3. *Вяземский П.А.* Мицкевич о Пушкине // Полное собрание сочинений (ПСС). 1855 г. 1877 г. / Издание графа С.П. Шереметева. СПб., 1882. Т. 7.
4. *Герасимова И.Ф.* Первая мировая война в зеркале русской лирики 1914–1915 годов: события вокруг Польши // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. № 2. Т. 1.
5. *Глембоцкий Х.* Почему не удался опыт польско-русского соглашения в виде Царства Польского в 1815–1830 гг. Геополитика польско-русского соглашения // Остафьевский сборник. Юбилейный выпуск, посвященный 225-летию со дня рождения П.А. Вяземского и 100-летию С.Д. Шереметева. Вып. 13 / ред. Л.А. Бабаева и др. М., 2017.
6. *Гомолицкий Л.* Сочинения русского периода. Т. 1. М., 2011.
7. *Живов М.* Адам Мицкевич // Большая советская энциклопедия. Т. 39. М., 1938.
8. *Здзеховский М.* Л.Н. Толстому. Письмо от 2 июня 1899 г. // <http://tolstoy.lit-info.ru/tolstoy/pisma/1899-1900/letter-111.htm>
9. *Ивинский Д.П.* Пушкин и Мицкевич. История литературных отношений. М., 2003.
10. *Лавринец П.* Польская великая эмиграция в публицистике и критике Д.В. Философова 1920–1930-х гг. // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*. Т. X: «Век нынешний и век минувший»: культурная рефлексия прошедшей эпохи: В 2 ч. Тарту, 2006. Ч. 2.
11. *Липатов А.В.* Антиномии русского европеизма. Польша в восприятии общества огосударствленного и гражданского (казусы Пушкина и Вяземского) // Остафьевский сборник. Юбилейный выпуск, посвященный 225-летию со дня рождения П.А. Вяземского и 100-летию С.Д. Шереметева. Вып. 13 / ред. Л.А. Бабаева и др. М., 2017.
12. *Мережковский Д.С.* Распятый народ // Было и будет. Невоенный дневник. 1914–1916. Пг., 1917.
13. *Погодин А.Л.* Адам Мицкевич: Его жизнь и творчество: В 2 т. М., 1912.
14. *Симонова Т.М.* Дмитрий Философов в эмиграции: диалог культур и практика борьбы // *Sztuka Europy Wschodniej / Polska – Rosja. Sztuka i Historia*. Т. 2: *Sztuka polska, sztuka rosyjska i polsko-rosyjskie kontakty artystyczne XX–XXI wieku* / red. J. Malinowski. Toruń, Warszawa, 2014.

15. *Симонова Т.М.* Рецензия на: Dymitr Filosofov. Pisma wybrane / Wybór i opracowanie: P. Mitzner. Т. 1–2. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego, 2015 // Историческая экспертиза. 2018. № 2.
16. *Соловьёв В.С.* Речь на обеде в память Мицкевича 27 декабря 1898 г. // Литературная критика / коммент. Н.И. Цимбаева. М., 1990.
17. *Тютчев Ф.И.* От русского по прочтении отрывков из лекций г-на Мицкевича // Полное собрание сочинений и писем: В 6 т. М., 2002. Т. 1: Стихотворения 1813–1849.
18. *Ушаков В.А.* О русском переводе сонетов Мицкевича // Московский Телеграф. 1829. № 23.
19. *Философов Д.В.* Славянская душа. О комедии С. Жеромского «Улетела моя пташечка» в Национальном театре // За свободу! 1925. № 63. 08 марта.
20. *Философов Д.В.* Славянская душа. Профессор Марьян Здзеховский // За свободу! 1925. № 93. 06 апреля.
21. *Философов Д.В.* За Свободу! 1925. № 108. 25 апреля.
22. *Философов Д.В.* После русских съездов в Белграде // За свободу! 1928. № 230. 6 октября.
23. *Философов Д.В.* Уроки польского восстания // За свободу! 1930. № 324. 29 ноября.
24. *Философов Д.В.* Мицкевич в Турции. «Еврейский легион» // Молва. 1932. № 119. 28 августа.
25. *Философов Д.В.* Мицкевич в Турции. Смерть (26 ноября 1855 г) // Молва. 1932. № 125. 4 сентября.
26. *Ходасевич В.Ф.* Собрание сочинений: В 4 т. / сост., подгот. текста И.П. Андреевой и др.; коммент. И.П. Андреевой и др. Т. 2: Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922–1939. М., 1996. http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_0740.shtml
27. *Цыбенко О.В.* Русские поэты Серебряного века о польской культуре (Игорь Северянин) // Поляки и русские в глазах друг друга / отв. ред. В.А. Хорев. М., 2000.
28. *Цыбенко О.В.* Мицкевич и поэты русской эмиграции первой волны // Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре / отв. ред. В.А. Хорев. М., 2002.
29. *Цявловский М.А.* Мицкевич и его русские друзья // Статьи о Пушкине. М., 1962.
30. *Galis A.* «Osiemnaście dni Aleksandra Błoka w Warszawie». Warszawa, 1976.
31. *Dąbrowska M.* O dobre obyczaje polemiczne // Wiadomości Literackie. 1934. № 13.
32. *Dąbrowska M.* Dzienniki. Т. 1. Warszawa, 1988.

33. *Dymitr Filozofow. Pisma wybrane / Wybór i opracowanie: P. Mitzner. T. 1: Trudna Rosja (1902–1916); T. 2: Rosjanin w Polsce (1920–1936). Warszawa, 2015.*
34. *Dzieduszycka M. The Romantic Other: Adam Mickiewicz in Russia 1824–1829. Doc. Columbia University, 2013.*
35. *Kulczycka-Saloni J. Z dziejów literackiej emigracji rosyjskiej w Warszawie dwudziestolecia // Przegląd Humanistyczny. Warszawa, 1993. № 1.*
36. *Mickiewicz A. Les Slaves. Paris, 1914.*
37. *Zdziechowski M. Mesjaniści i słowianofile. Szkice z psychologii narodów słowiańskich. Kraków, 1888.*

Ерохина Ольга Викторовна,
*доктор исторических наук;
профессор кафедры истории России
Института истории и политики
Московского педагогического
государственного университета*

ВЗАИМОВОСПРИЯТИЕ РУССКО-ПОЛЬСКОЙ АРИСТОКРАТИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Аннотация. К началу XIX в. представления русских и поляков друг о друге имели глубокие исторические корни. Они основывались на многовековом соседстве, частых войнах между собой и строились в основном на противопоставлениях своей и чужой культуры. Это приводило к неприятию «родственно-инородного» элемента. С начала XIX в., а в большей степени со второй четверти XIX в., во взаимоотношениях Польши и России все четче прослеживаются националистические тенденции. Наполеоновские войны в Европе, Отечественная война 1812 г. и Заграничные походы русской армии 1813–1815 гг. не только не способствовали сближению, но усилили противостояние двух народов. В его основе лежало стремление поляков к независимости и нежелание российских властей ее предоставить.

Ключевые слова: Россия, Царство Польское, аристократия, поляки, русские

Yerokhina Olga Viktorovna,

*Doctor of Historical Sciences; professor,
Department of Russian History,
Institute of History and Politics,
Moscow Pedagogical State University*

MUTUAL PERCEPTION OF THE RUSSIAN-POLISH ARISTOCRACY IN THE FIRST HALF OF THE XIX c.

Abstract. The ideas of Russians and Poles about each other had rather deep historical roots by the beginning of the XIX c. They were based on the centuries-old neighborhood, frequent wars between them. These ideas were based mainly on oppositions about one's own and foreign culture, which led to the rejection of the "kindred-foreign" element. From the beginning of the XIX century, and to a greater degree from the second quarter of the XIX century, in the relations between Poland and Russia nationalist tendencies are becoming more and more visible. Napoleonic wars in Europe, the Patriotic War of 1812 and foreign campaigns of the Russian army of 1813–1815. Did not contribute to their rapprochement, it only increased the confrontation between the Russians and the Poles. It was based on the desire of the Poles to gain independence and not the desire of the Russian authorities to provide it to them.

Key words: Russia, Kingdom of Poland, aristocracy, poles, Russian

Проблеме взаимоотношений России и Польши – от сферы культуры до внешней политики – уделялось довольно много внимания. Исследователей интересовали вопросы этнических стереотипов, самоидентификации, национальной борьбы, восстаний в Польше в XVIII–XIX вв. и многие другие. В конце XX – начале XXI в. все чаще стали обращаться к проблеме изучения национальных взаимоотношений и взаимовосприятий не только внутри государства, но и за его пределами. С целью преодоления этнических предубеждений и негативных стереотипов российские и польские исследователи начали проводить совместные конференции и исследования. Так, в 1994 г. впервые на конференции в Казани был поднят вопрос о русско-польских отношениях [18], но систематическими совместные проекты стали с начала XXI в. [9; 10; 12; 14; 17; 22; 23].

Польский поэт Чеслав Милош писал: «Поляки и русские друг друга не любят. Точней, испытывают друг к другу самые разные неприязненные чувства, от презрения до ненависти, что, впрочем, не исключает какой-то непонятной взаимной тяги, всегда тем не менее окрашенной недоверием. Между ними стоит... incompatibility of temper <...> Весьма вероятно, что поляки знают о русских то, что русские знают о себе сами, но не хотят признаваться, и наоборот» [6].

Какие представления имели русские и поляки друг о друге? Обратимся к мнению «цвета» русско-польских обществ рассматриваемого периода – аристократии.

После трех разделов Речи Посполитой (1772, 1793, 1795) часть ее земель отошла к Российской империи. Польско-литовская знать, принеся присягу на верность русским царям, получила дворянские права и привилегии, сохранив свои титулы и земли. Но значительная ее часть не оставляла надежд на возвращение независимости. Именно с этого момента российское общество начнет интересоваться историей российско-польских отношений, проявляя настороженное и порой неприязненное отношение к полякам.

После Венского конгресса 1814–1815 гг. большая часть Великогерцогства Варшавского вошла в состав Российской империи как Царство Польское. 20 июня 1815 г. была обнародована польская конституция. Казалось, «укоренившиеся враждебные чувства и мнения между собратними единоплеменниками взаимно должны угаснуть при утешительной мысли о будущих выгодах для обоих великих племен славянского народа. Отныне русские и польские народы будут братьями...» [8, с. 473]. Но этот шаг привел к еще большему противостоянию русского и польского обществ.

Решение Александра I нашло отклик у польской элиты. Ю.У. Немцевич отмечал, что в этот день «воскресло... имя Польши» [Там же, с. 335]. О «воскрешении имени поляков» также говорил В. Швейковский и при этом делал упор на сохранении за ними «права свободного народа» [Там же]. Вероятно, это было связано с тем, что в дальнейшем поляки рассчитывали на возможность заявить: «Королевство Польское восстановлено, и польский народ снова в единое тело соединен» [8, с. 47].

Однако в русских аристократических кругах мысль о возрождении польской государственности не приветствовалась. Речь Александра I о даровании Польше конституции «больно отозвалась в сердцах русских патриотов» [1, с. 183]. По мнению Н.М. Карамзина, «восстановление Польши будет падением России <...> никогда поляки не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любят сильных, а сильные презирают слабых» [5, с. 363–366].

Конечно, в основе восприятия друг друга лежали различные факторы, но акцент делался на политические, конфессиональные различия и оценку уровня цивилизованности. Когда после 1815 г. русские офицеры и чиновники стали приезжать на службу в Царство Польское, в процессе ежедневного общения мнение могло меняться. «Везде первенствовали поляки... будто они одни представляли собою тип всех способностей, у которых русские должны будто бы всему учиться, – писал И.Ф. Паскевич. – Поляки возмечтали о себе более, чем благоразумие дозволяло, и высокомерие свое постоянно выбалтывали, а русские молчаливо, но глубоко затаили оскорбление национальному своему чувству» [21, с. 330].

Русские приезжали в Польшу с уже устоявшимися стереотипами, которые не позволяли взглянуть на страну и ее жителей непредвзято. При этом многие из них были весьма образованными людьми. Так, П.А. Вяземский по прибытии в Варшаву сделал заключение, что польское общество «довольно сухо, хотя и встречаешь в нем много умных людей; но в этих умах нет ничего союзного: каждый умен про себя и свое дело... здесь нет сладострастия ума... нечего смотреть, нечему учиться; все это под спудом» [7, с. 97, 148]. Ф.Н. Глинка указывал на то, что польская шляхта «называет нас Северными варварами, а сами любят, чтоб их называли Северными французами!!!» [3]. Постепенно русские знакомились с новыми традициями и обычаями, а молодежь начинала охотно учить польский язык и говорить, «ломая свой благозвучный язык на их шипящем наречии» [19, с. 111].

Представители русской аристократии вслед за властями первое время стремились расположить к себе польскую элиту. Например, председатель Временного правительства В.С. Ланской и советник

наместника Царства Польского Н.Н. Новосильцев предпочитали устраивать роскошные приемы, на которых пытались сблизиться с поляками. Эти меры были довольно эффективными, потому что поляки на тот период благосклонно относились к русским. Например, В.С. Ланского графиня А. Потоцкая характеризовала как честного и достойного человека [12, с. 238]. Когда он уезжал из Польши, оставив свой пост, поляки провожали его с почестями. Хотя русские Ланского недолюбливали, обращая внимание на его «подобострастное» желание угодить полякам [16, с. 4].

К. Козьмян писал о благожелательном и дружелюбном отношении к ним Н.Н. Новосильцева [8, с. 501]. А. Потоцкая писала, что она первое время находилась под его обаянием. Он часто бывал у нее на приемах, желая лучше познакомиться с польским обществом и его настроениями [12, с. 238]. Ф.К. Нессельроде и П.Н. Дьяков сумели завоевать расположение польского общества, которое считало их хорошо воспитанными, имеющими безупречный характер и не способными на всякие низости [8, с. 502]. Довольно благосклонно относились они и к Г.А. Феньшу, С.Д. Безобразову, Л.И. Килью.

Постепенно польская аристократия пришла к мнению, что «эти русские более или менее такие же люди, как и все прочие, что между ними есть умные молодые люди, люди вежливые, приветливые <...> что в общем можно жить в их обществе, не испытывая чувства отвращения, что даже можно иногда считать себя обязанным питать к ним дружбу и чувство благодарности» [20, с. 39].

Дружественные отношения и симпатии к русским в результате приводили к заключению смешанных русско-польских браков, которые не поощрялись ни в русском, ни в польском обществах. При этом, как правило, осуждались браки польских или русских женщин. Например, за русских аристократов вышли замуж К. Ходкевич, Т. Радзивилл, Ю. Мостовская. Поляки считали, что женщины бросали своих защитников ради замужества с завоевателем [8, с. 508].

Вместе с тем представители русского общества постепенно меняли свое настороженное отношение к полякам на доброжелательное. Так, П.А. Вяземский спустя некоторое время после пребывания в Польше изменил свое мнение о ней в лучшую сторону.

В то же время о России он писал, что в ней «есть говоруны, а нет собеседников. Дар говорить может встретиться и в диком, дар разговаривать – только в образованном» [7, с. 197].

Ф.В. Булгарин также отмечал, что русские никак не ущемлены в своих правах в Польше, потому что здесь они живут весело, общаются с поляками и даже женятся. Поэтому «ненависть к России существует в одном воображении» тех, кто не знаком с настоящей ситуацией [2, с. 338]. Княгиня Н.И. Голицына считала, что русские могли чувствовать себя в Польше в полной безопасности [4, с. 51].

Но были и иные представители польского дворянства – мелкопоместные (шляхта околичная), которые придерживались патристических стремлений и испытывали недоверие к русским. Они отличались от магнатерской или заможной шляхты тем, что сами обрабатывали поля, а беднейшие из них поступали на службу управителями, конторщиками или писарями. Они как раз недолюбливали русских и были их противниками. Подполковник генерального штаба Г.К. Калмберг отмечал: «Это сословие людей, не забывая своего происхождения и желая отличаться от простого народа, живет не менее того в совершенном невежестве и в своем быту представляет малую разницу от крестьян. В преступлениях же и проступках, требующих более смелости или дерзости, шляхта околичная превосходит остальных» [15].

Постепенно стала вырисовываться и другая сторона общения. Поляки считали, что русских было так много и поэтому, когда император захочет приехать в Варшаву, то увидит дорогой его сердцу «малый Петербург» [8, с. 503]. Слова А.Ю. Чарторыйского как нельзя лучше характеризуют состояние и ожидания не только польской элиты, но всего населения страны, которое ждало «дня, когда сообразно с основаниями конституции все без изъятия русские чиновники покинут страну» [16, с. 20].

Усилия Александра I сблизить русских и поляков не дали весомых результатов, а восстания в Польше в 1830–1831 и 1863–1864 гг. оказали неоднозначное влияние на взаимное восприятие. В целом положение Польши и взаимоотношения русско-польской элиты в составе Российской империи к концу первой половины XIX в. можно охарактеризовать словами графини Е.П. Ростопчиной [13]:

*«Раба ли я или подруга –
То знает Бог!.. Я ль избрала
Себе жестокого супруга?
Сама ли клятву я дала?..
Жила я вольно и счастливо,
Свою любила волю я;
Но победил, пленил меня
Соседей злых набег хищливый.
Я предана, я продана –
Я узница, я не жена!
Он говорить мне запрещает
На языке моем родном,
Знаменоваться мне мешает
Моим наследственным гербом;
Не смею перед ним гордиться
Старинным именем моим
И предков храмом вековым,
Как предки славные, молиться...
Иной устав принуждена
Принять несчастная жена...»*

Литература и источники

1. Андреева Т.В. Александр I и русское общество // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX века. СПб., 1999.
2. Видок Фиглярии: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III Отделение. М., 1998.
3. Глинка Н.Ф. Письма русского офицера в Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием отечественной и заграничной войны с 1812 по 1814 год. URL: http://az.lib.ru/g/glinka_f_n/text_0060.shtml (дата обращения: 12.03.2019).
4. Голицына Н.И. Воспоминания // Война женскими глазами. Русская и польская аристократки о польском восстании 1830–1831 гг. М., 2005.
5. Карамзин Н.М. Мнение русского гражданина // Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 363–366.
6. Милош Ч. Россия // Старое литературное обозрение. М., 2001. № 1 (277). URL: <http://magazines.russ.ru/slo/2001/1/ross.html> (дата обращения: 10.03.2019).
7. Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым, 1812–1819. СПб., 1899.

8. Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. М., 2010.
9. Польша – Россия. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002.
10. Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000.
11. Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000.
12. *Потоцкая А.* Мемуары. 1794–1820. М., 2005.
13. *Росточина Е.И.* Насильный брак // Северная пчела. 1846. № 284. 17 декабря.
14. Русская культура в польском сознании. Сборник статей польских и российских исследователей. М., 2009.
15. *Селицкий А.И.* Польская шляхта в социально-правовой системе Российской империи. URL: <https://kamienski-rola.livejournal.com/15771.html> (дата обращения: 12.03.2019).
16. *Сидоров А.А.* Русские и русская жизнь в Варшаве (1815–1895). Вып. 1. Варшава, 1899.
17. Столица и провинция в истории России и Польши. М., 2008
18. Феномен народофобии. XX век: Материалы научной конференции, июнь 1994 г. Казань, 1994.
19. *Филатова Н.М.* Русские и поляки в Королевстве Польском (1815–1830): стереотипы взаимного восприятия // Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002.
20. *Чарторыйский А.Ю.* Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 1. М., 1912.
21. *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 1. СПб., 1888.
22. *Bieliński J.* Królewski Uniwersytet Warszawski (1816–1851). Т. II. Warszawa, 1911.
23. *Kołaczkowski K.* Wspomnienia. Księga III. Od roku 1820 do 1830. Kraków, 1900.
24. *Polacy w oczach Rosjan (Rosjanie w oczach Polaków. Zbiór studiów.* Warszawa, 2000.
25. *Wzajemne uprzedzenia pomiędzy Polakami i Rosjanami: Materiały konferencyjne.* Łódź, 2001.

Юдин Евгений Евгеньевич,

кандидат исторических наук;

доцент кафедры истории

Института

социально-гуманитарного образования

Московского педагогического

государственного университета

**ЕВРОПЕЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ
И АРИСТОКРАТИЯ
ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ ЗЕМЕЛЬ
В РОССИЙСКОЙ
И АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ ИМПЕРИЯХ
НАКАНУНЕ И В ГОДЫ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Аннотация. В статье представлены некоторые сравнительные аспекты изучения европейских политических элит и землевладельческой аристократии в Российской и Австро-Венгерской империях накануне и в годы Первой мировой войны. Основное внимание уделяется различиям в составе правящих классов, соотношению меритократических и аристократических группировок. Интерес к развитию собственного хозяйства в имениях, поиск новых источников доходов в виде промышленных и банковских фондов, городской недвижимости компенсировал сократившиеся возможности политического и управленческого влияния землевладельческой аристократии. Русская, польская и чешская аристократия, при некоторых различиях в ее положении в империях Романовых и Габсбургов, сохраняла значительное влияние и несла, как следствие, историческую ответственность за политические решения в период европейского конфликта 1914–1918 гг.

Ключевые слова: землевладельческая аристократия, крупная земельная собственность, политические элиты, индустриальная эра, империи Романовых и Габсбургов, Первая мировая война

Yudin Evgeny Evgenievich,

*Candidate of Historical Sciences;
associate professor, History Department,
Institute of Social Studies and Humanities,
Moscow Pedagogical State University*

**EUROPEAN POLITICAL ELITES
AND THE ARISTOCRACY
OF WEST SLAVIC LANDS IN THE RUSSIAN
AND AUSTRO-HUNGARIAN EMPIRES
ON THE EVE AND DURING
THE FIRST WORLD WAR**

Abstract. The article presents some comparative aspects of the study of European political elites and the landowning aristocracy in the Russian and Austro-Hungarian empires on the eve and during the First World War. The main attention is paid to the differences in the composition of the ruling classes in Western and Central-Eastern Europe, the ratio of meritocratic and aristocratic groups. The obvious interest in the development of their own economy in the estates, the search for new sources of income in the form of industrial and banking funds, urban real estate compensated for the reduced opportunities for political and bureaucratic influence of the landed aristocracy. The Russian, Polish and Czech aristocracy, with some differences in its position in the Romanov and Habsburg empires, nevertheless retained considerable influence and, as a consequence, is historically responsible for political decisions during the European conflict of 1914–1918.

Key word: Landowning aristocracy, large landed property, political elites, industrial era, Romanov and Habsburg empires, the First World War

Сейчас очевидно, что коллективное самоубийство европейского общества в 1914–1918 гг. было вызвано отнюдь не целенаправленными действиями «буржуазных классов» как выразителей глубинных противоречий «капиталистической системы». Социологические фантомы уступили место более сложному анализу с позиций социальной и интеллектуальной истории. Выясняется,

что правящие элиты крупнейших европейских стран накануне 1914 г. с трудом можно назвать буржуазными, если под последним определением понимать принадлежность к промышленным и финансовым кругам. Три важнейшие государственные институции – высшая бюрократия, армия и дипломатия – в трех крупнейших европейских монархиях (Германии, Австро-Венгрии и России) оставались вотчиной землевладельческой аристократии и профессиональных чиновников. Этим Центральная и Восточная Европа разительно отличалась от Западной.

Политическая элита Великобритании сочетала в себе черты аристократизма и меритократии. Английские историки отмечают, что главным последствием войны стало вовлечение в нее всего населения и всей социальной и экономической структуры общества. В 1915–1916 гг. произошла промышленная и социальная трансформация, возникли беспрецедентный механизм государственного и коллективистского контроля, новая спланированная система производственных отношений. Узкопрофессиональная технократическая и бюрократическая элита, правившая страной в годы мира, пополнилась новыми людьми. Административный и управленческий класс значительно увеличился. Крупные промышленники вошли в состав ключевых департаментов центрального управления. Это указывало на изменения в отношениях между политическим и промышленным руководством страны. Либеральная Англия времен Эдуарда VII превращалась в корпоративное государство профессиональных управленцев и крупных предпринимателей. Консервативная партия на фоне краха либералов и значительного роста влияния лейбористов в большей степени стала защитником интересов бизнеса и промышленников и превратилась в партию городов и пригородов, перестав быть партией сельской аристократии. Ее лидеры в конце войны – Стэнли Болдуин и Невилл Чемберлен – ориентировались на интересы крупного бизнеса [11, с. 550–556].

«Буржуазная» Франция накануне 1914 г. управлялась скорее меритократической группой профессиональных политиков и управленцев. Известно, что дипломатическая сфера в Третьей республике была практически закрыта для представителей французской

аристократии. Традиционно французскую дипломатию, имевшую вековую историю и блестящие традиции, формировала плеяда выдающихся личностей – государственных и политических деятелей, видных ученых, писателей, поэтов. Именно среди этой категории элиты и в период абсолютистской монархии, и во времена республик в наибольшей степени можно было наблюдать проявления свойственной французскому складу ума критичности, декартовской логики, смелого воображения как в оценке политических событий, так и в анализе внутреннего положения и национальных особенностей других стран. Как отмечает Ю.В. Дубинин, в конце XIX в. группа способных выходцев из среды интеллектуалов – братья Поль и Жюль Камбоны, Камилл Баррер и Жан Жюссеран – создала особую школу французской дипломатии. Они подолгу занимали посты послов в ключевых точках мировой политики, таких как Лондон, Берлин, Вашингтон, Рим, Мадрид, а также руководящие должности в центральном аппарате. Они были не просто чиновниками, но и политиками, имевшими определенную концепцию, основанную на реалистической оценке международного положения Франции. Они оказывали сильное влияние на французскую внешнюю политику, с их мнением считались и за пределами Франции. Ими было много сделано для организации системы союзов, противостоящих Германии [8, с. 592]. Третья республика, которая должна была знаменовать наступление демократии, произвела немного фундаментальных перемен в структуре государства, которое во многом осталось монархическим. В действительности политическая элита Франции представляла собой олигархию профессиональных политиков, которые обслуживали частные интересы наиболее влиятельных своих избирателей. Третья республика выделялась влиянием депутатского корпуса. Парламент заседал практически постоянно. Палата депутатов состояла из 533 членов, а к 1914 г. расширилась до 602. В общей сложности в парламенте в 1870–1940 гг. заседали 4892 депутата. Власть была сосредоточена в руках тех, кто переизбирался два раза и более (таких было 2621). Именно эти люди решали судьбы министерств. Буржуазное происхождение и личные политические заслуги были отличительной чертой президентов республики.

Фор (1895–1899) был сыном мастера-мебельщика (женившегося, однако, на племяннице состоятельного винооторговца), начал жизнь учеником кожевника, позднее основал крупную фирму по импорту кож из Южной Америки и стал депутатом. Лубэ (1899–1906) был сыном зажиточного крестьянина. Фальер (1906–1913) был сыном судебного клерка. Оба последних избрали карьеру адвоката, стали мэрами маленьких городов и занялись политикой. Р. Пуанкаре (1913–1920) родился в семье государственного служащего и также занимался адвокатурой [10, с. 490–510]. По мнению Марка Ферро, накануне 1914 г. политическую жизнь Франции определяла партия радикалов, рожденная в левом лагере. Именно она создала политическую культуру, связанную с понятием «нация» и опиравшуюся на печатную прессу, которая контролировалась Министерством культуры. Политическая элита Третьей республики была тесно связана с видными промышленниками и банкирами, смешиваясь с ними и гарантируя им почести. На местах этот союз воплощался в «сословии» префектов. С лета 1914 г. настоящими хозяевами Франции стали военные [22, с. 391–395].

Накануне 1914 г. в Германии имелось 250 тыс. «аристократических и богатых» семей: крупные землевладельцы, предприниматели, высшие чиновники, врачи, некоторые лица свободных профессий, рантье. На вершине социальной пирамиды, как и раньше, находилось дворянство. Несмотря на то, что экономический базис аристократии – крупное землевладение – в процессе индустриализации утрачивал прежнее значение, политический вес дворянства определяли прочные позиции при императорском дворе и в органах государственного управления, в дипломатии и офицерском корпусе. Почти все немецкие послы, генералы, статс-секретари и министры имели аристократическое происхождение. Немецкая буржуазия была тесно связана с государством, тем более что ее значительную часть составляли чиновники. Государство регламентировало доступ ко многим, даже свободным, профессиям, закрепляло социальную иерархию. При этом германская политическая система характеризовалась массовой политизацией общества, наличием массовых организаций – профсоюзов и «союзов интересов», демократически избираемым рейхстагом

и сильнейшими позициями в парламенте социал-демократов. Высокий уровень профессионализации и государственного управления Германской империи позволял выдерживать длительную войну. Пруссия обладала значительной государственной собственностью в виде железных дорог, каменноугольных шахт и копей селитры. Регулирование и распределение военных заказов в 1914–1918 гг. осуществляло Центральное управление военным хозяйством, в которое входили крупнейшие представители финансово-промышленных кругов, государственных органов и армейского командования. Роль кайзера в продолжение войны отходила на второй план, а его слабые канцлеры все больше ощущали давление Верховного командования. В августе 1916 г. была установлена фактическая военная диктатура командующего Пауля фон Гинденбурга и действительного руководителя армии Эриха Людендорфа. Правящая консервативная элита и Верховное командование категорически отклоняли все требования проведения внутривнутриполитических реформ, выдвигаемые парламентскими фракциями левых либералов и социал-демократов [17, с. 323–331].

Бюрократическая система, созданная в империи Габсбургов в эпоху Марии Терезии и Иосифа II, сохранялась вплоть до 1918 г. Накануне войны 1914 г. высшая бюрократия сохраняла свою замкнутость и в большей степени определяла принятие политических решений, нежели аристократия, тесно связанная с императорским двором. «Идеальный бюрократ» – император Франц Иосиф – был олицетворением сложной системы, составленной из аристократов, чиновников, армейских офицеров и священников [7, с. 40–65]. В австрийской части империи с 1911 по 1916 г. правительство возглавлял выходец из старинного штирийского дворянского рода граф Карл Штюргк. Он начинал карьеру в качестве бюрократа, а продолжил ее как либеральный депутат парламента. С началом войны в 1914 г. военная администрация получила в Австрии преимущество перед гражданским правительством, и премьер-министр оставался скорее символом господствующей системы [5, с. 318]. В марте 1914 г. граф Штюргк распустил рейхсрат, который не собирался до 30 мая 1917 г. В отличие от Германии, где военные верхи постепенно оттеснили от реальной власти не только

парламент и канцлера, но и самого императора, в Австро-Венгрии генералитету во главе с фельдмаршалом Конрадом и эрцгерцогом Фридрихом не удалось достичь этого. Однако милитаризация внутренней политики была заметна. В 1917–1918 гг. новый император Карл I Габсбург, опираясь на те же бюрократические круги, поспешил перейти к либеральному курсу. 30 мая 1917 г. был вновь создан рейхсрат – парламент западной части монархии, – и была предпринята попытка расширить политический диалог с национальными элитами империи.

Политическая элита Российской империи до 1917 г. во многом была сходна с правящими слоями монархии Габсбургов. Она разделялась на бюрократическую, придворную, военную и общественно-политическую (Дума и Государственный совет). Политические и социальные элиты в значительной степени пересекались. Царская бюрократия в большей степени, чем какая-либо другая социальная группа, оказывала решающее влияние на принятие политических решений. В России не существовало жесткого разделения между политикой и управлением. Высшая столичная и провинциальная бюрократия слабо взаимопроникали. Отношения всех категорий бюрократической элиты с императорским двором (разве что за исключением дипломатов) не отличались особой прочностью. Гражданская служба на вершине власти эмансипировалась как от придворной, так и военной службы.

Формально большинство сановников накануне 1914 г. принадлежали к потомственному дворянству. Однако представители старого, допетровского дворянства, обладали численным превосходством только среди губернаторов, вице-губернаторов и дипломатов. В остальных категориях высшей бюрократии доминировали новые дворяне. Фактически они образовывали слой потомственного чиновничества разночинного происхождения. В конце существования Российской империи недворяне, новые дворяне и безземельные старые дворяне среди всех категорий бюрократической элиты составляли подавляющее большинство [13, с. 9–12]. Из 215 членов Государственного совета в 1894–1914 гг. только треть принадлежала к допетровской русской знати и была представлена в основном крупными землевладельцами. Среди

министров иностранных и внутренних дел при Николае II преобладали те, кто происходил из старых дворянских фамилий [14, с. 453]. Оплотом аристократии являлось Министерство иностранных дел. В 1914 г. в ведомстве насчитывалось менее 200 человек, сдавших дипломатический экзамен и, следовательно, имевших право претендовать на высокие должности. Российская дипломатия отражала ценности и культуру высшего слоя общества. К 1914 г. большинство петербургских чиновников были компетентными профессионалами с университетским образованием, глубоко осознававшими общественную важность своей службы. Даже то высшее чиновничество, которое происходило не из традиционных землевладельческих и бюрократических элит, чаще всего обучалось в Петербургском университете и делало карьеру в столичных ведомствах [15, с. 139–140].

Накануне своего столкновения в Первой мировой войне империи Романовых и Габсбургов имели очевидное сходство во многих отношениях. Это были преимущественно аграрные социумы с активно развивающимися центрами индустриализма и урбанизации, в управленческом плане – традиционные монархии с правящей бюрократией и медленной эволюцией в сторону конституционализма. Эти империи сочетали развитые городские сообщества, научные и университетские центры и сельское население с архаичными религиозными представлениями. Особенно двух стран было то, что землевладельческая аристократия в них сохраняла влияние в экономике и политике.

Во многих отношениях (размер земельных владений, источники доходов и организация хозяйства, правовой статус и политическое влияние, роль в социальной и культурной жизни) русская, польская и чешская аристократия демонстрировали сходство. Русская аристократия, сохранившая представления о своем историческом происхождении и традиционной роли в империи, владела крупной земельной собственностью в европейской части России от Урала до Черного моря, но в основном в историческом центре страны. Польская аристократия была разделена между тремя империями, сохраняла культурное и языковое единство и владела обширными имениями не только в этнических польских землях.

Аристократия чешских земель в большей степени ассоциировала себя с общеимперскими структурами Габсбургской монархии. Кроме старых чешских аристократических родов (Лобковицы, Кински, Вратиславы, Вальдштейны, Штенберки, Чернины, Коуницы) в начале XX в. землями в Богемии владели семьи австрийского (Фюрстенберги, Дитрихштейны, Лихтенштейны), немецкого (Шварценберги, Меттернихи), венгерского (Пальфи), французского (Роганы) и другого происхождения [26, с. 27–28]. Накануне 1914 г. традиционные землевладельческие элиты двух империй, казалось, добились экономического процветания. Многочисленная мемуарная литература и такой любопытный источник, как фотографии, являются ярким свидетельством этого. Благодеяние аристократии проявляется во всем: в количестве слуг, коллекциях живописи, библиотеках с томами в позолоченных переплетах, старинной мебели, архитектуре дворцовых резиденций, парках, лошадях, охоте, роскошных экипажах и автомобилях, изысканных балах, праздниках и приемах.

Правовой статус этой элитарной группы в двух империях был примерно одинаков. К концу XIX в. в России согласно Законам о состояниях потомственные дворяне по-прежнему имели право наследственной передачи своего статуса, ношения шпаги и особого мундира (для неслужащих дворян), право иметь родовой герб. Сохранялась статья о благородстве дворянства, общий для них титул «ваше благородие», а также родовые титулы – княжеские, графские, баронские и др. Они представляли собой установленные законом словесные обозначения служебного и сословно-родового положения их обладателей, кратко определявшие их правовой статус [21, стб. 36–44].

В ходе реформ 1860–1870-х гг. и последующих изменений в 1880-е и 1905–1917 гг. основополагающие привилегии дворянского сословия утратили свою значимость, прежде всего, в области землевладения, судопроизводства, налоговой сферы. По сути, в ходе военных реформ было отменено право дворянства на государственную службу как свободное волеизъявление. Хотя в Своде законов издания 1899 г. была зафиксирована для дворян «свобода вступать в общую государственную службу без принуждения

к оной, разве бы востребовала того особливая надобность, именным высочайшим указом ознаменованная», это не касалось уже всеобщей воинской повинности [21, стб. 71]. Серьезные изменения в пореформенный период произошли в сфере государственной службы и образования, где, несмотря на очевидную реформистскую инертность российской монархии и давние традиции дворянской монополии, утверждались принципы бессословности и меритократии.

Положение аристократии в Австро-Венгерской империи было во многом идентичным. Последней привилегией дворянства в общественной жизни после 1861 г. оставалось право использовать титул и герб, а для потомственных дворян – допуск ко двору на основании рождения [23, с. 155]. После введения всеобщего избирательного права в австрийской части империи Габсбургов аристократия была почти вытеснена из парламента. Среди 512 депутатов было всего два герцога и четыре графа. Традиционное дворянское большинство сохранялось лишь в Министерстве иностранных дел и в Дипломатическом корпусе. Различные группы аристократии продолжали тем не менее конкурировать между собой за важнейшие государственные посты. Верх в этом соревновании одерживали, как правило, представители немецкой и чешской знати, имевшие благодаря придворным связям преимущества в сравнении с польской, венгерской и хорватской аристократией [25, с. 193]. Тем не менее в период до 1914 г. в числе министров и даже премьер-министров Венского кабинета мы видим польские фамилии – Альфреда Потоцкого, Казимира Бадени, Агенора Галуховского младшего, Юлиана Дунаевского [34, с. 306]. Бракосочетание 16 января 1909 г. в Живецком замке под Краковом князя Иеронима Радзивилла и Ренаты, дочери эрцгерцога Карла Стефана, представителя тешинской ветви Габсбургов, демонстрировало и другие возможности влияния польской аристократии [29, с. 207–208].

В условиях России наличие аристократического титула вовсе не означало владения крупной земельной собственностью. Право майората было введено здесь достаточно поздно. Оно не распространялось на все крупные дворянские имения и не было связано с передачей титула. К 1914 г. в Российской империи майоратное

законодательство касалось дворянских земельных владений общей площадью 3,5 млн дес. Среди владельцев майоратов были представители 19 фамилий русской аристократии [1, с. 151–159]. Огромные в абсолютных цифрах размеры земельных владений придавали русской аристократии значительный экономический и политический вес. Собственно, к высшим и средним слоям русских землевладельцев, т.е. к тем, кто относился к полноправным членам дворянских собраний (ценз для участия в них с правом голоса составлял в начале XX в. в зависимости от местности от 125–250 дес. до 400–500 дес.), можно было отнести не более 30 тыс. семей [12, с. 348]. При этом элиту землевладельцев составляли в начале XX в. 9324 человека, чьи владения превышали 1000 дес. [19, с. 103]. Из 102 семей (155 личных собственников) крупнейших помещиков, имевших более 50 тыс. дес. земель (без польских губерний), 26 фамилий относились к русской титулованной аристократии.

Польская аристократия была представлена в списке крупнейших земельных собственников Российской империи (только владения на территории Белоруссии и Правобережной Украины) шестью фамилиями: Браницкие (две семьи: 75 900, 97 900 дес.), Поклевские-Козелл (298 460 дес.), Потоцкие (три семьи: 111 300, 67 767, 188 780 дес.), Радзивиллы (99 304 дес.), Сангушко (63 000 дес.), Тышкевичи (две семьи: 97 680, 84 800 дес.) [16, с. 19].

Владения Антона Вильгельмовича Радзивилла насчитывали в 1890-е гг. в Минской губ. около 100 тыс. дес. Самые крупные из них – Малькевичи (14 035 дес.), Старый и Новый Сверхень (14 052 дес.), Малые Горки (24 953 дес.), Гнусовщина (10 421 дес.), Греск (15 837 дес.), Денисовичи (19 062 дес.), Несвижский замок (4289 дес.). Несмотря на распродажу своего огромного родового наследства, княгиня Мария Львовна Гогенлоэ, дочь князя Льва Петровича Витгенштейна и Стефании Радзивилл, сохраняла в конце XIX в. около 58 тыс. дес. земли в той же Минской губ.

Крупнейшее владение князя Романа Владиславовича Сангушко находилось в Волынской губ. – имение Славута (63 тыс. дес.). Из старинного рода графов Потоцких в начале XX в. крупнейшим землевладельцем был Маврикий Александрович Потоцкий,

купивший в 1873 г. Березино-Любошанское имение в Игуменском уезде Минской губ. площадью 111 300 дес. Родовые владения Иосифа Альфредовича Потоцкого также располагались в Минской губ. (67 767 дес.). Константин Константинович Потоцкий владел старинными родовыми имениями в Минской и Гродненской губ. (188 780 дес.). К нему же в 1875 г. перешло Теплицко-Ситковецкое имение Подольской губ., ранее принадлежавшее его родственнице Александре Потоцкой.

Полностью наследственным было землевладение Ивана Михайловича Тышкевича. Ему принадлежали имения Бирже (36 557 дес.), Камень (3750 дес.), Косин (8705 дес.), Городок (8778 дес.) в Минской губ. и Ошмянское имение (27 тыс. дес.) в Ковенской губ. Один из его родственников, Иосиф Иосифович Тышкевич, кроме старинных родовых имений в Тельшевском (17 931 дес.) и Вилькомирском (1374 дес.) уездах Ковенской губ., имел купленные крупные владения в Мозырском уезде Минской губ.: Лельчицы (32 986 дес.), Осовец (18 664 дес.), Острожанка (26 725 дес.). Из рода Браницких в начале XX в. наиболее крупными землевладельцами являлись Мария Евстафьевна и Владислав Александрович Браницкие. Центром их землевладения была Правобережная Украина. В районе Белой Церкви Киевской губ. М.Е. Браницкой принадлежало 96 966 дес. Здесь же находилось Ставищенское и другие владения В.А. Браницкого общей площадью 45 651 дес. и имение около 30 тыс. дес. в Васильковском уезде [16, с. 71–74].

Польское высшее общество крупных землевладельцев на Правобережной Украине охватывало около 3 тыс. семей, владевших каждая не менее 100 дес. земли (всего 15–20 тыс. чел.) [2, с. 877]. Среди них выделялись семьи крупных магнатов – Браницких, Собанских, Потоцких, Четвертинских, Любомирских, Ярошинских. Киевский генерал-губернатор в 1889–1897 гг. А.П. Игнатъев приказал трем губернаторам составить итоговый документ о состоянии польского землевладения на Правобережной Украине. Документ был составлен в 1890 г. на основе налоговых реестров. В нем содержалась информация об имени землевладельца, названия имения и сел, о его размере с выделением пахотных земель, лесов и пустошей.

На Правобережной Украине насчитывалось всего 3386 польских имений (Киевская губ. – 837, Подольская – 1257, Волынская – 1292) общей площадью 3 090 269 дес. Количество имений свыше 1000 дес. было 800 (23,5% всех земель). Например, в Васильковском уезде Киевской губ. было всего 11 польских землевладельцев, при этом большая часть земель была сосредоточена в руках одной семьи Браницких. Ровенский уезд Волынской губ. – первый по количеству принадлежавших полякам земель – обязан этим всего лишь горстке семей – Плятеры, Радзивиллы, Любомирские, Стецкие, Урбанские, Янковские, Рыбчинские, Понинские, Прушинские, Малыньские, Зеленские, чьи имения нередко превышали 10 тыс. дес. [2, с. 606].

Сравнимые по площади владения польских магнатов и шляхты находились на исторических польских землях. В десяти губерниях Царства Польского (Привислинского края) в 1906 г. насчитывалось 7417 частных имений. Все эти частные и майоратные владения составляли 32% общей площади землевладения (3 616 532 дес.). В 1900 г. на них приходилось 37,9% земельной площади края (4 279 677 дес.) [6, с. 56]. По ту сторону границы польская аристократия также в начале XX в. концентрировала в своих руках крупную земельную собственность. В Галиции польские помещики, а также костелы и монастыри имели в начале XX в. около 3 млн га земли (или свыше 37% всей земельной собственности). 21 помещику из числа крупнейших магнатов в этой части империи принадлежало 461,2 тыс. га [20, с. 18].

В 1909 г. в австрийской части империи Габсбургов в собственности 1845 крупных земельных магнатов, владевших поместьями свыше 500 га, находилось 5,7 млн га [20, с. 18]. В конце XIX в. более чем 20 фамилиям в Австро-Венгерской империи принадлежало свыше 250 000 акров земель каждой [33, с. 36]. В начале XX в. императорская семья владела 36 тыс. га в Богемии, 34 тыс. га в Нижней Австрии, 24 тыс. га в Штирии, 11 тыс. га в Моравии, 87 тыс. иохов в Венгрии. Таким образом, почти треть земельных владений Габсбургов находилась в чешских землях. Эрцгерцогу Фридриху принадлежало в Силезии более 64,5 тыс. га, в Венгрии более 155 тыс. иохов. Князь Лихтенштейн владел 18 тыс. га в Моравии,

36 тыс. га в Богемии, 22 тыс. га в Нижней Австрии, считая только крупные имения. Князю Шварценбергу только в Богемии принадлежало 177 тыс. га. Также в его собственности были крупные имения в Штирии, Зальцбурге и Баварии [18, с. 183].

В 1918 г. на территории чешских и словацких земель, входивших до этого в состав Австро-Венгерской империи, были конфискованы земли у 80 владельцев поместий, каждое из которых превышало 25 000 акров (10 000 га), среди которых 500 000 акров у Шенборнов и Шварценбергов, 400 000 – у Лихтенштейнов, 170 000 – у Кински [24, с. 27]. К числу крупнейших землевладельцев в Чехии накануне аграрной реформы 1919–1920 гг. относились семьи Анерспергов (25 000 га), Клам-Галласов (49 000 га), Саксен-Кобургских (159 000 га), Коллоредо-Мансфельдов (58 000 га), Фюрстенбергов (40 000 га), Габсбургов (42 000 га), Кинских (71 000 га), Лихтенштейнов (161 000 га), Лобковицей (47 000 га), Роганов (12 000 га), Шварценбергов (192 000 га), Турн фон Таксис (45 000 га), Трауттмансдорфов (20 000 га), Виндиш-Грецей (31 000 га), Зичи (37 000 га) [28, с. 227].

По данным на 1885 г., в империи Габсбургов 292 австрийские семьи владели огромными земельными состояниями, пользуясь старинным правом *fidei comissum* [7, с. 56]. В отличие от русских крупнейших землевладельцев, среди которых майораты были не так распространены, среди аристократии Австро-Венгерской империи недвижимая собственность наследовалась старшим сыном, который как правящий князь или граф жил в господском доме вместе со священником и членами семьи. Неслучайно один из либеральных депутатов австрийского парламента высказывал мнение, что шестьдесят аристократических семей управляют государством Габсбургов как собственным хозяйством [25, с. 188]. Только в 1919 г. майораты были отменены, в том числе и в чешских землях бывшей короны Габсбургов.

Когда в июле 1894 г. князь Франц Лихтенштейн, владевший обширными землями в Чехии и Моравии, согласился занять пост посла монархии Габсбургов при российском императорском дворе, он прежде всего обсудил ситуацию со своим братом Иоганном, правящим государем Лихтенштейна. Правящий князь согласился

предоставить Францу для его дипломатической миссии в России щедрую финансовую поддержку в размере 50 тыс. гульденов в год. В 1890-х гг. среди дипломатических и аристократических кругов Европы Санкт-Петербург считался, наряду с Лондоном и Парижем, самой дорогой «точкой», требовавшей огромных расходов на ведение разорительной светской жизни. В глазах европейских дипломатов не только русский императорский двор, но в не меньшей степени и высшее петербургское общество поражали своей роскошью и расточительностью. Издержки здесь были в полтора раза выше, чем в Вене или Риме. Пребывание в России требовало от австрийских дипломатов огромных расходов. От этого страдали Кальноки, Волькенштайн, а позже и барон Алоис Лекса фон Эренталь, сменивший Лихтенштейна на посту посла в России, и другие зарубежные дипломаты, не располагавшие достаточными средствами [4, с. 63–64].

Ситуация мало поменялась в этом отношении и к 1914 г. О богатстве и роскоши русской придворной аристократии писали и другие представители европейских дипломатических миссий. Морис Бомпар, посол Французской республики в Санкт-Петербурге в 1902–1908 гг., сравнивал летние лагеря в Красном Селе (1904), с их комфортабельными квартирами для офицеров, театром, экипажами, с дамами в шелковых платьях в жемчугах и драгоценностях, со знаменитым лагерем маршала Буффлера эпохи французского Великого века [27, с. 67–68]. Британский посол в России Дж. Бьюкенен отмечал, что накануне 1914 г. царская семья жила уединенно и двор больше не принимал участия в светской жизни столицы, но театр по-прежнему выглядел великолепно, заполняясь массой блестящих мундиров и элегантно одетыми дамами, залитыми драгоценностями [3, с. 138].

Крупнейшие землевладельцы извлекали огромные прибыли не только из сельскохозяйственного производства в имениях и сдачи земель в аренду, но и из промышленных предприятий, городской недвижимости и банковских фондов. Экономическое процветание польской аристократии в составе Российской империи также достигло высшей точки накануне 1914 г. Как подчеркивает Д. Бовуа, «солнце слепит», и оно ослепляло всех мемуаристов,

описывавших роскошную жизнь этого элитарного круга в последние десятилетия до революции. Они восхищались пышностью украинских резиденций, и в коллективной памяти поляков усадеб и дворцы аристократии этого времени навсегда оставили чарующий шарм жизни высшего общества [2, с. 878].

Даже в Литве, где были достаточно крупные состояния, польские помещики чувствовали определенный комплекс неполноценности перед своими «братьями» на Украине. Д. Бовуа приводит, в частности, характерный отрывок из воспоминаний В. Мейштовича о владельце дворца в Антонцах графе Юзефе Потоцком: «На пресмыкающуюся перед царем русскую аристократию он глядел с высоты положения польского магната. Примерно шестьдесят тысяч гектаров черноземной земли – остаток унаследованных от Сангушко воистину княжеских заславских владений – процветали. Несколько сахарных заводов, леса в прекрасном состоянии, штат управляющих и хорошо оплачиваемых рабочих, а в центре – столица. Дворец, а точнее два дворца, соединенных между собой, с пристроенной огромной конюшней. Комфорт согласно последним представлениям, существовавшим в Англии и Америке...» [Там же, с. 879]. Янина Жултовская, великосветская дама из Литвы, признавалась, что нигде не видела такой роскоши, как на торжествах и приемах, устраиваемых польской аристократией на Украине. Она восторженно перечисляла людей из высшего общества, которых видела во дворце Четвертинских в Обарове на Волыни. Здесь можно было встретить Януша Радзивилла с женой, Анну Любомирскую, Линковских, Чечели, Здзеховских, Залеских, Жевуских, Могильницких, Чесновских, Ярошинских. Резиденция последних была по соседству, в Волынце, и напоминала усадьбу плантаторов в Виргинии [Там же].

Устойчивости крупного землевладения польской аристократии в западных областях Российской империи и росту ее благосостояния не смогла воспрепятствовать и политика российских властей. Последние, начиная с 1863 г., намеревались максимально сократить польское землевладение в этом регионе и в перспективе заменить его русскими поместьями. После первых лет репрессий власти убедились, что гораздо выгоднее была продажа имений

за долги, чем их конфискация. Имена банкротов должны были переходить в руки русских помещиков согласно указу от 10 апреля 1865 г. В то же время в 1870-е гг. делались исключения из другого закона от 10 декабря 1865 г., запрещавшего лицам польского происхождения покупать землю. К началу 1880-х гг. только в Виленской и Гродненской губ. такими послаблениями воспользовались около 120 лиц, преимущественно из числа крупных землевладельцев [9, с. 287].

С 1875 г. стремление властей любыми способами изъять имения польских помещиков прослеживалось во всех годовых отчетах киевского, волынского и подольского губернаторов. Ежегодно, вплоть до 1914 г., в каждом из них находился целый параграф или по крайней мере значительный фрагмент, посвященный количеству купленной русскими десятин, в сравнении с имеющимися земельными владениями поляков. В октябре 1885 г. руководство созданного Дворянского банка информировало киевского генерал-губернатора, что ссуды будут предоставляться лишь после предъявления документов на право покупки земли в западных губерниях [2, с. 591]. В правление Александра III политика в отношении польских землевладельцев в целом ужесточилась. Начиная с 1886 г. для приобретения земли в Юго-Западном крае, Северо-Западном крае и белорусских губерниях было уже недостаточно получить от генерал-губернатора или губернатора свидетельство о непольском происхождении – сверх него теперь требовалось особое, положительное удостоверение в том, что данному лицу разрешается покупка земли. В 1891 г. Комитет министров Российской империи запретил польским владельцам завещать имения в полном составе в «пожизненное владение» одному из ближайших родственников, т.е. отсрочивать передачу в собственность по наследству. В основе этой меры лежало представление о крупных имениях, как об оплоте польского экономического и культурного господства в западных губерниях. Она должна была ускорить раздробление имений между наследниками и тем самым повысить вероятность их продажи за долги. В 1893 г. киевский генерал-губернатор Игнатъев, не получив даже официальной санкции императора, ввел в действие добавочные правила к указу 10 декабря

1865 г. Они запрещали польскому дворянству получать наследство иначе как от супруга к супругу или по прямой линии наследования [9, с. 288–289]. В марте 1891 г. был издан еще один указ, направленный преимущественно против нескольких крупных польских землевладельцев, чьи владения распространялись также на австрийскую и прусскую части бывших земель Речи Посполитой. Отныне право владеть землей на территории Российской империи получали только ее подданные. Самые богатые поляки, сделавшие карьеру в империи Габсбургов, но владевшие землями в западных губерниях Российской империи, вернулись, чтобы получить российское подданство и сохранить свои имения.

Наиболее характерным является пример графа Юзефа Потоцкого, сына Альфреда Потоцкого, наместника Галиции и Лодомерии в 1875–1883 гг., который осел в Волынской губ. после аудиенции у царя. Другую судьбу имели огромные несвижские владения Радзивиллов в Белоруссии и Литве, унаследованные княгиней М.Л. Гогенлоэ и конфискованные из-за нежелания ее троих сыновей стать российскими подданными [2, с. 610–611]. К началу XX в. польское землевладение в западных губерниях Российской империи понесло значительные потери, однако до 1914 г. оно сохранялось на уровне 1898 г. В мае 1905 г. Комитет министров постановил разрешить лицам польского происхождения приобретать землю в западных губерниях, но только у поляков. Покупка у русских (не более 200 дес.) разрешалась в отдельных особых случаях – для ликвидации чересполосицы, округления имения или промышленного предпринимательства [9, с. 381]. При этом более 3 тыс. польских имений, которым удалось избежать ограничений российского законодательства, находились в значительно лучшем экономическом положении по сравнению с 1863 г. Площадь земельных владений русских помещиков сократилась в среднем по империи с 87 200 тыс. дес. в 1862 г. до 41 100 тыс. дес. в 1914 г. (на 58,9%). Польские помещики Украины, несмотря на преследования, юридические и политические ограничения, потеряли гораздо меньше. В 1861 г. в руках поляков находилось 5/6 местного землевладения, к 1914 г. им удалось сохранить 3/6, т.е. площадь их имений уменьшилась на одну треть [2, с. 620].

К концу XIX в. Австро-Венгерская монархия достигла значительного экономического прогресса. Важной движущей силой экономического развития после 1850 г. было крупное землевладение. Ведущую роль, как отмечал О. Яси, во всех начинаниях, связанных с усовершенствованием сельскохозяйственных технологий, играли крупные землевладельцы, тогда как бедные и зажиточные крестьяне перенимали у них нововведения [25, с. 246]. В чешских землях 3/4 предприятий по производству спирта, 2/3 сахарных заводов и около 60% пивоварен находилось в руках крупных магнатов. В Богемии значительная часть горных шахт принадлежала семье графов Вильчек [33, с. 50]. Накануне 1914 г. уровень благосостояния, источники доходов и масштабы владений крупнейших земельных собственников в Чехии и Моравии были сопоставимы с состоянием русской и польской аристократии, например, с Юсуповыми, Шереметевыми или Потоцкими. Сравнимы были и площади их земельных владений.

В начале XX в. графам Строгановым принадлежало 3 955 440 акров (преимущественно на Урале), графам Шереметевым – 610 210 акров, князю Шварценбергу – 511 220 акров, графу М. Замоискому – 469 300 акров, князю К. Радзивиллу – 383 689 акров, графу Й. Коллоредо-Мансфельду (в чешских землях) – 153 900 акров [33, с. 38]. Непосредственно перед Первой мировой войной князю Шварценбергу принадлежали в Южной Богемии 7 поместий площадью 315 000 акров и 4 свободных владения, занимающих 45 000 акров, где находилось 12 замков, 95 маслобоен, 12 пивоварен, 2 завода по очистке сахара, 22 лесопилки и несколько графитовых шахт, а также 73 прихода с 87 церквями [7, с. 56]. Накануне падения Австро-Венгерской монархии семья Шварценбергов владела (в другой системе счета) 176 146 га земли, из которых леса занимали 110 000 га, пруды – 10 000 га, сельскохозяйственные угодья – 29 000 га. Это обширное хозяйство насчитывало 1600 служащих и десятки тысяч рабочих. В имении действовала земледельческо-химическая опытная станция. Шварценбергам принадлежало также 1350 лошадей, 9000 голов крупного рогатого скота, 13 500 овец и 2200 свиней [32, с. 17–19]. В 1919 г. собственность

в чешских землях покойного князя Адольфа Йозефа Шварценберга была оценена в 420 млн чехословацких крон [28, с. 220].

Князя Лихтенштейны, которые в течение трех веков служили Габсбургам в качестве полководцев и государственных деятелей, входили в число крупнейших землевладельцев Австро-Венгерской империи. В 1914 г. их собственность включала 474 000 акров. Около 3/4 всех доходов семья получала из своих чешских имений. В 1896 г. князю Лихтенштейну принадлежало около 5% всех земель в Моравии [33, с. 33]. Решением земельного суда от 6 июня 1900 г. граф Вацлав Коуниц стал владельцем семейного фидеикомиссного имения в Моравии. Оно состояло из славковского поместья, угерскобродского поместья и дома в Брно. В замке в Славкове находилась богатая коллекция живописи и библиотека. В 1902 г. общая стоимость владений Коуница составляла 4 894 641 крон. На них, правда, лежал значительный долг в 2 772 420 крон, поэтому чистая стоимость определялась в 2 122 221 крон [31, с. 151–152]. Непосредственно славковское имение оценивалось в 1 944 155 крон, угерскобродское имение – в 1 723 274 крон, городская недвижимость – в 562 928 крон, картинная коллекция – в 16 560 крон, воспитательные капиталы – в 647 667 крон. На свои личные потребности граф Вацлав Коуниц в 1901 г. получал с этих владений 52 471 крон [30, с. 21–22]. Графы Коуниц не принадлежали к числу крупнейших землевладельцев империи Габсбургов, тем не менее, в переводе на русские рубли их капиталы могли быть оценены примерно в 2 млн руб., что соответствовало состояниям многих крупных русских помещиков.

Сравнение экономического положения крупнейших земельных собственников в империях Романовых и Габсбургов показывает, что накануне 1914 г. аристократия смогла в полной мере воспользоваться всеми преимуществами капиталистической эпохи. Никогда ранее русская, польская и чешская аристократия не достигала подобного благосостояния. Она еще более отделилась от маргинализирующихся в индустриальную эпоху слоев среднего и мелкого дворянства и по своим интересам сближалась с новыми финансовыми и промышленными кругами. Интерес к развитию

собственного хозяйства в имениях, поиск новых источников доходов в виде промышленных и банковских фондов, городской недвижимости компенсировал сократившиеся возможности политического и управленческого влияния традиционного землевладельческого классах. Для польской аристократии в составе монархии Романовых в условиях постоянных ограничений частная жизнь и хозяйственная деятельность оставались единственной возможностью реализации своих статусных амбиций. Примерно одинаковый уровень благосостояния землевладельческих аристократий двух империй объяснялся не только благоприятной экономической конъюнктурой 1890–1914 гг. для крупных сельскохозяйственных производителей, но и сходством социальной жизни, общего уровня экономического развития, природных условий и развитостью коммуникаций. Большую роль играли и персональные качества крупнейших земельных собственников, все более ориентировавшихся на практический интерес и увеличение доходности своих обширных владений.

Политические элиты воюющих стран в действительности представляли собой автономные группы, лишь косвенно зависящие от конкретных классов и политических организаций. Даже в странах с развитой парламентской системой не прослеживались сдерживающие возможности общественной воли в отношении политических элитарных группировок. Зачастую в европейских странах решение о вступлении в войну, а затем меры по ее расширению и доведению до «победного конца» определялись позицией конкретных персон, находившихся в плену фантомных представлений и в состоянии постоянного психологического напряжения. В европейских обществах не оказалось механизмов воздействия на элитарные группы, за которыми оставалось право на конечные политические решения.

Особое удивление вызывает тот факт, что накануне 1914 г. правящие элиты крупнейших европейских держав представляли собой своеобразный мир космополитической культуры. Общность экономического благосостояния, методов воспитания, культурных интересов и времяпрепровождения дополнялась широкими личными связями, разнообразными контактами и родством.

Представители европейской аристократии, бюрократических и буржуазных кругов отдыхали на одних и тех же курортах, останавливались в одних и тех же отелях, посещали одни и те же увеселительные заведения, театральные и спортивные мероприятия. Высшее европейское общество уже не совсем было аристократическим. Доступ в него был открыт благодаря крупным состояниям (в Англии и Франции) или государственной службе (в Германии, Австро-Венгрии и России) лицам неаристократического происхождения. Европейские монархи были связаны сложными династическими и родственными отношениями. Невероятный всплеск национализма, учитывая все эти реалии, кажется труднообъяснимым. Новые подходы к изучению политических элит в период мировой войны 1914–1918 гг. требуют в настоящее время использования сравнительных методов исследования, новейших достижений в области социальной истории, персональной истории, смежных гуманитарных дисциплин, прежде всего социальной психологии.

Литература и источники

1. *Анфимов А.М.* Майоратное землевладение в царской России // История СССР. 1969. № 5.
2. *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи. Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М., 2011.
3. *Бьюкенен Дж.* Моя миссия в России. Мемуары. М., 2006.
4. *Вакоуниг М.* Аристократ и дипломат. Дипломатическая миссия принца Франца де Паулы фон унд цу Лихтенштейн в Санкт-Петербурге в 1894–1898 гг. М., 2012.
5. *Воцелка К.* История Австрии. Культура, общество, политика. М., 2007.
6. Десять губерний Царства Польского в цифрах. Население. Землевладение. Промышленность. Просвещение. Нравственность и проч. Отчет за 1907 год. Краткий ежегодник Привислинского края за 1907 год. Варшава, 1908.
7. *Джонстон У.М.* Австрийский Ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии. 1848–1938 гг. М., 2004.
8. *Дубинин Ю.В.* Французская дипломатия // Франция. В поисках новых путей / Отв. ред. д-р ист. наук Ю.И. Рубинский. М., 2007.
9. Западные окраины Российской империи. М., 2006.
10. *Зелдин Т.* Франция, 1848–1945. Честолюбие, любовь и политика. Екатеринбург, 2004.

11. История Великобритании / Под ред. Кеннета О. Моргана. М., 2008.
12. Корелин А.П. Объединенное дворянство (1906–1917) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв. СПб., 1999.
13. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.
14. Ливен Д. Аристократия и дворянство // Критический словарь Русской революции. 1914–1921. СПб., 2014.
15. Ливен Д. Навстречу огню. Империя, война и конец царской России. М., 2017.
16. Минарик Л.П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX в. М., 1971.
17. Патрушев А.И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. М., 2007.
18. Полтавский М.А. История Австрии. Пути государственного и национального развития. Ч. II. От революции 1848 до революции 1918–1919 гг. М., 1992.
19. Проскуракова Н.А. Земельные банки Российской империи. М., 2002.
20. Рубинштейн Е.И. Крушение Австро-Венгерской монархии. М., 1963.
21. Свод законов Российской империи. Т. 9. СПб., 1899.
22. Ферро М. История Франции. М., 2015.
23. Хёе Х.П. Элиты и имперские элиты в Габсбургской империи, 1845–1914 // Российская империя в сравнительной перспективе. Сб. статей / Под ред. А.И. Миллера. М., 2004.
24. Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789–1848 / Пер. с англ. Л.Д. Якуниной. Ростов н/Д, 1999.
25. Яси О. Распад Габсбургской монархии. М., 2011.
26. Bezečný Z. “Příliš uzavřená společnost. Orličtí Schwarzenbergové a šlechtická společnost v Čechách v druhé polovině 19. a na počátku 20. století”. České Budějovice, 2005.
27. *Vomparé M.* Mon ambassade en Russie. 1903–1908. P. 1937.
28. Juřík P. Jihočeské dominium. Rožemberkové, Eggenbergové, Schwarzenbergové a Buqnoyové v jižních Čechách. Praha, 2008.
29. Mackiewicz S. Dom Radziwiłłów. Warszawa, 1990.
30. Rája M. Život JUDr. Václava Kounice // JUDr. Václav Kounic a jeho doba. Brno, 2009.
31. Ružičková M. Slavkovský zámek v období správy JUDr. Václava Kounice // JUDr. Václav Kounic a jeho doba. Brno, 2009.
32. Tótková B. Karel Schwarzenberg. Životopis. Praha, 2007.
33. Wasson E. Aristocracy and the Modern World. Houndmills, N.-Y., 2006.
34. Zamoyski A. The Polish Way. A thousand-year history of the poles and their culture. L., 1987.

Цабай Ярослав,

профессор;

*директор Института истории
и международных отношений*

*Естественно-гуманитарного университета
(Седльце, Польша)*

**ХОЛМСКАЯ ПРОБЛЕМА
В ПОЛЬСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX
И В НАЧАЛЕ XX в.**

Аннотация. Холмская проблема касается небольшой территории Королевства Польского. Во второй половине XIX – начале XX в. российские власти пытались ускорить русификацию жителей этого региона. Эту цель планировалось достичь путем навязывания православия проживающему там многочисленному униатскому населению. Это привело к конфликту с местными поляками и повлияло на отношение поляков к Российскому государству.

Ключевые слова: Холмская проблема, Королевство Польское, русские власти, русификация, православие, униатское население

Cabaj Jaroslaw,

*Professor; Director of Institute of History
and International Relations,*

*University of Natural Sciences and Humanities
(Siedlce, Poland)*

**THE CHELM'S PROBLEM
IN POLISH-RUSSIA RELATIONS
IN THE SECOND HALF OF THE XIX
AND IN THE BEGINNING OF THE XX c.**

Abstract. Chelm's problem concerns the small territory of the Kingdom of Poland. In the second half of the nineteenth and early twentieth century, the Russian authorities tried to accelerate the Russification

of the inhabitants of these areas. This goal was planned to be achieved by imposing Orthodoxy living there in a large number of Uniate population. This led to a conflict with local Poles and influenced the attitude of Poles to the Russian state.

Key words: Chełm's problem, the Kingdom of Poland, Russian authorities, Russification, Orthodoxy, Uniate population

Холмская проблема, касающаяся территории Холмщины и Подляшья, сегодня является закрытой главой в польско-российских отношениях. Однако во второй половине XIX и начале XX в. вопрос об униатском населении, проживавшем на этих восточных территориях Польского Королевства, разжигал эмоции и мобилизовал участников к активным действиям. В то время российские власти стремились сделать из униатов приверженцев православия и распространять среди них русскую культуру. Эти действия были восприняты поляками как первый этап русификации королевства. Поэтому они поддерживали тех униатов, которые не хотели принимать православие, стремясь сохранить их католицизм и польскость.

Тема, которую я затронул, касается небольшой области в восточной части Королевства Польского площадью 12,4 тыс. км². В начале XX в. здесь проживало чуть более миллиона человек [4, с. 7–14]. Основные события польско-российского конфликта из-за Холмщины и Подляшья разворачивались в период с 60-х гг. XIX столетия до начала Первой мировой войны и эвакуации российских войск из этих районов. В первую очередь это ликвидация государственными органами униатской церкви и присоединение ее последователей к православной церкви (1875). В течение следующих 30 лет продолжались попытки обращения в православие бывших униатов и их потомков. Следующий этап начался в 1905 г. и был связан с изданием Николаем II указа о веротерпимости, позволившем более 170 000 бывших униатов и их потомков покинуть православие и перейти в католическую церковь. Для российских властей и националистических активистов в Польском Королевстве это стало сигналом к проведению мероприятий, направленных на выделение этих районов в отдельную Холмскую губернию, что облегчило бы ее русификацию. Эти усилия по противостоя-

нию полякам оказались успешными. В 1912 г. Государственная дума приняла постановление о создании Холмской губернии. Губернские службы в Холме и первый губернатор города начали официально действовать с 1 сентября 1913 г. Однако инициаторы выделения Холмской губернии не успели закончить свое дело. Летом 1915 г. под давлением австрийских и немецких войск российские власти эвакуировались из Королевства Польского. После войны Польское государство возродилось. Холмщина и Подляшье вошли в его границы.

Представленной в данной работе темой занимались множество польских и русских авторов в конце XIX – начале XX в. Издаваемые тогда публикации часто служили голосом в дискуссии по актуальной проблеме. Из современных разработок стоит отметить работы трех польских историков – Ярослава Цабая [2], Андрея Вжишча [13] и Андрея Шабатюка [10]. Холмскую проблему поднимали как русские [1] авторы, так и украинские [8].

Для начала стоит взглянуть на эту небольшую территорию владения Романовых, из-за которого произошел конфликт. Холмщина и Подляшье простираются вдоль современной восточной границы Польши. В период российского правления восточная граница Польского Королевства имела здесь такие же очертания. Эти районы со времен Средневековья отличались смешанным этническим составом. На них встречались восточнославянские (белорусские и прежде всего украиноязычные) поселения и западнославянские (польскоязычные). Стоит подчеркнуть, что в рассматриваемой области компактные скопления восточнославянских поселений сильно продвинулись на запад. Противостояние усугублялось религиозными различиями: восточнославянское население придерживалось православного вероисповедания, а западнославянское – римско-католического. Это разделение длилось веками. Некоторые изменения были инициированы Брестской унией 1596 г. В соответствии с ней большинство православных иерархов в Речи Посполитой признали верховенство папы римского. Таким образом, была создана униатская церковь. (Конфликты, возникшие на восточных территориях Речи Посполитой, здесь не рассматриваются.)

Следует задуматься о важности влияния униатской церкви на своих прихожан. Хотя в Речи Посполитой эта церковь имела гарантии пап о нерушимости восточной литургии, тем не менее под влиянием близкого соседства она многое переняла от католических церквей (элементы оформления храмов, молитвы). Униатские священнослужители были похожи «по стилю» на католических священников, они проповедовали на польском языке и таким образом оказывали полонизирующее влияние на своих прихожан.

Российские правящие круги понимали это. Более того, для православных униаты были отступниками от православной церкви. Таким образом, после того, как Российская империя захватила восточные территории Речи Посполитой с большим количеством униатов, униатский вопрос стал важным для российской политики. Стоит вкратце напомнить, что Екатерина II ликвидировала униатскую церковь, ее последователи были включены в православие. Павел I разрешил восстановить униатскую митрополию. Однако в конце царствования Александра I и особенно после вступления на трон Николая I были начаты действия, направленные на жесткое подчинение униатов государству, а затем на включение их в православную церковь.

Следует подчеркнуть, что среди униатского духовенства были сторонники возвращения к истокам восточного обряда, т.е. к православию. Во главе приверженцев православия был епископ Юзеф Семашко. В 1839 г. на Синоде в Полоцке собравшиеся там униатские священнослужители решили присоединиться к православной церкви. Таким образом, униатская церковь перестала существовать на литовско-белорусских землях бывшего Польского Королевства. Униаты оставались только на территориях, имевших некоторую обособленность от остальной части Российской империи. Одной из таких епархий была Холмская. В середине XIX в. община униатов на Холмщине и Подлясье насчитывала почти 250 000 жителей. В районах Грубешова, Томашева и Влодавы они составляли более 50% численности населения.

Униаты на Холмщине и Подлясье были преимущественно восточнославянского и крестьянского происхождения с неосознанным чувством национального самосознания. В повседневной

жизни они пользовались местным диалектом, преимущественно украинским. Это сообщество было тесно связано со своей религиозной общиной, с традициями и обычаями, сформированными поколениями. Они были верными царю. Бóльшая часть крестьянского населения выражала благодарность Александру II за заботу, видела в нем доброго отца. Униаты осознавали свою близость с соседями-католиками. И те и другие признавали религиозное руководство папы. Совместно участвовали в некоторых религиозных праздниках и обрядах. Вместе с тем они понимали и свою обособленность от католиков, они говорили на других языках. Особенно значительными были тогда социальные различия, влияющие на взаимоотношения конфессий. Если сказать кратко, то униат был прежде всего русином и крестьянином, а католик римского обряда – прежде всего поляком и чаще всего дворянином, реже помещиком или крестьянином. Эти различия отразились в воспоминаниях женщины-униатки, которая бежала на территорию, захваченную австрийцами, где стала монахиней в польском католическом ордене. Вспоминая спустя много лет свое детство, она говорила о своих соседях-католиках – «польских людях», т.е. о том, кто отличался от нее, униатки [14, с. 36–43].

Во имя защиты униатской общины от полонизации и латинизации российские власти Королевства Польского стали усиленно навязывать им православие. Эти действия были тесно связаны с политикой русификации, начатой после подавления восстания 1863–1865 гг. Князь Владимир Черкасский и граф Николай Милютин предполагали, что это защитит мятежную провинцию от дальнейших антироссийских выступлений. Стремясь присоединить униатов к православной церкви, чтобы подвергнуть их ускоренной русификации, российские власти, по-видимому, хотели применить меры, проверенные в Литве и Беларуси в тридцатых годах XIX в. Однако они не нашли достаточного количества священников-униатов, готовых проводить политику объединения униатского обряда с православной церковью. Кроме того, местное население выступило против исключения из униатской литургии и внутреннего убранства польских и католических элементов.

Вмешались жандармы и армия. Многие униаты были избиты и многие оштрафованы за сопротивление.

В конце концов власти сломили сопротивление духовенства и верующих. Священники-униаты, сопротивлявшиеся распоряжениям властей, были удалены из приходов, а на их место было назначено украинское духовенство из Галиции. Те, кто подчинялся властям, иногда выдвигались на самые высокие посты в епархиальном управлении. Однако они не были приняты местным населением. После того как с 1 января 1874 г. в униатских церквях Холмщины и Подляшья была введена православная литургия, во многих приходах люди выступали против и пытались помешать ее проведению. Доходило до столкновений с армией и жандармерией. Самые кровавые конфликты произошли в деревнях Дрелув Радзинского уезда и Пратулин Константиновского, где армия открыла огонь по протестующим. В этих населенных пунктах 26 человек погибли и более 300 получили ранения. В большинстве приходов униатские храмы брались под контроль силой. Сопротивление населения было сломлено с помощью армии и жандармерии. Информация об этих событиях была собрана священником Юзефом Прушковским и опубликована в двух частях [9].

В 1874 г. многие униаты полагали, что Александр II не знает об их преследовании. Их делегация обратилась с жалобой к царю, который в июне того года пребывал в Варшаве. Однако они были разочарованы. Царь заявил, что его воля состоит в том, чтобы его подданные исповедовали ту же религию, что и он [10, с. 31].

Навязывание униатам православия не прекращалось. Следующим шагом стало принуждение к подписыванию конверсионной декларации. Во многих приходах была размещена армия, и солдаты силой заставляли сменить вероисповедание. Подведением итогов этой акции стала организация в нескольких крупных населенных пунктах Холмщины и Подляшья празднований по случаю добровольного перехода униатов в православие. Такие церемонии состоялись весной 1875 г. в Бялой-Подляске, Влодаве, Холме и Замосце. Из числа участников была сформирована делегация, которая отправилась в Санкт-Петербург, чтобы попросить царя присоединить униатов от Холмской епархии к православной церкви.

Александр II согласился в мае 1875 г. Это означало, что униаты были причислены к последователям православной церкви и, в свете действующего закона, у них не было возможности сменить религию. Православие в то время имело статус государственной религии [2, с. 39–41].

Бывшая община униатов после присоединения к православной церкви разделилась на два враждебных лагеря. Некоторые приняли изменения, их А. Шабацк назвал «объединенными». Оппонентов называли «сопротивляющимися». Противники использовали друг для друга презрительные прозвища. «Сопротивляющиеся» называли «объединенных» «раскольниками», а те называли первых «калакутами». «Объединенные» оказались в сфере влияния православного духовенства и русской культуры. «Сопротивляющиеся» сочувствовали католической и польской общинам. Из данных Совета жандармерии провинции Седльце за 1876 г., т.е. за первый полный год после включения униатов в православие, видно, что из общего числа 126 459 тысяч верующих в 109 приходах только 9,47% в течение года были в церкви, 1307 детей не были крещены по православному обряду [Там же, с. 41].

Дело униатов следует рассматривать не только с религиозной точки зрения, хотя действия органов государственной власти по отношению к «сопротивляющимся» имели характер религиозной войны. В 1875 г. наряду с ликвидацией униатской церкви начался новый этап борьбы за национальное лицо восточных уездов Королевства Польского посредством религиозной деятельности. К объединению бывших униатов с православной церковью активно присоединились высшие власти, начиная с последнего наместника Федора Берга и последующих генерал-губернаторов в Варшаве, а также администрация и духовенство. Последние, часто прибывшие с других территорий, из глубин России, распространяли образцы русской православной жизни, отличные от местных традиций. Хотя эта проблема заслуживает отдельного рассмотрения, несомненно, что для многих из бывших униатов восточный обряд, введенный в Польском Королевстве, был незнакомым и чужим, поэтому сопротивление приняло столь крупный размах. «Сопротивляющаяся» часть местного населения, привязанная

к своим религиозным и культурным традициям, была поддержана польскими землевладельцами и католическими священниками. Необходимо подчеркнуть их помощь униатам не только в материальной сфере, но и в духовной. Ярким примером активного участия в судьбе угнетенной «сопротивляющейся» общественности является графиня Ядвига Лубенска, владелица поместья Коляно в Подляшье, которая рассказала о своем опыте [7]. При этом следует иметь в виду, что по действовавшему законодательству предоставление католических услуг бывшим униатам, официально православным, было запрещено. Им угрожали санкции: от штрафов до тюрьмы или ссылки в Сибирь.

В этой борьбе с обеих сторон были задействованы внешние силы. С российской стороны поддержку местной деятельности на Подляшье и Холмщине оказывали последователи православной церкви и активисты-националисты из глубин империи. Можно привести пример графини Екатерины Борисовны Ефимовской, родственницы царской семьи. Много лет она была настоятельницей женского монастыря в Лесне на Подляшье, который стал центром религиозной, культурной, образовательной и экономической работы среди сельского населения. Для поддержания своей деятельности Ефимовской удалось найти много спонсоров. Денежные пожертвования в ее монастырь поступали из многих областей России [3, с. 47–76].

Поддержку униатам оказывали поляки из других областей Королевства Польского и с территорий, принадлежащих Австро-Венгерской империи и Германии. Прежде всего религиозное служение осуществляли иезуиты из австрийской Галиции. Они организовали секретные миссии и осуществляли таинства (крещение, исповедь, причастие и брак) в лесах. Даже если они арестовывались российской жандармерией, то после проведения расследования, как австрийские подданные, высылались за пределы Королевства Польского. К «сопротивленческим» были причислены и польские книги, выпускавшиеся в основном в Кракове и Львове, находившихся на территории Австро-Венгрии. Со временем эти мероприятия приняли организованные формы. Стоит упомянуть тайные организации, поддерживающие униатов. Сначала это был Тайный

коллегиум (*Colegium Secretum*), основанный в Варшаве примерно в 1896 г., а затем Общество опеки над униатами (*Towarzystwo Opieki nad Unitami*), которое было создано в 1903 г. Обе организации опирались на римско-католическое духовенство и активистов Национальной демократии (*Narodowej Demokracji*) [5, с. 52–53].

В 1905 г. ситуация изменилась. Вступление в силу указа о веротерпимости позволило униатам покинуть православие и перейти к любой религии, признанной Российским государством. На Подляшье и Холмщине в 1905–1909 гг. более 170 тыс., т.е. 38,5%, бывших православных верующих перешли в римско-католическую церковь. В нескольких православных приходах на Подляшье остались только священнослужители и их семьи [2, с. 23–27].

Переход более 170 тысяч человек из православия в католицизм отразил изменения в сознании части местного населения. Это были те люди, которые пребывали в оппозиции по отношению к навязанной религии и оставались под польским и католическим влиянием. Из-за тесных связей с римско-католической общиной они отождествляли себя с польским языком, хотя многие из них в повседневной жизни использовали местный украинский диалект [8, с. 114–118].

Массовый переход бывших униатов в римско-католическую церковь встревожил российские официальные и церковные круги. Они увидели в этом распространение польского и католического влияния. Для противодействия полонизации они вернулись к проекту отделения Холмской губернии, состоящей из Подляшья и Холмщины, от Королевства Польского и присоединения ее к киевскому генерал-губернаторству. Это было призвано обеспечить условия для популяризации русской культуры, распространения русского языка среди местного населения и защиты его от католицизма и полонизации.

К мероприятиям по созданию Холмской губернии присоединились известные российские политические и церковные деятели. Специально по данному делу в Санкт-Петербург ездили епископ Евлогий (Василий Георгиевский) и настоятельница монастыря Екатерина Ефимовская. Именно благодаря им проект создания Холмской губернии получил одобрение и поддержку со стороны

Николая II. Оживленные дискуссии по этому вопросу шли на заседании Госдумы, в составе специального комитета и на общих сессиях. Эта проблема была подробно изложена польским историком Мирославом Вежховским [11; 12].

Парламентские обсуждения вопроса о выделении губернии вызвали оживленную народную реакцию в восточных районах Королевства Польского и беспокойство всего польского общества. План создания новой губернии и ее отделения от Королевства Польского стали называть четвертым разделом Польши. В районах, предназначенных для выделения, население собирало подписи против этого шага. Протестовали и выдающиеся польские писатели Элиза Ожешкова, Генрик Сенкевич, Владислав Реймонт. В момент оглашения решения Государственной думы о создании Холмской губернии во многих местах был объявлен национальный траур [2, с. 57–59].

Это решение привело к мобилизации польских общин в составе Российской, Австро-Венгерской и Германской империй для организации помощи соотечественникам в отдаленных районах. Во Львове было создано Общество обороны восточных приграничных районов (*Towarzystwo Obrony Kresów Wschodnich*). Был также создан открытый Комитет «Холмского дара», задачей которого была поддержка поляков в Холмской губернии [Там же, с. 58].

В русской среде и среди местных приверженцев православия создание губернии было принято с радостью. Выражением этого стали торжества, организованные во многих местностях в честь возобновленного объединения Холмщины и Подляшья с Россией. Большие празднества сопровождали открытие губернских органов власти в Холме и прибытие туда первого холмского губернатора Александра Волжина. Активизировались местные националистические группировки, предлагавшие управлять новой губернией так, чтобы в ней соблюдались интересы русского народа и православия. Однако по прошествии двух лет после создания Холмской губернии русские покинули территории Королевства Польского под натиском войск центральных держав. Вместе с ними вглубь России эвакуировалась значительная часть жителей, в основном православного вероисповедания. Это в значительной мере способствовало постоянному уменьшению доли русского населения

на спорной территории. Несмотря на послевоенное возвращение, многие люди все же остались в России.

Политика властей на этих территориях воспринималось как угроза для единства Королевства Польского и повлияла на отношение местных поляков к Российскому государству. Нередко они с радостью приветствовали вошедшие в 1915 г. немецкие и австро-венгерские войска [6, с. 154].

Важная проблема, которая выходит за пределы поднятой темы, – начало организации украинской деятельности среди местных жителей. Российские и церковные власти, стремясь к укреплению православия и противодействуя полонизации и латинизации, допустили использование местного диалекта в религиозной и культурной жизни. На страницах легально издававшихся русских журналов («Братская Беседа», «Холмская Русь») публиковались стихи и рассказы местных авторов. Среди местных властей, православного духовенства и учителей появились сторонники свободы местного населения от российского влияния. Они встретили противодействие властей. Их называли «украинофилами» и отстраняли от службы на восточных территориях Королевства Польского [8, с. 120–124]. В 1915–1918 гг. при немецкой оккупации также отмечалась украинская активность. В межвоенный период и во время немецкой оккупации в ходе Второй мировой войны украинцы пробовали развить свою деятельность, и борьба за территории Подлясья и Холмщины изменилась с российско-польской на украинско-польскую. После окончания войны коммунистические власти выселили большинство украиноязычного населения в северные и западные территории Польши в новых границах. На месте осталось незначительное количество православных.

Литература и источники

1. *Батюшковъ П.* Холмская Русь. Историческая судьбы Русскаго Забужья. СПб., 1903.
2. *Cabaj J.* Społeczeństwo guberni chełmskiej pod okupacją niemiecką i austriacką w latach I wojny światowej. Siedlce, 2006.
3. *Cabaj J.* W służbie prawosławia i państwa rosyjskiego – działalność mniszek leśniańskich na obszarze nadbużańskiego Podlasia na przełomie XIX i XX wieku // *Niepodległość i Pamięć.* 2018. № 4. P. 47–76.

4. *Karetниковъ С.* Холмская губернія. Лубны, 1913.
5. *Konefał J.* Towarzystwo Opieki nad Unitami (1903–1912) // *Chrześcijanin w Świecie*. 1986. № 114.
6. *Lipiński W.* Z marszów przez Chełmszczyznę // *Kultura Polski*. 1918. № 10.
7. *Ottonówna (Jadwiga Łubieńska).* Podlaskie “Hospody pomyśluj” 1872–1905: kronika 33 lat prześladowania Unii przez naocznego świadka. Kraków, 1908.
8. *Пастернак Е.* Нарис історії Холмщини і Підляшшя. Вінніпер, 1968.
9. *Pruszkowski J.* Martyrologium czyli męczecstwo Unii н.в. na Podlasiu. Cz. 1 i 2. New Jersey, 1983.
10. *Szabaciuk A.* “Rosyjski Ulster”. Kwestia chełmska w polityce imperialnej Rosji w latach 1863–1915. Lublin, 2013.
11. *Wierzchowski M.* Sprawa Chełmszczyzny w rosyjskiej Dumie Państwowej // *Przegląd Historyczny*. 1966. № 1.
12. *Wierzchowski M.* Sprawy Polski w III i IV Dumie Państwowej. Warszawa, 1966.
13. *Wrzyszc A.* Gubernia chełmska. Zarys ustrojowy. Lublin, 1997.
14. “Zanim wróciła Polska”: martyrologium ludności unickiej na Podlasiu w latach 1866–1905 w świetle wspomnień // *Oprac. Tadeusz Krawczak*. Warszawa, 1994.

Баконина Светлана Николаевна,

кандидат исторических наук;

старший научный сотрудник

Отдела новейшей истории РПЦ

Православного Свято-Тихоновского

гуманитарного университета

ВОПРОС О ЦЕРКОВНОМ ИМУЩЕСТВЕ ВАРШАВСКОЙ ЕПАРХИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ, 1914–1922 гг.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о судьбе церковного имущества Варшавской епархии Русской православной церкви с начала Первой мировой войны до событий, связанных с выходом советского декрета об изъятии церковных ценностей. Из-за военной обстановки и ухудшения положения православного населения Польши на оккупированных территориях большая часть имущества православных церквей была эвакуирована в Москву. Однако

революционная ситуация в России потребовала новых действий по восстановлению церковной жизни в этом регионе. Вопрос о попытках реэвакуации в Варшаву церковного имущества Варшавской епархии Русской православной церкви исследуется на основе ранее не включенных в научный оборот документов и материалов, а также следственного дела митрополита Варшавского Серафима (Чичагова).

Ключевые слова: Русская православная церковь, Варшавская епархия, Первая мировая война, православное духовенство, церковное имущество, Поместный собор Православной российской церкви

Bakonina Svetlana Nikolayevna,

*Candidate of Historical Sciences;
senior researcher,
Department of Modern History,
Russian Orthodox Church
St. Tikhon's Orthodox University*

THE QUESTION OF THE CHURCH PROPERTY OF THE WARSAW DIOCESE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH (1914–1922)

Abstract. The article deals with the question of the fate of the church property of the Warsaw diocese of the Russian Orthodox Church from the beginning of the World War I to the events related to the issuance of the decree of the Soviet authorities on the seizure of church values. In connection with the martial law and the deteriorating situation of the Orthodox population of Poland in the occupied territories, most of the property of Orthodox churches was evacuated to Moscow. However, the revolutionary situation in Russia demanded new actions to restore church life in this region.

The question of attempts to re-evacuate the church property of the Warsaw Diocese Russian Orthodox Church to Warsaw is being investigated on the basis of documents and materials not previously included in the scientific circulation, as well as the investigative case of the Metropolitan of Warsaw Seraphim (Chichagov).

Key words: Russian Orthodox Church, Warsaw Diocese, World War I, Orthodox clergy, church property, Local Council of the Russian Orthodox Church

Проблема, связанная с церковным имуществом Варшавской епархии Русской православной церкви, возникла в начале Первой мировой войны, когда военные действия и изменение политической обстановки привели к ухудшению положения православного населения Царства Польского, входившего в состав Российской империи. И, безусловно, данный вопрос следует рассматривать в контексте освещения судеб епархиального духовенства.

Варшавская, точнее Варшавско-Привисленская (1905–1923), епархия включала территории, примыкавшие к границам враждебных России государств – Германии и Австрии. 20 июля 1914 г., в день обнародования Манифеста императора Николая II о вступлении России в войну с Германией, немцы заняли первый пограничный город – Калиш, на следующий день был взят Ченстохов. Очень скоро в Варшаве стало известно о бесчинствах захватчиков в этих городах и других приграничных населенных пунктах. В числе жертв оккупантов оказались священнослужители. Так, настоятель Калишского православного собора протоиерей Н. Семеновский был захвачен в заложники и уведен немцами в Германию. Такой же участи подвергся настоятель церкви поселка Александра Пограничного протоиерей А. Кедровский. Вскоре в австрийском плену оказались священники городов Буска и Мехова Келецкой губернии И. Иавасевич и И. Звездрис, города Новорадомска Петроковской губернии М. Паевский. Все они претерпели жестокие глумления и издевательства [4, с. 143].

Занятые неприятелем местности стало покидать местное население. Вместе с православными жителями оставляли свои места и православные причты – не только потому, что оказались без паствы, но и в силу особенно враждебного отношения неприятеля к православному духовенству. Почти все священнослужители Привислинского края были арестованы и отправлены в плен. Некоторые из них впоследствии были возвращены к местам своего служения, но окормлять там они могли только пленных, больных и раненых воинов русской армии.

На занятых неприятелем территориях разорялись и осквернялись храмы. В городах церковная жизнь почти совсем остановилась. Только в Варшаве, духовном центре Варшавской епархии,

долгое время она не только не ослабевала, но, наоборот, испытывала большой подъем. Во время мобилизации и в первые дни войны, когда перед лицом наступающей опасности население находилось в напряженном состоянии, большую роль в успокоении паствы играл глава епархии – архиепископ Варшавский Николай (Зиоров). Он призывал народ к «бодрому перенесению неожиданного открывшегося испытания» и заявлял, что останется на своем посту в Варшаве до окончания военных действий, разделяя с паствой все скорби и радости [3, с. 9–10]. В городе происходил настоящий религиозный подъем: храмы были переполнены молящимися, в том числе военными, поскольку через Варшаву проходили и временно останавливались там войска.

В Варшаве стали появляться госпитали и лазареты. Поначалу их было сравнительно немного, но к концу 1914 г. насчитывалось уже больше ста. Своих военных священников имели только несколько таких заведений, преимущественно полевые военные госпитали. Около 90% лечебных учреждений обслуживалось епархиальным духовенством. Руководство этой деятельностью было поручено викарию Варшавской епархии епископу Новогеоргиевскому Иоасафу (Каллистову).

Посещения духовенством госпиталей и лазаретов не ограничивались напуганными тяжелооболваненными. Священнослужители беседовали с ранеными, входили в их нужды, доставляли религиозную литературу, совершали богослужения. Глава епархии регулярно посвящал больным и раненым не менее двух-трех часов в день. Он оделял их крестиками, молитвенниками, религиозно-нравственными брошюрами, нередко лично совершал таинство исповеди.

В конце сентября 1914 г. неприятель подошел к Варшаве. Оборонительно-наступательная Варшавско-Ивангородская операция, известная также как «битва за Вислу», обернулась одной из крупных побед русской армии в 1914 г. Отступая, противник выводил из строя железнодорожное полотно, нередко бросая раненых солдат и даже офицеров. Распутица, нехватка продовольствия и боеприпасов, разрушенные коммуникации помешали дальнейшему продвижению русских войск в сторону Германии. Успешное поначалу контрнаступление остановилось [12, с. 240].

Во время этих боев российское правительство приняло решение об эвакуации. Уже в конце сентября – начале октября 1914 г., когда неприятель стоял под Варшавой, из города были эвакуированы почти все правительственные учреждения. Вторая, окончательная эвакуация началась в июне 1915 г. Коснулась она и Варшавской епархии Русской православной церкви. В это время глава епархии архиепископ Николай находился на архиерейской даче, в имении Гура, в двух верстах от Новогоргиевска. Известие о приказе Верховного главнокомандующего об эвакуации ему привез варшавский генерал-губернатор князь П.Н. Енгальчев. Но архиепископ Николай решил не оставлять Варшаву и написал в Святейший Синод о намерении остаться с варшавской паствой до окончания боевых действий. Через несколько дней он вернулся в Варшаву, где его посетили сначала губернатор П.П. Стремоухов, затем директор канцелярии варшавского генерал-губернатора князь Н.Л. Оболенский. Оба повторили предложение об эвакуации, указав, что православное население Варшавы будет выслено во внутренние губернии России и архиепископ будет лишен возможности выполнять свои обязанности. Владыка написал обстоятельный рапорт в Синод, откуда вскоре пришел указ с предписанием архиерею ехать в Петроград, а духовенству – куда оно найдет для себя удобным.

27 июня 1915 г. архиепископ Николай покинул Варшаву. Вслед за ним выехал епископ Иоасаф, лишь за несколько часов до отъезда получивший об этом извещение и поэтому не успевший даже собрать необходимые вещи. Духовенство, консистория и духовное училище покинули Варшаву 5 июля. В городе остался только один священник – Василий Глот, прикомандированный к Варшавскому госпиталю Красного Креста. Отец Василий совершал богослужения и требы для задержавшихся в Варшаве представителей российской власти и незначительного числа русских людей. На третий день после вступления в город немцев священник был арестован на улице, когда шел в собор на богослужение. Его отправили в Германию, несмотря на то, что, как прикомандированный к госпиталю Общества Красного Креста, он находился под покровительством этого общества [6, с. 9–10].

К августу 1915 г. русские гражданские власти в Польше сменили новых хозяев – оккупационные власти, пришедшие вместе с германскими и австрийскими войсками и подчинявшиеся военным чинам. Во всем Царстве Польском на местах осталось не более десяти священников и иеромонахов, некоторые из них были вывезены оккупантами в Германию и Австрию. Исполнять пастырские обязанности для малого числа оставшихся православных разрешено было единицам. Из епископов в Польше, за линией фронта, остались двое: Виленский архиепископ Тихон (Беллавин), будущий патриарх, и епископ Кременецкий Дионисий (Валединский) [1, с. 3].

Таким образом, с середины 1915 г. духовенство Варшавской епархии оказалось в рассеянии. Правящий архиерей недолго прожил в Петрограде на Преображенском подворье, где скончался в декабре того же года. Викарий поселился в Москве в Чудовом монастыре, там же оказалось и большинство духовенства епархии. Остальные священнослужители разъехались по разным городам и местностям, от Полтавской губернии до Хабаровска.

Епархиальные учреждения, эвакуированные в начале июля 1915 г., разместились следующим образом: Варшавская духовная консистория, Епархиальный училищный совет, духовное училище (при котором в 1916 г. были открыты семинарские классы), Епархиальное попечительство о бедных духовного звания – в московском Донском монастыре, Попечительский комитет – в Калуге. [5, с. 184–185]. Тогда же были вывезены церковное убранство и богослужебная утварь. Варшавская епархия фактически перестала существовать [6, с. 9].

Объединяющим центром пастырей и паствы Варшавской епархии стала Москва, где по благословию Московского митрополита Макария (Невского) изгнанникам была предоставлена небольшая церковь св. великомученицы Ирины при Главном архиве Министерства иностранных дел [7, с. 67]. По большим праздникам в этой церкви служил епископ Иоасаф, назначенный после кончины архиепископа Николая временным управляющим Варшавской епархией.

В 1916 г. из 99 священников, 33 диаконов и 80 псаломщиков Варшавской епархии в плену оставались 15 священников,

6 диаконов и 9 псаломщиков. В оккупированных областях на местах своего служения пребывало 7 священников, 3 диакона и 6 псаломщиков. 14 священников находились в действующей армии, преимущественно в полевых госпиталях, некоторые – в военных учреждениях и частях тыла [8, с. 7].

5 ноября 1916 г. монархи Германии и Австро-Венгрии огласили манифест о создании на оккупированных территориях российской части Польши самостоятельного Польского Королевства. Польские радикалы, руководимые Польской социалистической партией, считали, что важнейшим условием достижения независимости Польши должно стать поражение России в войне.

После Февральской революции и крушения Российской империи право Польши на самоопределение было признано Временным правительством. 14 марта 1917 г. Петроградский Совет рабочих и крестьянских депутатов обратился с воззванием «К народу польскому» и выступил за предоставление Польше полной независимости. На следующий день, 15 марта, Временное правительство утвердило положение о ликвидационной комиссии по делам Царства Польского. Имущество Русской православной церкви в нем никак не упоминалось [9, с. 52–53].

20 марта 1917 г. определением Святейшего Синода епископ Новогеоргиевский Иоасаф был назначен епископом Дмитровским, викарием Московской епархии, с поручением временно управлять Московской митрополией и с оставлением управляющим Варшавской епархией. После решения Епархиального комитета московского духовенства и Союза петроградского демократического духовенства созвать в Москве всероссийский съезд клира и мирян был учрежден Епархиальный комитет клира и мирян Варшавской епархии [10, с. 65]. Из числа его представителей впоследствии были избраны делегаты на открывшийся в августе 1917 г. Поместный собор Православной российской церкви. В работе собора участвовали один епископ, два священника и четыре мирянина. Список делегатов следующий:

- 1) Иоасаф, епископ Дмитровский, викарий Московской епархии, управляющий Варшавской епархией (с 15 января 1918 г. – архиепископ Коломенский и Можайский);

- 2) Теодорович Терентий Павлович, протоиерей, настоятель Успенской церкви Варшавы, по избранию – клирик от Варшавской епархии;
- 3) Шингарев Василий Александрович, протоиерей, законоучитель Варшавской I женской гимназии, по избранию – клирик от Варшавской епархии;
- 4) Ореховский Николай Матвеевич, председатель Департамента Варшавской судебной палаты, по избранию – мирянин от Варшавской епархии;
- 5) Кладинов Павел Трофимович, регент архиерейского хора, по избранию – мирянин от Варшавской епархии;
- 6) Косминский Алексей Петрович, директор гимназии, по избранию – мирянин от Варшавской епархии;
- 7) Витошинский Эмилиан Михайлович, преподаватель Варшавской мужской гимназии, по избранию – мирянин от Холмской епархии.

В период работы собора политическая ситуация в Польше оставалась нестабильной. В сентябре 1917 г. на оккупированных территориях были созданы новый Госсовет, Регентский совет и правительство, которые зависели от оккупационных властей. Новые светские власти проводили по отношению к православной церкви крайне враждебную политику. В начале 1918 г. варшавский магистрат вынес постановление о ликвидации в городе почти всех православных церквей: из около 40 предвоенных храмов было оставлено два – Марие-Магдалининский и Иоанно-Лествичницкий, другие были разрушены или переделаны в костелы.

В июне 1918 г. Польша официально перешла на сторону Антанты. В начале октября Регентский совет сформировал новое правительство и издал декрет о формировании регулярной армии. В конце октября в Кракове власть взяла Польская ликвидационная комиссия. Через неделю левые партии образовали в Люблине Временное народное правительство Республики Польша, почти все члены которого были связаны с лидером Польской социалистической партии Ю. Пилсудским. 10 ноября 1918 г. Пилсудский прибыл в Варшаву, а 14 ноября, после самороспуска Регентского совета, ему была передана вся полнота власти в стране [15, с. 89].

К этому времени Германия капитулировала, Австро-Венгрия распалась, в России шла Гражданская война.

21 августа 1918 г. член собора протоиерей Василий Шингарев представил на соборное обсуждение доклад «Об устройстве Варшавской епархии, вновь организуемой в пределах бывшего Царства Польского, на прежней ее территории». Предлагая меры к переходу епархии на мирное положение, докладчик сообщил, что в марте 1918 г., после заключения Брестского мира, наметилась возможность возвращения православного духовенства и церковного имущества к местам своего прежнего пребывания. Члены собора от Варшавской епархии направили специальную делегацию для переговоров с представителями России и Польши. По словам Шингарева, «представитель Регентского совета отнесся к делегации с большой предупредительностью и заявил, что отношение к русским православным в Польше теперь сочувственное и что православная церковь встретит в польском правительстве внимательное отношение и может рассчитывать на материальную поддержку государства, если только не произойдет в Польше отделения церкви от государства», а также «что можно ожидать возвращения церковных имуществ и капиталов, кроме церквей, устроенных, – как выразился польский представитель, – с явно демонстрационной политической целью» [14, с. 204].

Несмотря на такой ответ, собор вынес особое «Определение об устройстве Варшавской епархии в пределах бывшего Царства Польского», которая, как говорилось в документе, «остается в прежних своих пределах и, составляя часть Православной российской церкви, управляется на общих основаниях, принятых Священным Синодом для всех православных епархий Российской церкви» [Там же].

17 сентября 1918 г. на заседании собора на Варшавскую кафедру был назначен новый архиерей – митрополит Серафим (Чичагов), представитель известного дворянского рода, в прошлом боевой офицер и опытный дипломат. Однако польские власти не допустили его в страну, а попытки архипастыря выполнить предписание Священного Синода Русской православной церкви о реэвакуации

в Варшаву церковного имущества и духовенства закончились арестом и тюремным заключением в сентябре 1921 г.

На следствии митрополит Серафим объяснил, что, по состоявшемуся договору России с Польшей, все имущество и учреждения православной церкви должны быть реэвакуированы в Польшу, до церковных колоколов включительно [16, л. 9]. В данном случае имелось в виду постановление Народного комиссариата просвещения от 20 июня 1918 г. «О возвращении польскому трудовому народу эвакуированного из Польши культурного, художественного, научного и исторического достояния», которое гласило, что «все предметы старины, искусства и науки, как то: коллекции, картины, исторические документы, архивы, *церковные колокола и утварь*, старинная мебель и проч., эвакуированные во время войны из Польши, подлежат немедленно возврату польскому трудовому народу и переходят со дня опубликования настоящего постановления в ведение Комиссариата по польским делам. <...> Местным советским властям вменяется в обязанность уведомлять Комиссариат по польским делам об известных им имеющихся на местах предметах старины, искусства и науки, эвакуированных из Польши, и до времени приема названным Комиссариатом охранять их от всяких злоупотреблений» [11, с. 370]. Документ был подписан народным комиссаром просвещения А. Луначарским.

Вопросом церковного имущества, как записано в протоколе допроса, могли руководить только Эвакуационная смешанная комиссия, на тот момент еще не приехавшая в Москву, и дипломатический представитель Польши. Но так как их не было, и в Москву прибыла лишь делегация по репатриации поляков, то митрополит Серафим решил обратиться за содействием к католическому архиепископу Варшавы Александру Каковскому, чтобы тот ускорил разрешение вопроса в польском Министерстве иностранных дел.

Дело о реэвакуации в Польшу епархиального имущества и бывшей консистории, а также о возвращении священнослужителей, было открыто при Совете Народных Комиссаров. Работа велась в течение двух лет, когда в Москве имелось Польское посольство,

и была почти окончена, однако из-за изменения политической обстановки вопрос остановился.

После опубликования 23 января 1918 г. декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви религиозные организации, в том числе православные монастыри, лишились статуса юридического лица, т.е. перестали быть организациями, имеющими в собственности обособленное имущество и отвечающими по своим обязательствам. Их собственность отошла в пользу государства. При церквях образовывались религиозные общины – «двадцатки», которым церковное имущество передавалось во временное пользование по договору.

Большая часть имущества Варшавской епархии пребывала в Донском монастыре, на территории которого был образован Государственный музей при бывшем Донском монастыре, состоявший в ведении Отдела музеев Главнауки Наркомпроса.

23 февраля 1922 г. ВЦИК издал декрет об изъятии церковных ценностей на нужды голодающих. С 3 по 5 апреля 1922 г. из Донской обители было вывезено в Гохран почти 13 пудов 15 фунтов серебра, а также золота 4 фунта 79 золотников. Для совершения богослужений в храмах оставили «простые богослужебные сосуды», Евангелия и ветхие богослужебные облачения [2, с. 62]. Возможно, так была окончательно решена и судьба церковного имущества Варшавской епархии Русской православной церкви.

Литература и источники

1. Алексий (Громадский), архиеп. К истории Православной Церкви в Польше за десятилетие пребывания во главе ея Блаженнейшаго митрополита Дионисия (1923–1933). Варшава, 1937.
2. Артюшенко М.В. Судьбы последних насельников московского Донского монастыря, 1918–1952 // Прославление и почитание святых: Материалы XXVI Международных Рождественских образовательных чтений. М.: Изд. ПСТГУ, 2018. С. 58–67.
3. Варшавский Епархиальный листок. Варшава. 1915. № 1.
4. Варшавский Епархиальный листок. Варшава. 1915. № 11.
5. Варшавский Епархиальный листок. Варшава. 1915. № 15.
6. Варшавский Епархиальный листок. Варшава. 1916. № 1.
7. Варшавский Епархиальный листок. Варшава. 1916. № 6.
8. Варшавский Епархиальный листок. Варшава. 1917. № 1.

9. Варшавский Епархиальный листок. Варшава. 1917. № 7–8.
10. Варшавский Епархиальный листок. Варшава. 1917. № 9.
11. Документы внешней политики СССР. Т. 1: 7 ноября 1917 г. 31 декабря 1918 г. М.: Изд. политич. лит-ры, 1957.
12. *Зайончковский А.М.* Мировая война, 1914–1918 гг. М.: Воениздат, 1938.
13. Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии (1917–1950) / прот. К. Фотиев, А. Свитич. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1997.
14. Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918. М., 1994 [репр. изд., 1918]. Вып. 4.
15. *Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е.* История Польши / пер. с польск. М.: Весь Мир, 2004.
16. ЦА ФСБ РФ. Д.Р-47540.

Булдаков Владимир Прохорович,

*доктор исторических наук;
главный научный сотрудник
Центра изучения*

*Новейшей истории России и политологии
Института российской истории РАН*

1914 ГОД: МИРОВАЯ ВОЙНА И РОССИЙСКИЕ ПОЛЯКИ

Аннотация. В статье рассматриваются политические настроения в Польше во время Первой мировой войны. На разнообразных источниках, и прежде всего на материалах отложившейся в Государственном архиве РФ переписки, анализируются высказывания поляков о России и российской власти. Прослеживается отношение российского общества к воззванию Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича «К полякам». Подчеркивается противоречивость реакции как польской, так и российской общественности. Делается вывод, что взаимное недоверие народов не было преодолено.

Ключевые слова: Первая мировая война, поляки, Польша, Россия, политические настроения, славянство

Buldakov Vladimir Prokhorovich,

*Doctor of Historical Sciences;
Chief Researcher of Centre for Study
of Modern Russian History and Political Science
of the Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences*

1914: WORLD WAR I AND THE RUSSIAN POLES

Abstract. The article examines the political mood in Poland during the World War I. On various sources, and first of all on materials of the correspondence postponed in the State archive of the Russian Federation, statements of poles about Russia and the Russian power are analyzed. The attitude of the Russian society to the appeal of the Supreme commander Duke Nicholas “To the Poles” is also traced. The contradictory reaction of both the Polish and Russian public is emphasized. It is concluded that the mutual distrust of peoples has not been overcome.

Key words: World War I, poles, Poland, Russia, political sentiments, Slavs

В существующей литературе о Первой мировой войне политическим настроениям поляков по обе стороны имперских границ отводится немного места. Считается, что судьба малых народов Центральной Европы оставалась пассивным следствием противоборства великих держав. Между тем эти народы, особенно чехи и поляки, ради укрепления собственных позиций были заинтересованы во взаимном ослаблении империй и потому упорно подталкивали их к конфликту [5, с. 64–65]. В польских кругах считалось, что «Польша почти 120 лет ждала глобального конфликта между странами – участницами ее разделов, надеясь, что он поможет ей вновь обрести независимость». Подчеркивалось, что Адам Мицкевич молился о «всеобщей войне за свободу народов» [7, с. 9]. Со своей стороны, и Антанты, и центральные державы готовы были сделать вид, что сражаются за свободу «угнетенных наций». Все это особенно заметно отразилось на политическом поведении и настроениях российских поляков.

Начало войны вызвало резкий подъем самых разнородных оптимистических настроений. Возникли и характерные надежды на восстановление польской государственности. При этом водораздел мнений пролегал между противоположными внешнеполитическими ориентациями: одни делали ставку на победу России и ее союзников, другие – Германии и Австро-Венгрии. В данном случае предпринята попытка осмыслить отложившийся в архиве массив неформальных (высказанных в переписке) высказываний поляков о России, российской власти, политиках, культуре и собственно русских¹.

Насколько репрезентативен данный источник для характеристики настроений польского общества в России в целом? Представляется, что его достоинство в том, что он охватывал все его слои – как в Царстве Польском, так и в российских губерниях, включая столицу и даже сибирскую ссылку. Вместе с тем не следует забывать, что российские цензоры обращали первостепенное внимание на высказывания, отражающие негативное отношение к российской власти. Однако и результаты панславистской агитации не могли не вызывать у них повышенного интереса.

По разные стороны границы весть о войне была встречена поляками по-разному, что нашло отражение в материалах перлюстраций. Так, некоторые авторы писем уверяли друг друга, что в момент объявления войны в Кракове был «небывалый подъем духа» – тамошние поляки считали, что «наступил наконец момент возрождения Польши». Сообщали, что со «слезами на глазах люди бросались друг другу в объятия, обнимались и поздравляли друг друга». Начался сбор средств в военный фонд, при этом «одних крышек от золотых часов было собрано в пользу польского легиона свыше десяти ящиков». Галицийский сейм ассигновал на организацию легиона 20 млн крон, граф Станислав Тарновский лично дал 1/2 млн крон. По поводу появившегося 1 августа 1914 г. воззвания Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича «К полякам», обещавшего воссоединить

¹ Частично это было проделано. См.: Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., 2015. С. 130–136.

Польшу «под скипетром русского царя», было сказано, что «эту бумажонку... ни один здравомыслящий поляк не примет всерьез». К этому добавлялось, что русские солдаты, «грабя жителей, оправдывают это тем, что мы, мол, за вас бьемся, а вы даже не позволяете солдатишкам погулять». В общем, автор письма заведомо отказывался верить российским обещаниям: «Слишком много милых вещей мы уже узнали от нашего “старшего брата”, чтобы ему хотя в чем-нибудь поверить, а тем более в том, что он пришел нас освободить... То, что мы перетерпели от России, нам не забыть в течение нескольких веков». Напротив, автор данного письма более серьезно отнесся к обещаниям и практическим шагам со стороны Германии [25, д. 980, л. 46].

В российском обществе воззвание приняли неоднозначно. Часть общественности словно взялась исправить исторические грехи самодержавия. «Наша война с Германией повела к расцвету идеи славянской солидарности, – писали в церковной прессе, приветствуя призыв князя Евг. Трубецкого о помощи Польше. Тот считал, что нужна «помощь, которая выражала бы начало целого исторического *сдвига* в жизни обоих народов». По мнению философа, оба народа должны найти в этой помощи «духовное утешение в великом историческом испытании», почувствовать, что «не напрасны их страдания и жертвы» [24, № 43, 23 октября, стб. 1298].

Между тем в российских верхах будущее Польши стремились поставить в контекст гегемонии в славянском мире. Тема германо-славянского противостояния не была новой. Весной 1913 г. германский канцлер Т. фон Бетман-Гольвег публично высказывался о возможности «европейского пожара, который бы поставил друг против друга славян и германцев» [20, с. 185]. Российские публицисты словно готовились воспользоваться подобной подсказкой. Поразительно, с какой поспешностью в новом XX в. возрождались старые панславистские вождедения.

Власть по-своему подхватила их. Верховный главнокомандующий Николай Николаевич с подачи российского МИДа обратился со своим воззванием «К полякам» [18, с. 375]. В нем напоминалось, что «не заржавел меч, разивший врага при Грюнвальде», и содержались обещания изменения всей российской политики в польском вопросе.

Российская империя нуждалась во внутренних и внешних этнических союзниках, но можно ли было их заполучить с помощью туманных обещаний царизма? Против публикации воззвания не случайно возражали некоторые министры. Однако либеральные деятели были от него в восторге [23, с. 533–534, 532]. «Объединение и освобождение Польши для нас есть символ нашего морального превосходства над врагом и духовной нашей связи с друзьями», – писал П.Н. Милюков в газете «Речь» 28 января 1915 г. Российская либеральная общественность в общем была настроена сходным образом. «С первыми ружейными выстрелами в России не стало классово, национальной и партийной розни, рухнула стена между общественностью и властью, “с открытым сердцем, с братски протянутой рукой” двинулась “великая Россия” навстречу живой душе Польши...» [11, с. 370] – уверял В. Кузьмин-Караваев в «Вестнике Европы».

Эйфория преодоления старых распрей была заметна и на ином уровне. «...Давайте скажем ей (Польше. – В.Б.) сердечно: /... Теперь с тобою нас навечно / Сковала лютая пора...» – заклинал с эстрады известный сатирик С. Сокольский [22, с. 19.]. В церковной прессе писали, что на фоне войны свершились «два великих чуда – отрешение России и русско-польское примирение». В прошлом «русская водка и польская вражда казались нам чем-то таким традиционным, вековым и несокрушимым, что в возможность их упразднения не верилось». Однако свершилось невозможное [24, № 36, 4 сентября, стб. 1057]. Были и самодеятельные попытки истолковать ситуацию в возвышенном духе. Так, 2 ноября 1914 г. в Рыбинске С. Дурылин выступил с публичной лекцией «Лик России. О русском призвании в связи с великой войной». В нынешних условиях, полагал он, должны соединиться два мессионизма – русский и польский. В их основе – «добровольное искупительное страдание народа за другие народы». При этом Россия выполнит по отношению к Польше свой религиозный долг, а Польша, примыкая к России, воплотит в жизнь «таинство братства» [19, с. 436–437].

Однако некоторые официальные лица серьезно подпортили впечатление от воззвания Николая Николаевича. Как сообщала либеральная пресса, мысли, высказанные в этом документе, по-своему развил Г.А. Бобринский на приеме представителей

львовского населения. Им было заявлено, что Восточная Галиция – исконно русская территория, Западная – польская, которая должна быть включена в состав «воскресшей, воссоединенной воедино» Польши. При этом, обещал он, в Восточной Галиции генерал-губернатор будет «вводить язык, закон и строй» с «должной постепенностью»: на первое время ограничится назначением русских губернаторов, уездных начальников и русской полиции. Сейм не подлежит созыву, заседания местного самоуправления будут запрещены до окончания военных действий. Будут закрыты все общества, собрания, союзы и клубы. При этом генерал-губернатор обещал соблюдать полную веротерпимость [3, с. 317].

Российские поляки встретили появление воззвания великого князя не столь однозначно. Так, уже 1 августа 1914 г. стала распространяться обращенная к полякам-призывникам прокламация, выпущенная от имени Польского национального рабочего союза, Национального крестьянского союза и Союза независимости Польши. «За московское иго вы должны отблагодарить пролитием крови», – говорилось в ней. Польская общественность стала аренной борьбы противостоящих друг другу сил. Так, от имени германского и австро-венгерского командования появилось обращение к полякам с призывом присоединиться к ним для того, чтобы «выгнать из границ Польши азиатские орды». В приграничных российских губерниях появились прокламации, в которых от имени австрийского императора польское население призывалось к восстанию против России и вступлению в ряды австрийских войск. Подобная пропаганда стимулировала старые межэтнические распри: от крестьян-украинцев последовали доносы на помещиков-поляков, якобы тепло принимавших австрийских солдат и выдававших им русских раненых. Подобная информация стала поступать и от евреев – как российских подданных, так и военнопленных австро-венгерской армии. Легко представить, какая волна стихийной полонофобии могла вслед за этим последовать и как все это могло сказаться на межэтнических отношениях в целом [6, с. 38–41].

По-видимому, среди российских поляков все же преобладало выжидательное настроение (что не исключало ритуальных

верноподданнических заявлений). Так, из Пинска местный полицмейстер 31 июля 1914 г. докладывал, что поляки игнорировали совместную русско-еврейскую патриотическую демонстрацию, в которой приняли участие от 4 до 5 тыс. человек [9, с. 71]. Тем не менее многих поляков воззвание вдохновило. Так, представители польской общины Ярославля заявляли: «Мы, поляки, полтора века считавшие себя пасынками в семье славян, воспряли духом, мы должны верить, что покончены старые счеты» [10, с. 77]. «Воззвание к полякам... может вызвать у нас колоссальный переворот... – писали из Скерневиц. – Уже теперь... каждый способный носить оружие поступает в армию добровольцем. Случается, что все сыновья в одной семье отправляются на войну добровольцами только потому, что это война рас... Может быть, мы доживем до того, что Великая Польша соединится с Великой Россией» [25, д. 992, л. 1149]. Но столь пылкие заявления все же оставались редкостью. Чаще положительная реакция на воззвание носила показательный характер. 6 августа в Иркутске по инициативе польско-литовского общества «Огниво» в местном костеле состоялось «торжественное богослужение о ниспослании победы оружию народов России и всего славянства, борющихся против общего врага, и о призвании благословения на дело возрождения единой неделимой Польши» [21, с. 23]. Из Варшавы сообщали, что 3–16 августа Национально-демократическая партия, Польская прогрессивная партия, Партия реальной политики, Польское прогрессивное объединение приветствовали воззвание Николая Николаевича как акт первостепенного исторического значения и выражали непоколебимую уверенность, что по окончании войны... растерзанное полтора века назад тело Польши объединится снова...» [15, № 34, 16 августа, с. 19].

Впрочем, в низах ситуацию восприняли по-своему. Некоторые поляки уже 30 июля принялись доносить на российских немцев, якобы поддерживающих отношения с прусскими властями [25, д. 976, л. 34]. Была и иная крайность. В одном из писем промелькнула фамилия некоего Мониковского, который, который бежал со сборного пункта, будучи «не расположен к России». Он якобы был готов за 300 руб. выдать план Варшавы и предупредить

немцев «насчет мест, которые для них опасны» [25, д. 976, л. 32]. Впрочем, случаи явного предательства вряд ли имели распространение: в новой ситуации люди преимущественно колеблются в своих симпатиях.

В целом среди российских поляков преобладали скептики. «Все обещают, но и все хотят обмануть, – писал некий Тадеуш (вероятно, ссыльный) из Иркутской губернии. – Я силюсь угадать, каких национальных выгод мы можем достичь в этой войне. Признаться, я не вижу этих выгод, а, наоборот, вижу лишь потери. Все обещают, но и все хотят обмануть. Я не понимаю, откуда взялась в народе такая вера в Россию... По временам думаешь, что уж лучше пойти с самим дьяволом, только бы не с Россией. Какие гарантии дает воззвание?... До сих пор воззвание дало вам лишь то, что вы можете петь те песни, которые были запрещены...

Мы боремся якобы за свое дело, но охраняем Россию. Мы могли бы сами решать свою судьбу, а между тем сдаемся на милость России... Мне больно, что у вас там так принимают тех солдат, от которых мы столько вытерпели. Свыше ста лет они были несчастьем нашего края, а вы принимаете их теперь как братьев... Если бы я был в Австрии, то защищал бы ту свободу, которой мы там действительно пользовались» [Там же, д. 978. л. 46–46 об, письмо от 21 декабря 1914 г. Ф.И. Бартницкому в Московскую губернию].

Разумеется, ханжески показушный характер единения российской общественности с поляками не остался незамеченным. «Сколько шуму у нас из-за поляков... – писали в церковной прессе. – Шумят они, еще больше шумим о них мы... Страдают? Да, а Русь не страдала?! – а Русь не страдает?.. Чьею кровью пропитана “русская” Польша? Кровью сермяжной Руси!..» [16, с. 13].

Вместе с тем русское общество беспокоила неизбежная, как издавна считалось, эскалация польских притязаний. «В каких пределах возродится Польша – от моря до моря?» – не без ехидства спрашивал профессор Ю.А. Кулаковский [25, д. 992, л. 1191]. Однако некоторые публицисты все же рассчитывали умягчить поляков. «Благодородная польская нация с достоинством переносит тяжелый жребий... И это лояльное поведение поляков... найдет надлежа-

щее признание после войны», – уверял либеральный автор [14]. Иллюзии такого рода были весьма заметны. «...Идем мы по польскому краю, и если б вы знали, как мило и радушно к нам относятся поляки» [25, д. 976, л. 57], – сообщали из действующей армии 2 августа 1914 г. Между тем мирное население, как известно, старается поначалу задобрить вооруженных пришельцев.

В любом случае вряд ли стоило с помощью туманных обещаний пробуждать непомерные надежды. Известно, что многие поляки воображали свою страну «от моря до моря». Будущее Польши представлялось в гипертрофированном виде. А в экстремальных обстоятельствах всякое разочарование порождает ответную агрессию. Уже в октябре 1914 г. из Петрограда в Варшаву высказывали такое мнение: «Россия защищает только свое, а о Польше мало заботится. Поляки поверили русским обещаниям, но они не что иное, как обман... Сейчас начали разорять Польшу. Теперь уже все разграблено и разорено, русский сказал, что отдаст Варшаву, что от поляков нет никакой пользы, но другие государства ответили, что если он и не захочет отдать Польшу, то должен сделать это, ибо все тогда пойдут против русских. Ни под немецким, ни под русским владычеством Польша не будет!.. Русские... увидев поляка,.. говорят: “Вот идет польская морда. Россия будет уничтожена. Она хотела отдать Варшаву немцам, чтобы война окончилась, но она не окончится, пока русских не побьют”» [Там же, д. 978, л. 26].

5 августа 1914 г. появился еще один документ – обращение к так называемым русинам Австро-Венгрии, именуемым «подъяремной Русью». Авторы взывали к памяти «собирателей земли Русской» – Владимира Святого, Ярослава, Ивана Калиты, Дмитрия Донского и даже Осмомысла. Его содержание видный кадет И.И. Петрункевич прокомментировал так: «Прокламация написана в застольной беседе петербургского славянского общества и подсунута главнокомандующему в качестве голоса русского народа. Ведь весь смысл русской народной оборонительной борьбы подменяется намерением захвата земель наших врагов, ведь это оправдание лжи Вильгельма о нападении на него России... Ведь это, наконец, уничтожение всего смысла прокламации к полякам... Над этой злополучной прокламацией к подъяремной славянщине будут

смеяться» [Там же, д. 992, л. 1174]. Действительно, уже в декабре все заметнее проявлялись антивоенные настроения. «Польша – это лишь буфер, несчастный театр войны, несчастная отчизна, кормимая обещаниями свободы... – писали из Петрограда в Варшаву. – Это край, наполняющий карманы паразитов-чиновников, которые не отдадут Польши Германии лишь потому, чтобы не потерять почвы для грабежа. Сделают это они, конечно, на польские деньги и польскими руками...» [25, д. 980, л. 7, письмо Станислава Вильчека от 6 декабря 1914 г. Е.И. Квятковской].

Все империи стремились заручиться поддержкой своих иноэтничных подданных. Не скупился на обещания и германский кайзер. В русской прессе их высмеивали – порой в таких стихах:

*«Между тем повсюду в Польше
Получили манифест
И использовали больше
Для уютных тихих мест...»*

[17, с. 7]

Вероятно, полякам трудно было поверить обещаниям кайзера, поскольку в германской сатирической прессе и даже на почтовых открытках муссировался образ «грязного поляка» [13, с. 71–72]. В российской прессе такого не наблюдалось.

В русском обществе мнения по поводу воззвания Николая Николаевича расходились. Некоторые полагали, что оно «открывает собой новую эру и тут не может быть места скептицизму» [25, д. 993, л. 1218, письмо неустановленного автора из Москвы от 10 августа 1914 г. подполковнику Ф.В. Шепелеву в действующую армию]. Но скептиков было более чем достаточно. Правые деятели во главе с П.Н. Дурново считали, что обещанное объединение Польши для России невыгодно [18, с. 377–378]. «Хороши воззвания Верховного главнокомандующего, – рассуждали другие. – Но в будущем нашему правительству придется помнить, что высказанные в воззваниях слова надо и исполнять» [25, д. 992, л. 1187, Н. Высотский из Москвы 8 августа 1914 г. – А.Н. Алфераки в Сестрорецк Петербургской губ.]. Некоторые не без оснований считали, что воззвание свидетельствует о нервозности власти [Там же, д. 992,

л. 1161, академик А.И. Соболевский из Москвы 5 августа 1914 г. – Ю.А. Кулаковскому в Киев]. Тем временем говорили, что Распутин распускал слухи о том, что Николай Николаевич намерен «объединить Царство Польское, надеть на себя корону, а там и до русского престола добраться» [2, с. 403]. Кое-кто предлагал оставить Польшу в ее этнографических пределах и предоставить «ее собственной участи» – «пусть поляки варятся в собственном соку» [25, д. 995, л. 1430, письмо не установленного автора из Петрограда от 9 сентября 1914 г. Д.Н. Давыдову в Ялту]. Мемуаристы, вспоминая возникшую ситуацию, ехидничали: «Обрела всеобщее благоволение Польша... с наплывом в Петербург беженцев с запада появились афиши на польском языке, а оперный Иван Сусанин умирал на сцене не от польских сабель, а, кажется, от мороза» [12, с. 136]. В тогдашнем патриотизме таилась изрядная толика националистической лжи и самообмана.

В любом случае воззвание воспринимали неадекватно – как символ чего-то предрешенного грядущими успехами русского оружия. Не только правители и политики, но и сами народы вступали в полосу всевозможных самообольщений. Даже в женских журналах писали, что «польские земли воссоединятся с Польшей под русским скипетром», добавляя, что «отойдут к России и австрийские Украинские земли» [1, с. 4]. Говорили также, что «автономия Польши и равноправие евреев было предсказано московской биржей задолго до возвания Главнокомандующего» [25, д. 992, л. 1193, письмо из Шуи Владимирской губернии от 8 августа 1914 г. В.Х. Даватцу в Харьков]. Пришло время, когда желаемое легче всего выдается за действительное.

Некоторые поляки (преимущественно обрусевшие) восхищались возванием. Некий Э. Кудрявский писал из Ковенской губернии члену Государственной думы Н.Н. Покровскому: «Воспитанный в России, я всегда любил ее... В Царстве Польском происходят трогательные сцены братания русских с поляками... мобилизация прошла превосходно... Является много добровольцев» [Там же, д. 993, л. 1235]. Полковник Яндроловский из Цеханова общал А.И. Яндроловской в Москву о том, что «страшное волнение в патриотическом... смысле произвело воззвание Верховного

главнокомандующего к польскому народу» [Там же, д. 992, л. 1144]. Антиавстрийские настроения в Царстве Польском вынужден был учитывать Ю. Пилсудский при организации польских легионов в составе австро-венгерской армии [4, с. 8].

Поляки из Царства Польского по этому случаю, напротив, иронизировали: великий князь был уверен в том, что своим воззванием он «отвлечет галицийских стрелков... от привязанности... к Габсбургам». Между тем в Кракове в момент объявления войны был «небывалый подъем духа», все считали, что «наступил наконец момент возрождения Польши» – под эгидой Австро-Венгрии [25, д. 980, л. 46, письмо отправлено из Варшавы 21 декабря 1914 г.]. В другом письме в конце декабря 1914 г. так характеризовались «благоденствия, вытекающие из воззвания»: теперь Россия будет создавать польские легионы, чтобы «направить всю охочую к бою молодежь против своего противника». А легионеры «вместо наших мазурок и краковяков могут себе петь “Ой, поповна, поповна” или “Мать моя барышня, отец капитан...”» [Там же, л. 57 об].

Российская общественность все же реагировала на воззвание по-разному. Сообщали, что русское население Вильно встретило его с недоумением (кроме крайне правых, привыкших «держаться по ветру»), а литовцы «приняли вид обиженных» [25, д. 993, л. 1217, письмо не установленного автора из Вильно от 10 августа 1914 г. П.Г. Бывалькевичу в Петербург]. Некоторые считали, что в результате воссоздания Польши «будет вторая Болгария, только маркой выше»². Как видно, подобная мысль беспокоила многих. «Не нравится мне воззвание к полякам, в котором говорится об осуществлении их мечты, – писал Н. Тальберг из Петрограда. – Вообще же я против заигрываний...» [Там же, д. 992, л. 1164]. Заигрывания, однако, продолжались. После занятия Львова Верховный главнокомандующий обратился к народам Австро-Венгрии с воззванием, опубликованным на девяти языках, в котором было обещано уважать их язык, веру и самобытность. В июне 1915 г. польские

² По-видимому, такие сравнения были распространены, т.к. их повторяли и позднее. См.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 995. Л. 1499. Д. 1069. Л. 168 (А.М. Первушин из Семипалатинска 23 января 1917 г. – И.Г. Щегловитову в Петроград).

представители констатировали: поначалу воззвание было встречено их соотечественниками с «неподдельным энтузиазмом», однако им «вскоре пришлось горько разочароваться»: в то время как немцы и австрийцы на оккупированных территориях вводили местное самоуправление и открывали польские школы, российские власти продолжали преследовать все польское [8, с. 604]. Некоторых поляков возмущало неумемное славянофильство русского общества. «Нам приходится выслушивать уроки славянского патриотизма от Общества славянской взаимности, завтра же, пожалуй, станут преподавать явно нам враждебные славянские общества, в которых распоряжаются вчерашние союзники немцев...» – писал в редакцию славянофильского журнала Мариан Здзеховский [15, № 39, 20 сентября 1914 г., с. 15].

По сведениям Департамента полиции, к апрелю 1916 г. под влиянием германо-австрийской агитации поляки русофильского направления оказались разобщены. Более того, многие из них стали склоняться к идее возрождения независимой Польши под скипетром Габсбургов. А среди ксендзов «антантовской ориентации» к этому времени «считалось позором носить русские ордена» [6, с. 45].

В ноябре 1916 г. Германия объявила о создании независимого Польского государства с монархически-наследственным правлением и конституционным политическим строем. Параллельно австро-венгерский император издал рескрипт о предстоящем расширении автономии Галиции. И хотя военно-политическая подоплека этих шагов была более чем очевидна, российские политики засуетились. Польское коло Государственной думы заявило, что Германия не вправе решать польский вопрос, но при этом добавило, что российское правительство не сделало ничего для того, чтобы укрепить веру поляков в непоколебимость принципов, изложенных в возвании великого князя Николая Николаевича. От имени правительства министр внутренних дел А.Д. Протопопов тут же подтвердил в Думе неизменность правительственного курса на автономию Польши. Вслед за тем появилось правительственное сообщение о том, что Россия намерена создать из разрозненных польских земель «целокупную Польшу»; по окончании

войны ей будет предоставлено право «свободного строения своей национальной, культурной и хозяйственной жизни на началах автономии под державным скипетром государей российских и при сохранении единой государственности» [6, с. 136–137]. В итоге в Государственном совете было оглашено заявление представителя Царства Польского о том, что «польский народ, кровью запечатлевший верность свою славянскому делу, не поддастся на явный обман». Как информировала «Речь» 2 ноября 1916 г., от имени правых представителей Госсовета было заявлено о бесполезности вмешательства Германии в «домашний старый спор» русских и поляков в Российской империи. Поспешность реакции российской стороны свидетельствовала, что польский вопрос приобрел еще бóльшую остроту.

Всякая война порождает в массах стремление к преодолению былой общественной разобщенности и обретению некоего коллективного «сверх-Я». Однако польская общественность, единая в своем стремлении обрести новое государственное лицо, все же оставалась расколотой по внешнеполитическим ориентациям.

В целом война отнюдь не привела к единению народов по обе стороны линии фронта. Политические представители меньшинств в полном смысле слова выторговывали у империй «более достойное» место под солнцем с помощью уверений в своей особой лояльности. Это провоцировало недоверие и недовольство со стороны иных меньшинств. «Вся история Польши до раздела – это ряд восстаний, ропот притесненных народностей, стремление к захвату того, что ей не принадлежит, полонизация, господство дворянства... – писали в еврейской прессе. – В своей антисемитской ярости поляки не разбирают больше между “своими”, так называемыми “поляками Моисеева закона”, и пришлыми, которых считают русификаторами... С началом военных действий поляки не верили в победу русских, и “ориентация” подняла голову. В польской прессе появились заголовки статей: “Австрия для народов, а не народы для Австрии”, в австрийские польские легионы пошли поляки, но евреи не вступили. ...Появились сказки о евреях-шпионах, о транспорте миллионов в гробу для передачи германцам...» [26, с. 5]. Все это было закономерно.

Первая мировая война, одной из заявленных целей которой было «освобождение малых народов», на деле стала генератором новой волны этнофобии.

Литература и источники

1. *Андреева А.П.* Из-за чего мы воюем? // Женское дело. 1914. № 21.
2. *Антонов Б.И.* Петербург – 1914 – Петроград. Хронологическая мозаика столичной жизни. М., 2014.
3. *Арсеньев К.* На темы дня // Вестник Европы. 1914. № 10.
4. *Бухахин М.А.* Роль партии «Краковских консерваторов» в организации и функционировании польского легиона австрийской армии в годы Первой мировой войны // Первая мировая война и национальный вопрос. Пермь, 2014.
5. *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010.
6. *Булдаков В.П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментариев, социально-психологический анализ. М., 2010.
7. *Глушковски П.* Первая мировая война в польской литературе // Общество и война: Материалы докладов Междунар. науч. семинара, Екатеринбург; 26 ноября 2009 г. Екатеринбург, 2010.
8. *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. М., 1997.
9. *Киселев А.А.* Деятельность полиции в начальный период Первой мировой войны в приграничных губерниях (на примере Минской губернии) // Первая мировая война в истории Беларуси, России и мира. Материалы Междунар. конф. Могилев, 28–29 апреля 2011 г. М., 2011.
10. *Кишенков М.С.* Немецкоязычная и польская диаспоры в период антинемецкой кампании в 1914–1917 годах (по материалам Ярославской губернии) // Война и мир в новейшей истории России. Материалы науч. конф. Ярославль, 2010.
11. *Кузьмин-Караваев В.* Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1914. № 9.
12. *Лосский Б.Н.* Наша семья в пору лихолетья // Минувшее. Вып. 11. М., 1991.
13. *Медяков А.С.* «Грязный злой русский». Образ России на немецких открытках Первой мировой войны // Российская история. 2018. № 6.
14. *Михайловский В.* Единение в борьбе // Русское слово, 31 июля 1914 г.
15. Новое Звено. Орган Объединенного Славянства и независимой либеральной мысли, издаваемый А.Н. Брянчаниновым. СПб., 1914.
16. *Правдолюбов И.* Современные «ревнители» Церкви и Отечества. М., 1915.
17. *Ратомский Н.А.* Как Вильгельм брал Варшаву. Пг., 1915.

18. Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 2. М., 1999.
19. Резвых Т.Н. Из поволжской печати Первой мировой войны: Сергей Дурылин «Русское и польское призвание» (1915) // Русский сборник. Исследования по истории России. XII. М., 2012.
20. Саонов С.Д. Воспоминания. Париж, 1927. С. 185.
21. Серебренников И.И. Претерпев судьбы удары... Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008.
22. Сокольский С. Пляшущая лирика. Стихотворения и песни. Пг., 1916.
23. Толстой И.И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997.
24. Церковный вестник. 1914.
25. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265.
26. Война и евреи. 1915. № 4.

Посадский Антон Викторович,
*доктор исторических наук; профессор
Поволжского института управления
им. П.А. Столыпина
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы (Саратов)*

ВТОРАЯ РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ И БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ: КАЗУС А.С. КАРНИЦКОГО

Аннотация. В статье предложена оценка известного эпизода взаимоотношений Вооруженных сил на Юге России и нового Польского государства в середине – второй половине 1919 г. Офицер Русской императорской армии и польский генерал А.С. Карницкий, возглавляя польскую военную миссию в ставке Деникина, стал заложником двойственной политики Пилсудского. Проблемы взаимоотношений Карницкого и польской миссии, с одной стороны, и русских белых офицеров, с другой, рассматриваются в более широком контексте. В предвоенной России наблюдался не только антагонизм между русскими и поляками, но и близость, в частности, офицеров-служивцев. Но недавний сослуживец в качестве представителя чужой страны подсознательно воспринимался как отступник. Случай Карницкого ярко показывает эту деликатную проблему.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Белое движение, Польша, А.И. Деникин, А.С. Карницкий

Posadsky Anton Viktorovich,

*Doctor of Historical Sciences;
professor, Povolzhsky Institute
of Management named after P.A. Stolypin,
Russian Academy of National Economy
and Public Administration (Saratov)*

SECOND RECH POSPOLITAYA AND THE WHITE MOVEMENT: THE CASE OF A. KARNITSKY

Abstract. The article offers an assessment of the well-known episode of relations between the Armed forces in the South of Russia and the new Polish state in the middle – second half of 1919. The focus is on the officer of the Russian Imperial army and Polish General A.S. Karnitsky. He headed the Polish military mission at the headquarters of General A.I. Denikin and became a hostage of the dual policy of Y. Pilsudsky. However, the article focuses on the psychological problems of the relationship between the Karnitsky and Polish mission, on the one hand, and Russian white officers, on the other. The author considers this episode in a broader context. In prewar Russia there was not only antagonism between Russians and Poles, but also proximity, in particular, officers-colleagues. That was what became the stumbling block. A recent colleague as a representative of a foreign country was subconsciously perceived as a renegade. The case of Karnitsky clearly shows this delicate problem.

Key words: Civil war in Russia, White movement, Poland, Denikin, A.S. Karnitsky

История взаимоотношений возродившейся Польши и Белого движения на Юге не раз привлекала внимание как мемуаристов, так и историков [6; 9; 10]. Наиболее болезненным сюжетом в этих отношениях является несостоявшийся союз ВСЮР и Второй Речи Посполитой, и хитроумное поведение Ю. Пилсудского. К осени 1919 г. тот остановил на советско-польском фронте боевые действия и этим немало помог концентрации красных войск против

ВСЮР в решающие недели похода на Москву. Со временем открытия польских высших чинов показали детали переговоров Пилсудского с Лениным, на эти новые подробности специальной брошюрой отозвался А.И. Деникин [3].

В этой истории очень значимы культурные контексты, которые проявились в частном случае, ставшем предметом настоящей заметки.

Тысячи польских офицеров десятилетиями служили в Русской императорской армии и участвовали в Великой войне. На 1917 г. их насчитывалось около 30 000 человек. Можно предложить своего рода моментальный снимок: список генералов и старших офицеров – участников Великой войны с русского сайта «Великая война» (gtwar.ru), например, на буквы «з» или «л». Легко оценить, сколь много здесь фамилий польского происхождения. Дворянские семьи роднились, ветвились. Например, русский дворянский род Галкиных дал польскую ветвь – графов Ледоховских. Поклевские-Козеллы, по одной из версий, имели русское происхождение – от «сообщника» А. Курбского Козлова. Были, скажем, польские Лукомские, были русские. Генерал Александр Сергеевич Лукомский в годы Гражданской войны возглавил военное ведомство у Деникина. Множество обер-офицеров в полках 3-й гвардейской дивизии (Варшавский военный округ) имели выраженно польские фамилии при православном вероисповедании. Они прекрасно проявили себя в военные годы.

Приведем несколько частных примеров. Сравнительно недавно опубликованы колоритные воспоминания полковника Михаила Манжетного [5], к сожалению, бестиражным способом. Происхождение его фамилии может быть как восточно-, так и югославянское. Отец Манжетного был дворянином Херсонской губернии, а этническая пестрота Новороссии известна. Скорее всего, служба сделала Манжетных русскими по самоощущению независимо от давних корней. Интереснее другое. Мать Михаила Манжетного – католичка и полька, автор упоминает достаточно широкую польскую родню. При этом отец, Михаил Никифорович Манжетный, – участник подавления польского повстанчества 1863–1864 гг., а один из старших родственников по материнской

линии – ссыльный повстанец. Мемуары Манжетного демонстрируют бытовой, семейный уровень соприкосновения разных укладов национальной жизни, когда мальчишка завидует двоюродному брату – тот католик, в церковь идти не надо, и остается время поиграть. Очевидно, похожа и судьба А.И. Деникина. Отец, в более зрелые, правда, годы и офицером, подавлял польский мятеж, женат при этом на польке, практически не говорившей по-русски. У самого А.И. Деникина двуязычие с детства, жизнь в Царстве Польском, по месту службы отца. При этом – отчетливо русское самосознание и отсутствие вульгарной ксенофобии по отношению к полякам или кому-либо еще.

В 1915 г. в русской армии были созданы войсковые партизанские отряды для действий в тылу врага. Наиболее известным был Отряд особой важности Л.Н. Пунина. В нем выросли такие будущие деятели Белого движения, как барон Р.Ф. Унгерн и братья Станислав и Юзеф Никодимовичи Балаховичи. В отряде более 40 человек владели польским языком. Одним из офицеров отряда являлся виленский поляк Г.А. Домбровский. Он создал костяк Виленской самообороны в 1918 г., был виртуозным партизаном. В его полку позднее служил юный Юзеф Мацкевич, впоследствии глубокий политический писатель, а также его брат Станислав, будущий премьер-министр правительства в изгнании в середине 1950-х гг., и граф Евстафий Сапего, будущий министр иностранных дел польского правительства. В революционные годы виленские поляки Мацкевичи разделились на «поляков», «литовцев», «большевиков». Интересно, что герой польско-советских контактов 1919 г. Юлиан Мархлевский родился в том же Влоцлавеке, что и Деникин, только пораньше, в 1866 г. При этом его мать была немкой и домашним языком – немецкий. Он оказался в числе основателей польской социал-демократии и немецкого Союза Спартака, равно как впоследствии Коминтерна и несостоявшегося белостокского советского правительства Польши в 1920 г. Своего рода обратный пример – из немцев и поляков «пошел в коммунисты». А.Г. Сандецкий, представитель знатного виленского рода, хотя уже православного вероисповедания, открытый германофоб, в 1907–1912 гг. был легендарно суровым начальником крупнейшего внутреннего

военного округа России – Казанского. Как раз в нем служил и выступал в роли военного писателя и критика порядков в армии молодой офицер Деникин.

Служили в русской армии и сотни тысяч поляков-солдат. Ксаверий Рокоссовский, совсем мальчишка, на родном польском писал рапорт о вступлении добровольцем в Русскую императорскую армию. Он оказался доблестным и способным солдатом, в годы Гражданской войны командовал кавалерийским полком Красной армии. В дальнейшем мы знаем его как Константина Рокоссовского, советского военачальника. Впоследствии Сталин его снова «назначил поляком» и прислал в качестве министра обороны в Польскую Народную Республику, что в Польше восприняли как издевательство.

Обозначенные обстоятельства позволяют увидеть более широкий контекст русско-польских взаимоотношений. Как правило, эти отношения воспринимаются как окрашенные в мрачные тона. История, как давняя, так и новейшая, дает много тяжелых примеров, культурная традиция восприятия друг друга русскими и поляками тоже не может быть названа светлой. Между тем предвоенная Польша была настроена в массе своей вполне лояльно к русской власти. Сотни тысяч польских солдат в Русской императорской армии, тысячи добровольцев перед оставлением Варшавы, беженцы от немцев рельефно определяли настроение поляков на фоне многочисленных и не сыгравших заметной военной роли легионов Пилсудского.

При этом речь идет не только о выборе «меньшего зла» между Россией и Германией. Нам представляется, что по нарастающей шел процесс инкорпорации «русских» поляков в российское общество не столько через обрусение, сколько через приобщение к большой имперской парадигме развития. Это облегчалось близкой родственностью славянских народов, несмотря на разноречие и политические противоречия. Весьма выразителен простой пример: в случайном списке из полтораста польских фамилий (это плененные красными чины 5-й Польской дивизии в Сибири) отыскиваются Войцеховский и Матковский – однофамильцы генералов армии Верховного правителя России Колчака, да и многие другие фамилии не звучат чуждо для русского слуха [8].

Интересно, что взаимное проникновение культурно более далеких друг от друга народов – русских и немцев – отмечается часто, а таковое же с родственными поляками заслоняется тягостным политическим горизонтом.

В означенном контексте разворачивалась драматургия взаимоотношений Деникина и новой Польши, и эти контексты необходимы для понимания частного случая с генералом А.С. Карницким.

Он родился 30 января 1867 г. в Ловиче, происходил из польских дворян Варшавы. Образование получил в Варшавской гимназии. Служил с 1885 г. в кавалерии, участвовал в Китайском походе и Русско-японской войне. С 1910 г. Карницкий служил в Заамурском округе Отдельного корпуса пограничной стражи. С заамурцами он и вышел на Великую войну и показал себя выдающимся офицером, заслужив в полковничьем чине орден Святого Георгия 3-й степени. 27 января 1919 г. вступил в польскую армию с чином бригадного генерала. С лета 1919 г. по август 1920 г. возглавлял польскую военную миссию при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России. При штабе Деникина в тот момент служил отец Р.В. Полчанинова, впоследствии известного скаута русского зарубежья и историка скаутского движения, по матери Асатиани. Двоюродная сестра отца Полчанинова – Асатиани как раз и вышла за Карницкого замуж. Русский язык стал для них домашним языком. После рождения сына, крещенного в православие, А.С. Карницкий и сам принял православную веру.

Положение А.С. Карницкого в Ставке ВСЮР оказалось весьма сложным. Он был главой формально союзной военной миссии, имел широкие полномочия вести переговоры. Он и пытался их вести, обозначая польские интересы, прежде всего территориальные. Однако наткнулся на крайне подозрительное отношение со стороны чинов деникинской Ставки, не имея всей полноты информации и от Пилсудского.

Березов, офицер ВСЮР, описывал детали взаимоотношений комиссии Карницкого и Ставки ВСЮР. В Польше было принято решение, что польские ордена при ношении размещаются выше иностранных. Однако собственно польских наград еще не существовало. Карницкий разумно приказал членам миссии вообще

не носить наград. Русские же офицеры восприняли это как демонстрацию: сам Карницкий дважды георгиевский кавалер – и без крестов! Карницкий, понимая деликатность ситуации, своей властью разрешил чинам миссии носить награды, и тут же недавний офицер германской службы майор В. Пшездецкий объявил, что в таком случае наденет свой честно заслуженный Железный крест. Это вызвало бы скандал в Таганроге и потребовало срочного улаживания.

Поводом для острой стычки стал протокол беседы 15 сентября 1919 г. офицера штаба ВСЮР, полковника барона А.Л. Нолькена с офицером польской миссии, упомянутым Пшездецким, говорившим об условиях, на которых поляки готовы были бы жертвовать своей кровью в борьбе с большевиками. Речь шла, естественно, о территориях. Это вызвало взрыв негодования в Ставке, Деникин потребовал Карницкого для объяснений. Последний незамедлительно исключил Пшездецкого из состава делегации и отправил в Варшаву, принеся свои извинения командованию ВСЮР.

Польскую делегацию откровенно третировали по мелочам. Карницкий получал оперативную сводку в виде зачитывания текста, уже опубликованного в газетах. Это было очевидной демонстрацией, и генералу приходилось по дружеским каналам ориентироваться в обстановке. Так как он был в своей, по сути, среде, это не представляло затруднений. Когда два члена делегации отправлялись в Польшу с докладом, Деникин, очевидно намеренно, назначил им аудиенцию на день позже указанного дня отъезда [2]. Польские делегаты в своих докладах руководству, надо полагать, не обошли вниманием подобные демарши.

Приходилось Карницкому комментировать Деникину и задержки на польском фронте. Они официально объяснялись необходимостью перегруппировки войск или иными тактическими соображениями. Не предполагая обмана со стороны собственного руководства, Карницкий верил этим объяснениям. Он часто разговаривал с отцом Полчанинова откровенно, как с родственником. Генерал жаловался на отношение русских офицеров к нему и к другим, перешедшим из русской армии на польскую службу. Он говорил, что именно они друзья России, а не те поляки,

которые служили в австро-венгерской или немецкой армиях. Жаловался и на своих поляков, которые ведут боевые действия слишком нерешительно [7].

Действительно, штабные деникинцы к полякам относились как к едва ли не дезертирам и перебежчикам, и демонстрировали снисходительное отношение к возрожденной польской государственности. Естественно, это задевало самые тонкие струны в душах поляков. Добавили проблем и союзные отношения ВСЮР с Украинской Галицкой армией с ноября 1919 г., остро враждебной Польше.

Постфактум Деникину не раз бросались упреки в негибкой политике, в отталкивании союзников и неумении выстраивать отношения. По мнению донского генерала З.А. Алферова, самоуверенность и честолюбие Деникина привели к тому, что не удалось получить помощь от Сербии, Чехословакии, Польши, Грузии и Азербайджана. При этом польский представитель, тот же генерал Карницкий, приехавший в Новочеркасск, еще к донскому правительству П.Н. Краснова, как и представитель чехов, обещал Дону помощь воинскими контингентами. Однако донская делегация не могла быть объединена с деникинской, в результате поездки в Сербию уже от ВСЮР оказалась несвоевременной и неэффективной, а польский и чешский сюжеты вовсе не получили развития [1, с. 11, 12]. Горькие слова написал в 1939 г. своем открытом письме харбинский журналист: «Двадцать лет тому назад вы держали в руках синюю птицу. На ваши гордые плечи судьба возложила величайшую ответственность – драгоценнейшую ношу: возложила участь России. От главного лидера великой российской контрреволюции вправе было ждать, что каждый, даже самый ничтожный шанс в великом деле будет использован. Что ни один самый крошечный попутчик не пройдет мимо. Что для вас понятен и в вашем положении морально вполне оправдан принцип Макиавелли “цель оправдывает средства”. Но вот что получилось на деле. Вместо напряженнейшей осторожности – апломб, самомнение, никого нам не надо, сами с усами, всех шапками закидаем. Вместо испепеляющего сознания своей ответственности, когда человек горит ею, как свеча перед Господом, – твердокаменная узость

и самовлюбленное легкомыслие. <...> Недавно некий польский генерал на весь мир хвастался по радио, как ловко покойный маршал Пилсудский провел и вывел генерала Деникина. В том, что поляк оказался гибче и не побоялся для своего отечества пойти на лукавство, еще полбеды. Беда в том, что в итоге этой лучшей гибкости, этой лучшей готовности во имя родины откинуть всякое чистоплюйство Польша сейчас добилась, чего и во сне не видела. Россия же так опустилась, как не мерещилось ее самым злейшим врагам» [4, с. 4].

Впоследствии, уже в 1920 г., национальная ревность воодушевляла многих поляков и русских в Советско-польской войне. В этой ситуации русские, казахи, украинские, белорусские антибольшевистские воинские силы могли выступать уже не более как «восточными союзниками» Польши. Потому так двоились ощущения у многих национально настроенных русских. Даже Владимир Мятлев, тонкий и ироничный поэт-монархист, в этом году пишет весьма пафосное стихотворение «Quo vadis» с такими словами: «Пусть, лях, цела твоя Варшава! / Ни шагу дальше! И внемли. / Жива Российская держава, / Она воспрянет и, как лава, / Тебя сметет с лица земли! / Не все ли нам равно, кто правит / Ее мечом в годину смут! / Есть в небе Бог! Он не оставит. / Есть в сердце Царь! Себя он явит / И сотворит последний суд! <...> / Опомнись, лях. Ни шагу больше! / Чтоб запад гаснущий спасти, / С востока должен свет прийти! / Жива Россия, и не Польше / Ей преуказывать пути!»

В апреле 1921 г. генерал Карницкий подал в отставку. Причиной тому послужили предательские действия Пилсудского в отношении Деникина и самого Карницкого, которого сознательно вводили в заблуждение относительно планов Польского государства и командования. Полчанинов познакомился со своей родственницей – дочерью Карницкого Марией – в тревожные дни августа 1939 г. Они сразу разошлись во взглядах. «Она спросила меня, не монархист ли я, и, получив утвердительный ответ, сказала не без досады: “Все вы, русские, монархисты”. Тут я почувствовал, что Мария, хотя и говорила прекрасно по-русски, ни русской, ни даже полурусской себя не считала». Как можно понять, это уко-

лоло Полчанинова. Политических вопросов они более в разговорах не касались.

Итак, о чем же говорит небольшой эпизод из 1919 г.? Деникинская неприязнь к немцам хорошо известна и может так или иначе объясняться опытом войны и поддержкой Германией большевиков. Однако к возродившейся Польше у всего Белого движения было вполне позитивное отношение. Будущая государственная самостоятельность Польши никем не ставилась под сомнение. Естественно, возникало много вопросов по территориальному размежеванию, и взгляд Деникина никак не совпадал с размахом Пилсудского. Но Деникин сформировал и отправил на родину польскую бригаду. Польскую среду и жизнь он сам прекрасно знал, от Польши ожидал содействия в борьбе с красными. В любом случае политические вопросы не должны были обрушиться на голову генерала Карницкого. Но именно ему достались мелочные придирки и преувеличенная щепетильность. Сам он, надо сказать, вел себя максимально корректно и терпеливо. Нам представляется, что неустранимой психологической проблемой было именно ощущение с русской стороны, что свой брат, сослуживец, георгиевский кавалер «вдруг» оказался в чужом мундире и на защите интересов другой страны. Карницкий же как раз был из тех «русских» поляков, кто был тесно связан с русской жизнью. Он искренне переживал за Белое дело, негодовал на медлительность и нерешительность, как ему тогда представлялось, собственного польского руководства, старался сглаживать углы. Однако Деникину и офицерам его Ставки этого было, видимо, психологически «мало»: ты не можешь быть просто нашим другом, ты должен быть в наших рядах, ты один из нас! Это относилось и к другим бывшим сослуживцам-полякам, которые воспринимались как ренегаты. Не антагонизм, а близость оказалась барьером. В свою очередь, многих поляков пугали потенциальные имперские претензии России. В этой логике Пилсудский посчитал менее опасной для Польши и своих геополитических проектов РСФСР, а не белую Россию. Понятно, что эта психологическая проблема являлась неустранимой. Карницкий был, возможно, наиболее здоровой головой в описанной ситуации, но изменить ее не мог.

Литература и источники

1. Алферов З.А. Упущенные возможности // Казачья жизнь. 1956. № 46.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5881. Оп. 1. Д. 235. Л. 1–9.
3. Деникин А.И., генерал. Кто спас Советскую власть от гибели. Париж: Изд. Союза Добровольцев, 1937.
4. Дэн. Открытое письмо генералу Деникину // Новое слово (Берлин), 2 апреля 1939 г. № 14.
5. Манжетный М.М. Воспоминания русского полковника китайской армии. М.: Чтець, 2014.
6. Перепеловский К. Белое движение на Юге России в 1919 году и маршал Пилсудский // Кадетская переключка. 1983. № 33.
7. Полчанинов Р.В. рассказывает о генерале Карницком. URL: <https://rorovfoundation.org/2016/10/07/ростислав-владимирович-полчанинов-р/>
8. Список фамилий военнопленных поляков, служивших в армии Колчака. URL: <http://www.gen-volga.ru/biblio/poland.htm>
9. Цат-Мацкевич С. Восточная политика Пилсудского [рус. перевод]. URL: <http://rus-orden.com/Docs.aspx?doc=texts4/140606news.html>
10. Цветков В.Ж. Белое движение и «польский вопрос». Российско-польские отношения во внешнеполитическом курсе Белого движения в 1918–1920 гг. / URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=41018>

Куреньшев Андрей Александрович,

*доктор исторических наук;
профессор Академии
гражданской защиты МЧС РФ*

БОРИС ВИКТОРОВИЧ САВИНКОВ И ПОЛЬША, 1889–1924 гг.

Аннотация. В статье идет речь о многообразных связях: родственных политических, идеологических, военных – с польскими политическими структурами и государственными деятелями известного русского революционера, террориста Б.В. Савинкова. Рассказывается о его деятельности во время революции и Гражданской войны на территории Польши по организации борьбы с Советской Россией.

Ключевые слова: Россия, Польша, революция, Гражданская война, крестьянство

Kurenishev Andrey Alexandrovich,
*Doctor of Historical Sciences;
professor, Civil Defense Academy,
Ministry of Emergency Situations of Russia*

BORIS VIKTOROVICH SAVINKOV AND POLAND, 1889–1924

Abstract. The article deals with the various connections of related political, ideological, military with the Polish political structures and statesmen of the famous Russian revolutionary, terrorist B.V. Savinkov. The article tells about his activities during the revolution and the civil war in Poland to organize the fight against Soviet Russia.

Key word: Russia, Poland, revolution, civil war, peasantry

Савинкова связывало с Польшей, ее историей очень многое. Хотя Борис Викторович родился в украинском ныне городе Харькове, значительную часть жизни он и его семья, отец, мать, братья и сестры, провели в Варшаве. Там в должности судебного чиновника много лет работал его отец Виктор Михайлович. Из Варшавы Борис и его старший брат Александр уехали на учебу в Санкт-Петербург. Александр поступил в Горный институт, а Борис – в университет. В Петербурге оба брата стали членами революционных антиправительственных кружков. Характерно, что первые революционные действия, за которые они были репрессированы, – что кардинально изменило не только их жизнь, но и жизнь и судьбу всей большой семьи Савинковых, – были связаны с Польшей.

Власти намеревались установить в Вильно памятник М.Н. Муравьеву, одному из самых жестких и жестоких руководителей подавления польского восстания 1863 г. За свои «подвиги» он был удостоен многих наград, титула графа и... прозвища «вешатель». Установка памятника такому человеку в городе, который поляки считали второй столицей своего государства, Речи Посполитой, вызвало бурю протестов польской общественности, среди которой немаловажную роль играли студенчество и профессура высших учебных заведений. Вероятно, поэтому было инспирировано письмо во власть части варшавской профессуры, поддерживающее решение о памятнике.

Закладка памятника М.Н. Муравьеву-Виленскому состоялась в октябре 1898 г. Негодующие студенты Варшавского университета предприняли против этих преподавателей ряд акций обструкционистского и бойкотистского характера. К ним примкнули и часть русских студентов университета. Как отмечается в документах Департамента полиции, студенты-поляки образовали партию, получившую наименование «антимуравьевской». К партии примкнули и большинство студентов Варшавского ветеринарного института. «Эти студенты по приглашению поляков были на сходке, где обсуждался вопрос об установлении общего взгляда на беспорядки, высказали порицание профессорам и тем русским товарищам, которые были против демонстрации», – сообщалось в полицейском донесении [2, л. 2]. Однако часть студентов, преимущественно русских, кои высказались против беспорядков, образовали другую «партию», получившую название «муравьевской». Подобного рода партии возникли и в других вузах империи.

Муравьевская партия Петербургского университета отправила в Варшаву русским студентам адрес: «Товарищи, мы, истинно русские, а также студенты, сочувствующие по убеждению, возмущенные поступком студентов-поляков, позволивших себе в такой грубой, безобразной форме оскорбить своих профессоров и товарищей русских в стенах русского университета, спешим, несмотря на агитацию польской партии, выразить свое глубокое сочувствие как пострадавшим профессорам, так и всем русским коллегам, сумевшим, несмотря на численное превосходство противной партии, с достоинством поддержать звание русского студента, всегда готового сочувствовать несчастью, постигнутому польских студентов, но никак не разделяющих той грубой формы, которая была выбрана ими для выражения протеста» [Там же, л. 10.].

Братья Савинковы взялись за пересылку и распространение студенческих адресов антимуравьевской партии. При обыске в Варшаве у Александра Савинкова было найдено 19 конвертов с воззванием следующего содержания: «Большая часть студентов Горного института, возмущенная недостойным поведением нескольких профессоров Варшавского университета, выразившимся в посылке гнусной телеграммы по поводу открытия памятника Муравьеву,

вся деятельность которого была сплошным возмущающим душу насилием, присоединяется к протесту тех варшавских товарищей, нравственное чувство которых не позволяет им остаться равнодушными ввиду позорного чествования ренегата, крепостника и палача. Вместе с тем выражается искреннее участие жертвам грубой силы, бессовестно распоряжающейся судьбой тех, которые выразили свое сочувствие проявлению гнета, произвола, насилия» [3, л. 15]. У Александра Савинкова были обнаружены адреса профессоров, которым надлежало переслать упомянутое послание студентов Горного института. Их, как выяснила полиция, передал ему Борис Савинков.

Последний не признался в принадлежности какому-либо преступному сообществу, но показал, что «в Петербурге он приобрел несколько экземпляров Антимуравьевского адреса и, приехав в Варшаву, разослал их по почте некоторым профессорам университета с целью ознакомить с взглядами лиц, несочувствующих посылке телеграммы, в день закладки памятника Муравьеву». Два нерасосланных экземпляра адреса были разорваны его сестрой и обнаружены при обыске. Борис отказался сообщить полиции, от кого он получил адреса. Александр Савинков в ходе допроса заявил, что получил в Санкт-Петербурге 30 экземпляров Антимуравьевского адреса, но также отказался сообщить, от кого именно. (Перед отъездом в Варшаву брата Александр передал ему несколько экземпляров обращения студентов с просьбой разослать их в Варшаве профессорам, а отобранные у него 19 штук собирался разослать сам из Петербурга.)

За все это, а может быть, за что-то еще, нам неизвестное, братья Савинковы по постановлению Особого совещания от 30 марта 1898 г. были подвергнуты гласному надзору полиции на один год и высланы из столицы. Александра отправили в Екатеринославскую губернию, а Бориса – в имение его дядюшки и тетушки, Павлицев Бор Степановское в Калужской губ., где он, по-видимому, неоднократно бывал на каникулах прежде. В мемуарах жены поэта Максимилиана Волошина Марии Заболоцкой описано пребывание Бориса Викторовича в имении родственников [9, с. 81]. Александру, по ходатайству в МВД, написанному министром земледелия

и государственных имуществ А.И. Ермоловым, было разрешено задержаться в столице для сдачи переходных экзаменов.

Уже 6 августа 1898 г. Александр Савинков подал прошение в МВД с просьбой разрешить вернуться в Санкт-Петербург для продолжения учебы. Борис подал аналогичное прошение 8 августа. 31 августа он обратился в Санкт-Петербургское отделение по охранению общественной безопасности с просьбой о выдаче ему свидетельства о благонадежности для поступления в Петербургский университет. Департамент народного просвещения, коему подчинялся университет, обратился за сведениями о его благонадежности в Департамент полиции. На ходатайстве Департамента народного просвещения об ускорении рассмотрения прошения Бориса Савинкова синими чернилами было начертано: «18 января арестован и заключен под стражу» [3, л. 29].

8 сентября 1898 г. было принято решение перевести обоих братьев под негласный надзор, т.е. разрешить покинуть места ссылки при сохранении за ними определенного контроля. Этот контроль не помешал им вскоре получить разрешение Варшавского полицмейстера на заграничные паспорта и выехать с территории Российской империи. Борис Савинков 9 ноября 1890 г. отправился в Париж.

Следующие события, приведшие Бориса Савинкова в Варшаву, были начавшиеся в годы Первой русской революции разоблачения провокаторов, агентов полиции, занявших во многих революционных партиях важные, зачастую руководящие посты. Первым крупным революционером, разоблаченным как агент полиции, был давнишний товарищ Савинковых по столичным кружкам Н.Ю. Татаров, так же, как и они, житель Варшавы. «Донос на Татарова и “Виноградова” был сделан при таинственных обстоятельствах. 25 августа 1905 г. неизвестная дама, тщательно скрывавшая свои черты под густой вуалью, явилась к известному социалисту-революционеру и передала письмо. В нем в очень определенных выражениях были сформулированы обвинения двух влиятельных членов партии в их службе в Департаменте полиции. Узнав это, В.Л. Бурцев был ошеломлен. Несколько членов партии с.-р., к которым он обращался за справками, подтвердили,

что “Татарова допрашивала комиссия, специально созданная для расследования этого дела. Он путался, изворачивался, его уличали во лжи, он указывал на Азефа как на провокатора” [11, с. 95]. Тем временем по амнистии после манифеста 17 октября 1905 г. из тюрем вышли некоторые видные эсеры, и в комиссию посыпались сообщения о том, что Татаров приходил в Петербургское охранное отделение для опознаний. По решению ЦК 22 марта 1906 г. эсер Ф. Назаров стрелял в Татарова, а затем добил его кинжалом на глазах у его родителей» [Там же, с. 96].

Разоблачение самого крупного и одиозного провокатора в истории российского (и не только) революционного движения – Азефа – также было связано с Варшавой. Бакай рассказал Бурцеву, что за два года до того, в 1904 г., когда он еще служил в варшавской охране, в столицу Польши приехал «самый большой провокатор России – Раскин». После свидания с одним железнодорожным служащим, принадлежавшим к партии эсеров, таинственный Раскин уехал. Во время его пребывания в Варшаве целая свора сыщиков, с Медниковым во главе, следовала за ним по пятам, охраняя его от всяких случайностей. Проживавший в этом городе вдохновитель тайного сыска Рачковский (находившийся временно не у дел) каждый день осведомлялся обо всем, что делал Раскин. Бурцев стал наводить справки, не был ли в ту пору в Варшаве Азеф. С волнением он узнал, что был и встречался там с железнодорожным служащим. Некоторое время спустя до него дошли сведения, что в анонимном письме Азеф был назван наряду с Татаровым. Верил ли в предательство Татарова Савинков, мы не знаем, но в провокаторство Азефа он долго верить отказывался...

После провала планов вооруженной борьбы с большевиками на территории Советской России Борис Савинков вновь оказался в Польше. В ходе Советско-польской войны к нему присоединяется и младший из братьев – Виктор, попавший, как и многие тысячи русских людей, в польский плен. В Варшаве располагались руководство савинковского Союза защиты родины и свободы (НСЗРиС) и его центральный орган – газета «За свободу». (Кроме того, в столице Польши обосновался вначале и эмигрировавший из Советской России С.С. Маслов. Некоторые ближайшие

сотрудники этой газеты и сподвижники Савинкова по Союзу защиты родины и свободы затем вошли в организацию Маслова. Отделение в Варшаве имела и созданная в Париже в 1920 г. организация «Центр действия», которую возглавлял один из старейших народников Н.В. Чайковский [1, с. 85].)

Савинков назначил командующим русскими воинскими частями в Польше генерала П.В. Глазенапа, рассчитывая на благожелательное отношение к своим планам Врангеля, а через него – и союзных держав. «Я боюсь, что генерал Глазенап будет очень далек от души простого солдата и что его заботы будут направлены в основном на материальное снабжение. Равным образом необходимо считаться с тем фактом, что имя генерала непопулярно среди солдат и является для них, может быть справедливо, синонимом «старого режима», – уведомлял Савинкова полковник Богуслав Медзинский, начальник 2-го отдела штаба Военного министерства Польши [8, с. 21]. Союз Савинкова с некоторыми белыми генералами был обусловлен тем, что те нуждались в нем, надеясь хоть как-то «искупить» свое старорежимное прошлое и войти в контакт с крестьянством. Савинков и ему подобные нуждались в генералах, поскольку им, как и большевикам, требовались военные специалисты.

При этом многие более правые противники советской власти считали Савинкова едва ли не таким же большевиком, как Ленин и Троцкий. Он действительно совершил поворот и отказался от ряда общедемократических лозунгов, в том числе созыва Учредительного собрания, и выступил за формирование беспартийных крестьянских и рабочих советов. «Крестьянин сам устроит свою деревню, свою волость, свой уезд, свою область. Крестьянин – хозяин России, сам устроит Россию. Он хочет своей народной, беспартийной, не коммунистической власти. Он хочет своих, беспартийных советов» [5, л. 2].

И в Польше, и в Чехословакии различные эмигрантские группировки начинали создавать крестьянские организации. Савинковцы сформировали Союз трудового крестьянства (СТК) и начали издавать газету «Крестьянская Русь». В редакцию газеты входили такие известные члены НСЗРиС, как С.И. Коверда, С.И. Жарин,

В.Ф. Клементьев. Руководил же всей издательской деятельностью организации в Польше В.В. Португалов [8, с. 33]. Софрон Коверда являлся типичным представителем «третьего земского элемента». По происхождению он был крестьянином, входил в партию эсеров и, возможно, принимал участие в организации Всероссийского крестьянского союза и работе его съездов. Сын его Борис в 1928 г. убил советского полпреда в Польше Войкова.

В ноябре 1921 г. в Польшу пробился отряд антоновцев под командованием полковника (войскового старшины) П.И. Моторыгина. В докладе Б.В. Савинкову полковник заявил о своей и А.С. Антонова полной поддержке политической программы Савинкова. «Командование Народными армиями Антонова во главе с Антоновым признало вполне приемлемой и подходящей Вашу программу в данный момент с желанием народа, борющегося с самодержавным правительством Ленина», – писал Савинкову Моторыгин [Там же].

Об организации в восточных областях Польши Союза трудового крестьянства А.Г. Мягкову, зятю Бориса Викторовича, в Прагу писал И.Т. Фомичев. В письме он сообщал, что создан «Центральный комитет, много уездных и волостных комитетов и сельских отделов. Я имею также контакт с председателем этого союза С.И. Ковердой». Фомичев являлся в это время главой отделения НСЗРиС в Вильно и знал, о чем писал. Местные организации СТК савинковцы пытались создавать по обе стороны советско-польской границы. Эмиссары НСЗРиС в 1921–1923 гг. засылались в Советскую Россию в больших количествах. «Ежемесячно через оперативные пограничные пункты в сторону Советской России и других республик отправлялось до 30 савинковских эмиссаров. Наибольшей пропускной способностью отличался Виленский пункт» [8, с. 29].

Вокруг НСЗРиС и лично Б.В. Савинкова в Варшаве крутилось много сомнительных личностей и прямых агентов ГПУ. Достаточно вспомнить Э.О. Стауница-Оперпуга. По ходатайству Савинкова из варшавской тюрьмы были выпущены известные эсеровские террористы и агенты советской разведки Г. Семенов и Н. Богданова. Какую цель преследовал при этом Савинков, можно только догадываться. По мнению К.Н. Морозова, Семенов по возвращении

в Советскую Россию должен был выполнять какие-то его поручения [12, с. 368].

Это, на наш взгляд, один из самых «мутных» эпизодов польского периода деятельности Савинкова. Вот что об этом инциденте на процессе ПСР 1922 г. говорил старейший член эсеровской партии Н.И. Ракитников: «Сам Семенов рассказал нам такую историю, что, пробираясь через западную границу, он был арестован польскими властями, и т.к. было доказано, что паспорта, с которыми он и Коноплева перебрались через эту границу, подложные, то им грозил, несомненно, расстрел за шпионаж. Тогда он сделал заявление польским властям, ...что он, собственно, ехал в Варшаву для того, чтобы вступить в отношения с Савинковым, которому имел в виду предложить свои услуги для террористических актов против советских деятелей». Внушив Савинкову полное доверие, Семенов с Коноплевой были скоро освобождены из заключения. Уже с поручениями от Савинкова и полученными от него паспортами и деньгами Семенов перебрался в Россию «и тут заявился чуть ли не прямо к Дзержинскому, которому доложил всю эту историю». После этого он сообщил о своих приключениях группе меньшинства партии с.-р., которая нашла их настолько недопустимыми, что постановила исключить его из своей среды [Там же, л. 118, 119].

Сидевший на скамье подсудимых Тимофеев обратился к Ракитникову: «Вам понятен или нет факт, что как раз в это время было объявление от ВЧК о том, что партия социалистов-революционеров с Савинковым и прочими готовят террористические акты против советской власти? Этот вопрос вами в комиссии не рассматривался и не ставился?» [Там же, л. 98]. Ракитников ответил: «Это как раз я от Семенова узнал, что, когда он уже был на свободе в Варшаве, он из советских газет в Варшаве узнал о том, что чуть ли не была там напечатана его фамилия, во всяком случае, если не фамилия, то так прозрачно и ясно было на него указано, что он ни капли не сомневался в том, что это к нему относится. Появилась заметочка, что вот социалисты-революционеры такие-то вступили в отношение с Савинковым и готовят террористические покушения против деятелей советской власти. Он объяснил мне появление заметки таким образом, что его пребывание в Варшаве

и сношение с Савинковым стали известны польским коммунистам, которые сообщили РКП об этих сношениях, и Дзержинский, хотя и был в курсе, был осведомлен об этой его поездке на фронт, но совершенно об этом позабыл или, может быть, просто от его внимания ускользнуло...» [12, л. 120].

Выяснить, с какими заданиями ехал в Польшу Семенов, не удалось из-за вмешательства председателя суда Г.Л. Пятакова. Тем не менее Тимофеев продолжал: «Почему Савинков так легко Семенову поверил, почему Савинков так много сделал для него, спас его от виселицы и сделал своим агентом? Какое было основание, по словам Семенова, у Савинкова поступить таким образом?» [Там же, л. 100]. Раakitников: «У меня было просто предположение, что Семенов и раньше был знаком с Савинковым, но в это я не входил».

Тимофеев не отступал: «У вас никаких данных не имелось о том, что летом 1918 г. Семенов персонально сносился с Савинковым?» Раakitников: «Нет, у меня для этого не было никаких оснований» [Там же, л. 121]. Другой член ЦК ПСР Лихач спросил: «Мог ли Савинков поверить словам, даже очень хорошим?» Раakitников: «Нет. Савинков вообще человек в этом смысле основательный и осторожный, несомненно». Лихач: «Так что, если он поверил, скажем, Семенову, то у него должны быть на это совершенно достаточные основания?» Раakitников: «У меня впечатление такое» [Там же, л. 129–130]. Лихач спросил еще, какие поручения взял Семенов от Савинкова. Раakitников ответил: «...я не интересовался относительно деталей, но, очевидно, террористического характера» [Там же, л. 132].

Известный историк советско-польских отношений Т.М. Симонина увязывает высылку Б. Савинкова и его соратников из Польши в октябре 1921 г. с делом Масловского. «Так закончилась бурная деятельность братьев Савинковых в Польше по организации “отряда русских беженцев”, комитетов и союзов для борьбы с Советской Россией» [10, с. 192]. После высылки из Польши Борис Савинков написал письмо Пилсудскому, которого называл дорогим Иосифом Иосифовичем. Поблагодарил Савинков за поддержку и польский народ.

Последний раз Борис Викторович оказался в Польше в 1924 г., полулегально проезжая через нее в СССР, где его якобы ждала как вождя большая антисоветская организация. Но в Минске Савинков был арестован, судим и приговорен к высшей мере наказания. Видимо, надеясь на продолжение своей политической деятельности, он признал правоту советской власти, ошибочность и преступность своей борьбы с ней. Собирался каким-то образом сотрудничать с большевиками, Савинков писал письма своим соратникам, в том числе и в Польшу. Убеждал их прекратить борьбу с советской властью, признать, что она выражает коренные интересы рабочих и крестьян. Поняв тщетность своих надежд, в мае 1925 г. Б.В. Савинков покончил жизнь самоубийством. Возможно, в этом ему помогли чекисты...

Литература и источники

1. Борис Савинков на Лубянке: Документы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2001.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) Ф. 102. 3-е делопроизводство. 1898. Д. 1482.
3. ГА РФ. Ф. 5882. Оп. 1. Д. 89.
4. ГА РФ. Ф. 6856. Оп. 1. Д. 46.
5. ГА РФ. Ф. Р-5866. Оп. 1. Д. 14.
6. *Волошина. М.С.* О Максе, о Коктебеле, о себе. Воспоминания и письма. Феодосия–М.: Коктебель, 2003.
7. За свободу, 1922, № 194.
8. *Куреньшев А.А.* Крестьянские организации русского зарубежья (1920–1951 гг.). М.: АИРО – XXI, 2008.
9. *Морозов К.Н.* Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М., 2005.
10. *Симонова Т.М.* Советская Россия (СССР) и Польша: Русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925 гг.). 2-е изд. М.: Квадрига; Зебра Е, 2013.
11. *Тютчев Н.С.* Два провокатора (Н.Ю. Татаров). Костров // В ссылке и другие воспоминания. М., 1925.
12. Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). Дело Н-1889. Стенограмма Судебного процесса по делу ЦК П-С-р (правых), 1922 г. Кн. 5. Т. 28.

Дьячков Владимир Львович,

*кандидат исторических наук;
профессор кафедры всеобщей
и российской истории
Тамбовского государственного
университета им. Г.Р. Державина
(Тамбов)*

ВОСПРИЯТИЕ ПОЛЯКОВ И ПОЛЬСКОГО СОВЕТСКИМ ГОСУДАРСТВОМ И ОБЩЕСТВОМ В 1917–1945 гг. (ТАМБОВСКИЙ СЛУЧАЙ)¹

Аннотация. В статье сделана попытка проследить и сравнить на «тамбовском» и общесоюзном материале эволюцию в 1917–1945 гг. политики Советского государства и отношения различных социальных слоев и групп русской провинции к полякам и польскому как к одному из крупнейших «нерусских» сегментов. Основными источниками стали общедоступные и авторские электронные базы социографических данных, материалы переписей населения, документы личного происхождения (письма, дневники, воспоминания, фотографии). Предлагаемый анализ включает до-reволюционную экспозицию «польской проблемы», а также сравнения общего и особенного в восприятиях государством и провинциальным обществом других крупных национальных групп (евреи и немцы). Ключевые наблюдения проиллюстрированы оригинальными графиками, диаграммами и таблицами.

Ключевые слова: поляки, Советское государство, русское общество, Тамбовский регион, электронные базы данных

¹ 1. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ по проекту № 18-18-00187 «Стратегии демографического поведения сельского населения юга Центральной России в XX – начале XXI в.». 2. Статья написана в рамках исследования, поддержанного грантом РФФИ, проект № 18-00-00814 (18-00-00813).

Dyachkov Vladimir Lvovich,
*Candidate of Historical Sciences;
professor, Department of World
and Russian History,
Tambov State University
named after G.R. Derzhavin (Tambov)*

PERCEPTION OF POLES AND POLISH BY SOVIET STATE AND SOCIETY IN 1917–1945 (TAMBOV CASE)

Abstract. The Tambov regional and the all-Russian data is used to trace from 1917 to 1945 and compare the evolution of the Soviet State policies and of perceptions of Russian provincial social strata and groups towards the Poles and the “Polish” as one of the largest non-Russian segments. The Internet-available and the author’s original sociography E-database, the population census data, sources of private origin (letters, diaries, folklore, memoirs) act as the basic sources for the investigation. The analysis includes an exposition of the pre-Revolution formation and pace of the “Polish problem” as well as the necessary comparison of its trends with the state and popular perceptions of some other key non-Russian national groups like the Jews and the Germans. The main scholar results are supported and illustrated by the graphs and tables.

Key words: the Poles, Soviet State, Russian society, Tambov Region, E-database

Попытаемся рассмотреть заявленную тему в двух аспектах:

- 1) общее в особенном – эволюцию политики и отношения Советского государства к Польше, полякам и польскому в 1917–1945 гг., отраженную в тамбовском региональном зеркале;
- 2) особенное в общем – восприятие поляков и польского в различных слоях тамбовской части межвоенного российского общества как подвижной совокупности русских регионов.

Предлагаемый «бинарный» взгляд, наряду с использованием материалов Всероссийской 1897 г. и всесоюзных переписей, предполагает опору на две группы источников. За государственное отношение к полякам призвана «ответить» прежде всего совокупность электронных баз данных (ЭБД), включающая:

- 1) Excel-вариант тамбовского сегмента «политических» репрессированных²;
- 2) общероссийскую БД «Жертвы политического террора в СССР» (<http://lists.memo.ru/>);
- 3) ОБД «Мемориал» (<https://obd-memorial.ru/>);
- 4) БД «Подвиг народа» (<http://podvignaroda.ru/>);
- 5) авторские ЭБД, созданные на основе печатных Книг памяти Тамбовской области;
- 6) авторские ЭБД политической провинциальной элиты и Героев Советского Союза.

Движение восприятия поляков и польского тамбовским обществом предстает нам в опубликованных (более 4500 документов на 2019 г.) и готовящихся к печати дневниках и письмах 1920–1940-х гг., записях солдатского фольклора 1940-х гг. и воспоминаний о 1917–1945 гг.; фотоматериалах из семейных архивов тамбовцев, материалах из фондов Государственного архива Тамбовской области, Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области, периодической печати 1920–1940-х гг. В этой социально-психологической части также не обошлось без общедоступных и авторских ЭБД: Сводная БД о погибших в блокаде Ленинграда и в 16 регионах РФ (<http://old.v-ipc.ru/>), ЭБД студенческих генеалогий, ЭБД исторической антропониимики. В совокупности названные ЭБД включают более 50 млн персональных записей с десятками просопографических параметров, что позволяет по исследовательскому запросу выстраивать и обрабатывать длинные непрерывные ряды связной социографической информации, а значит, максимально полно следовать единственному **методу** – принципу историзма, – требующему брать изучаемое в развитии, в совокупности всех его сторон (как подвижный синергизм) и таким, каким оно было в действительности.

² При огромном преимуществе формата изъясн этой ЭБД – отсутствие сведений о национальности репрессированного, что вынуждает «вычислять» ее по совокупности ФИО, места рождения и сопоставления с национальной принадлежностью однофамильцев из общероссийской БД.

Тамбовские поляки как субъект региональной истории и объект государственной политики и нашего изучения, конечно, не были неизменной и однородной данностью. Первая их половина сформировалась во второй половине XIX в. как из лояльных подданных (чиновники и иные гражданские служащие, специалисты, военные) польского происхождения, так и (в большей части) из высланных мятежных поляков «образца» 1830–1831 и 1863–1864 гг. и их потомков, быстро терявших польскую идентичность по языку, вере, образу мысли и поведения. Учет населения в Российской империи не знал графы «национальность» и разделял людей не по «крови», а по не вполне совпадающим маркерам веры и языка. В «моментальной фотографии» тамбовской части переписи 1897 г. остановлено быстрое движение польской региональной диаспоры (табл. 1). За 30 лет пореформенных социальных пертурбаций Тамбовская губерния набрала около 2200 поляков по признаку католичества и около 1850 чел., считавших польский родным. С учетом расклада этих групп по полу, возрасту и месту жительства можно сказать, что:

- 1) половина их (50,8%) состояла из поляков-военнослужащих нижних чинов в городских гарнизонах (90,2% возрастной категории 20–29 лет);
- 2) 1/8 составляли пожилые мужчины, высланные в русскую провинцию за восстание 1863–1864 гг.;
- 3) темпы утраты польского языка как родного в три с лишним раза опережали синхронный переход из католичества в православие (католики без польского языка как родного составили 16,2%, а православных носителей польского было 5%);
- 4) темпы утраты веры и языка городскими поляками (за счет браков с русскими православными) в два с лишним раза опережали ход потери «польскости» их сельскими единокровными ровесницами;
- 5) этнических поляков уже в 1897 г. в Тамбовской губернии было раза в полтора больше, чем поляков, идентифицированных по вере и языку; обоюдно охотная ассимиляция их русским миром шла по экспоненте. (Например, практически все выдающиеся тамбовские этнические поляки, родившиеся

до 1917 г. в Тамбовской губернии: братья – врач, инженер и революционер – Качоровские, композитор И.И. Держинский, семьи Вольских, Лавдовских, Герои Советского Союза Ю.С. Полоний, А.И. Рорат, В.Е. Рывж и т.д. «по документам» – русские и православные);

- б) 80% тамбовских поляков жили в главных городах губернии (половина из них – в Тамбове), свидетельствуя:
- а) социально-профессиональную и культурную (высший уровень грамотности 72%) «продвинутость» польского сегмента⁵;
- б) чрезвычайную заметность и важность поляков в городской жизни (разделенное с евреями-иудеями 2–3-е место среди этнических групп тамбовских городов) и их ничтожность в тамбовском сельском море.

Таблица 1

**Поляки Тамбовской губернии
по Всероссийской переписи 1897 г.**

Признак «польскости» по языку и вере	Муж	Жен	Всего	М/Ж	Процент населения
Родной язык польский, города ТГ	1157	312	1469	3,708	0,650
Родной язык польский, село ТГ	216	151	367	1,430	0,015
Родной язык польский, всего ТГ	1373	463	1836	2,965	0,068
Римско-католики, города ТГ	1362	378	1740	3,603	0,770
Римско-католики, село ТГ	271	180	451	1,506	0,018
Римско-католики, всего ТГ	1633	558	2191	2,927	0,082

⁵ Исходные повышенные социально-сословное положение и наследственная социальная активность «изначальных» тамбовских поляков обеспечили им высшие места в дореволюционной провинциальной социально-профессиональной иерархии. Они по преимуществу работали инженерами и техниками, квалифицированными железнодорожниками от машиниста до начальника станции, экономистами и бухгалтерами, врачами, преподавателями, агрономами, управляющими именьями и предприятиями, чиновниками, офицерами, артистами и музыкантами.

Первая мировая война как первый мощный системный удар по социально-демографической модели России перекроила и «нерусский» сектор тамбовской популяции. Тогда в губернию хлынули польско-белорусско-еврейские ручьи высланных, эвакуированных и беженцев из западных губерний империи. Им на встречных курсах двинулись, покидая на годы или навсегда родной край, почти 400 тыс. тамбовских мужей и женихов. Гражданское население городов потеснили многотысячные маршевые батальоны и полки, новым фактором городской жизни стали крупные военные госпитали. По селам и городам «разбирали» тысячи военнопленных германской и австро-венгерской армий, на сельских крупных предприятиях, в лесничествах и имениях множилась охрана из «детей» Северного Кавказа. В 18 верстах к югу от Тамбова на «дрожджах» острейшего перенаселения стремительно – и на треть за счет мигрантов из прибалтийских, западных, украинских губерний, из Москвы и Питера – рос поселок крупнейшего порохового завода – будущий Котовск. Социоестественные демографические подсистемы села и города затрещали в своих гендерных, возрастных, этнических, социокультурных, психологических, ритмических сочленениях и начали осыпаться.

Революция 1917 г., без зазора перетекшая в массовую и убойную вторую Смуту, умножила силы на разрыв социально-демографического полотна Тамбовщины. Обратные потоки вооруженных дезертиров и демобилизованных, новые партии разнорасовых иммигрантов из деградировавших больших городов и прифронтовой полосы, солдатские и крестьянские погромы летом–осенью 1917 г., недолгое деревенское счастье и обиды революционного «черного передела», нежеланные мобилизации в новую, уже Красную армию и неприемлемые разверстки, ответные мятежи и новое дезертирство, война вдоль железных дорог и белоказачьи П.Н. Краснова на юге губернии в 1918 г., жестокий рейд К.К. Мамонтова летом 1919 г., «антоновщина» с лета 1920 г. и ее «примерное» подавление через год, смертный голод 1922 г. и волна вольной и невольной эмиграции, далеко, на «хлебные» восток и юг до Урала, Сибири и Средней Азии... И развал всего работавшего, и подряд четыре года смерти много больше жизни.

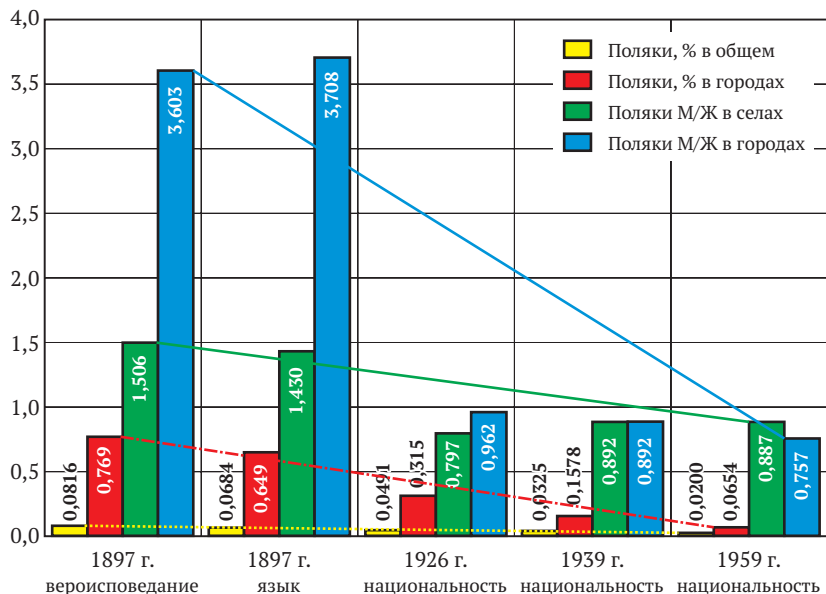

Рис. 1. Движение в 1897–1959 гг. долей (%) в населении и гендерного баланса (М/Ж) городского и сельского сегментов польской диаспоры Тамбовского региона

Первые годы НЭПа приостановили комплексное разрушение прежнего мира, зафиксировав новую, поствоенно-революционную политическую, хозяйственную, социальную и демографическую парадигму. И что же наши поляки в декабрьском зеркале переписи 1926 г.?

1. Их стало намного, на треть меньше – 1339 чел. (0,049%) во всей уже «обрезанной» губернии, но с населением на 42 тыс. больше, чем в январе 1897 г. При этом и без того крохотная доля поляков в тамбовском селе сократилась незначительно – до 0,014%, а в городах рухнула больше чем вдвое – до 0,315%. А носителей польского языка к декабрю 1926 г. осталось только 663 чел. Таких стремительных темпов ассимиляции не знала ни одна «нерусская» группа губернии, даже евреи. (Растворение в русской среде продолжится: в переписи 1939 г. поляками

назовут себя 611 тамбовцев (0,0325%), к 1959 г. – 367 (0,0237%). С 1960-х гг. ассимиляция поляков замедлится – по переписи 1989 г. на Тамбовщине останется 223 поляка (0,017%).)

2. За 30 лет между переписями у тамбовских поляков произошел переворот в соотношении М/Ж: к декабрю 1926 г. в городах губернии оно сложилось как 0,962, а в селах и вовсе в виде 0,797.

Эти перемены в «польских» числах отразили формирующие социальные процессы, сконцентрированные на отрезке 1914–1921 гг. В тамбовском «польском случае» они означали и исчезновение польского призыва в частях РККА, и естественный уход из жизни когорты высланных поляков, и ассимиляцию их потомков, и состоявшийся модернистский демографический переход в сегменте «изначальных» поляков⁴, и польский приток времен Первой мировой войны, лишенный мужского призывного компонента и по преимуществу сельского происхождения, и отток значительной доли «изначальных» поляков в лучшие места для жизни и карьеры, и механическую потерю более четверти тамбовских поляков из-за начавшегося в 1923 г. «обрезания» губернии, и гибель небольшой части поляков-мужчин на разных фронтах Большой войны 1914–1921 гг. Наконец, несколько поляков⁵ были в 1919–1920 гг. исключены из тамбовской жизни репрессиями советской власти.

В итоге к концу 1926 г. тамбовские этнические поляки существовали в двух разделенных группах:

- 1) те 1339 «переписных» поляков по национальности, в подавляющем большинстве «новых», из «военно-революционных» волн;
- 2) не меньшее число «старых» тамбовских поляков «по крови», но по совокупности причин ускоренно утрачивавших язык,

⁴ Уже к 1897 г. доли возрастной группы до 1 года у поляков, немцев и русских Тамбовской губернии составили соответственно 1,25; 1,29; 2,54 и 4,21%. С учетом кратно меньшей младенческой смертности у по преимуществу городских «нерусских европейцев» это означало, что рождаемость у тамбовских поляков была в 5 раз ниже, чем в русской среде.

⁵ В нашей неполной части ЭБД из 106 репрессированных в Тамбовском регионе в 1918–1921 гг. – 3 поляка (Свирщевский В.И., 1863 г.р., Крушинский Г.И., 1879 г.р., Ольшевский Г.Г., 1890 г.р.). Все – железнодорожники, родившиеся вне Тамбовской губернии (Польша, Белоруссия, Сев. Осетия).

веру, обычаи своих отцов и матерей и уже считавших себя русскими.

Эволюция как властного, так и общественного восприятия и отношения к этим двум польским, также внутренне подвижным, кластерам шла по разным колеям.

Государственная линия по отношению к «старым», обрусевшим полякам была стабильно ровной. Они были немного особенными, но «своими» и потому на отрезке 1918–1945 гг. знали те же наборы прав и ограничений, что и разные социальные слои и группы максимального в стране русского большинства (99,4%) Тамбовщины, т.е. не в национальной, а в социально-классовой парадигме. Будучи активно лояльными по отношению к новому строю, они располагались на высших ступенях провинциальной социальной пирамиды, изредка попадая под репрессирующее внимание государства при его переносе с одной социально-профессиональной группы на другую. Потому в нашей ЭБД среди 2040 репрессированных в Тамбовском регионе в 1922–1934 гг. оказался лишь 1 поляк, но не из-за своей национальности, а потому, что был единоличником. (Скуратович Алексей Казимирович, 1873 г.р., уроженец и житель с. Петровка Кирсановского р-на, 5 апреля 1931 г. выслан на 3 года в Северный край.) В этот период репрессии власти были обращены к более опасным для нее социальным объектам в виде крестьян и православных священно- и церковнослужителей, бывших поголовно русскими, и «русская доля» в репрессиях 1922–1934 гг. вырастает до 99,5%.

На пиковом и наиболее интернациональном по репрессиям отрезке с 1935 г. по 21 июня 1941 г. наша ЭБД отразила 4859 «политических» жертв, но доля «тамбовских» поляков среди них осталась столь же ничтожной – 0,062%⁶. И вновь причиной репрессии стала не национальность, а перенос фокуса репрессий на новые

⁶ Вржесинский Владимир Ксенофонтович, 1887 г.р., уроженец г. Козлов, проживал на ст. Кочетовка, дежурный по станции, беспартийный. Репрессирован 22 октября 1938 г. Расстрелян; Захаревский Константин Николаевич, 1890 г.р., уроженец г. Тамбов, служил в Куйбышевской обл., начальник курсов мл. лейтенантов, беспартийный. Репрессирован 2 января 1938 г. Умер во время следствия; Липская Элеонора Евгеньевна, 1904 г.р., уроженка и жительница г. Козлов (Мичуринск), счетовод Главхлеба, беспартийная. Репрессирована 22 октября 1938 г. Приговор: 10 лет ИТЛ.

социально-профессиональные группы железнодорожников, технических специалистов, партийно-советских служащих, хозяйственников, офицеров.

Среди 824 тамбовцев нашей ЭБД, репрессированных с 22 июня 1941 г. по 31 декабря 1945 г., нет ни одного «тамбовского» поляка. Зато, в отличие от высланных и потому не призванных в РККА «тамбовских» немцев, их десятки среди участников ВОВ – как погибших, так и выживших и награжденных за боевые подвиги, включая сыновей и братьев репрессированных до войны. (Так, у репрессированного А.К. Скуратовича на войне погибли два сына, у В.К. Вржесинского на войне погибли сын и брат, еще один брат и племянник награждены орденами и медалями СССР, у К.Н. Захаревского брат награжден медалью «За трудовое отличие» за работу слесарем на оборонном заводе.)

После войны среди репрессированных в Тамбовской области не было ни одного поляка – ни «тамбовского», ни этнического.

Описанный тамбовский срез политики по отношению к «старым» полякам был типичной частью общегосударственного отношения и восприятия данной этнокультурной группы: общесоюзные выборки показывают (рис. 2), что поляки, родившиеся в русской провинции, составляют среди всех репрессированных поляков доли, меньшие их долей в русских городах – основных местах их рождения и деятельности. Так, в ЦЧР родилось 0,36% репрессированных поляков нашей выборки по СССР.

В то же время государственное отношение к полякам и к остальным «нерусским» когортам из «военно-революционных» волн с запада империи и из-за ее границ было совершенно другим – и извилистым, и пристрастно-строгим. Но вновь подозрения и неприязнь по национальному признаку (коль машина власти была начинена людьми, отягощенными историческим опытом, преданием и предрассудками) оказывались лишь синергическим дополнением в борьбе с реальными и мнимыми угрозами советскому проекту. К «польским» полякам исторических претензий и отрицательных ассоциаций только прибавлялось и у большевистского сменщика, и у городского общества, не говоря уже о русской деревне, извечно отталкивавшей любого чужака, гостя из другого мира.

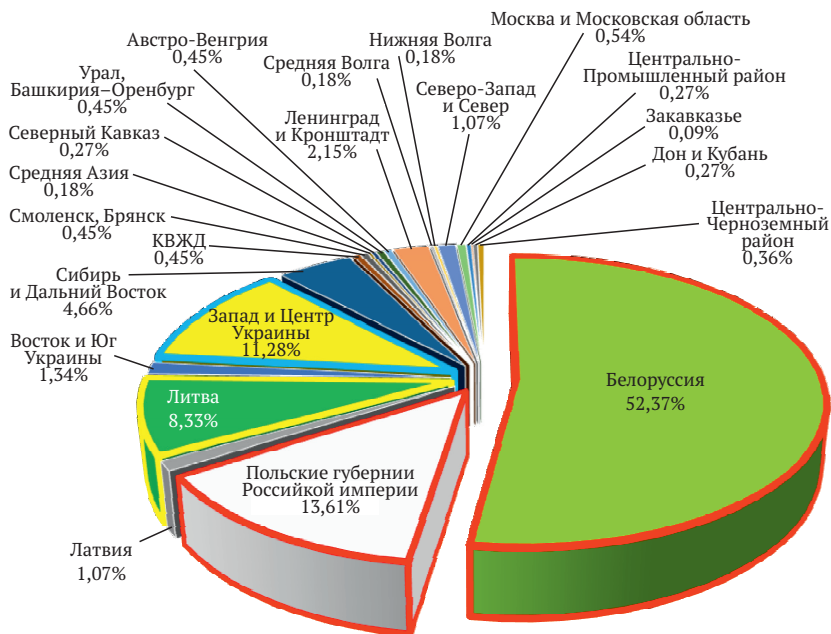

Рис. 2. Регионы рождения поляков, репрессированных в Советской России – СССР в 1918–1953 гг.

На все действительные и додуманные взаимные дореволюционные обиды и уничижительные представления наложились так или иначе антирусские варианты решения «польского вопроса» в Первой мировой войне, создание националистической и рваншистской новой Речи Посполитой, вялотекущие, но кровавые боевые действия 1918–1919 гг., болезненная и оскорбительно-неудачная для Советов фрустрация войны 1920 г., нахождение Польши в крайне антибольшевистском и антирусском лагере все 1920–1930-е гг., «фантомные боли» от созерцания лимитрофных «географических новостей» и то же древнее чувство опасности, порождаемого приходом и активностью в твоём доме чужака. Не одни «новые» поляки попадали под данный совсем не пролетарско-интернационалистский комплекс негативного предубеждения как подслон государственной политики и народного

чувства. Почти равно подозрительными, вполне возможными шпионами, диверсантами и вредителями в межвоенной русской провинции выглядели и евреи, и прибалты, и украинцы, и белорусы из западных губерний, и бывшие военнопленные (пусть и интернационалисты), и немцы из украинских и поволжских колоний, и успевший обособиться бывший персонал КВЖД, и даже коммунары из репатриантов и «чистых» иностранцев. Потому, когда до середины 1930-х гг. социальные чистки в основном управлялись со «своими» из всяких «бывших», очередь дошла до юного советского «интернационала». В репрессиях 1935 – июня 1941 г. в его тамбовской части из представителей 23 народов поляки с 11,8% нерусского сегмента разделяют с немцами 4–5-е места, уступив украинцам (31,3%), белорусам (17,5%) и евреям (14,7%), оставив всем остальным 18 народам лишь 13,3% эшафота для нерусских.

Репрессии этнических поляков на Тамбовщине фактически останавливаются к 1942 г. по причине жизненно важной необходимости для СССР создания широкого антигитлеровского фронта и новых внешнеполитических планов и конъюнктур по мере движения к перелому в войне и к итоговой победе. За 1941–1945 гг. в Тамбовской области репрессировали максимум 4 поляков и 1 уроженца Польши (0,5% в репрессиях периода и 4,2% в нерусском сегменте).

Но при общности происхождения (рождение по преимуществу в польских и западных губерниях бывшей Российской империи) репрессированные «тамбовские» и «общесоюзные» поляки принципиально различны во всей остальной социографии. Причина – в разных доминантах мотивации с соответствующей асинхронностью репрессий по отношению к этим двум польским группам. Поляки в русской провинции карались индивидуально как «шпионы, вредители и диверсанты» в сферах народного хозяйства, управления и обороны с единым пиком репрессий в 1937–1938 гг. В «общесоюзных» репрессированных поляках преобладали сельские жители западных регионов, присоединенных к СССР осенью 1939 г., наказанные в два предвоенных года за вольное или невольное участие в «этноцидной» политике националистической Польши («осадники», «лесники») и за иную реальную или

предполагавшуюся пропольскую антисоветскую деятельность (служба в польской армии, полиции, агентурная работа, антисоветское сопротивление и т.п.). По отношению к этому большинству Советское государство действовало не «точечно», а путем «зачистки», репрессируя «враждебный элемент» не только во взрослой мужской части, но и семьями. При этом в ссылку, как основной в данном случае тип репрессии, попадали не только этнические поляки, но и белорусы с евреями из временно ликвидированной Польши.

Потому зеркало репрессированных «тамбовских» поляков отразило их более высокое (городское) социальное происхождение и особенно социально-профессиональное положение. Род занятий 76% из них требовал образования не ниже неполного среднего, а занятия лишь 7% не требовали даже начального образования (рядовые колхозники, домохозяйки), в то время как у остальных тамбовских «политических» подобный расклад сложился в виде 17 : 64%.

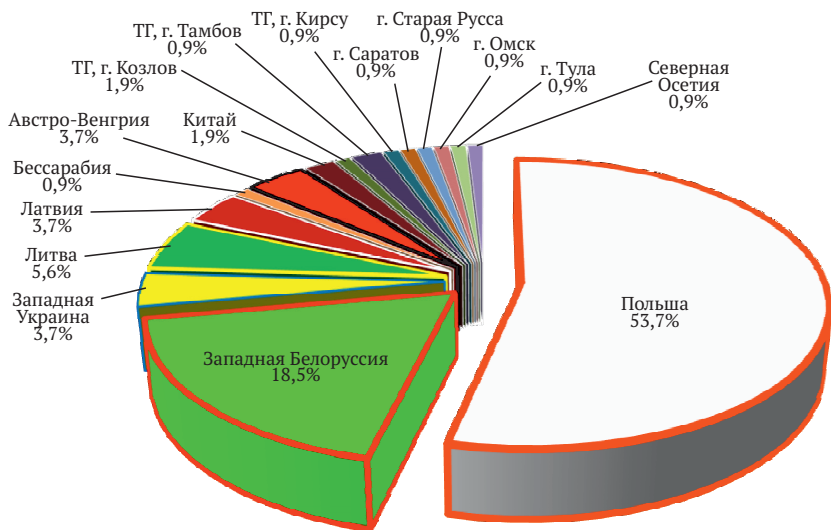

Рис. 3. Регионы рождения поляков, репрессированных в Тамбовской области в 1918–1953 гг. (%)

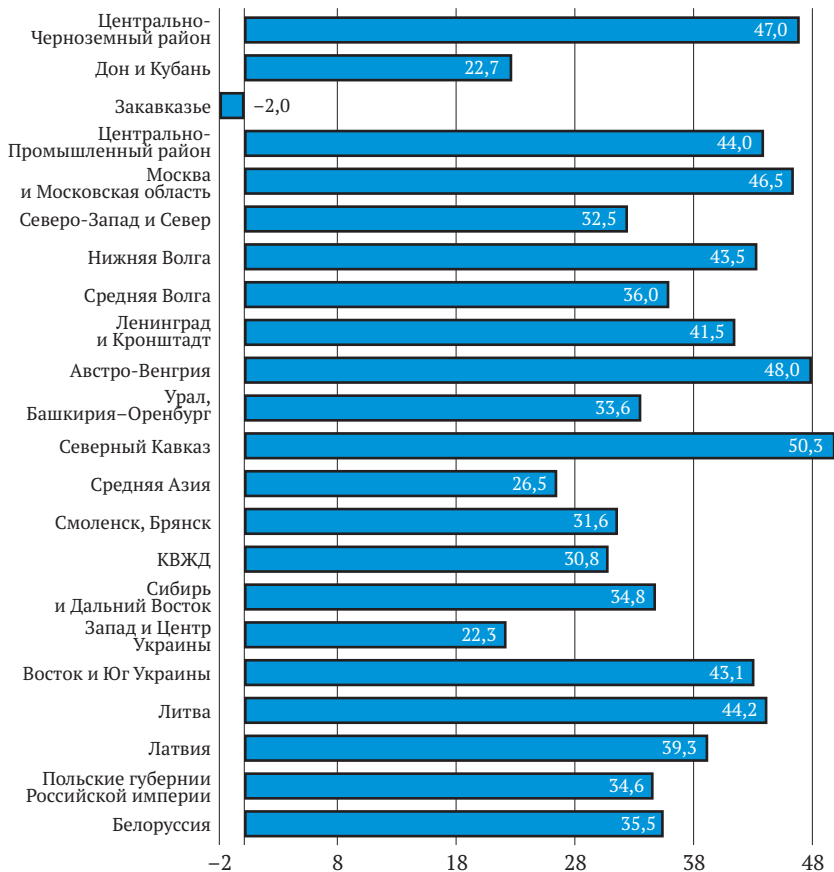

Рис. 4. Средний (на 1937 г.) возраст поляков, репрессированных в СССР, в зависимости от региона рождения

Повышенная социальная активность «тамбовских» поляков, реализовавшаяся в их высоком социально-профессиональном положении, проявила себя вкратно больших долях коммунистов (28% (!) при 6% в остальных) и женщин (10,5% против 7% в остальных «тамбовских») в их репрессированной части. Правда, и плата за активность и советскую карьеру оказалась намного более высокой: почти половину (48%) репрессированных «тамбовских»

поляков расстреляли (24% у остальных «тамбовских» и менее 15% у «общесоюзных» поляков) и четверть получила сложную для выживания «10-ку» (29% у остальных «тамбовских»).

Доминанты жизненного пути и индивидуализация кары сделали репрессированных поляков русской провинции и одними из самых «пожилых» жертв – средних 44–47 лет к 1937 г. для поляков ЦПР и ЦЧР (43,7 года у «тамбовских»). Для сравнения – репрессированным полякам в общесоюзной «смеси» было в среднем 34,9 года, евреям – 30,7 года, а немцам из-за поголовной высылки в 1941 г. всего 22,6 года.

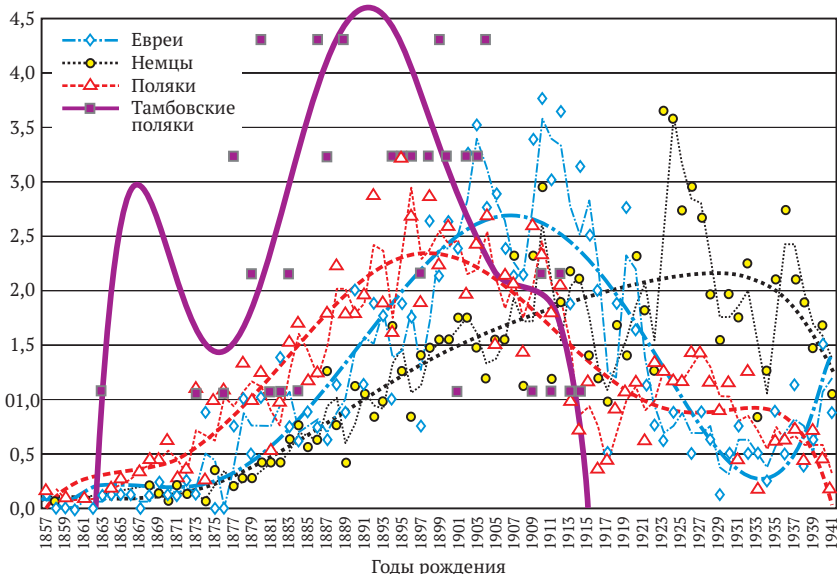

Рис. 5. Сравнительное движение долей лет рождения поляков, немцев, евреев, репрессированных в СССР, и поляков, репрессированных в Тамбовской области

В отношении тамбовского «общества» к «своим» полякам неизменно господствовали благожелательный интерес, признание очевидных социокультурных достоинств («европейская» воспитанность, образованность, квалифицированность) и стремление

к усвоению привлекательного в польском образе⁷. Антипольского чувства и поступка в наших тамбовских источниках не встретить, несмотря на известные негативные стереотипы восприятия Польши и «польских» поляков. Положительный образ польского, честно «заработанный» тамбовскими и остальными поляками русской провинции, «нелогично» выглядит в истории на фоне неизбежного бытового антисемитизма, тогдашнего уничижительного и недоверчивого отношения к татарам и кавказцам, мусульманам Средней Азии и китайцам, всплесков недоверия и ненависти к немцам и т.п. Смена вектора государственной пропаганды в годы Великой Отечественной войны, подкрепленная опытом борьбы с общим экзистенциальным врагом, добавила к образу польского сочувствия и «братскости», способствуя превращению забывавшегося польского происхождения в предмет провинциальной гордости и зависти.

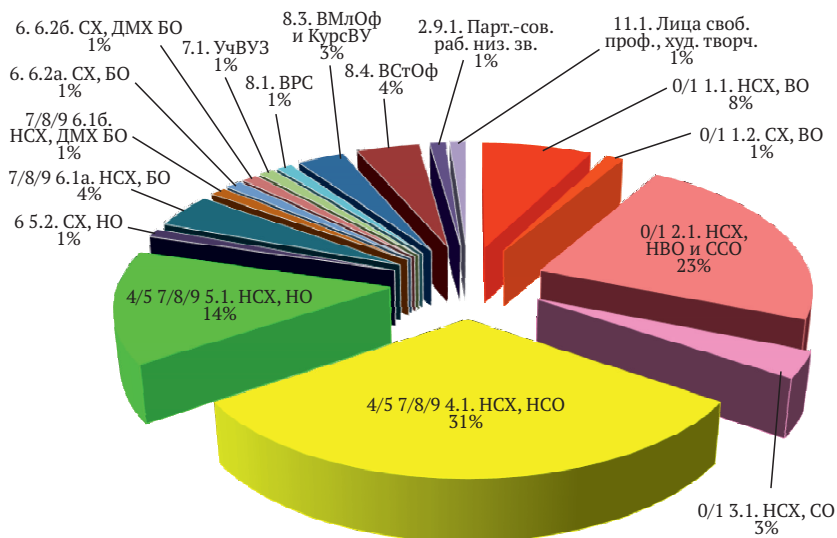

Рис. 6. Структура родов занятий (профессий) поляков, репрессированных в Тамбовской области

⁷ Замечательным объективным доказательством привлекательности польского является послереволюционный взлет наречения русских детей польскими именами как части модного наречения эпохи (см. рис. 12).

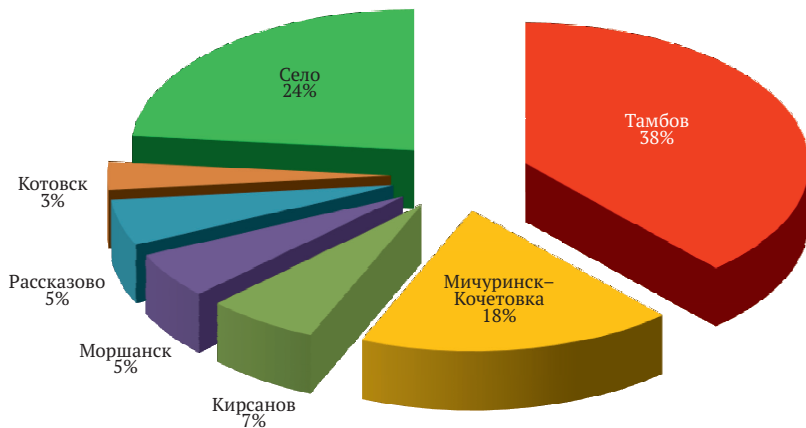

Рис. 7. Структура мест жительства поляков, репрессированных в Тамбовской области

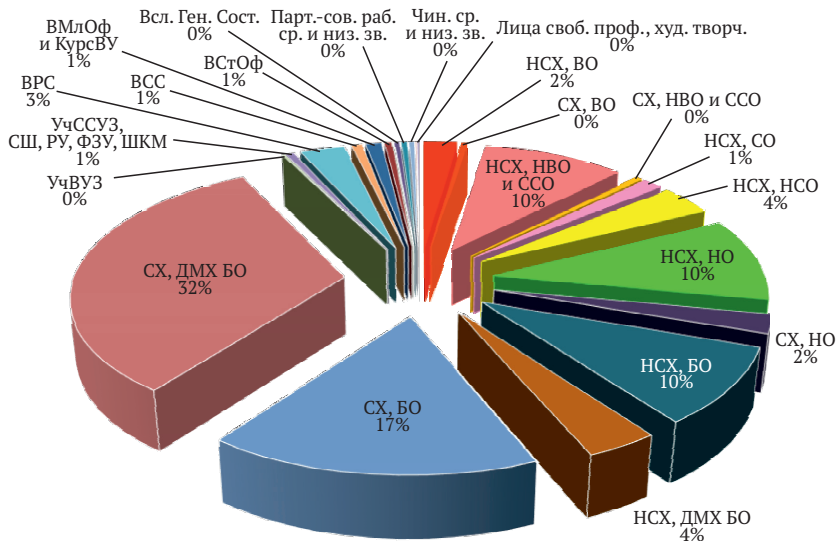

Рис. 8. Структура родов занятий (профессий) всех «политических» репрессированных в Тамбовской области

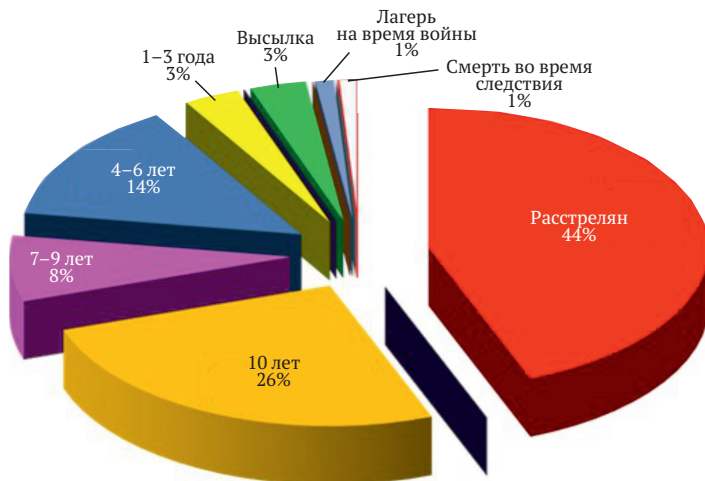

Рис. 9. Структура приговоров точно идентифицированным полякам, репрессированным в Тамбовской области

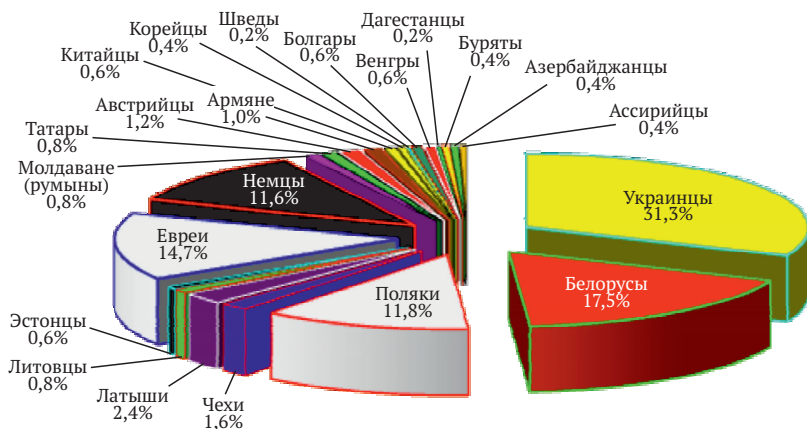

Рис. 10. Национальный состав нерусских репрессированных в Тамбовской области в 1935 – 21 июня 1941 г.

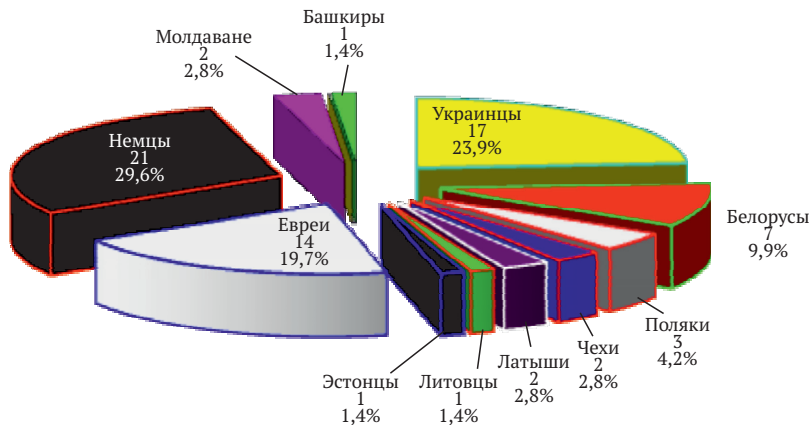

Рис. 11. Национальный состав нерусских репрессированных в Тамбовской области 22 июня 1941 – 1945 г.

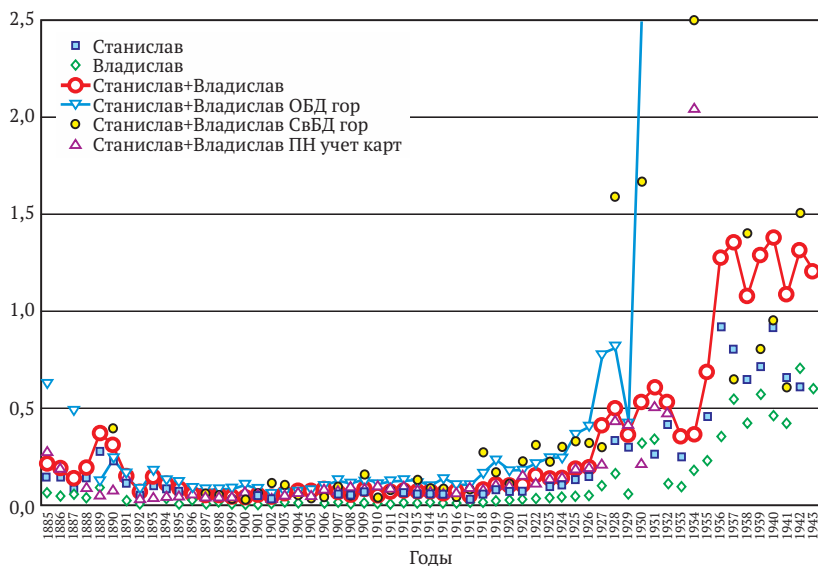

Рис. 12. Движение в 1885–1943 гг. долей имен *Станислав* и *Владислав* в наречении фигурантов различных ЭБД (% мужчин)

Таблица 2

**Поляки, немцы и евреи в переписях 1897–1959 гг.:
доли (%) в городском и общем населении
и гендерный баланс в локальных диаспорах Тамбовского региона
(подсчитано по: www.demoscope.ru/)**

Тамбовский регион/ Перепись	1897 г. вероиспо- ведение	1897 г. язык	1926 г. нацио- нальность	1939 г. нацио- нальность	1959 г. нацио- нальность
Поляки, % от общего числа	0,0816	0,0684	0,0491	0,0525	0,0237
Поляки в городах, %	0,7690	0,6490	0,3150	0,1578	0,0654
Поляки, М/Ж, село	1,5060	1,4310	0,7970	0,8900	0,8870
Поляки, М/Ж, города	3,6030	3,7080	0,9620	0,8920	0,7570
Немцы, % от общего числа	0,0512	0,0463	0,0195	0,1720	0,0751
Немцы в городах, %	0,3514	0,3290	0,1110	0,1610	0,0642
Немцы, М/Ж, село	1,0280	0,8970	1,4810	1,0140	0,7896
Немцы, М/Ж, в городах	1,0280	0,9500	1,0620	1,0040	1,0960
Евреи, % от общего числа	0,0836	0,0762	0,0805	0,0915	0,1194
Евреи в городах, %	0,7960	0,7670	0,7050	0,4620	0,4076
Евреи, М/Ж, село	0,9690	1,1010	1,4100	7,3460	1,6060
Евреи, М/Ж, в городах	1,5900	1,6010	1,0210	1,0930	0,8680
Тамбовский регион, М/Ж, село	0,9340	0,9340	0,8960	0,8490	0,7730
Тамбовский регион, М/Ж, в городах	1,0260	1,0260	0,8950	0,8830	0,7840
Тамбовский регион, М/Ж, всего	0,9420	0,9420	0,8960	0,8540	0,7760

Литература и источники

1. Вестник Тамбовского университета. Тамбовская высшая школа, ее структура и люди в годы Великой Отечественной войны // Приложение к журналу. Сб. документов / ред. и сост. В.Л. Дьячков. Тамбов, 2010.
2. Владимирова Е., Дьячков В.Л., Жуков Д.С. и др. Политические деятели российской провинции от эпохи Николая II до Сталина. Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. 160 с.
3. Дьячков В.Л. Поляки в политических репрессиях 1918–1953 гг. в Тамбовской области // Поляки в истории российской провинции XIX–XX вв. Диалог цивилизаций. Тамбов, 2010. С. 288–305.
4. Дьячков В.Л. Репрессии 1941–1945 гг.: методология изучения и фактор военного социально-демографического развития Тамбовской области // Вестник Тамбовского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 10. С. 256–267.
5. Дьячков В.Л. Вторая мировая война и трансформация образа польского в сознании тамбовцев-военнослужащих // Wrogowie, sojusznicy, towarzysze broni. Polsko-rosyjskie stosunki wojskowe w pierwszej połowie XX wieku pod redakcją Jakuba Wojtkowiaka. Poznań, 2013. С. 271–284.
6. Дьячков В.Л. Политические репрессии 1918–1953 гг.: причины и структура (тамбовский случай) // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. Материалы VIII Междунар. науч. конф. I часть. Краснодар, 2013. С. 265–277.
7. Дьячков В.Л. «Наши мертвые нас не оставят в беде, наши павшие – как часовые...»: Книги памяти как источник в изучении социальной истории России 1860–1930-х гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Вып. 2 (142). С. 120–126.
8. Дьячков В.Л. Тамбовское имя на 380-летнем марше – место в строю // Тамбов в прошлом, настоящем и будущем. Материалы VI Всерос. науч. конф., посвященной 380-летию города Тамбова. 20 апреля 2016 г. Тамбов, 2016. С. 39–63.
9. Дьячков В.Л. «Вкусу очень мало у нас и в наших именах...»? В поисках «гена» социальной агрессии первой половины XX века в зеркале русского наречения // Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.: сборник научных статей и материалов круглых столов / под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М.: Изд-во Ипполитова, 2016. (Научный проект «Народ и власть». Вып. 6) С. 80–93.
10. Дьячков В.Л., Косенков А.Н. Тамбовская политическая элита сквозь призму политических репрессий 1918–1953 гг. и в зеркале персональных баз данных по истории региона в первой половине XX в. // Вестник Тамбовского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 8. С. 334–348.
11. Дьячков В.Л., Трофимова Е.В. Русское наречение в четырех веках социальной истории страны. Тамбов, 2011. 267 с.

12. Дьячков В.Л., Трофимова Е.В. Об исследовании на основе корпусов вековых непрерывных ономастических процессов // Ретроспектива филологии в информационном обществе знаний. III Междунар. науч. симпозиум. Украина, Крым, Партенит. (RETRO'2012) 11–15 июня 2012 г. С. 45–55.
13. Письма Великой Отечественной: сб. документов / ред. и сост. В.Л. Дьячков, М.М. Дорошина. Тамбов, 2005.
14. Тамбовская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. документов / ред. и сост. В.Л. Дьячков, М.М. Дорошина, И.И. Муравьева. Т. 1–2. Тамбов, 2007–2008.
15. Тамбовцы на фронтах Второй мировой войны: сб. документов / ред. и сост. В.Л. Дьячков, М.М. Дорошина, И.И. Муравьева. Тамбов, 2010.

Деннингхаус Виктор,

*доктор исторических наук, профессор;
заместитель директора Нордост-института
Гамбургского университета (Германия)*

**«В ПОЛИТИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ
ЗАПОДОЗРЕН СКРЫТЫМ ПОЛЯКОМ...»:
К ВОПРОСУ «НАЦИОНАЛЬНОЙ» МИМИКРИИ
В СССР В 1920-е гг.**

Аннотация. В историографии все бóльшую популярность завоевывает тезис об этнизации сталинизма. Его сторонники полагают, что в 1930-е и особенно в 1940-е гг. главными жертвами сталинского режима стали не представители «бывших», а «враждебные» этнические группы. В период Большого террора действительно имели место селекция и уничтожение жертв по признаку принадлежности к «контрреволюционной» национальности, на основании иностранного звучания фамилии. Ряд национальных групп населения СССР уже в конце 1920-х – начале 1930-х гг. осознал эту опасность и выработал механизмы смены «старой национальности» на другую, более безопасную.

Ключевые слова: нацменьшинства, поляки, католики, национальная мимикрия, Большой террор

Dönninghaus Victor,

*Doctor of Historical Sciences, Professor;
Deputy Director of Nordost Institute,
Hamburg University (Germany)*

**«IN POLITICAL SENSE,
WE SUSPECT HE IS A HIDDEN POLE...»:
THE PROBLEM OF «NATIONAL MIMICRY»
IN THE USSR IN THE 1920s**

Abstract. The tendency of ethnicization of the Stalinist regime have played an increasingly important role in contemporary historiography. Supporters of this thesis claim that the main victims of Stalinism – especially during the 1930s and 1940s – were not the “former people”, i.e. people of “wrong” class origin who had lost their social status, but ethnic groups that became treated as “hostile”. During the “Great Terror”, there were indeed selections and killings of victims based on their belonging to “counter-revolutionary” nationalities. People with foreign family names were targeted especially. Already in the end of the 1920s and early 1930s, some national groups recognized the danger of being classified as members of such “counter-revolutionary” nationalities and developed mechanisms that had helped them to change their old nationality to a new one that provided them with a feeling of increased safety.

Key words: National minorities, Poles, Catholics, national mimicry, Great Terror

Одной из основных проблем «советизации»¹ нацменьшинств явилась их распыленность по огромной территории СССР. В отношении ряда групп западных нацменьшинств сказывалась еще и сложность их выделения и классификации. Этот вопрос не возникал в местах компактного проживания этнодисперсных групп, однако был весьма актуален в смешанных районах и сельсоветах,

¹ Данный термин в последнее время нашел широкое применение в западной и российской историографии. Так, Шейла Фицпатрик (США) трактует «советизацию» российской деревни как процесс усвоения сельским миром ценностей, провозглашенных большевистским режимом.

а также в городских поселениях. Дело в том, что по мере «продвижения к социализму» далеко не все желали представлять национальность враждебных советской державе западных государств, несмотря на все заверения о равенстве всех наций и народностей в СССР. Другими словами, принадлежность к нацменьшинствам Запада давала не только определенные преимущества, к примеру возможность покинуть Советскую Россию, выехав в «несоветские республики», или получение денежной помощи и посылок от «буржуазных родственников», но и целый ряд рисков – при устройстве на определенные должности, при проживании в приграничных регионах СССР и т.д.

Само собой разумеется, что одного желания было мало, чтобы немец стал русским или финн – украинцем. Однако такие случаи «национальной» мимикрии имели место в 1920-е гг., хотя и довольно редко: при вступлении их представителей в инонациональный брак (благодаря изменению фамилии), при проживании в смешанной национальной среде, свободном владении языком «титульной нации» и т.д. [11, с. 44–45]. Причем в некоторых случаях такому желанию помогало само государство. Это особенно ярко проявилось в отношении польского населения Украины и Белоруссии на начальной стадии политики «коренизации» в этих республиках. «Размытие» национальности у поляков обуславливалось не только высокой степенью их ассимиляции за счет русификаторской политики до 1917 г., но и близостью польского языка к белорусскому и украинскому, созвучию фамилий, религиозным традициям католической церкви и т.д. Фактически до Всесоюзной переписи 1926 г. данные о численности польского населения в СССР постоянно колебались, что объяснялось не только миграционными волнами поляков-переселенцев, неточностью статистических материалов с мест, но и политической конъюнктурой, как в центре, так и на местах. Есть смысл рассмотреть перипетии этих процессов, помогающие пролить свет на статус представителей нацменьшинств Запада до начала репрессий 1930-х гг.

Сразу же после заключения Брестского мира (март 1918 г.) и образования Польского государства (ноябрь 1918 г.) из Советской России в Польшу «перетекло» не только значительное число

польского «временного» населения (бывшие военнослужащие, беженцы и др.), но и часть поляков – жителей России. По данным польских исследователей, в 1918 г. из России в Польшу прибыло около 200 тыс., а в 1919 г. – уже 286 тыс. человек [33, с. 326–327]. В свою очередь, несколько десятков тысяч поляков пересекли советско-польскую границу и в другом направлении. Это польские военнослужащие, попавшие в плен к Красной армии во время войны 1919–1921 гг. (по некоторым данным, около 60 тыс. чел.), которые были размещены на территории РСФСР [13, с. 8].

Немаловажно, что первая своеобразная «перепись» польского населения на территории Советского государства произошла в ходе боевых действий Советской России с «буржуазной» Польшей. Уже в феврале 1920 г. все губкомы партии получили указание ЦК РКП(б) о предоставлении подробных сведений о численности и социальном составе польского населения, проживавшего в их губерниях, включая зарегистрированных членов компартии и «сочувствующих» ей лиц [26, л. 1,7]. Существенно дополнила эти сведения августовская перепись населения 1920 г., хотя она охватывала лишь 72% населения РСФСР и проводилась в разгар Гражданской войны. По ее неполным данным, на контролируемой большевиками территории проживало около 369 тыс. поляков²: в европейской части РСФСР – 167 290, на Северном Кавказе и в Донской области – 18 279, в Сибири – 60 676, в Киргизии – 5763, на Украине – 117 070 человек [13, с. 8].

Уже в преддверии военных действий, а особенно в ходе их развита в России были приняты первые дискриминационные меры по отношению к полякам как «потенциальным» противникам советской власти. Так, по указанию ЦК РКП(б) и Политбюро (апрель 1920 г.) были отстранены от должностей в военных и гражданских учреждениях Западного фронта все поляки, кроме коммунистов и лиц, имеющих поручительство двух коммунистов-поляков. В ряде городов и селений России, включая отдаленную от центра

² По другим данным, на территории РСФСР, Украины и Белоруссии в это время насчитывалась около 521 тыс. поляков (из них на Украине – 204 тыс.; в Восточной Белоруссии – 54 тыс.) См.: *Iwanow M. Pierwszy naród Ukaraany. Polacy w związku radzieckim 1921–1939.* Warszawa, Wrocław, 1991. С. 76.

Сибирь, летом 1920 г. прошли регистрации, массовые обыски и аресты среди польского населения. Нередко поляки подвергались заключению в концентрационных лагерях и тюрьмах. Не избежали этих репрессий представители польских рабочих, беднейших крестьян и даже некоторые коммунисты. Тем самым было продемонстрировано, что национальный статус перевесил социальный. На практике был опровергнут провозглашенный большевиками лозунг пролетарского интернационализма и классовой солидарности [13, с. 146–147; 18, с. 93, 110–111].

После подписания 21 марта 1921 г. Рижского мирного договора возобновилась переселенческая волна польских беженцев, интернированных лиц и военнопленных. Вступила в силу оптация (право принятия) польского гражданства для ряда лиц, проживавших на территории РСФСР, УССР и БССР [8, ст. 6, с. 624–626]. В целом за время с ноября 1918 г. по сентябрь 1922 г. из советских республик в Польшу переселились около 470 тыс. человек. По другим данным, к первой половине 1921 г. в Польшу вернулись 384 тыс. человек и около 300 тыс. подали советским властям прошение на выезд [32, с. 30]. Довольно противоречивыми оказались и статистические данные о численности польского населения, оставшегося в советских республиках, представленные участниками Всероссийской конференции поляков-коммунистов (ноябрь 1921 г.). В соответствии с ними, в Центральной России проживало 268,8 тыс. поляков, на Украине – 642 тыс. (по другим данным – 681,5 тыс.), в Сибири – 67 тыс. (по другим данным – 87,2 тыс.), Белоруссии – 80,6 тыс. и Туркестане – 3,5 тыс.

«Разногласица» в оценках численности польского населения сохранилась и в последующие годы. Так, в 1922 г. в Белоруссии числился 46 731 поляк (по другим данным – 107 тыс.), на Украине – 700 тыс. (по другим данным – 1 млн), в центральных губерниях России – около 400 тыс. [13, с. 10]. Причем по запросу АПО ЦК РКП(б) (август 1921 г.) руководство Польбюро с полной ответственностью заявило, что в советских республиках, кроме польских беженцев (около 500 тыс. чел.) находится не менее 3 млн поляков (!). Наибольшая их концентрация отмечалась в Белоруссии (в бывшей Минской губернии – до 10% всего населения), в Гомельской

и Витебской губерниях, в Правобережной Украине (Киевская, Волынская и Подольская губернии), в Смоленской губернии и таких городах, как Одесса, Харьков, Петроград и Москва [13, с. 10]. Аналогичная цифра (3 млн) приводилась руководством Польбюро при ЦК РКП(б) и в официальной печати двумя годами позже – в 1923 г. [5, л. 106; 15, с. 230].

Попытку преувеличения статистических данных со стороны Польбюро при ЦК РКП(б) можно объяснить не только отсутствием точных материалов о численности поляков в советских республиках, но и «политическим» моментом – возможностью подчеркнуть перед ЦК свою значимость как «представителя» многомиллионного нацменьшинства. Аналогичные случаи «передергивания» статистики в вопросах выделения финансовых средств, увеличения штатов и т.п. имели место в сводках других нацотделов центральных ведомств. Так, например, обосновывая необходимость создания педагогического института в Москве (ПИНО), руководство Немецкого подотдела при Совете нацменьшинств НКП объясняло это тем, что в РСФСР в 1921 г. проживало четыре миллиона (!) немцев [4, л. 34; 23, л. 36].

Сложность определения численности поляков на территории советских республик в начале 1920-х гг. обуславливалась не только массовыми их миграциями, но и проблемой их национальной самоидентификации. Порой дело доходило до курьезов. Так, в начале 1921 г. Польбюро при ЦК КП(б) Белоруссии прислало в Москву сообщение: *«Поляков мало очень, а католиков большинство, даже больше, чем русских, но они себя не признают поляками, а только католиками и просят, чтобы были собрания и газеты на польском языке...»* [цит. по: 13, с. 8]. По мнению некоторых исследователей, такое положение объяснялось низким уровнем национального самосознания поляков как в Белоруссии, так и на Украине, не говоря уже о РСФСР.

Однако есть и полностью противоположные мнения. Так, польский исследователь М. Иванов считает, что полякам, проживавшим в советских республиках, наоборот, были свойственны «обостренное чувство польскости» и повышенная сопротивляемость попыткам национального или религиозного угнетения. Это чувство

оживилось с образованием независимой Польши и надеждами «советских» поляков на контакты с ней. Несмотря на видимое отсутствие единства между поляками, проживавшими в Белоруссии, Украине или России, их объединяло, полагает Иванов, главное – отношение к Польше как к общей родине [31, с. 88–90]. В свою очередь, российский исследователь И. Костюшко считает, что подобные черты национального самосознания были свойственны лишь тем полякам, которые проживали компактными группами в Белоруссии, Украине или других местах СССР и пользовались польским языком в семье и ближайшем окружении. В целом же, по его мнению, польское население в СССР было ассимилировано, чем не преминули воспользоваться представители органов советской власти в ходе проведения политики «украинизации» и «белорусизации» в своих регионах [12, с. 67–68; 13, с. 11, 14–15].

Негативные последствия политики «белорусизации» для поляков, особенно на ее начальном этапе, отмечали также работники ЦИК СССР. Как правило, белорусские власти причисляли всех католиков-поляков, не владевших в достаточной степени польским языком, к белорусам. Отнесение таких католиков к полякам, по их мнению, привело бы к искусственной «полонизации» белорусского населения. Вместе с тем к середине 1920-х гг. таких белорусов-католиков насчитывалось в БССР около 200 тыс. человек. 4 ноября 1925 г. секретарь ЦК КП(б)Б А.И. Криницкий, выступая с докладом на заседании Оргбюро ЦК РКП(б), заметил по этому поводу: *«Чаще всего белорусы-католики считают себя сами и считаются поляками, но говорят по-белорусски...»* [21, л. 22]. Подобную точку зрения разделял и инструктор ЦК РКП(б) Осипов: *«Их (белорусов-католиков. – В.Д.) признают все за поляков, и они сами, и окружающие их, но их детей почему-то загоняют в белорусские школы...»* [20, л. 243; 21, л. 56]. Сложилась парадоксальная ситуация: Пленум ЦК КП(б)Б в январе 1926 г. принял специальное постановление о «белорусах-католиках», запрещавшее их произвольное причисление к полякам. В свою очередь, руководство Польшбюро при ЦК КП(б)Б, напротив, почти всех католиков (около 400 тыс. человек) отнесло к полякам, полагая, что национальная принадлежность католика должна определяться только по его личному заявлению [30, с. 99–101].

Аналогичная ситуация была и в Украинской ССР. Как только в 1922–1923 гг. на Волыни и в Подолии часть последователей униатской церкви стали переходить в католичество, а жители стали требовать открытия польских школ, власти тут же выработали «свои» критерии, определявшие национальную принадлежность населения. Например, в Бахмутовском районе поляком считался только тот католик, который владел польским языком, а в Ярмолинском районе – только лица, родившиеся на территории Польши, и т.д. [13, с. 12; 20, л. 243]. Комиссия по делам нацменьшинств Подольского губисполкома в апреле 1925 г. в одном из своих отчетов сообщала: *«В работе нацкомиссии по польской линии большим и острым вопросом является вопрос о так называемых “украинцах-католиках”. В этом вопросе на местах царит еще до сих пор полнейшая неразбериха, ибо понятия: принадлежность к религии и национальность – смешиваются и в результате получается целый ряд казусов, мешающих проведению учета польского населения...»* [17, с. 477]. На проблему «украинцев-католиков» в Подольской губернии обращалось внимание и в отчете Центральной комиссии по делам нацменьшинств при ВУЦИК за 1925–1926 гг. Были зафиксированы случаи, когда католики-поляки, несмотря на все их возражения, так и не были отнесены к польскому населению³.

Неудивительно, что Польшюро при ЦК ВКП(б), стремившееся к «реполонизации» не определившегося в своей национальности католического населения, особое значение придавало результатам Всесоюзной переписи населения 1926 г. Еще за несколько месяцев до ее начала руководство Польшюро обратилось с ходатайством в ЦК ВКП(б) о необходимости дать разъяснения на места для устранения возможных неточностей в ходе проведения переписи (скрытие национальной принадлежности из опасения преследований; путаница национальности с вероисповеданием или государственной принадлежностью и т.д.). В соответствии с инструкцией о переписи населения национальная принадлежность

³ Нередко, если «католики-украинцы» требовали обслуживания их на польском языке, их тут же причисляли к врагам советской власти. См.: *Костюшко И.И.* Польское национальное меньшинство в СССР (1920-е гг.). М., 2001. С. 12–13.

опрашиваемого лица устанавливалась либо по его заявлению, либо по его родному языку [27]. Никаких сложностей не возникало, если он сразу же признавал своим родным языком польский. Иначе обстояло дело, если он не знал польского языка или не мог отнести себя к определенной национальной группе. В таких случаях переписчики нередко без умысла, а иногда и вполне сознательно нарушали предписания инструкции, записывая опрашиваемых в одном случае поляками, а в другом – белорусами или украинцами.

Тем более, что потенциальных претендентов на «титულную нацию» в УССР или БССР хватало с избытком. Так, на Всебелорусском съезде крестьян-поляков (!) (28.02–3.03.1926) обиденным явлением были такие реплики: *«Белорусский язык мы лучше понимаем, нежели польский, только меньшинство съезда хорошо говорит по-польски...»* [цит. по: 13, с. 13]. Имели место случаи, когда проживавшие в пограничной полосе поляки, сознавая уязвимое положение после Советско-польской войны и опасаясь преследования со стороны властей, специально скрывали свою национальную принадлежность, ложно объявляя себя «белорусами» [22, л. 114]. К примеру, в Нарейковском сельсовете (БССР) из 673 чел. при 537 католиках только 203 чел. признали себя поляками.

Основной причиной такого несоответствия, по мнению Оргкомиссии Президиума ЦИК СССР, явился страх: *«Поляки именуют себя белорусами из-за боязни, что на поляков будет гонение...»* [6, л. 51]. По словам одного из докладчиков на Всебелорусском съезде польских крестьян (1926), делегаты, избранные на районную конференцию в качестве представителей польского нацменьшинства, *«дрожали»* из-за опасения высылки [1, с. 25; 10, с. 17–18; 13, с. 14]. Представитель Центральной комиссии по делам нацменьшинств при ВУЦИК Я. Саулевич, оценивая в январе 1927 г. положение польского нацменьшинства в УССР, также отмечал *«национальную запуганность»* польского населения [16, с. 35]. В соответствии с данными Национальной комиссии ЦИК БССР (апрель 1930 г.), большинство поляков-железнодорожников *«не объявляют себя поляками»*, боясь потерять свое рабочее место⁴ [6, л. 51; 7, л. 35; 19, с. 21].

⁴ В период Советско-польской войны 1919–1921 гг. все поляки, работавшие на железной дороге, были уволены.

Неудивительно, что подобные обстоятельства приводили к существенному разбросу статистических данных. Если, к примеру, при создании в 1925 г. Шестаковского польского сельсовета (Минский округ, БССР) доля поляков доходила до 85%, то по переписи 1926 г. поляков здесь насчитали только 22%, а по другим данным – и вовсе 15% [31, с. 69]. Большое значение в ряде случаев играл такой фактор, как национальность переписчика. Иногда дело доходило до курьезов. Так, в одной из деревень Белорусской ССР все жители поголовно были записаны белорусами (переписчиком был белорус), а в находившейся здесь же школе, где перепись производил поляк, все учащиеся (т.е. дети жителей деревни) были отнесены к полякам [13, с. 14]. На Украине вообще все поляки, не владевшие польским языком, были автоматически отнесены в ходе переписи к украинцам [31, с. 69–70].

В соответствии со справкой, анализирующей ошибки, допущенные при проведении переписи 1926 г.⁵, только в польских селах Каменецкого округа УССР были исправлены следующие «недочеты» и «неточности»: если по переписи в с. Ксаверовка было зафиксировано только 1,3% поляков, то при ее перепроверке – уже 81,25%, в с. Калатуры – соответственно 41,3 и 62,8%, в с. Рехтова – 24,06 и 40,8%, в с. Гута Яцковецька – 41,3 и 71,1% и т.д. В с. Млаки переписчики не нашли вообще ни одного поляка, хотя при перепроверке их оказалось 73,6%. В с. Завадовка к украинцам было причислено все польское население без исключения. В категорию «украинцы» попали 864 поляка из с. Чернявка Бердичевского округа, 396 – из с. Тевелевка Волынского округа и т.д. [25, л. 131–132]. В результате повторной проверки материалов переписи только в 48 населенных пунктах УССР численность поляков увеличилась на 60%. Аналогичная ситуация наблюдалась и в ряде населенных пунктов Белорусской ССР⁶. По мнению польских

⁵ В большинстве случаев на пересмотре данных переписи в ряде населенных пунктов настаивало именно руководство Польбюро при ЦК КП(б)У. См.: *Iwanow M. Pierwszy naród Ukarańy*. С. 80–81.

⁶ Так, к примеру, после перепроверки численности населения в трех населенных пунктах Белорусской ССР число поляков выросло в 4 раза. Остается добавить, что эти данные так и не вошли в окончательную сводку ЦСУ. См.: *Iwanow M. Pierwszy naród ukarańy*. С. 80–81.

историков, в результате проведения Всесоюзной переписи населения 1926 г. численность польского населения в СССР была основательно преуменьшена: в БССР приблизительно в три раза, а в УССР – на 20–30%. По их данным, общая численность «советских» поляков к середине 1920-х гг. составляла от 1,15 до 1,3 млн человек⁷ [13, с. 15; 31, с. 63–65, 72–73].

По данным Всесоюзной переписи 1926 г., численность польского населения в СССР составляла только 790 тыс. чел. [2, с. 134–138], из которых 529 тыс. (67%) находились в сельской местности. При этом основная масса поляков (61%) проживали в УССР, в РСФСР их пребывало 25%, в БССР – 12,5%, в остальных союзных республиках – только 1,5%⁸. Причем, из них доля лиц, считавших польский язык родным, была весьма низкой во всех республиках СССР, колеблясь от 43,2 (БССР) до 66,7% (Узбекская ССР) (табл. 1). Довольно сильно различалась и доля польского населения по различным территориальным округам страны. Так, например, если в Уманском округе УССР удельный вес поляков среди инонационального населения составлял лишь 0,7%, то в Волынском – уже 12,5% [24, л. 116].

«Неопределенность» национальной принадлежности украинских и белорусских «поляков» сохранялась и в последующие годы. Председатель Национальной комиссии ЦИК БССР А.И. Хацкевич 7 сентября 1927 г. на заседании Президиума Совета национальностей ЦИК СССР подтвердил, что католики в одних случаях считают себя белорусами, а в других – поляками. Придерживалось этой точки зрения и руководство ЦБ польских секций при ЦК ВКП(б). В резолюции Всесоюзного совещания работников польсекций ВКП(б) (7–12 мая 1928 г.) подчеркивалось: «Имеются еще в БССР и УССР группы католического населения, которые в домашнем быту

⁷ Польский ученый Н. Kubiak приводит еще более высокую численность поляков в СССР: от 1,3 до 1,5 млн человек. См.: *Kubiak H. Polacy i Polonia w ZSSR: kwestie terminologiczne, periodyzacja, rozmieszczenie przestrzenne, szacunki ilościowe // Mniejszości polskie i polonia w ZSSR. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1992. С. 28.*

⁸ Городское польское население составляло около 33%: в РСФСР – 65%, в УССР – 21% и БССР – 20%.

употребляют исключительно украинский язык, но не определили своей национальности, смешивая вероисповедание с национальностью...» Это создает ряд трудностей, «а именно: случаи причисления поляков к украинцам или белорусам, что связано с отказом обслуживания на родном (польском) языке, и случаи причисления всего населения католического вероисповедания к польской национальности и как результат этого – обслуживание белорусской и украинской части этого населения на польском языке и полонизация его...» [цит. по: 13, с. 19–20].

Таблица 1⁹

**Численность польского населения в республиках СССР (1926),
включая знание родного языка**

Республика	Абсолютное число, тыс. чел.	Процент	Польский язык как родной (абс.), тыс. чел.	Процент
УССР	476,435	1,60	221,955	49,9
БССР	97,498	1,96	42,185	42,8
РСФСР	197,782	0,19	92,887	42,5
Закавказская СФСР	6,324	0,10	2,945	46,5
Узбекская ССР	3,412	0,06	2,278	66,7
Туркменская ССР	830,000	0,09	434,000	52,0
Всего	782,281	0,50	362,684 ¹⁰	46,3

Опасность «полонизации» инонационального населения партийные функционеры, несомненно, преувеличивали, т.к. процесс «коренизации» кадров, включая применение родного языка, даже в чисто национальных сельсоветах (в нашем случае – польских)

⁹ Костюшко И.И. Польское национальное меньшинство. С. 16; РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 369. Л. 116–117.

¹⁰ По другим сведениям, польский язык «как родной» указали только 335,533 тыс. чел. См.: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Изд. ЦСУ СССР. Т. XVII. М., 1929. С. 3, 8.

шел с трудом. Еще 25 октября 1923 г. по всему СССР был разослан совершенно секретный циркуляр ЦК РКП(б), где обращалось внимание на малую эффективность работы властей среди польского населения и слабое противодействие «попыткам польской контрреволюции закреплять свое политическое влияние» среди поляков, живущих в пограничной полосе. Наряду с указаниями по усилению идейно-воспитательной работы среди польского населения губкомам партии было предложено вплотную заняться и кадровой политикой. В частности, подбирать «на советские и хозяйственные посты» лиц, владеющих польским языком, преимущественно «поляков-коммунистов», особенно на должности председателей волостных и сельских советов [20, л. 92, 253–254].

На практике ситуация с кадрами в польских сельсоветах оставляла желать лучшего и к началу 1930 г. Так, например, в Волочинском районе УССР в 1930 г. из 10 председателей польских сельсоветов только двое могли свободно изъясняться на польском языке. В Волынском округе, где было образовано 53 польских сельсовета, более четверти из них возглавлялись не поляками. Неудивительно, что и делопроизводство в этих «национальных» сельсоветах велось не на польском, а на украинском языке. К примеру, если в Волынском округе (1929) украинский язык являлся основным в большинстве польских сельсоветов, то в Проскуровском округе (1930) – уже во всех без исключения. Причем в смешанных сельсоветах Украины и Белоруссии, где поляки составляли весомую, но недостаточную для организации «своих» национальных сельсоветов часть, польский язык в делопроизводстве не применялся вообще [9, с. 31–33; 13, с. 88, 99–101].

В заключение можно констатировать, что в рамках советской системы постепенно происходила как «реполонизация» части католиков (под эгидой Польбюро при ЦК ВКП(б)), так и их ассимиляция, в особенности проживавших разрозненно, в смешанных районах и сельсоветах союзных республик. Определенная часть поляков, проживавших в приграничных районах СССР, опасаясь возможных гонений и репрессий, специально скрывали свою национальную принадлежность и добровольно переходили, прежде

всего в БССР и УССР, в категорию «титulyных наций»¹¹ [6, л. 51]. В некоторых случаях ассимиляционным процессам оказывали весомую поддержку представители государственных органов, заинтересованные в увеличении численности «титulyных» наций. Феномен «перетекания» в «титulyные» нации наблюдался и среди других представителей этнодисперсных групп Запада («финны – северные карелы» в приграничной Карельской АССР) [29], хотя далеко и не в такой степени, как среди поляков Украины и Белоруссии [Там же; 11, с. 204–205; 14, с. 44–45].

Литература и источники

1. Буценко А. Советское строительство и нацменьшинства на Украине. Харьков, 1926.
2. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Изд. ЦСУ СССР. Вып. IV [С дополнениями по Дальневосточному краю и Тобольску]. М., 1928.
3. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Изд. ЦСУ СССР. Т. XVII. М., 1929.
4. ГАРФ. Ф. Р–1318. Оп. 1. Д. 8.
5. ГАРФ. Ф. Р–1318. Оп. 1. Д. 9.
6. ГАРФ. Ф. Р–3316. Оп. 23. Д. 1339.
7. ГАРФ. Ф. Р–3316. Оп. 23. Д. 1360.
8. Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959.
9. Євтух В.Б. Чирко. Німці в Україні (1920–1990-ті роки). Київ, 1994.
10. Итоги работы среди национальных меньшинств на Украине. Харьков, 1927.
11. Киселева И.Г. Этническая структура и этническая характеристика населения Петербурга // Качество населения Санкт-Петербурга. СПб., 1993. С. 204–210.
12. Костюк М.П. Большевицкая система власти в Беларуси. М., 2002.
13. Костюшко И.И. Польское национальное меньшинство в СССР (1920-е годы). М., 2001.
14. Лаллукка С. Штрихи к этнической карте Северо-Запада России (1926–1959 гг.) // В семье единой / под ред. Т. Вихавайнена, И. Такала. Петрозаводск, 1998. С. 42–65.

¹¹ В свою очередь, «обрусевшие» белоруссы и украинцы в РСФСР нередко становились «русскими», автоматически зачисляясь в категорию «титulyной нации». См., к примеру: Судьбы национальных меньшинств на Смоленщине 1918–1938 гг.: документы и материалы. Смоленск, 1994.

15. *Мархлевский Ю.* Польский вопрос и Октябрьская революция // Жизнь национальностей. 1923. № 1. С. 227–231.
16. Первое Всеукраинское совещание по работе среди национальных меньшинств, 8–11 января 1927 г. Стеногр. отчет. Резолюции. Постановления. Материалы. Харьков, 1927.
17. Поділля в період відбудови народного господарства (1921–1925 рр.). Вінниця, 1957.
18. Польско-советская война (1919–1920) / под ред. И.И. Костюшко. Ч. 1. М., 1994.
19. Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской социалистической советской республике. Ч. 1. Минск, 1927.
20. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 475.
21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 708.
22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8.
23. РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 4. Д. 77.
24. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 369 [Данные Всесоюзной переписи населения 1926 г. в отношении поляков, 1927 г.].
25. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 369 [Справка об ошибках, допущенных при проведении переписи населения в 1926 г.].
26. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 206.
27. *Соколовский С.В.* Этническая идентичность в переписях населения: классификационные принципы и подходы // http://old.iea.ras.ru/topic/census/doc/sokol_paper2002-1.htm (дата обращения: 18.03.2019).
28. Судьбы национальных меньшинств на Смоленщине 1918–1938 гг.: документы и материалы. Смоленск, 1994.
29. Этнодемографический атлас прибалтийско-финских народов Республики Карелия (языковая ситуация). <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=321> (дата обращения: 18.03.2019).
30. *Iwanow M.* Pierwszy naród ukarany. Polacy w związku radzieckim 1921–1939. Warszawa, Wrocław, 1991.
31. *Iwanow M.* Polacy w związku radzieckim w latach 1921–1939. Wrocław, 1990.
32. *Kubiak H.* Polacy i Polonia w ZSSR: kwestie terminologiczne, periodyzacja, rozmieszczenie przestrenne, szacunki ilościowe // Мniejszości polskie i polonia w ZSSR. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1992. С. 17–34.
33. *Mądzik M.* Repatriacja Polaków z Kaukazu po I wojnie światowej // Мniejszości polskie i polonia w ZSSR. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1992. С. 321–330.

Хаустов Владимир Николаевич,
доктор исторических наук, профессор;
ведущий научный сотрудник
Научно-исследовательского центра
Военного университета
Министерства обороны РФ

**СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛОЖЕНИЕ ПОЛЯКОВ
В СССР В 1920–1930-е гг.**

Аннотация. В статье раскрываются вопросы репрессивной политики в отношении польского населения СССР и стремление советского руководства вернуть территории, входившие в состав Российской империи. Отмечается, что польское население в СССР рассматривалось как потенциальная база для иностранных разведок. Затрагиваются этапы карательной политики против поляков и обвинения в принадлежности к мифической Польской организации войсковой. Делается вывод, что операция по полякам стала самой жестокой.

Ключевые слова: польское население СССР, Польская организация войсковая, репрессии, этапы усиления карательной политики, необоснованные обвинения в шпионской деятельности

Khaustov Vladimir Nikolayevich,
Doctor of Historical Sciences, Professor;
leading researcher,
Research Center of Military University,
Ministry of Defence of Russian Federation

**SOVIET-POLISH RELATIONS
AND THEIR INFLUENCE ON THE POSITION
OF THE POLES IN THE USSR IN THE 1920–1930s**

Abstract. The article reveals repressive policy in relation to the Polish population of the USSR and the desire of the Soviet leadership to return the territories that were parts of the Russian Empire. The Polish

population in the USSR was considered as a potential base for military intelligence services. The stages of punitive policy against the Poles and accusations of their belonging to the mythical Polish military organization are shown. The conclusion is made that the operation against the Poles was the most cruel one.

Key words: Polish population of the USSR, Polish military organization, repression, stages of strengthening the punitive policy, unsubstantiated allegations of espionage

В основе советско-польских отношений в межвоенные годы лежали глубокие противоречия, обусловленные последствиями Советско-польской войны 1920 г. По итогам Рижского мирного договора 1921 г. западные районы Украины и Белоруссии вошли в состав Польского государства.

Более глубоким фактором, оказывавшим негативное влияние на развитие межгосударственного сотрудничества, а в дальнейшем – на положение граждан СССР польской национальности, являлись имперские амбиции советского руководства, стремившегося после краха Российской империи вернуть утраченные территории. В аналитическом докладе генерала А.И. Деникина, направленном премьер-министрам Франции Э. Даладье и Великобритании Н. Чемберлену, политика СССР в отношении независимых приграничных государств рассматривалась в качестве политики мировой революции.

Еще до «военной тревоги» 1927 г. председатель ОГПУ – ведомства, которое являлось одним из важнейших источников информации для высшего руководства страны, – выражал тревогу в связи с военным переворотом в Польше. 11 июля 1926 г. Ф.Э. Дзержинский писал И.В. Сталину: «Целый ряд данных говорит с несомненной (для меня) ясностью, что Польша готовится к военному нападению на нас с целью отделить от СССР Белоруссию и Украину. В этом именно заключается почти вся работа Пилсудского, который внутренними делами Польши почти не занимается, а исключительно военными и дипломатическими для организации против нас сил». Чуть ранее он ставил задачи усиления борьбы с польской агентурой [9, с. 658].

В феврале 1931 г. на XII Всеукраинском съезде Советов в выступлениях делегатов звучали открытые антипольские высказывания. Заместитель председателя СНК Украины В.И. Порайко заявлял с трибуны: «К сожалению, здесь нет представителей от нашей сестры Западной Украины. Но мы надеемся, что недалек день, когда она соединится со своей родной матерью» [4, с. 226].

В целом отношение советского руководства к Польскому государству цинично выразил в октябре 1939 г. на сессии Верховного Совета СССР заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров В.М. Молотов: «Во-вторых, надо указать на такой факт, как военный разгром Польши и распад Польского государства. Правящие круги Польши немало кичились “прочностью” своего государства и “мощью” своей армии. Однако оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем – Красной армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей» [1, с. 8].

Наличие сопредельных с СССР независимых «буржуазно-демократических» государств, ранее входивших в состав Российской империи, постоянно тревожило и раздражало сталинское руководство. Советских граждан «инопроисхождения» подозревали в симпатиях к этим странам и считали их потенциальной вербовочной базой для разведывательных органов. Внутренняя политика в отношении таких граждан в значительной степени была обусловлена развитием международных отношений.

Следует отметить, что, наряду с Наркоматом иностранных дел, вторым по важности, а иногда и главным источником внешнеполитической информации для высшего руководства СССР были разведывательные службы. Фактически после провала в сентябре 1931 г. военного атташе в Польше В.Г. Богового военной разведке было запрещено проводить агентурную разведывательную работу. Основным источником получения информации стали резиденты Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ-НКВД СССР.

Начальник ИНО А.Х. Артузов после своего отстранения от должности писал в марте 1937 г. наркому Н.И. Ежову о разногласиях

между позицией Наркомата иностранных дел и разведки НКВД по поводу перспектив развития внешней политики Польши. Артузов отметил, что, по сообщениям резидента ИНО В. Илинича, происходило сближение Польши и Германии, усиливалась совместная антисоветская направленность их политики, вплоть до взаимных военных обязательств. Это отличалось от оценки советско-польских отношений, которую давали руководство Наркомата иностранных дел, полпред СССР в Польше В.А. Антонов-Овсенко и заведующий Бюро международной информации ЦК ВКП(б) К.Б. Радек. Они полагали, что в политике Польши намечается не очередной маневр, а определенный поворот в сторону сближения с СССР. Сталин первоначально высказал недоверие к информации Илинича. Однако после заключения в январе 1934 г. польско-германского соглашения о мирном разрешении споров он в большей степени стал доверять информации внешней разведки. В беседе с Артузовым Сталин отметил, что его источник по Польше оказался прав. Таким образом, Сталин поверил в наличие секретных соглашений между Польшей и Германией [10, т. 1, л. 75].

В феврале 1935 г. в документальном материале, направленном Сталину, содержались высказывания Ю. Пилсудского по поводу Германии, которой стоило проводить осторожную политику в отношении Советского Союза. Единственным подходящим моментом для нападения на СССР, как отмечалось в сообщении, Пилсудский считал продолжительную японо-советскую войну и неудачи Красной армии на Дальнем Востоке [2, с. 426].

В сентябре 1935 г. в очередном спецсообщении из резидентуры в Варшаве сообщалось о том, что Генеральные штабы Германии и Польши разрабатывают общий план наступления на СССР. На маневрах в Нюрнберге присутствовали 8 генштабистов из Польши, а на польских маневрах в районе Луцк-Ровно, которые проводил Генеральный инспектор вооруженных сил Польши Э. Рызд-Смиглы, присутствовала немецкая делегация [11, с. 285–286].

Таким образом, Польша и Германия рассматривались сталинским руководством в качестве главной угрозы.

Помимо общего курса на репрессии в отношении польского населения как потенциальной базы польской разведки имела

значение и деятельность польских спецслужб. Пресечение последними подрывной работы, которую проводили Польская секция Коминтерна, компартии Западной Украины и Западной Белоруссии, сопровождалось арестами их эмиссаров в Польше. Аресты за коммунистическую деятельность занимали первое место среди арестов польской политической полицией до конца 1920-х гг. Они в 5 раз превышали количество арестов по обвинению в шпионаже [6, с. 240]. С большой долей вероятности можно утверждать, что польские спецслужбы использовали арестованных для внедрения провокаторов в коммунистические организации.

Заброска польской агентуры осуществлялась через территорию Украины и Белоруссии. В отчете о количестве арестованных сотрудниками Полномочного представительства ОГПУ Белорусской ССР по польской линии отмечалось, что за период с 1 января по 1 июня 1934 г. было арестовано 24 агента политической полиции, а всего агентов разведки и политполиции арестовано 77 человек. Значительную часть из них составляли бежавшие в Польшу от коллективизации жители Белоруссии, а также заключенные из различных лагерей. Среди арестованных в отчете указывались и три руководящих работника компартии Западной Белоруссии, брошенных польской политической полицией [12, л. 24–25]. Важно отметить, что у многих арестованных не было обнаружено никаких вещественных доказательств ведения ими разведывательной деятельности.

Резкое усиление преследований лиц польской национальности произошло после прихода к власти в Германии в 1933 г. нацистов. Анализ статистических отчетов органов ОГПУ-НКВД до 1939 г. показывает, что количество обвиняемых в шпионской деятельности по заданиям польских спецслужб устойчиво составляло от 20 до 35% числа всех арестованных по этой статье Уголовного кодекса РСФСР.

Такие отношения с Польшей самым негативным образом влияли на положение советских поляков. Можно выделить определенные этапы в проводившейся по отношению к ним репрессивной политике. В 1933–1934 гг. начались первые групповые аресты по обвинению в принадлежности к «Польской организации

войсковой» (ПОВ) на Украине. Более 70 человек было арестовано Киевским облотделом ГПУ. 29 мая 1934 г. Г.Г. Ягода сообщал в Политбюро ЦК ВКП(б) о необходимости утвердить временно отсроченное решение политкомиссии ЦК ВКП(б) от 10 апреля о приговоре к высшей мере наказания шести украинских работников партийных, советских, хозяйственных органов, обвиняемых в принадлежности к ПОВ и в провокаторской деятельности в компартии Польши. Через два дня Политбюро утвердило приговор [5, л. 525].

В сентябре 1935 г. нарком внутренних дел Украинской ССР В.А. Балицкий и секретарь ЦК КП(б)У Н.Н. Попов подготовили проект докладной записки о результатах раскрытия организаций ПОВ на Украине и связях этой организации с деятелями Коминтерна. В это время там был арестован представитель компартии Западной Украины в Польской секции Коминтерна В.Ю. Стасюк [15, л. 224].

В декабре 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о закрытии особых переправ для компартий Польши, Западной Украины и Западной Белоруссии. Ранее под контролем НКВД эмиссары указанных партий нелегально переходили границу с Польшей и после выполнения заданий возвращались через специальные проходы в труднодоступных для польской погранохраны районах. Теперь внешнеполитическая деятельность этих партий по линии Коминтерна была фактически заблокирована.

Далее последовал новый виток преследований. В ходе начавшейся в первые месяцы 1936 г. чистки среди политэмигрантов польским коммунистам было уделено особое внимание. 19 января 1936 г. секретарь Исполкома Коминтерна Д.З. Мануильский писал секретарю ЦК ВКП(б) Н.И. Ежову, назначенному ответственным за подготовку специального решения по политэмиграции: «Дорогой Николай Иванович! Прошу Вас в ближайшие дни принять меня по вопросу о мероприятиях против проникновения под видом политэмигрантов и членов братских компартий на территорию СССР шпионов и диверсантов... Я хотел бы с Вами обсудить вопрос о мероприятиях по проверке польской компартии, являющейся, как Вам известно, в последние годы главным поставщиком

шпионских и провокаторских элементов в СССР». Специально созданная комиссия по проверке политэмигрантов принимала решения об их дальнейшей судьбе. Так, в Москве летом 1936 г. после проверки 368 политэмигрантов из Польши комиссия постановила арестовать 53 человека [8, с. 13–14].

В процессе допросов были получены показания об участии в вымышленной организации ПОВ на некоторых известных представителях польской диаспоры в СССР. Арестованный секретарь Черниговского обкома КП(б)У Б.В. Скарбек-Шацкий – который был назван Ягодой в спецсообщении от 24 мая 1934 г. в числе шести участников ПОВ – указал на бывшего депутата польского сейма Т.Ф. Домбалья, прибывшего в порядке обмена политзаключенными в СССР в 1923 г. Домбаль являлся политическим секретарем Крестьянского Интернационала, вице-президентом Академии наук БССР, членом ЦК и ЦИК Белоруссии. После переезда в начале 1935 г. в Москву он оставался академиком Академии наук БССР и возглавил кафедру социально-экономических наук Московского института механизации и электрификации. В дальнейшем на его судьбу повлияло знакомство с состоящим в запасе в должности командира полка РККА поляком С.М. Пугачевским. Последний неоднократно встречался с сотрудницей польского посольства в Москве, что было зафиксировано сотрудниками ОГПУ. В начале декабря 1936 г. он был арестован и «сознался» в принадлежности к ПОВ, куда якобы был завербован для шпионской работы Домбалем. После ареста последнего в конце того же месяца Ежов 16 января 1937 г. рапортовал Сталину о том, что «мы приступаем к разгрому крупнейшей в Союзе польской диверсионно-террористической и шпионской резидентуры» [6, с. 49].

Особое внимание отводилось полякам, которые служили в РККА и органах НКВД. На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. в речи Сталина были названы конкретные фамилии польских «шпионов» в Наркомате внутренних дел. К ним он отнес, в частности, В. Илинича и Ю. Маковского.

Маковский – заместитель начальника Особого отдела Управления НКВД по Омской области – был принят на службу в ВЧК в 1921 г. по рекомендации Ф.Э. Дзержинского. Около пяти лет,

с 1928 по 1932 г., он работал советником в Китае. Преподавал в Военной академии им. М.В. Фрунзе. Затем в качестве сотрудника резидентуры Иностранного отдела в Париже проводил разведывательную работу в отношении Польши. После возвращения из заграникомандировки от него потребовали передать все материалы, хранившиеся в сейфе на конспиративной квартире в Париже. Он длительное время отказывался их передавать, заявляя, что ключи от сейфа остались у содержателя квартиры. После проверки оказалось, что ключи Маковский никому не оставлял и только после ультимативного требования вернул их. Подозрения возникли, когда в сейфе вместо 15 тысяч франков нашли более 65 тысяч, а также письма от его сестры, проживавшей в Польше. В этих письмах среди знакомых упоминались видные государственные чиновники Польского государства. В феврале 1936 г. Маковский был арестован. Следствие длилось более полутора лет, в течение которых он отрицал все обвинения в шпионской деятельности. Проживший более 105 лет сотрудник органов госбезопасности Б.И. Гудзь, который с 1921 по 1937 г. служил в Особом отделе Главного управления государственной безопасности НКВД СССР и Разведывательном управлении РККА, рассказывал, что столь значительная сумма денег предназначалась для оплаты расходов по освобождению сотрудников разведки, заключенных в польские тюрьмы [3, с. 29]. После массовых арестов видных партийных и советских работников польского происхождения Маковский был обвинен уже в принадлежности к ПОВ и расстрелян. В настоящее время он реабилитирован.

Первым оперативным приказом по массовому репрессированию советских граждан по принципу национальной принадлежности стал приказ по проведению операции по полякам, утвержденный решением Политбюро ЦК ВКП(б) 9 августа 1937 г. Впервые он был опубликован в 1993 г. в Польше, а в 1996 г. – в России.

Рядовые советские граждане польской национальности осуждались в так называемом альбомном порядке. Листы с фамилиями и кратким обвинением сшивались по узкой стороне листа, подписывались начальником управления НКВД и прокурором области (так называемая двойка) и направлялись в НКВД СССР для

утверждения. Наказание предусматривалось только по двум категориям: 1-я категория – расстрел, 2-я категория – от 5 до 10 лет заключения. Далее альбомы должны были рассматривать нарком НКВД и Прокурор СССР. Однако эти альбомы утверждались начальниками отделов ГУГБ НКВД и возвращались в управления для приведения приговоров в исполнение.

Руководящие партийные, советские работники, руководители управлений и отделов наркоматов, промышленных предприятий, научные работники, инженеры, военнослужащие не могли проходить по «альбомным операциям». Дела на них передавались в Военную коллегия Верховного Суда, военные трибуналы или в суды.

После издания приказа началась вакханалия массовых арестов. Происходило все большее ужесточение карательных санкций. Ранее перебежчики из Польши просто переселялись в глубинные регионы СССР. В разгар операций по признакам национальной принадлежности 31 января 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) в отношении польских перебежчиков приняло следующее решение: «1) Предложить НКВД СССР всех задерживаемых на границе перебежчиков, вне зависимости от мотивов перехода их на территорию СССР, немедленно арестовывать и подвергать тщательному допросу. 2) Всех перебежчиков, в отношении которых будет прямо или косвенно установлено, что они перешли на территорию СССР со шпионскими, диверсионными или иными антисоветскими намерениями, предавать суду Военного трибунала, с обязательным применением расстрела...» Далее в решении отмечалось, что, даже если будет установлено, что они перешли на территорию СССР не злонамеренно, тем не менее было предложено давать им 10 лет тюремного заключения по постановлению Особого совещания НКВД [6, с. 469].

На январском 1938 г. оперативном совещании руководящего состава НКВД СССР во время выступления наркома НКВД Белоруссии М.Д. Бермана нарком Ежов выступил с циничным предложением. Берман докладывал о репрессировании перебежчиков из Польши. Ежов прервал его и предложил стрелять в возможных перебежчиков на приграничной территории Польши. Он спросил наркома Белоруссии, хватит ли боя винтовки, чтобы застрелить

перебежчика. Берман ответил, что боя винтовки хватит, но возможен международный скандал, т.к. мы убиваем на чужой территории [13, л. 44].

В Свердловской области «отличился» начальник управления НКВД Д.М. Дмитриев, который для упрощения поиска лиц польской национальности дал указание арестовывать всех, чьи фамилии оканчиваются на «-ский». По этому поводу в центральном аппарате мрачно шутили, что в Свердловск не следует ехать заместителю наркома М.П. Фриновскому. Отчасти и из-за этого Фриновский критиковал Дмитриева за проведение операции по инонациональностям. В шифртелеграмме от 21 марта 1938 г. он писал, что «по польской операции репрессировано 4218 человек. Из них поляков только 390. В числе арестованных 3798 бывших кулаков и их детей, причем из этого числа 3552 рабочих. Среди них до 20-летнего возраста 161 человек. Перебежчиков поляков арестовано 34...» [14, л. 32].

В этой связи следует отметить, что статистические данные НКВД были сфальсифицированы с момента их составления. В качестве представителей польской национальности были арестованы белорусы, украинцы и др. После того как из центрального аппарата последовала резкая критика на недопустимо высокий процент арестованных рабочих и крестьян, на местах начали «исправлять» статистику.

Инспекционные поездки руководства НКВД по регионам СССР приводили к эскалации репрессий. Например, нарком внутренних дел Ежов на собрании актива НКВД Украины в феврале 1938 г. поставил задачу шире развертывать операции по инонациональностям. 15 апреля 1938 г. нарком внутренних дел Украины А.И. Успенский рапортовал Ежову: «В соответствии с Вашими указаниями перед всеми органами НКВД на Украине была поставлена задача разгромить польское шпионско-диверсионное и повстанческое подполье на Украине». Ежов переправил спецсообщение Сталину, который одобрил аресты десятков военнослужащих и гражданских лиц и санкционировал дополнительно арест временно исполняющего обязанности наркома лесной промышленности СНК Украины [6, л. 526].

В спецсообщениях в период Большого террора постоянно присутствовала идея о том, что якобы участники Польской организации войсковой намеревались осуществить государственный переворот и при помощи западных государств отторгнуть от СССР территории, прежде всего Украины и Белоруссии, в целях создания Великого Польского государства.

Среди операций по инациональностям операция по полякам выделяется тем, что процент расстрелянных от численности арестованных и осужденных составлял почти 80. Это была самая массовая карательная акция, обусловленная политическими установками советского руководства о якобы реальной угрозе и коварстве, исходящих от Польского государства.

Литература и источники

1. Внеочередная пятая сессия Верховного Совета СССР 31 октября – 2 ноября 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939.
2. Глазами разведки, СССР и Европа. 1919–1938 годы: сб. док. / сост. М. Уль и др. М., 2015.
3. Запись беседы с Б.И. Гудзем в 1999 г. Из личного архива автора.
4. Кен О.Н., Рупасов А.И. Западное приграничье: Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными приграничными государствами. 1928–1934 гг. М., 2014.
5. Лубянка. Сталин и органы ВЧК-ОГПУ-НКВД СССР, январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003.
6. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД СССР. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004.
7. Мисюк А. Спецслужбы Польши против России и Германии: организационная структура польских спецслужб и их разведывательная и контрразведывательная деятельность в 1918–1939 годах. М., 2010.
8. Репрессии против поляков и польских граждан. Исторические сборники «Мемориала». М., 1997.
9. Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926 / сост. А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2006.
10. Центральный архив ФСБ Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). Архивно-следственное дело Р-4489. Т. 1.
11. ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 249.
12. ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 446.
13. ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 14.
14. ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 82.
15. Шаповал Ю.И., Золотарев В.А. «Гильотина Украины»: нарком Всеволод Балицкий и его судьба. М., 2017.

Уль Маттиас,
*доктор; научный сотрудник
Германского исторического института
в Москве (Германия)*

ВЗГЛЯДЫ СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА НА ГЕРМАНО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1930-е гг.

Аннотация. Текст посвящен германо-польским отношениям в призме советских спецслужб. После прихода к власти Гитлера Сталин и советские спецслужбы предполагали политическое сближение Германии и Польши. Имеющиеся сейчас документы показывают, что в картине германо-польских отношений, нарисованной спецслужбами для политического руководства СССР, подчеркивалась опасность нападения обоих государств на Советский Союз. По идеологическим причинам советское руководство восприняло эту информацию и, таким образом, не признало возможности улучшения отношений между СССР и Польшей. Поэтому Сталин сделал ставку на уничтожение Польского государства и в августе 1939 г. заключил германо-советский договор о ненападении с секретным дополнительным протоколом.

Ключевые слова: Сталин, германо-польские отношения, 1930-е гг., советский шпионаж против Польши

Uhl Mattias,
*Doctor; researcher,
German Historical Institute in Moscow (Germany)*

THE SOVIET LEADERSHIP'S VIEWS ON GERMAN-POLISH RELATIONS IN THE 1930s

Abstract. The text is dedicated to German-Polish relations in the prism of the Soviet security services. After Hitler came to power, Stalin and the Soviet security services assumed that Germany and Poland would become closer politically. The documents available now, shows that for

the political leadership of the USSR the special services drew a picture of German-Polish relations, which unilaterally stressed the danger of attack of both countries on the Soviet Union. For ideological reasons, the political leadership of the Soviet Union accepted this information in its assessment of the situation and thus did not recognize the possibility of improving relations between the USSR and Poland. Therefore, Stalin placed his bets on the destruction of the Polish state and in August 1939 signed within the framework of the Treaty of Non-aggression between Germany and the Union of Soviet Socialist Republics the secret Additional Protocol.

Key words: Stalin, diplomatic relations between Germany and Poland in the 1930s, Soviet espionage against Poland, Soviet foreign policy

После прихода Гитлера к власти советское руководство более внимательно стало изучать взаимоотношения между Германией и Польшей. Агрессия нацистской Германии через территорию Польши, которая рассматривалась в качестве плацдарма для нападения на СССР, считалась одним из возможных вариантов будущей войны. Особую тревогу в 1934 г. вызывало подписание германо-польского соглашения. До его заключения советские дипломатические представители в Польше и работники НКВД считали, что возможно сближение и более тесное сотрудничество между СССР и Польшей. Начальник Иностранного отдела А.Х. Артузов, однако, полагал, что перспективы польско-советского союза иллюзорны.

В документальных материалах, к которым мы сегодня имеем доступ, – например, в сводках Иностранного отдела НКВД, – упоминаются агентурные источники, известные лично Сталину. Таковым являлся советский нелегал в Польше В. Илинич, который периодически присылал обзоры о внешнеполитическом курсе польского руководства и сообщал о прогерманской ориентации Ю. Пилсудского. В частности, он сделал вывод о том, что в случае заключения франко-советского союза Пилсудский намерен развивать и усиливать польско-германский военный союз, но не будет заходить слишком далеко в противостоянии Франции. Польское правительство противодействовало борьбе СССР за создание системы коллективной безопасности в Европе и выступило противником подписания Восточного пакта, в котором усматривало

стремление Советского Союза играть доминирующую роль в Центральной и Восточной Европе.

Например, из резидентуры в Финляндии поступали сведения, что одной из целей посещения министром иностранных дел Польши Ю. Бекком этой страны в 1935 г. было стремление удержать Финляндию и прибалтийские государства от вступления в Восточный пакт. Попытка создания этого пакта не увенчалась успехом, но договоры СССР с Францией и Чехословакией, заключенные в 1935 г., явились важным шагом в обеспечении безопасности каждого из этих государств от вероятной агрессии со стороны нацистской Германии.

Советское руководство полагало, что договор между Польшей и Германией, подписанный в январе 1934 г., содержит секретные пункты о сотрудничестве, направленные против СССР. Советские спецслужбы продолжали докладывать Сталину о секретных соглашениях между Германией и Польшей. Например, летом 1934 г. источник ИНО НКВД сообщил: «27-го июля с. г. между Пилсудским и Гитлером заключено новое “джентльменское соглашение”, согласно которого: 1. Польша и Германия обязуются не примыкать к Восточному пакту без предварительного взаимного согласования этого вопроса. Они же обязуются дипломатическим путем общими усилиями противодействовать заключению как Восточного пакта, так и предполагаемого Средиземно-Южного пакта. 2. В случае заключения Восточного пакта без участия в нем Польши и Германии – Польша и Германия обязуются заключить оборонительный военный союз против СССР и Франции. 3. В случае заключения франко-советского военного союза или в случае франко-советского военного сотрудничества – Польша и Германия заключают с Японией военно-оборонительные союзы. 4. Польша и Германия считают необходимым вовлечь в сферу своего влияния Венгрию, Румынию, Латвию, Эстонию и Финляндию» [1, л. 80–95].

Советские спецслужбы изображали Польшу как реальную угрозу национальной безопасности СССР: «Польша в своей внешней политике в настоящий момент исходит из глубокой уверенности, что война между СССР и Японией наступит в недалеком будущем и что это обстоятельство, в свою очередь, послужит сигналом для

коренных перемен в Европе. В ожидании подобных событий Польша стремится уже сейчас оградить себя от возможных потрясений в будущем, и поэтому впредь ее внешняя политика будет основываться на следующей программе действий.

1. Польша отрицательно относится к Лиге Наций, т.к. последняя служит только интересам великих держав.
2. Польша не приемлет многосторонних гарантийных пактов и, по примеру Германии, стоит за двусторонние договора непосредственно между странами-соседями, ибо, на ее взгляд, только такой принцип может предотвратить в критический момент нарушение мирных договоров.
3. Политику Франции Польша считает ошибочной, поэтому она решила договориться непосредственно с Германией, воспользовавшись нынешним тяжелым положением последней.
4. Если бы Польша присоединилась к французской политике сближения с СССР, она превратилась бы во второстепенный фактор международной политики» [2, л. 111–117].

Особое значение придавалось визиту Геринга в Польшу в январе 1935 г. И в этом случае советские спецслужбы также внимательно следили за немецко-польским сближением: «В то же самое время Геринг должен предложить более тесный германо-польский союз. Принимая во внимание тенденции Франции, Советов, Малой Антанты и даже Италии к тому, чтобы за счет Польши договориться с Германией и направить германские экспансионистские стремления в сторону польской территории, следовало бы раз и навсегда положить конец всяким маневрам, направленным к разъединению Польши и Германии и к тому, чтобы использовать их одну против другой» [3, л. 61–62].

Другой источник ообщал: «Пилсудский будто бы посоветовал Герингу энергично проводить германское вооружение, не считаясь с протестами демократических правительств Парижа и Лондона. Эти правительства всегда признают совершившийся факт и скорее займут более примирительную позицию по отношению к сильной и могущественной Германии, чем к слабой Германии» [4, л. 63–65].

«Что касается Советской России, то здесь он, наоборот, советует проводить более осторожную политику. Имеется лишь один спо-

соб для того, чтобы победить Советы; он выражается в том, чтобы раньше деморализовать ее население и ее армию. Неудачи Красной армии на Дальнем Востоке, а также продолжительность японо-русской войны могли бы вызвать деморализацию внутри России. Это явилось бы единственным подходящим моментом для нападения на ее западные границы. <...> Итак, следует избегать войны с Советской Россией, не поврежденной в моральном отношении, и для этого необходимо воздерживаться от всяких провокаций в отношении Советов. Следует также избегать того, чтобы правительство Москвы, потерявшее терпение и изнервничавшееся, не приняло бы на себя инициативу в войне в такой момент, который явился бы невыгодным для Польши и Германии. <...> Таким образом, Пилсудский советует германскому правительству проявлять большую корректность по отношению к правительству Москвы» [4, л. 63–65].

Из документальных материалов ИНО следовало, что в ходе бесед весной 1936 г. маршал Рыдз-Смиглы заявлял министру иностранных дел Франции, что Польша не вполне доверяет Франции и Англии, которые могут не оказать ей помощи в борьбе с Германией, и исходя из этого возможно ее сближение с СССР, но еще больше пугает Польшу опасность «большевистской заразы» [5, с. 33].

Немцы, казалось бы, заверили поляков, что политика взаимопонимания с СССР подошла к концу: «До прихода Гитлера к власти в германской политике был совершен ряд серьезных ошибок. По отношению к России велась опасная политика Рапалло. В результате этой политики Германия вооружила большевистскую Россию, создала ей военную промышленность. В прежнем рейхсвере было много сторонников этой политики, но эти элементы были устранены из армии, и этим путем был положен конец такому положению вещей. Шлейхер хотя и говорил, что хочет вести борьбу с коммунизмом внутри Германии, но вовне старался установить контакт с СССР. Это были серьезные ошибки, которые повторять ни в коем случае нельзя. Гитлер всецело изменил положение и безапелляционно выдвинул тезис, что всякий контакт с коммунизмом, а тем самым и с СССР, исключается. <...> Не следует забывать, что точно так же, как возникла новая Польша, возникла и новая Германия, которая уже никогда не вернется к русофильской

политике. Необходимо всегда помнить, что существует большая опасность, угрожающая с востока, со стороны России, не только Польше, но и Германии. Эту опасность представляет не только большевизм, но и Россия как таковая, независимо от того, существует ли в ней монархический, либеральный или другой какой-нибудь строй. В этом отношении интересы Польши и Германии всецело совпадают. С германской точки зрения Польша может вести подлинно независимую политику только при условии взаимных дружественных отношений с Германией» [6, с. 132–136].

Посол Польши в СССР В. Гжибовский в октябре 1938 г. заверял советское руководство в том, что «руководящей линией польской внешней политики было донныне положение: ничего с Германией против СССР и ничего с СССР против Германии» [7, с. 599]. В аналитическом докладе «Об истории германо-польских отношений», добытом сотрудниками резидентуры ИНО в Париже из личного архива видного эмигрантского деятеля А.И. Гучкова, указывалось на возможность передачи Данцига (Гданьска) Германии. В результате этого шага Польша могла бы улучшить отношения с германским рейхом и направить его агрессию против СССР. Сталин подчеркнул это положение в докладе [8, л. 81–83].

События весны 1939 г. показали, что ультимативные требования Германии в отношении Данцига были категорически отвергнуты польским руководством. Однако сообщения советских резидентов, в которых политика Польши рассматривалась как политика вынужденного маневрирования в условиях соседства с двумя крупными державами, в Москве подвергались сомнению. Так, из сообщения источника «Отелло» заместитель начальника Иностранного отдела С.М. Шпигельглас сделал вывод, что доклад, несомненно, интересен. Он изобилует фактами, которые подтверждаются другими документами. Основная мысль доклада – Польша не агрессор, она жаждет сохранить при помощи Англии нейтралитет, лавируя между СССР, Германией, Францией, – может оказаться дезинформацией. В этом он видел опасность. Таким образом, в определенной мере внешняя разведка органов госбезопасности способствовала формированию у советского руководства мнения о «польской угрозе» [5, с. 33].

Как мы видели, советские разведывательные органы добывали огромное количество документальных материалов. Однако в 1930-х гг. отсутствовала эффективная информационно-аналитическая служба, которая могла осуществить глубокий анализ, обобщение материалов и дать тактические и стратегические рекомендации. Проблема усугублялась тем, что Сталин требовал информацию, а выводы он предпочитал делать сам. Характер политической власти был таков, что стратегические решения принимались крайне узким кругом лиц, точнее одним человеком. Нельзя переоценивать роль информации спецслужб, поскольку Сталин получал информацию и по другим каналам, и иногда он скептически относился к сведениям, добытым разведывательными органами. Несмотря на многочисленные и достоверные источники, советские спецслужбы могли оказывать лишь ограниченное влияние на его внешнеполитические идеи. Это было еще одной причиной, по которой Польша всегда оставалась противником Сталина, которого он стремился уничтожить при первой же возможности. Эта возможность возникла в августе 1939 г.

Литература и источники

1. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 187. Л. 80–95. Агентурное сообщение польского источника ИНО о польско-германо-японских отношениях, о поездке Дебнея в Варшаву и по другим вопросам. 5 сентября 1934 г.
2. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 187. Л. 111–117. Агентурное сообщение польского источника ИНО о задачах внешней политики Польши на ближайшее время. 18 октября 1934 г.
3. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 188. Л. 61–62. Документальный материал, полученный ИНО ГУГБ НКВД, о миссии Геринга в Польше. 28 января 1935 г.
4. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 188. Л. 63–65. Документальный материал, полученный ИНО ГУГБ НКВД, о высказываниях Пилсудского по поводу политики Германии в отношении Советского Союза. 1 февраля 1935 г.
5. Глазами разведки. СССР и Европа. 1919–1938 годы: сб. документов из российских архивов / сост.: М. Уль, В. Хаустов, В. Захаров. М., 2015.
6. Секреты польской политики: сб. документов (1935–1945 гг.). М., 2009.
7. Документы внешней политики СССР. Т. XXI. М., 1972.
8. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 188. Л. 81–83. Записка зам. начальника ИНО ГУГБ НКВД Слуцкого с приложением материала об истории возникновения германско-польской коалиции и ее планах, направленных против СССР. 23 апреля 1935 г.

Степанов Алексей Сергеевич,

*доктор исторических наук;
ведущий научный сотрудник
Центра изучения новейшей истории России
и политологии
Института российской истории РАН*

ПОЛЬСКИЙ ФАКТОР И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В ПЕРИОД МЮНХЕНСКОГО КРИЗИСА

Аннотация. В статье рассмотрены причины советско-польского противостояния осенью 1938 г. и несостоятельность обвинений в адрес Польши по поводу того, что противодействием проходу советских войск через свою территорию для оказания военной помощи Чехословакии она способствовала заключению Мюнхенского соглашения. Показано нежелание сталинского руководства оказывать подобную помощь. Рассмотрены некоторые детали советско-польской конфронтации на границе и попытка советского руководства использовать польский фактор для укрепления своих внешнеполитических позиций во время Мюнхена.

Ключевые слова: Польша, Тешин, Мюнхен, военная помощь, пропаганда, авиация, граница

Stepanov Alexei Sergeyevich,

*Doctor of Historical Sciences;
leading researcher,
Center for Study of Modern Russian History
and Political Science,
Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences*

POLISH FACTOR AND THE SOVIET UNION DURING THE MUNICH CRISIS

Abstract. This article examines and analyzes the causes of the Soviet-Polish confrontation in the fall of 1938 during the Munich crisis. It proves the inconsistency of the accusations of a number of historians against Poland over the fact that by counteracting the passage

of Soviet troops through its territory to provide military assistance to Czechoslovakia, it contributed to the conclusion of the Munich Agreement. The unwillingness to render such assistance to the USSR is shown, including the example of the refusal to send planes to the Czechoslovak Republic during the negotiations in 1938 with the Czechoslovak military delegation. The details of the Soviet-Polish confrontation on the border and the reaction of the USSR population to the exacerbation of the foreign policy situation are considered. It is concluded that the USSR attempted to use the Polish factor to strengthen the image of its foreign policy during Munich and the failure of this step.

Key words: Poland, Tesin, Munich, military aid, propaganda, aviation, border

Ситуация в отечественной исторической науке не всегда способствует углублению исторических знаний о советско-польских отношениях кануна Второй мировой войны. Порой со стороны некоторых ее представителей наблюдаются такие выпады по отношению к Польше, какие не всегда позволяла себе даже сталинская пропаганда. Как пример, можно привести статью в «Военно-историческом журнале» начальника научно-исследовательского отдела военной истории Северо-Западного региона РФ Института военной истории (ИВИ) Министерства обороны РФ, кандидата исторических наук полковника С.Н. Ковалева (входившего в редакционный совет этого журнала). В ней он возложил на Польшу вину за развязывание Второй мировой войны [5, с. 15–20], что является попыткой пересмотра решений Нюрнбергского трибунала о виновниках Второй мировой войны. В свое время в связи с публикацией этой статьи на официальном сайте Минобороны произошел дипломатический скандал. МИД Польши потребовал объяснений у российского посла, и начальник Генштаба, генерал армии Н.Е. Макаров, вынужден был заявить, что эта статья не является официальной позицией МО РФ.

В первом номере за 2017 г. «Военно-исторического журнала» в рубрике «Из истории военно-политических отношений» была опубликована открывающая номер статья профессора Московского гуманитарного университета, доктора исторических наук Н.Н. Платошкина с красноречивым заголовком «Забытый пособник Гитлера». В статье были освещены вопросы, касавшиеся

действий Польши осенью 1938 г. в связи с занятием ею Тешинской области Чехословакии. Статья начиналась с фразы: «Ныне правящие круги Польши активно представляют свою страну невинной жертвой фашистской агрессии в годы Второй мировой войны...» [7, с. 4].

Автор обвинил Польшу и в том, что, препятствуя прохождению советских войск для оказания помощи Чехословакии осенью 1938 г., она способствовала захвату Германией чехословацкой территории и созданию условий для развязывания Второй мировой войны. «В Москве надеялись, что Франция добьется от союзной ей Польши разрешения на проход через ее территорию ограниченного контингента советских войск и пролет советских самолетов в Чехословакию. Но Польша, помогая Гитлеру, для “устрашения” Советского Союза начала на Волыни крупные учения своей армии¹. Бек заявил, что любое вступление Красной армии на территорию Польши, чем бы оно ни мотивировалось, будет означать крупномасштабную войну. Этим решением Польша способствовала созданию условий для развязывания мировой войны и своей оккупации Германией» [7, с. 8].

Приведем еще один пример. Д.С. Буневич, директор Института русско-польского сотрудничества, указывал: «Именно позиция Польши в Судетском кризисе, обусловленная как недоверием к СССР, так и захватническими устремлениями в отношении Заользья, во многом способствовала заключению Мюнхенских соглашений. Ведь отсутствие польского согласия на пропуск войск делало невозможным оказание эффективной советской помощи Чехословакии, что, в свою очередь, подтолкнуло Францию, связанную с чехословаками оборонительным договором, к поиску компромисса с Гитлером. Чехословацкие лидеры же, лишившись

¹ Так называемые Большие Волыньские маневры 14–18 сентября 1938 г. были организованы после сбора урожая. До этого они проводились в 1925 г. В 1938 г. в них участвовало пять пехотных дивизий, три кавалерийских бригады и моторизованная кавалерийская бригада. После их окончания некоторые части были переброшены для действий в Тешинской Силезии. См.: *Ledwoch J. Manewry wolynski. Tank Power. Vol. CXLVI. 431. Wydawnictwo Militaria, 2016.*

внешней поддержки западных демократий, оказались не готовы самостоятельно сопротивляться германскому нажиму, поддержанному к тому же в итоге Великобританией, Францией и Италией» [1, с. 145].

Тема «вины» Польши в заключении Мюнхенских соглашений из-за препятствования советской военной помощи ЧСР в 1938 г. заслуживает особого внимания. Прежде всего, Польша не была связана никакими договорными обязательствами относительно обеспечения прохода советских войск через ее территорию в случае помощи СССР Чехословакии. Уже поэтому обвинять ее в потворствовании германской агрессии путем препятствованию прохода частей РККА безосновательно. Обратим внимание на важное обстоятельство, – СССР в период Мюнхенского кризиса не ссылаясь на невозможность выполнения договорных обязательств по оказанию помощи Чехословакии из-за позиции Польши.

Существовала теоретическая возможность прохода советских войск через территорию Румынии, но ее правительство официально не давало согласия на это. Хотя Платошкин не упрекал ее в срыве планов обороны Чехословакии, а Буневич уверял, что Румыния «не возражала против воздушных коридоров» [Там же, с. 153], советские аэропланы, которые так просила чехословацкая сторона, через Румынию почему-то не перелетели. Тем не менее, как и в случае с Польшей, СССР никогда не заявлял, что позиция Румынии делает совпомощь Чехословакии невозможной.

Таким образом, не одна Польша была несогласна с возможностью прохода Красной армии через свою территорию. Более того, СССР буквально до последнего дня кризиса уверял ЧСР о готовности оказать ей военную помощь. Если принять точку зрения, что запрет прохода через территорию других стран делал помощь Чехословакии невозможной, получается, что советское руководство длительное время открыто лгало своему союзнику и всему миру о том, что эта помощь осуществима.

В свое время и чешские, и российские авторы выявили, что планы советской военной помощи ЧСР не только до сих пор не обнаружены, но, возможно, даже и не существовали. С.З. Случ указывал: «По свидетельству военного историка Ю.А. Горькова,

в Генеральном штабе план оказания военной помощи Чехословакии не разрабатывался даже “впрок”, хотя для генштабистов подобного рода занятия относятся к числу рутинных. (Сообщено автору генерал-полковником Ю.А. Горьковым 20.07.1998.)» [8, с. 122]. М.И. Мельтюхов в монографии 2017 г. отмечал: «К сожалению, документы советского военного командования по проблемам чехословацкого кризиса все еще неизвестны» [6, с. 212].

Чешский исследователь Милослав Джон также подчеркнул, что доступные документы не содержат подтверждения, что СССР был готов помочь Чехословакии без каких-либо оговорок в сентябре 1938 г. По поводу пропагандистских высказываний некоторых советских лидеров, что СССР мог прийти на помощь только на основе резолюций Лиги Наций или после жалобы ЧСР на немецкую агрессию, можно сказать, что для той международной ситуации подобный вариант действий не имел даже малейшей надежды на реализацию. «В действительности это были только неопределенные обещания и само советское правительство не рассматривало их всерьез» [11, с. 294].

Монография М. Джона числится в списке использованной Платошкиным литературы, но он, обвиняя Польшу в срыве советской военной помощи, предпочел умолчать об отсутствии документов, содержащих какие-либо планы этой помощи. Более того, не давая ссылок на источники, Платошкин указал на некоторые детали «планировавшейся» военной помощи СССР: «Планировались беспосадочные перелеты из района Винницы в Ужгород – центр Подкарпатской Руси». (На той же странице автор отметил позднейшее название Подкарпатья: «Закарпатская область УССР», опустив такую «деталь» истории этой области, что в 1944 г. она была аннексирована СССР у Чехословакии – своего союзника по антигитлеровской коалиции.) [7, с. 9].

Остановимся подробнее на важном положении о готовности СССР оказать Чехословакии помощь воздушным путем. Версия о готовности советского руководства перебросить в ЧСР несколько сотен советских самолетов в сентябре 1938 г. была озвучена еще в советское время и базировалась, в частности, на докладной записке наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова в Политбюро

ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 28 сентября 1938 г. [см., например, 4, с. 311–312]. Однако этот документ содержал весьма расплывчатые фразы, которые, как подметил М. Джон о доступных советских документах, заставляют всерьез сомневаться в решимости советского руководства к реальным действиям. Самолеты лишь «подготавливаются и могут быть отправлены 30 сентября», причем «в случае необходимости посылки авиации в Чехословакию». Между тем именно 30 сентября – т.е. когда вышеупомянутые самолеты в самом лучшем случае могли быть отправлены – руководство ЧСР и подписало условия Мюнхенского договора. Иными словами, в доступном советском документе признавалось, что вплоть до конца сентября 1938 г. руководство СССР не имело боеспособной авиагруппировки, предназначенной для переброски в Чехословакию.

Еще в середине июля 1938 г. на самом высоком политическом и военном уровне Чехословакия ставила вопрос о поездке в Москву командующего ВВС генерала Я. Файфра. Месяц вопрос оставался без ответа, хотя в той международной обстановке было очевидно, что если бы советское руководство захотело оказать реальную помощь Чехословакии, то это было бы возможно только воздушным путем. В конце августа несколько чехословацких генералов, включая Файфра, смогли посетить СССР, но вопрос о предоставлении Чехословакии даже единственно возможной со стороны СССР помощи авиацией в случае нападения на нее Германии так и не был решен в Кремле [8, с. 134–135; 10, с. 141, 145].

Все эти свидетельства никак не позволяют обвинять Польшу.

Внятно ответить на вопрос, как предполагает СССР оказать помощь Чехословакии, советское руководство было не в состоянии. Все попытки перенести ответственность за исполнение помощи на французскую сторону, а также переложить на нее же задачи политического давления на Польшу и Румынию при умалчивании собственной практической роли в этих процессах отнюдь не способствовали восприятию СССР в качестве влиятельной фигуры на европейском политическом поле. Сталинская модель поведения – до самого последнего момента заявлять о готовности помощи ЧСР с неременной привязкой к помощи Франции или решению Лиги Наций, не раскрывая формы и пути оказания самой помощи, – оказалась крайне неудачной.

Выход из сложившейся ситуации советское руководство попыталось найти в конфронтации с Польшей, заявившей претензии на территорию Тешинской области. Внезапная советская активность никак не увязывалась с уже взятым курсом на уклонение от поддержки Чехословакии в ее противостоянии с Германией. Как отметил Случ, создание польской военной группировки для оккупации Тешинской области началось только 23 сентября, а уже в 4 часа того же дня польской стороне была вручена советская нота, где говорилось о денонсации пакта о ненападении с Польшей в случае вторжения польских войск в Чехословакию. Несмотря на обстановку экстраординарности, за нотой стояла не активная поддержка Чехословакии, а лишь ее видимость. Впоследствии Литвинов признал, что эта внешнеполитическая акция носила «условный характер». В Варшаве это поняли сразу, и уже вечером 23 сентября в лаконичном и резком ответе польского правительства советскому руководству дали понять, чтобы оно не вмешивалось не в свои дела. «...Это была самая откровенная дипломатическая пощечина, которая стала возможна только в отношении государства, чьи позиции на международной арене в тот момент котировались очень низко» [8, с. 141–142].

Атмосферу подготовки Советского Союза к действиям против Польши передает докладная записка НКВД БССР о настроениях населения вокруг угрозы войны Германии с Чехословакией от 2 октября 1938 г. В записке и приложении к ней отражены детали мероприятий, проводившихся на западной границе СССР и имевших прямое отношение к противостоянию с Польшей. Особое внимание уделялось неблагоприятной подготовке скрытой мобилизации на всех уровнях, информации о высказываниях военнослужащих и о панических настроениях населения в связи с военной угрозой, а также из-за неверия в возможности РККА в случае войны с Польшей и Германией [9, с. 699–702].

Ситуацию на советско-польской границе по состоянию на 30 сентября 1938 г., т.е. в день принятия руководством ЧСР условий Мюнхена, отражает донесение Военного совета КОВО К.Е. Ворошилову. В нем констатировалось создание польской группировки «для активных действий против Чехословакии на границе южнее Кракова»; проведение маневров польских войск

до 20 сентября в районе Луцк, Дубно, Ровно; «переброску полевых войск к госгранице СССР» начиная с 24 сентября («численность и состав их неизвестны»). Из документа следовало, что советская сторона располагала показаниями «перебежчиков, захваченных 26.9», а советская авиация нарушала воздушное пространство Польши, проводя разведывательные полеты в районах Ровно и Волочинск. Делался вывод, что для польской стороны «наш выход к госгранице явился неожиданным и только этим можно объяснить поспешность выхода польских частей к границе небольшими подразделениями и сосредоточение их в основном против расположения наших войск»; польская группировка носит оборонительный характер; предпринимаются попытки оценить численность советских войск, сосредоточенных на границе [2, с. 82–83].

В СССР была развернута яростная антипольская пропаганда. Но даже после фактической оккупации Тешина не последовало осуждения польских действий, а бурная активность по поводу поддержки Чехословацкой Республики, противостоящей «польским фашистам», мгновенно сошла на нет. Крах попытки сталинского руководства использовать польский фактор для поднятия престижа страны отразила влиятельная газета русской эмиграции «Возрождение», издевательски отметив: «...последняя иллюзия была разрушена: Польша пренебрегла советской угрозой и перешла чехословацкую границу, а “грозный в своей несокрушимой мощи” Советский Союз перешел... к очередным восхвалениям парашютистов и стахановцев» [3, с. 4].

Литература и источники

1. Буневич Д.С. Польша и Судетский кризис 1938 г. // Мюнхен-1938: Падение в бездну Второй мировой: сб. ст. / под общ. ред. В.Ю. Крашенинниковой; отв. ред. О.Г. Назаров. М.: Кучково поле, 2018. С. 147–158.
2. Васильева Н.В. Советско-польские отношения в свете избранных документов архива МИД и военных архивов России // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия: сб. статей. М.: Наука, 2001. С. 71–84.
3. Возрождение = La Renaissance / под ред. П.Б. Струве; с № 807 (18 августа 1927) – ред. Ю.Ф. Семёнов. Париж // Ежедневная газета (1925–1936); Еженедельная газета (с 1936), год издания – четырнадцатый, № 4154, 21 октября 1938, пятница.

4. Документы по истории мюнхенского сговора. 1937–1939 / Министерство иностранных дел СССР, Министерство иностранных дел ЧССР. М.: Политиздат, 1979. 471 с.
5. Ковалев С.Н. Вымыслы и фальсификации в оценках роли СССР накануне и с началом Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. 2008. № 7. С. 15–20.
6. Мельтюхов М.И. Советско-польские конфликты 1918–1939 гг. М.: Алгоритм, 2017. 576 с.
7. Платошкин Н.Н. Забытый пособник Гитлера. Оккупация Польшей территории Чехословакии в 1938 году // Военно-исторический журнал. 2017. № 1. С. 4–9.
8. Случ С.З. Советский Союз и чехословацкий кризис 1938 года: Некоторые аспекты политики невмешательства // Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность: Материалы междунар. науч. конф. Москва, 15–16 октября 2008 г. ИВИ РАН. М.: Наука, 2009. С. 114–144.
9. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. Т. 4: 1935–1939 / под ред. А. Береловича, С. Красильникова, Ю. Мошкова и др. М.: РОССПЭН, 2012. 983 с.
10. Emmert F. Mobilizace 1938. Htěli jsme se bránit! Brno, 2015. 208 s.
11. John M. Září 1938, Role a postoje spojenců ČSR. Olomouc: Votobia, 2000. 443 s.

Родионова Юлия Валерьевна,
независимый исследователь

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛЬСКИХ СПЕЦСЛУЖБ В 1939–1942 гг.

Аннотация. Статья посвящена изменениям в польской разведке после начала Второй мировой войны. С широким использованием польских источников показываются некоторые аспекты ее разведывательно-подрывной деятельности против СССР и противодействия ей со стороны советских органов государственной безопасности. Прослеживаются попытки налаживания сотрудничества разведок польского эмигрантского правительства и СССР в 1941–1942 гг.

Ключевые слова: Вторая мировая война, польские спецслужбы, Союз вооруженной борьбы (СВБ), армия Андерса, органы государственной безопасности СССР

Rodionova Yulia Valeryevna,
independent researcher

ON THE QUESTION OF THE ACTIVITIES OF THE POLISH SPECIAL SERVICES IN 1939–1942

Abstract. The article is devoted to the changes in the Polish intelligence service during the Second World War. Some aspects of its undermining activities against the USSR and counteraction of the Soviet agencies of state security are shown on the base of many Polish sources. The efforts of developing cooperation between the Polish emigrant government and the USSR in 1941–1942 are followed in the article.

Key words: World War II, Polish special services, Union of Armed Struggle, Anders' Army, Soviet State Security Forces

Вторая мировая война в истории противостояния советских и польских спецслужб является одним из самых трудных и нетипичных периодов XX столетия. Это обусловлено множеством факторов: для Польши это поражение и оккупация страны в первые месяцы войны, смена государственной власти и раздробленность, дезорганизация спецслужб; для СССР – новый фронт по освоению присоединенных территорий Западной Украины и Западной Белоруссии, формирование и оперативное обеспечение польских вооруженных соединений на своей территории и т.д.

С первых же дней войны всплыли наружу ошибки и недоработки в организации польской разведывательной структуры. Согласно планам мобилизации, Второй отдел вошел в состав Генерального штаба, при этом он был поделен на два эшелона. Однако, поскольку заранее перед ними не было поставлено задач и не было определено принципов сотрудничества, практических результатов в течение всей сентябрьской кампании не было. Серьезным упущением была ненадежная связь между Вторым отделом ГШ ВП и вторыми отделами штабов армии [9, с. 550]. После 6 сентября Второй отдел лишился очень важного источника информации, который представляли собой зарубежные пляцувки и военные

атташаты. Все это серьезно ограничивало возможность разведывательной деятельности польской стороны.

Немаловажную роль сыграл и политический аспект. У новых властей в лице правительства В. Сикорского разведывательный аппарат вызывал опасения, поскольку весь его личный состав был тесно связан с санацией. В условиях войны проведение кадровых чисток и реорганизации означало бы полное уничтожение польской разведки. Новое польское правительство не могло этого позволить, но от идеи частичной ее реорганизации оно не отказалось.

Во второй половине ноября 1939 г. Сикорский внес коррективы в работу Второго отдела. Вместо Разведывательного отдела под руководством Тадеуша Новиньского, который ранее работал в реферате «Восток», в Париже на базе разведывательной пляцувки “Lecomte” был создан Второй отдел при Штабе Главнокомандующего ВП РП, начальником которого был назначен подполковник Т. Василевский, а его заместителем и по совместительству руководителем разведывательного отделения – С. Гано. Василевский ранее выполнял функции военного атташе и не обладал опытом в организации разведки такого масштаба. Негативно сказались и отсутствие компетентных кадров.

Фактически Второй отдел ГШ ВП перестал существовать в том виде, в котором он функционировал до сентября 1939 г. Основную разведывательную роль при его преемнике – Втором отделе при Штабе Главнокомандующего – играли разведывательные экспозитуры и пляцувки в других странах: в Париже, Будапеште, Бухаресте, Белграде, Лиссабоне, Стамбуле, Иерусалиме, Алжире, Нью-Йорке и др. Например, были выделены две группы польских офицеров-разведчиков, прикрепленных к французской разведке, которая старалась по максимуму использовать присутствие польских разведчиков в Париже, создавая новые структуры с участием поляков [19, с. 59 – 80].

В середине сентября 1939 г. между капитаном Е. Незбжицким и главой румынских спецслужб М. Морозовым было заключено соглашение о создании на территории Румынии глубоко законспирированной польской разведывательной ячейки во главе с Л. Садовским. В ее задачи входило добывание разведанных с территории «советской оккупации». Ячейка просуществовала до ноября 1940 г. [12, с. 290].

Второй отдел ГШ ВП активно использовал в разведывательных целях и польские вооруженные соединения, которые были разбросаны в самых разных уголках мира. Так, Второй отдел при Карпатской стрелковой дивизии, сформированной в Сирии в апреле 1940 г., должен был выполнять задачи, которые ставило перед ним не только его непосредственное командование, но и Второй отдел ГШ ВП. В его задачи входили сбор и передача сведений о РККА на Южном Кавказе и Украине, об общественно-политической и экономической жизни в этих регионах, а также о кавказских нефтяных месторождениях и о поставках советской нефти в Германию [19, с. 63].

1 октября 1940 г. в ходе конференции между К. Соснковским¹ и С. Котом² были четко определены задачи Второго отдела ГШ ВП. Они сводились к следующему: экспозитуры и пляцувки Второго отдела проводят разведку в отношении Германии и России, осуществляют военную контрразведку, но не занимаются разведдеятельностью непосредственно на территории оккупированной Польши. Здесь ее вели сначала разведывательные ячейки, а затем вторые отделы при подпольных вооруженных организациях, впоследствии объединенных под началом «Службы победе Польши» – Союза вооруженной борьбы (СВБ) – Армии Крайовой. Официально разведывательные функции на территории оккупированной Польши в январе 1941 г. были закреплены за главным комендантом СВБ. Второй отдел при Штабе Главнокомандующего при помощи Четвертого отдела должен был ставить перед комендатурой СВБ разведывательные задачи, а также оказывать кадровую и техническую поддержку [10, с. 444].

Что касается территории Западной Украины и Западной Белоруссии, то при налаживании здесь разведывательной работы комендатура СВБ столкнулась с рядом трудностей. В октябре 1940 г. в одной из инструкций К. Соснковского С. Ровецкому³ указывалось,

¹ Казимеж Соснковский (1885–1969) – польский генерал, глава Комитета министров РП в правительстве в эмиграции Сикорского и глава Союза вооруженной борьбы.

² Станислав Кот (1885–1975) – польский дипломат, политик. В 1941–1943 гг. был послом польского правительства в эмиграции в СССР.

³ Стефан Ровецкий (1895–1944) – польский генерал, главный комендант Союза вооруженной борьбы – Армии Крайовой с 1939 по 1944 г.

что разведывательные сведения с территории «советской оккупации» мало того, что приходят в Лондон крайне редко и в небольших количествах, но с точки зрения информации о советских войсках не имеют особой ценности [9, с. 314].

В Западной Украине ситуация была осложнена тем, что в первые дни сентября 1939 г. во Львове независимо друг от друга сформировались две конкурирующие структуры, упоминаемые в польской литературе как СВБ-1 и СВБ-2. Это затрудняло деятельность разведывательных ячеек. Штаб СВБ-1 был сформирован в конце декабря 1939 г. – начале января 1940 г. Главой разведки был назначен Р. Кендзерский (псевдоним «Сосна»), политическая разведка была возложена на профессора Л. Хальбана, по совместительству члена Национального комитета (Комитета Польши)⁴. В задачи разведывательного отдела входило изучение настроений населения и, главное, советских войск: их размещение, вооружение, транспортное обеспечение, в особенности железнодорожные пути сообщения [22, с. 52–55].

Разведывательное подразделение активно использовалось руководством СВБ-1 для подготовки диверсий, в частности для разрушения железнодорожных линий в Дрогобыче и крушения поездов, осуществлявших поставки бензина, нефти и нефтепродуктов из СССР на территорию, оккупированную Германией, а также для подготовки всеобщего вооруженного восстания во Львове.

Разведка СВБ-1 предпринимала попытки установить сотрудничество с украинским подпольем. В феврале 1940 г. во Львове прошла первая встреча между представителем украинского контрреволюционного формирования, с одной стороны, и Р. Кендзерским и М. Мироновичем⁵ – с другой. В июле 1940 г. при комендатуре СВБ во Львове был сформирован украинский реферат. Однако недовольство украинцев польской позицией относительно «самостоятельной Украины» привело к разрыву всяких контактов.

⁴ Формально Национальный комитет был организован в конце января 1940 г., тесно сотрудничал с СВБ, в частности, в вопросах проведения диверсий и вооруженного восстания во Львове.

⁵ М. Миронович («Жбик») после Первой мировой войны был начальником контрразведки Генерального штаба Украинской армии атамана С. Петлюры, а в межвоенное двадцатилетие был сотрудником Второго отдела ГШ ВП.

Практически одновременно со штабом СВБ-1 был сформирован штаб СВБ-2. Функции главы разведки в нем осуществлял К. Трояновский («Радван», «Кароль», «Калужа»), а с мая 1940 г. – Е. Каден («Флориан»). В задачи разведки входил сбор информации о дислокации во Львове и его окрестностях советских войск, о железнодорожных узлах, о поставках из СССР в Германию.

Наряду с СВБ-1 и СВБ-2 в октябре 1939 г. возник Революционный союз независимости и свободы (РСНС), в котором под руководством Е. Егляжа («Штурма») функционировала разведывательная сеть в составе 40–50 человек. Она добыла ценные сведения относительно дислокации частей Красной армии во Львове и вдоль границы с Венгрией и Румынией, месторасположения советских складов топлива и аэродромов, а также поставок нефти и топлива из СССР в Германию. Разведка РСНС тесно сотрудничала с СВБ-1 и СВБ-2 и передавала им свои разведданные [22, с. 80–82]. В середине марта 1940 г. сотрудники НКВД арестовали руководство РСНС, что привело к распаду организации.

Попытка расширить разведывательную сеть СВБ, запланированная на апрель–май 1940 г., была пресечена органами НКВД. Их широкомасштабная акция по борьбе с националистическим подпольем с апреля 1940 по январь 1941 г. привела к тому, что большая часть руководящего состава СВБ, в том числе и разведывательного отдела, была арестована. Согласно рапорту С. Ровецкого от 1 апреля 1941 г. о проделанной в СВБ работе, из двух экип офицеров с Л. Окулицким во главе, отправленных в зону «советской оккупации» осенью 1940 г., осталась только пара офицеров. Все остальные были арестованы органами НКВД-НКГБ СССР, в том числе и сам комендант «советской оккупации» [10, с. 490].

Самым крупным достижением в борьбе с польским подпольем была вербовка коменданта СВБ в зоне «советской оккупации» Э. Мацелинского («Корнель», «Рей»). Получив столь ценного агента, органам НКВД удалось парализовать деятельность СВБ на вышеуказанных территориях. Осуществлялся перехват всей радиокорреспонденции и курьеров, информация в комендатуру СВБ отправлялась дозированно и только с санкции НКВД, на должности комендантов округов назначались «проверенные» советской

стороной люди, те же, кто отправлялся главной комендатурой СВБ, «исчезали».

На территории Западной Белоруссии в Белостоке лишь в апреле 1940 г. была окончательно сформирована сеть СВБ. Главой ее разведки стал М. Шклярский («Стефан»), отправленный в Белосток лично С. Ровецким («Гротом») и наделенный широким кругом полномочий в части назначения на ключевые командные должности в структуре СВБ по Белостокскому округу [6, л. 226–232]. В октябре 1940 г. в ходе заранее спланированной операции Шклярский был арестован сотрудниками НКВД. Он дал обширные показания, с помощью которых удалось обезглавить СВБ в Белостокском округе [1]. После этого главой СВБ в Белостоке и одновременно разведывательного отдела стал Я. Шульц («Правджиц») [7, л. 1–12]. Вначале он попытался расширить структуру СВБ и даже выступил за объединение с СВБ в Вильно. Однако в связи с массовыми арестами членов СВБ в апреле 1941 г. Шульц был вынужден «приостановить» деятельность организации. Она так и осталась в «спящем режиме» вплоть до начала войны между Германией и СССР.

В Виленском крае функционировал целый ряд подпольных структур разного политического толка. Самым значимым на начальном этапе формированием, проводившим разведывательную деятельность, можно считать подпольную организацию «Комиссиариат Правительства» (КП). В ее структуре был сформирован разведывательный отдел (Отдел В) под руководством З. Срочинского, человека неопытного и неосторожного⁶. Тем не менее разведывательная сеть охватывала Новую Вилейку, Мицкунай, Эйшишкес, Неменчине, Тракай, Варену, Олькеники (ныне Валькининкай), Рудишкес, Лентварис, Мейшаголу. Срочинский также поддерживал связь с Ковно, откуда получал информацию непосредственно с территории Литвы.

Помимо сбора информации эта разведывательная ячейка проводила диверсионно-подрывную деятельность против советской

⁶ Об этом свидетельствует, например, то, что он хранил у себя дома полный архив подчиненных ему лиц, или то, что о его деятельности был осведомлен достаточно широкий круг людей.

стороны. Например, по указанию Срочинского были заминированы бензобаки в аэропорту «Вильно-Порубанек», где размещалась советская военная база. Отделение Срочинского также занималось ликвидацией «изменников польского народа». Так, в 1939 г. был убит сотрудник полиции безопасности Литвы Генрик Хомчинский, который, по их сведениям, был агентом НКВД [20, с. 423–439].

В конце ноября в Вильно прибыли ставленники Главной комендатуры СВБ подполковник Н. Сулик и майор А. Кшижановский с целью объединить под эгидой СВБ все значимые подпольные ячейки, функционировавшие на территории Виленского края. Объединение произошло в конце декабря 1939 г. Тогда же в виленской ячейке СВБ был организован Второй отдел (разведывательный). Возглавил его подполковник З. Цетнеровский («Зигмунд Витек»), а его заместителем был назначен капитан В. Скушинский, который до сентября 1939 г. работал во Втором отделе ГШ ВП в Гродно. Позднее его заместителем стал капитан Ф.Л. Троян, бывший офицер Корпуса охраны границы.

11 апреля 1941 г. был арестован руководитель разведки Виленского округа СВБ вышеупомянутый Цетнеровский [8, л. 102–104]. На следующий день органами НКВД был арестован его заместитель Ф.Л. Троян. При обыске квартиры Трояна были обнаружены собранные им разведывательные сведения об авиации, аэродромах, железных дорогах и военном заводе, а также сводки его агентуры, в которых имелись данные о передвижениях и дислокации частей Красной армии в Литве [Там же, л. 28–34]. Комендатуре СВБ по Виленскому краю в лице Александра Кшижановского пришлось воссоздавать разведывательную сеть с нуля. Новым начальником Второго отдела ГК СВБ по Виленскому краю стал Болеслав Новик («Маевский»).

Помимо разведывательного отдела СВБ на территории Виленского края функционировала разведывательная сеть под названием «Вежба», организованная Т. Заном и Л. Хрынцевичем («Луц»). Эта сеть еще до войны работала на территории Литвы в тесном сотрудничестве с французской и британской разведками. Сеть не прекращала своего существования вплоть до конца 1940 г. В нее входили: бывший офицер Второго отдела капитан Альфонс Ежи Якубанец

(«Куба», «Ежи Кунцевич»), майор Михал Рыбиковский, бывший руководитель экспозитуры Второго отдела в Риге, майор Томаш Зан, бывший сотрудник экспозитуры Второго отдела в Стокгольме, поручик Станислав Дашкевич («Ян Санислав Пиж»), бывший офицер экспозитуры Второго отдела в Гродно [12, с. 280–282].

16 июня 1941 г. в польской разведке произошло важнейшее событие – сведение под единое руководство разведывательной работы всех округов СВБ [10, с. 548]. С этого момента все разведывательные ячейки, так называемые вторые отделы в округах, стали подчиняться главному коменданту СВБ. Позднее был окончательно сформирован Второй отдел ГК СВБ, главой которого был назначен Вацлав Бэрка («Бродович»).

Ситуация резко изменилась с нападением гитлеровской Германии на СССР. Вся территория Польши оказалась под немецкой оккупацией, и это сыграло на руку польскому военному подполью, поскольку были остановлены массовые депортации поляков и еще потому, что немецкие войска слабо ориентировались в организации конспиративной работы и самой сети польского подполья. Кроме того, в связи с исчезновением границ стало легче установить регулярную курьерскую связь с Варшавой.

После отступления советских войск разведывательная сеть СВБ в течение нескольких месяцев охватила территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. Этой разведывательной сети на востоке было присвоено кодовое название “Ww-72”, а затем «Пральня» (“Pralnia”). Подчинялась она непосредственно Второму отделу Главной комендатуры СВБ. Ее главным организатором и первым руководителем стал ротмистр Александр Стпичинский.

30 июля 1941 г. между СССР и Польшей при посредничестве Великобритании было подписано Соглашение о восстановлении дипломатических отношений и взаимодействии в войне. После этого появились условия к взаимодействию между спецслужбами обоих государств.

Среди офицеров Второго отдела Генерального штаба РП, а также в польских правительственных кругах мнения относительно сотрудничества разведок разделились. С одной стороны, было очевидно, что оно необходимо, но с другой – все помнили, что

до июля 1941 г. Второй отдел действовал против СССР, а главное, польские власти боялись контроля и проникновения в их подпольные структуры советских спецслужб. В одном мнении всех польских правительственных кругов было единым – сотрудничество с СССР рассматривалось как исключительно временное. Это отражалось в инструкциях Лондона Главному штабу СВБ. В одной из них указывалось, что разведку необходимо проводить «с точки зрения военных нужд, будущего восстания, а также с точки зрения необходимости создания постоянных баз для нашей (польской. – Ю.Р.) разведки на востоке на послевоенный период» [16, с. 628].

После дискуссии между генералами В. Сикорским и К. Сосновским было определено, что обмен информацией с советским штабом будет осуществляться в Лондоне, в исключительных случаях могла быть установлена связь между Варшавой и Москвой [Там же, с. 626]. Тем не менее сомнения в том, следовало ли вообще устанавливать близкое сотрудничество с советской разведкой, оставались. Полковник С. Ровецкий высказывал опасения относительно расшифровки деятельности и быстрой ликвидации разведки СВБ советскими спецслужбами. Полковник Ю. Смоленский также полагал, что органы НКВД могут не только глубоко проникнуть в ряды СВБ, но и создать на территории Польши подвластные себе структуры из офицеров СВБ, вынужденных пойти на сотрудничество из боязни выдачи их немцам путем провокации [10, с. 57].

1 августа 1941 г. было подписано военное соглашение между Верховным Главнокомандованием СССР и Верховным Командованием Польши, основной целью которого являлось создание в кратчайший срок на территории СССР польской армии, предназначенной «для совместной с войсками СССР и иных союзных держав борьбы против Германии» [2]. Командующим польской армией в СССР был назначен В. Андерс.

Политические и военные отношения между советским и польским правительствами создали условия для организации разведывательной базы непосредственно на территории СССР. Эта база, в частности, использовалась для связи с подпольной организацией СВБ. Решение всех вопросов по военной работе в Польше

доверялось командующему польской армией в СССР, который для этой цели должен был создать при своем штабе специальную ячейку [3, с. 407].

Первейшим и самым серьезным заданием для командующего польской армией в СССР было установление радиосвязи с Верховным командованием в Англии (центром), с комендатурой военной организации в Польше, а также с разведывательными пляцувками на оккупированных немцами территориях. Для этих целей командующему полагалось две радиостанции: № 1 – для связи по военно-организационным вопросам, № 2 – для передачи разведывательных рапортов [Там же, с. 410].

Командующему поручались также организация курьерской связи с Польшей и центром; оказание материальной помощи и направление в Польшу кадров, снаряжения, специальных материалов и денег (из польского казначейства) воздушным или сухопутным путем; посредничество с территории СССР в разведывательной работе СВБ на территории оккупированной Польши; посредничество и разрешение всех вопросов, связанных с выполнением актов саботажа и диверсий [Там же, с. 408].

Кроме того, польское посольство под видом диппредставительств в разных городах организовало широкую разведывательную сеть на территории всего Советского Союза. В здании посольства Польши в Куйбышеве советскими органами государственной безопасности были замечены две радиостанции, нелегально работавшие на территории СССР. Так, 22 февраля 1943 г. НКВД СССР был вынужден официально отправить заявление польскому послу в СССР З. Завадскому с требованием прекратить их работу.

Внешнеполитическая обстановка также диктовала свои условия. Великобритания и Америка были заинтересованы в том, чтобы получать актуальную информацию о состоянии Красной армии, которая позволила бы им оценить реальные возможности Советского Союза. Для польского правительства сведения о военном потенциале СССР, о его политических планах также представляли огромный интерес. В конце июля 1940 и в начале августа 1941 г. было установлено сотрудничество между польской и британской и, соответственно, польской и американской разведками.

От польской стороны требовалось добывать информацию из независимых от официальных советских учреждений источников. Помимо этого установленные в новом формате военно-политические отношения между СССР и Польшей также подразумевали обмен разведывательной информацией. Решение этой многоаспектной задачи было возложено на подполковника Леона Бортновского («Perch»). Л. Бортновский был хорошо известен советским органам государственной безопасности: в декабре 1941 г. он переправил в Лондон документы из Генерального штаба СССР касательно Турции, Афганистана и Индии, доказывавшие, что советская сторона хорошо ориентировалась в деятельности британцев в этих странах [16, с. 553].

4 февраля 1942 г. было подписано соглашение об организации под руководством Бортновского центра связи «Висла», который затем начал свою работу в Серебряном Бору. Основная информация для передачи советской стороне касалась немецких войск в западной части СССР, перегруппировки и подготовки их к наступлению, организации транспорта, обеспечения, морального состояния немецких солдат. Этот центр одновременно выполнял и функции Представительства «Россия» (Ekspozytura “Rosja”). Информация, собранная этим представительством, не подлежала передаче советской разведке.

Первым источником информации для Бортновского стали показания офицеров польской армии, освобожденных из советских тюрем. По их словам, советская разведка предпринимала попытки установить сотрудничество с теми офицерами, которые до войны работали во Втором отделе, или же с теми, кто был арестован за пособничество СВБ – Армии Крайовой.

Уже 29 июля 1942 г. сотрудничество между советской и польской разведками было ограничено. Майор госбезопасности Г.С. Жуков, куратор польских частей на территории СССР, официально уведомил Бортновского о том, что из-за эвакуации армии Андерса из СССР центр связи в Москве ликвидируется. Судьбу Бортновского должен был решить генерал Андерс, либо взяв его с собой на Ближний Восток, либо пристроив в военный атташат в посольстве Польши в СССР. В дальнейшем Бортновский был определен

на службу во Второй отдел ГШ ВП, где в 1943 г. возглавил отделение по подготовке кадров и регистрации фондов, а затем занял должность заместителя начальника отдела.

Под конец 1944 г. стало очевидным, что польское эмигрантское правительство уже навряд ли вернется в страну в качестве руководящего органа. Встал вопрос о целесообразности существования Второго отдела ГК ВП. Формально Второй отдел ГК ВП был расформирован в марте 1946 г. Чтобы предотвратить полную ликвидацию Второго отдела, его руководство в лице вышеупомянутых полковников С. Гано и Л. Бортновского пошло на сотрудничество с британской разведкой, в результате которого в послевоенные годы в пользу Великобритании работала глубоко законспирированная польская «двуйка».

Литература и источники

1. Бельченко С.С. На Белостокском направлении. URL: <https://document.wikireading.ru/9168>
2. Военное соглашение между Верховным Командованием СССР и Верховным Командованием Польши, Москва, 14 августа 1941 г. URL: http://www.runivers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=6392&CENTER_ELEMENT_ID=147819&PORTAL_ID=7530
3. Инструкция командующему польской армией в СССР // Секреты польской политики. Сборник документов (1935–1945) / сост. Л.Ф. Соцков. М.: Тип. СВР России, 2009.
4. Край К. Противоборство специальных служб Польши и СССР с 1919 до 1939 года // Лубянка. Историко-публицистический альманах. № 12. С. 39–58.
5. Мисюк А. Спецслужбы Польши против России и Германии: Организационная структура польских спецслужб и их разведывательная и контрразведывательная деятельность в 1918–1939 гг. / пер. с польск. В.С. Живодерова. М.: Альянс, 2010.
6. ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 658 // Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 1939–1941 гг. Варшава–Москва, 2001.
7. ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 659 // Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 1939–1941 гг.
8. ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 661 // Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 1939–1941 гг.
9. Armia Krajowa w dokumentach 1939–1945. T. I (wrzesień 1939 – czerwiec 1941). Wydawnictwo Errata Szczecin, 1989. 584 s.

10. Armia Krajowa w dokumentach 1939–1945. T. II (czerwiec 1941 – kwiecień 1943). Wydawnictwo Errata Szczecin, 1989. 554 s.
11. *Czechowski J.* Przesłanki współpracy wywiadów Polski i Finlandii w latach 1918 – 1939: artykuł naukowy // Polski wywiad wojskowy 1918–1945. Materiały pod redakcją P. Kołakowskiego i A. Peptońskiego. Wydawnictwo Adam Marszałek, Toruń, 2010.
12. *Dubicki T., Suchcitz A.* Oficerowie wywiadu WP i PSZ w latach 1939–1945. T. II. Warszawa, 2011.
13. *Gajos B.* Za pierwszego sowieta, czyli polska konspiracja na Kresach 1939–1941. [Электронный ресурс]. URL: <http://historia.org.pl/2010/05/04/za-pierwszego-sowieta-czyli-polska-konspiracja-na-kresach-1939-1941/>
14. *Jeffrey K.* The Secret History of MI6 1909 – 1949. E-book, The Penguin Press, New York, 2010, 832 pages. URL: https://books.google.ru/books?id=52nYgUsVn9QC&pg=PT485&lpg=PT485&dq=Leon+Bortnowski&source=bl&ots=HosWzz_Sa6&sig=hwAfp_XivnZdlJhVuYWPICa3dQo&hl=ru&sa=X&ved=0CEQQ6AEwBmoVChMIsmY-IY75xwIV56ZyCh3GUAFj#v=onepage&q=Leon%20Bortnowski&f=false
15. *Peptoński A.* The Soviet Union // Intelligence Co-operation Between Poland and Great Britain During World War II // The Report of the Anglo-Polish Historical Committee. Vol. 1. London. P. 282–290.
16. *Peptoński A.* Wojna o tajemnice, w tajnej służbie Drugiej Rzeczypospolitej (1918–1944). Wydawnictwo Literackie, 2011.
17. *Roman W.K.* Geneza struktur wywiadowczych Armii Krajowej na Wileńszczyźnie: artykuł naukowy // Polski wywiad wojskowy 1918–1945 / Materiały pod red. P. Kołakowskiego i A. Peptońskiego. Wydawnictwo Adam Marszałek, Toruń, 2010.
18. *Smoliński A.* Robotniczo-Chlopska Armia Czerwona oraz sowiecki przemysł wojenny z lat 1921–1939 w dokumentach Oddziału II Sztabu Głównego Wojska Polskiego: artykuł naukowy // Polski wywiad wojskowy 1918–1945 / Materiały pod red. P. Kołakowskiego i A. Peptońskiego. Wydawnictwo Adam Marszałek, Toruń, 2010.
19. *Suchcitz A.* Zarys struktury organizacyjnej Oddziału II Sztabu Naczelnego Wodza 1939–1945 // Wywiad I kontrwywiad wojskowy II RP / pod red. T. Dubickiego. T. I.
20. *Śleszyński W.* Wywiad wojskowy na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej: artykuł naukowy // Polski wywiad wojskowy 1918–1945 / Materiały pod red. P. Kołakowskiego i A. Peptońskiego. Wydawnictwo Adam Marszałek, Toruń, 2010.
21. The Polish Institute and Sikorski Museum Archives. URL: <http://polishinstitute.com/prm/prm22.pdf>
22. *Wnuk R.* Za pierwszego sowieta: polska konspiracja na Kresach Wschodnich II Rzeczypospolitej, wrzesień 1939 – czerwiec 1941. Warszawa, 2007.

Сенявский Александр Спартакovich,

*доктор исторических наук;
главный научный сотрудник
Института экономики РАН*

ПОЛЯКИ В КРАСНОЙ АРМИИ В 1944 г.:
К ПРОБЛЕМЕ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается инцидент, произошедший в декабре 1944 г. на 2-м Белорусском фронте в связи с отказом группы военнослужащих нового пополнения, призванного из освобожденных от оккупации западных областей Белоруссии, принимать присягу в Красной армии и подачей ими коллективного заявления о переводе в Войско Польское. Анализируются причины, по которым – несмотря на директивы советского руководства о направлении представителей отдельных этнических групп в формировавшиеся национальные воинские части – военное командование на местах было заинтересовано в том, чтобы скрыть их национальную принадлежность и оставить на службе в РККА.

Ключевые слова: Вторая мировая война, 1944 г., освобожденные от оккупации территории СССР, призыв в армию, новое пополнение, поляки, Войско Польское, национальные воинские части

Senyavskiy Alexander Spartakovich,

*Doctor of Historical Sciences;
chief researcher, Institute of Economics,
Russian Academy of Sciences*

POLES IN THE RED ARMY IN 1944:
TO THE PROBLEM
OF NATIONAL IDENTIFICATION

Abstract. The article deals with the incident that occurred in December 1944 on the 2nd Belarusian front in connection with the refusal of a group of soldiers of the new replenishment, called from the liberated from the occupation of the Western regions of Belarus, to take

the oath in the Red Army and their submission of a collective application to the command of the transfer to the Polish Army. The author analyzes the reasons why, despite the directives of the Soviet leadership on sending representatives of certain ethnic groups to the national military units formed on the territory of the USSR, the military command on the ground was interested in hiding their nationality and leaving them in the service of the Red Army.

Key words: World War II, 1944, liberated from occupation of the territory of the USSR, appeal to the army, new replenishment, Poles, the Polish Army, national military units

Вопрос о пребывании поляков в Красной армии следует рассматривать в широком историческом контексте. Конец 1930-х гг. был трудным для поляков, проживавших на территории СССР. Прошли массовые репрессии, в том числе по национальному признаку. Поляки рассматривались как подозрительная этническая группа, опасная в нескольких отношениях: националистическими взглядами, наличием родственных связей за границей, «чуждым» мировоззрением и опытом проживания в ином государстве, при иной общественной системе. Определенную роль играл и традиционный, восходящий к Российской империи стереотип восприятия поляков как обладателей независимого, свободолюбивого характера, бузотеров и подстрекателей к мятежу. Не сгладились еще из памяти и события Польско-советской войны 1920 г., в которой родилась устойчивая кличка «белополяки» и после которой остался неприятный осадок от унижительного поражения. Отход западных территорий Украины и Белоруссии в результате этой войны к Польше явился для советского руководства не только политическим, но и психологическим стимулом при случае взять реванш, что и произошло в 1939 г. Тогда в результате нового раздела Речи Посполитой значительная часть этнических поляков, проживавших на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, оказались в пределах советских границ. Были интернированы от 220 до 250 тыс. польских военнослужащих [4, с. 13], затем последовали трагические события в Катыни и произошла массовая депортация польского гражданского населения.

Нападение фашистской Германии на СССР внесло изменения в положение поляков. 30 июля 1941 г. были восстановлены дипломатические отношения с представлявшим Польшу эмигрантским правительством в Лондоне и подписано соглашение о формировании на территории СССР польской армии. Основой ее стали интернированные в 1939 г. польские военнослужащие, а командующим 6 августа 1941 г. был назначен генерал Владислав Андерс. Изначально Сталин делал ставку на эмигрантское правительство в Лондоне и отвергал предложения просоветски настроенных поляков сформировать лояльные СССР польские этнические части. Но в тяжелой ситуации 1942 г. Андерс отказался ввести в бой на советско-германском фронте уже сформированные и боеспособные части, одновременно настаивая на все большем их увеличении. Власти не стали препятствовать сначала частичному, а потом и полному выводу армии Андерса на Ближний Восток, который происходил с марта по сентябрь 1942 г. Поднятый эмигрантским правительством вопрос об обнаруженных Германией массовых захоронениях расстрелянных в Катынском лесу польских офицеров способствовал разрыву в апреле 1943 г. дипломатических отношений с СССР.

Между тем небольшая часть польских офицеров во главе с полковником Зигмундом Берлингом отказалась выехать в Иран и в изменившейся политической ситуации стала ядром формируемых уже на просоветской основе польских воинских частей. 8 мая началось создание польской пехотной дивизии им. Тадеуша Костюшко под командованием полковника Берлинга. В октябре 1943 г. она приняла боевое крещение под Ленино Могилевской области. В июле 1944 г. созданная в СССР 1-я Польская армия начала боевые действия на территории Польши в составе 1-го Белорусского фронта. 21 июля Крайова рада народов приняла декрет о слиянии партизанских отрядов Армии Людовой с 1-й Польской армией, сформированной в СССР, в единое народное Войско Польское [1, с. 140]. 15 августа 1944 г. Польский комитет национального освобождения (ПКНО) издал декрет о частичной мобилизации, предусматривавший призыв в польскую армию военнообязанных 1921–1924 гг. рождения, а также всех офицеров, подофицеров

и военных специалистов, годных к воинской службе [2, с. 124; 4, с. 345]. В течение нескольких месяцев 1944 г. в Войско Польское было призвано нескольких десятков тысяч поляков на территории Советского Союза и около 100 тыс. человек на освобожденной территории Польши [3, с. 104; 5, с. 44]. Создание на территории СССР национальных воинских формирований было вызвано не столько военной необходимостью, сколько политическими соображениями, рассчитанными на послевоенную перспективу.

Пополнение в эти формирования стимулировалось советским руководством, военным командованием и осуществлялось далеко не только по этническому принципу. В Войске Польском служили как поляки, так и русские, и представители других народов СССР. Советское руководство было заинтересованно направлять поляков на службу в эти части. В подтверждение приведу приказ № 0640 Управления командующего бронетанковыми и механизированными войсками 32-й армии Карельского фронта от 5 июля 1944 г., адресованный начальнику штаба 90-го отдельного танкового полка: *«Во исполнение директивы начальника Мобилизационного управления ГУФКА от 3.6.1944 г. № 1/406910 – к 15 июля 1944 г. выявить из числа сержантского и рядового состава поляков, латышей, литовцев, эстонцев и откомандировать их в отдел укомплектования армии для направления в национальные армии, обеспечив их положенным по сезону обмундированием, документами и аттестатами. К тому же времени выявить и откомандировать таким же порядком немцев, румын, греков и австрийцев»* [6, л. 136]. Как видим, соответствующие установки коснулись даже далекого от Польши Карельского фронта. Возникает вопрос: всегда ли они работали на практике?

Во второй половине 1944 г. советские войска вышли к государственной границе. Армия несла большие потери. Пополнение призывалось в том числе из освобожденных от оккупации западных областей Украины и Белоруссии, Молдавии и Прибалтики, которые вошли в состав СССР перед самой войной. Больше трех лет в них хозяйничали гитлеровцы, активно работала фашистская пропаганда. Серьезные проблемы создавало и то, что многие новобранцы не знали русского языка. Возникали и конфликты на национальной почве.

В декабре 1944 г. в 19-й армии 2-го Белорусского фронта прибывшие в составе нового пополнения бойцы-поляки захотели служить в польской армии и отказались принимать присягу в советской. Для этого у них были все основания. Однако, несмотря на директивы о направлении представителей определенных этнических групп в национальные армии, попадали туда далеко не все желающие. В донесении политотдела 19-й армии за период с 5 по 15 декабря 1944 г. отмечалось: *«Имеющиеся в числе пополнения поляки заявляют о своем желании служить в польской армии. ...Многие из них носят медальоны с изображением Иисуса Христа (польский католический религиозный знак). В беседах и при врачебных осмотрах многие жалуются на различные болезни, между тем врачи признают их вполне здоровыми и годными для службы в армии. Часть этих людей высказывают нежелание воевать, говоря, что лучше бы до них не дошла война»*. Из прибывших в 27-ю стрелковую дивизию 160 человек, призванных в западных областях Белоруссии, 31 человек служили ранее 6 месяцев в старой польской армии. *«Из числа этого пополнения 3 человека – Кетойс Винцент, 1901 года рождения, Ветрис Михаил, 1907 года рождения, и Страх Викентий, 1902 года рождения, отказывались взять красноармейские книжки, выписанные им в запасном полку, мотивируя тем, что они по национальности поляки, а в красноармейских книжках им записали, что они белорусы... Прибывшие в 18-ю стрелковую дивизию поляки обращались к каждому беседовавшему с ними офицеру с просьбой о направлении их служить в польскую армию. ...32 поляка подали об этом коллективное заявление»* [7, л. 271–273].

Обращает на себя внимание, что в красноармейских книжках поляки были записаны белорусами. Внеочередное донесение политотдела 19-й армии от 22 декабря 1944 г. начальнику Политического управления Карельского фронта генерал-майору Калашникову дополнительно сообщало, что из пополнения, прибывшего 11 декабря в 424-й стрелковый полк 18-й стрелковой дивизии, *«значилось три русских, 111 белорусов и 21 поляк. В 1-м взводе была группа белорусов, заявлявших, что они поляки, а не белорусы. 12 декабря трое из этой группы... обратились к командиру взвода, кандидату в члены ВКП(б) мл. лейтенанту Митюнину, недавно прибывшему в полк из Архангельского военного училища, с вопросом: можно ли*

написать командованию заявление о неправильном заполнении их красноармейских книжек и о желании служить в польской армии? Мл. лейтенант Митюнин не разъяснил порядка подачи рапортов и жалоб в Красной армии и ответил, что заявление подать можно. В тот же день боец Кокитыс Аугустин передал мл. лейтенанту Митюнину заявление за подписью 32 человек» [7, л. 292].

Далее приводится полный список лиц, подписавших заявление, с указанием года и места рождения, образования, социального происхождения и положения. Особо подчеркивается имущественное положение, особенно владение землей, служба в польской армии, пребывание в немецком плену, проживание на оккупированной немцами территории [Там же, л. 292–294]. Цитирую дальнейший текст документа: *«Все подписавшие заявление утверждают, что... в военкомате по месту призыва они по документам значились поляками. По прибытию же в 391-й запасной полк им были выписаны красноармейские книжки, в которых они названы белорусами. ...Они отказывались получать красноармейские книжки... В числе подписавших заявление 6 человек находились в плену у немцев. Выявлены 8 человек, служивших салтусами (старостами), и один – старшиной. 23 человека служили ранее в польской армии. Все 32 человека продолжительное время проживали на оккупированной немцами территории.*

В связи с подачей коллективного заявления в 424-й стр. полк был командирован представитель политотдела армии, который в процессе расследования установил, что заявление подано по инициативе Кокитыс Аугустина, бывшего владельца столярной мастерской в г. Вильно, служившего в польской армии и находившегося более двух лет в плену у немцев. ...Антисоветски настроенный Кокитыс вел среди поляков агитацию, направленную против службы в Красной армии... Однако в поданном заявлении мотивы национальности не выдвигаются, а приведены мотивы невозможности принять присягу в Красной армии, т.к. многие из них ранее служили в польской армии, где они присягали, а теперь считают, что, присягая в Красной армии, они этим самым изменяют богу и польскому народу. ...Установлено, что многие из них подписали его только потому, что хотели, чтобы в их документах была правильно указана национальность».

Некоторые подписали заявление *«в связи с желанием служить именно в польской армии, где проходят службу их родные и односельчане»*. По их словам, *«им говорили в сельсовете и они знают из газет, что все желающие поляки могут выехать в Польшу. Имущество выезжающих здесь опишут, а в Польше выдадут такое же»* [7, л. 295–296].

Информацию о возможности для желающих поляков выехать в Польшу и служить в ее армии они могли почерпнуть из газет или из личных контактов с польскими военнослужащими. Так, *«боец Подгайский Ян заявил, что на вокзале в Рыбинске они видели двух польских офицеров (поручника и подпоручника), которые им рассказали, что всех поляков призывают в польскую армию, и посоветовали написать заявление»* [Там же, л. 296].

Стремление служить в польской армии объяснялось не только родственными чувствами, стремлением к воссоединению семьи. Политотдел особо выделил социально-политические мотивы: *«...в группе, подписавшей заявление, имеются элементы, не желающие быть гражданами СССР, отрицательно относящиеся к колхозному строю и стремящиеся попасть в польскую армию с тем, чтобы после демобилизации жить в Польше. Мотивируют они это тем, что здесь нет костела и они не могут исповедоваться у ксендза»* [Там же]. Некоторые из мобилизованных думали, что *«если примут присягу, то больше не будут в Польше, а потом их заставят идти в колхоз, а многие из них имеют по 6–7 га земли»* [Там же].

Особо разбирается вопрос об инициаторе подачи заявления, которым, естественно, оказался «классово чуждый элемент», сочетавший все перечисленные выше негативные признаки: бывший владелец столярной мастерской, служивший в польской армии и находившийся в плену у немцев. К тому же он оказался и самым образованным из всего списка (7 классов в русской и польской школах) и был единственным среди крестьян уроженцем крупного города Вильно. Политотдел пришел к следующему выводу: *«...в состав пополнения, призванного из западных областей Белоруссии, среди которых имеются поляки, проникли отдельные враждебные элементы типа Кокитыса, которые, используя национальные чувства, сумели в пути следования взять под свое влияние часть поляков,*

политически отсталых и малограмотных, выдвигающих на первый план свои частнособственнические интересы» [7, л. 296].

Какие же меры были приняты в связи с этим инцидентом? «Организатор подачи коллективного заявления Кокиштыс арестован органами контрразведки СМЕРШ. В силу того, что поляки пытались группироваться, они рассредоточены одиночками по отделениям, 11 человек переведено в 419-й стр. полк той же дивизии. Всем им разъяснено, что они являются советскими гражданами и будут служить в Красной армии. Вместе с этим проведен ряд бесед о возвышенных и благородных целях борьбы советского народа против немецко-фашистских захватчиков, дружбе народов СССР и др.» [Там же, л. 297].

Данная история имела продолжение. Вероятно, после внушения со стороны Политуправления фронта политотдел 19-й армии 28 декабря 1944 г. докладывал о составе и настроении вновь прибывшего пополнения. Оправдываясь, «что точных данных о количестве поляков не имеется, т.к. все прибывшие из западных областей БССР числятся белорусами», он сообщал, что именные списки 247 человек, которые «настойчиво доказывали свою принадлежность к польской национальности и обращались с просьбами и требованиями отправить их в польскую армию», «направлены командирам корпусов с заданием установить их настоящую национальную принадлежность» [Там же, л. 320]. Речь шла уже не о трех десятках, а о нескольких сотнях человек.

Окончательный исход этого дела по документам не прослеживается. По-видимому, большинство пополнения все же приняло военную присягу, но некоторые упорствовали. Даже «вызванные на беседу с начальником оргинструкторского отдела Политуправления фронта полковником Твердохлебовым 5 человек – Мацук, Мончан, Овсянник, Станкевич и Богданович – заявили ему примерно так: “Присягу больше принимать не будем. Мы присягали один раз перед польским народом и Богом. Изменниками Родины не будем”» [Там же, л. 323].

Как же расценить реакцию советского командования на данный инцидент? Что касается вышеотмеченных мер политико-воспитательного и организационного характера, принятых политотделом, то здесь все понятно. Как ясно и то, почему на армейском уровне решили «рассредоточить» по разным частям склонных

к сплоченным действиям поляков. Непонятно другое: почему же вопреки директивам командования о направлении поляков в Войско Польское их все же заставляли служить в Красной армии? Причем, в случае обращения с законной просьбой и со ссылкой на эти приказы были привлечены к разбирательству не только политические структуры армейского и даже фронтового уровня, но и органы контрразведки?

Здесь может быть выдвинуто несколько гипотез. Первая, прагматическая: у проходивших реформирование армий, готовившихся к боям на решающем стратегическом направлении, был жесткий мобилизационный план и «делиться» новыми пополнениями, какой бы национальности они не были, им было невыгодно. «Этнический фактор» все же брался в расчет, и, чтобы избежать открытого нарушения директив, поляков записывали белорусами. Не хотелось армейскому командованию и признавать свои ошибки.

Возможно, что запись поляков белорусами имела более глубокую подоплеку. Вопрос о том, кого считать польскими гражданами, вызвал острые противоречия между советским и эмигрантским правительством еще с момента восстановления дипломатических отношений и начала формирования армии Андерса. Польская сторона считала таковыми всех жителей Польши в границах до 31 августа 1939 г., а советская, напротив, объявляла всех жителей территорий западных областей Украины и Белоруссии гражданами СССР. Для облегчения набора в польскую армию советское правительство согласилось тогда сделать изъятие из Указа о гражданстве от 29 ноября 1939 г., признав гражданами Польской Республики всех поляков – жителей этих областей, а также обещало передать в польскую армию поляков-добровольцев, уже призванных в Красную армию [4, с. 15].

В 1944 г. уже не существовало дипломатических отношений с лондонским правительством и прежние соглашения утратили свою силу. Но вопрос перешел в практическую плоскость – в связи с новой мобилизацией в Красную армию, с активным формированием частей Войска Польского и в связи со вступлением на территорию Польши. Проще всего было решить мобилизационные задачи с советскими гражданами, обойдя скользкий национальный вопрос и записав поляков белорусами.

Вторая гипотеза имеет политический характер. Ее косвенно подтверждает вмешательство в ситуацию органов контрразведки «Смерш». В этот период в западных областях Украины и Белоруссии, а также в Польше складываются очень непростые отношения с формированиями Армии Крайовой, подчинявшейся лондонскому правительству. В частности, руководство АК, отдав распоряжения своим сторонникам, с одной стороны, уклоняться от мобилизации в Красную армию, а с другой, – *«чтобы при принудительном призыве Советами поляки использовали возможность вступления в армию Берлинга»* [4, с. 466]. Такие приказы были переданы во все округа на восток от линии Керзона.

Советская контрразведка знала о планах руководства АК «просочиться» в Войско Польское и по возможности взять его под свой контроль. Вероятно, именно поэтому особенно настойчивые попытки лиц польской национальности при мобилизации вступить не в Красную, а в польскую армию вызвало такие подозрения и привлекло пристальное внимание «Смерш».

Впрочем, один вариант не исключал другого. Возможно, они просто оказались задействованы на разных уровнях: запасные полки, выполняя мобилизационный план, брали всех подряд, записывая белорусами, а политорганы и «Смерш» стремились выявить неблагонадежные и потенциально опасные элементы. Кроме того, психологически срабатывали принципы «инициатива наказания» и «не высывайся».

Таким образом, поляки, мобилизованные в Красную армию во второй половине 1944 г., вынуждены были делать тяжелый выбор: оставаться ли им в Красной армии, – что для служивших ранее в польской армии означало нарушение присяги, – или настаивать на переводе в Войско Польское, – что было чревато репрессиями вплоть до расстрела; числиться им белорусами, уступив административному произволу, или отстаивать свою подлинную национальную принадлежность; становиться советскими гражданами «второго сорта» – из-за принадлежности к «неблагонадежной» национальности, длительного проживания на оккупированной территории, наличия родственников за границей и т.д., а для крестьян – с перспективой оказаться в колхозах – или оставаться гражданами Польши, с вынужденным переездом из родных мест,

с потерей земли, хозяйства, имущества. Для многих это означало еще и разделение семей государственной границей. Судьбы людей оказались между жерновами «большой политики», и драматизм ситуации заключался в том, что любой выбор нес для людей моральные страдания и жизненные потрясения.

Литература и источники

1. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VIII. Январь 1944 – декабрь 1945 г. М., 1974.
2. Зарождение народных армий стран – участниц Варшавского договора. М., 1975.
3. Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во Второй мировой войне. М., 1974.
4. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 14 (3-1). СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы. М., 1994.
5. *Сыхальский М.* О польско-советском боевом содружестве // Военно-исторический журнал. 1960. № 1.
6. Центральный архив Министерства Обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). 90 олтп [90-й отдельный линейный танковый полк]. Оп. 179510. Д. 7 (3 уч.).
7. ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 51.

Сенявская Елена Спартаковна,

*доктор исторических наук, профессор;
ведущий научный сотрудник*

*Центра изучения Новейшей истории России
и политологии*

Института российской истории РАН

РУССКИЕ И ПОЛЯКИ В 1944–1945 гг.:

ВСТРЕЧА НАРОДОВ И КУЛЬТУР

В ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ

ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. В статье рассматриваются взаимовосприятие народов СССР и Польши в ходе освободительной миссии Красной армии в 1944–1945 гг., воспитательная работа командования

и политорганов с личным составом войск при вступлении на польскую территорию, отношения между советскими военнослужащими и польским гражданским населением. Показаны факторы, влиявшие на формирование и эволюцию образа другого народа в широком историческом контексте.

Ключевые слова: Вторая мировая война, освободительная миссия Красной армии, Польша, взаимовосприятие народов и культур, общественные настроения, историческая память

Senyavskaya Elena Spartakovna,

*Doctor of Historical Sciences, Professor;
leading researcher, Centre for the Study
on Modern Russian History and Political Science,
Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences*

RUSSIANS AND POLES IN 1944–1945: MEETING OF PEOPLES AND CULTURES IN THE EXTREME SITUATION OF WARTIME

Abstract. the article deals with the mutual perception of the peoples of the USSR and Poland during the Liberation mission of the red Army in 1944–1945, the educational work of the command and political agents with the personnel of the Soviet troops when entering the Polish territory, the relations between the Soviet soldiers and the Polish civilian population as a result of mutual contacts in the extreme situation of wartime. The factors influencing the formation and evolution of the image of another people in a wide historical context are shown.

Key words: World War II, liberation mission of the Red Army, Poland, mutual perception of peoples and cultures, public mood, historical memory

Проблема взаимоотношений двух разных народов – очень непростое явление. Оно всегда происходит на основе психологической закономерности «мы–они», «свои–чужие». То, каким содержанием наполняется понятие «они», – дружеским, нейтральным или враждебным, – зависит от многих обстоятельств. Здесь и историческая память, и конкретно-историческая ситуация, и жизненный

опыт, и мировоззрение отдельных людей, которые являются субъектами взаимоотношений. Как правило, особенно непросто взаимоотношения соседних народов, у которых накопился многовековой исторический груз взаимных претензий и обид, хотя есть и немалый позитивный опыт сотрудничества.

Все это с полным основанием можно отнести к взаимоотношениям русских и поляков. В них переплелись этническая близость славянских народов и культурные, религиозные различия, военные противостояния и длительное существование в рамках общих государств (Речи Посполитой и Российской империи). Не менее мощным фактором была длительная история совместной борьбы с общими внешними врагами: татарами, турками, немцами и др. Особенно насыщенным и противоречивым для двух народов был XX век. Польские земли стали одной из основных арен боевых действий Первой мировой войны, а поляки воевали в противостоящих армиях России, Германии, Австро-Венгрии. После возрождения Польского государства появились новые противоречия, связанные с войной 1920 г., политико-идеологическим противостоянием и территориальными претензиями в 1920–1930-х гг. Самым драматичным фактором стал новый раздел Речи Посполитой в результате пакта Молотова–Риббентропа и начала Второй мировой войны.

К 1944 г. сформировался запутанный узел общественно-политических проблем, предопределивший сложный комплекс мыслей, чувств, настроений русских и поляков по отношению друг к другу. Сложность ситуации заключалась прежде всего в том, что на коротком отрезке времени СССР и Польша выступали сначала как противники (1939), а после нападения фашистской Германии на СССР превратились в союзников. Причем, эмигрантское правительство в Лондоне придерживалось теории «двух врагов» – борьбы против Советского Союза и Германии – и намеревалось захватить власть в стране силами Армии Крайовой до прихода Красной армии. СССР же был заинтересован в установлении в Польше лояльного себе и прокоммунистического режима. Начавшееся с июля 1941 г. сотрудничество СССР и «лондонского правительства» с обеих сторон оказалось неискренним, и 25 апреля 1943 г.

советская сторона разорвала с ним дипломатические отношения [5, с. 18–20; 9, с. 44].

Политические процессы за пределами Польши отражались и на ситуации в стране. Польский народ вел героическую борьбу за свое освобождение в условиях идеологического и политического раскола и дезориентации. С февраля 1942 г. партизанские отряды были объединены в Армию Крайову, подчинявшуюся Лондону. Параллельно с мая 1942 г. под руководством Польской рабочей партии формировались отряды Гвардии Людовой, в канун 1944 г. преобразованные в Армию Людову [5, с. 14]. У двух соперничавших сил польского антифашистского сопротивления был единый враг – Германия, но разное отношение к СССР и Красной армии.

Все это не могло не влиять на мировоззрение и настроения населения Польши. По мере продвижения Красной армии к ее границе ситуация обострялась, вставал вопрос: кем станут для Польши советские войска – освободителями от немецкой оккупации или новыми завоевателями, как поведут они себя на польской земле, как следует относиться к ним и какую из двух конкурирующих между собой и претендующих на власть польских армий поддерживать? Нельзя сбрасывать со счетов и немецкую пропаганду, которая долго формировала образ советской стороны как «большевистских варваров», готовых «растоптать» просвещенную Европу.

Исторический контекст, с массированным пропагандистским воздействием, личностными, биографическими и бытовыми факторами, влиял на и мировоззрение бойцов и офицеров Красной армии. В их сознании доминировал образ славянского и близкого в противостоянии германцам польского народа. Вместе с тем он переплетался с идеологическим стереотипом буржуазной, враждебной Советскому государству «панской» Польши. Двойственным было и отношение к ней как к союзнику – в силу вышеупомянутых событий он казался капризным и ненадежным. Население рассматривалось с классового точки зрения: симпатию вызывали рабоче-крестьянские «бедняцкие» слои и негативное отношение – зажиточные и «классово чуждые».

Таким образом, взаимовосприятие во многом обуславливалось политическими и идеологическими фильтрами, через которые

обе стороны смотрели друг на друга. Социальная реальность была перемешана с мифами и пропагандистскими штампами. Взаимные психологические ожидания частично подтвердились, но подверглись существенной корректировке, когда два народа пришли в непосредственное соприкосновение.

Официальная позиция советского руководства в отношении к Польше нашла отражение в постановлении Государственного комитета обороны № 6282 от 31 июля 1944 г. и в директиве Генерального штаба Красной армии командующим войсками 1, 2, 3-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов от 1 августа 1944 г. В них, в частности, говорилось, что «вступление советских войск в Польшу диктуется исключительно военной необходимостью и не преследует иных целей, кроме как сломить и ликвидировать продолжающееся сопротивление войск противника и помочь польскому народу в деле освобождения его Родины от ига немецко-фашистских оккупантов». Предписывалось «в районах, занятых Красной армией, советов и иных органов советской власти не создавать и советских порядков не вводить»; «исполнению религиозных обрядов не препятствовать, костелов, церквей и молитвенных домов не трогать»; гарантировать польским гражданам охрану их собственности и имущества. От военного командования требовалось «установить дружеские отношения» с органами власти, которые будут созданы Польским комитетом национального освобождения, при этом «никаких других органов власти», и в том числе эмигрантского правительства в Лондоне, не признавать, а с их представителями поступать, «как с авантюристами» [5, с. 333–334].

Еще до вступления на территорию Польши среди личного состава советских войск военные советы, политорганы всех уровней и партийные организации провели политико-идеологическую подготовку. Так, военный совет и политуправление 1-го Белорусского фронта разослали по всем политотделам фронта справку по истории Польского государства, характеризовавшую его устройство, политико-экономическое положение, культуру, быт и нравы населения и т.д. Были прочитаны лекции, доклады, проведены беседы на темы: «Задачи личного состава в связи с вступлением Красной армии на территорию Польши», «Победа над

германским фашизмом лежит через освобождение народов Европы», «Воин Красной армии – представитель самой сильной и культурной армии в мире», «Железная воинская дисциплина и высокая бдительность – залог победы над врагом», «Красная армия выполняет историческую роль – освобождает народы Европы от фашистского рабства» [9, с. 205–206].

Вот как описывает лекцию о международном положении, прочитанную агитатором полка сразу после вступления на территорию Польши, в автобиографической повести «Три круга войны» писатель-фронтовик Михаил Колосов: «...вы являетесь непосредственными проводниками нашей государственной политики на чужой территории. Положение в Польше, товарищи, сложное...» Рассказав о Польском комитете национального освобождения, он призвал «помогать ему. И быть бдительными: здесь действуют банды террористов, они нападают на комитеты, убивают коммунистов, совершают диверсии и против Красной армии... Как нам вести себя на территории Польши? Как на земле дружественной страны. Помните: вы не дома, но и не в гостях. Без спроса ничего не берите, лес не рубите, местному населению не предлагайте советских денег. Здесь свое государство и свои деньги... Многие солдатам было непонятно... Что же это получается? – возмущенно спрашивали они. – Мы освобождаем их территорию, а лесину не сруби, солому не тронь и даже кувшин молока не купи? А кто нам заплатит за тех солдат, которые полегли здесь?.. И еще ляжет сколько!.. Майор обернулся к замполиту, улыбнулся снисходительно: – Везде один и тот же вопрос. <...> Усвойте одно: должна быть дисциплина! На чужой территории – дисциплина вдвойне! На вас смотрят как на освободителей, как на представителей великого народа – так вы и ведите здесь себя соответственно. Разъяснениями слушатели остались недовольны: “Что-то тут не так, ...слишком все усложнено”. Вопросов лектору больше не задавали, но между собой спорили» [3, с. 345–346].

Командование настойчиво утверждало в сознании военнослужащих необходимую модель поведения. Тот же автор вспоминает, как личному составу батальона был зачитан приказ по армии с комментариями комбата. «– Мы на чужой территории, но здесь

мы не как завоеватели, а как освободители, мы преследуем врага и освобождаем польский народ от ига гитлеровских оккупантов. <...> Здесь для нас все чужое, поэтому без разрешения не брать ни палки, ни доски. <...> Солома нужна? Будем добывать организовано. Поедет старшина к старосте и скажет ему: “Пан староста, чтобы не стеснять гражданское население, мы остановились в лесу. Солдатам для постелей нужна солома. Не могли бы вы нам помочь?” Только так, дипломатическим путем. Думаю, не откажет. <...> В приказе <...> сообщалось, что какой-то ротный старшина украл у поляка овцу для кухни, за что был предан суду военного трибунала. – Вот это да! – загудели возмущенно бойцы. – За овцу! А он, может, от Сталинграда прошел и хотел солдат подкормить...» Бойцы долго и возбужденно обсуждали услышанное. «В конце концов согласились, что вести тут себя надо осторожно, с населением – особенно, но за овцу под трибунал – это уж слишком», а в заключение сделали вывод, что все это – политика, «а там, где политика, любые средства применяются» [3, с. 342–343].

Во всех частях проводились красноармейские и специальные партийные, комсомольские собрания, на которых принимались решения «вести беспощадную борьбу с мародерством, своевременно пресекать плохое поведение бойцов по отношению к местному населению» [1, с. 155–156]. Целенаправленная работа с личным составом и жесткие дисциплинарные меры резко ограничили масштабы стихийных реквизиций и произвола по отношению к польским гражданским лицам. Вот свидетельство поэта-фронтовика Давида Самойлова: «...в Польше держали нас в строгости. Из расположения улизнуть было сложно. А шалости сурово наказывались» [6, с. 67].

Какой же увидели Польшу вступившие на ее территорию советские бойцы? В январе 1945 г. военный журналист Дмитрий Дажин писал жене: «Я видел то, как ограбили немцы Польшу. Целые деревни сожжены. Города разрушены. Люди живут бедно. Вокруг пески, пески... Хвойные леса – и опять пески, и снова убогие деревушки. С убогой, обездоленной жизнью. Фашисты тут так же грабили народ, как и у нас в России. Трудовой народ Польши радуется нашему приходу.

– Бардзо добже, что вы пришли, пан-туварищ, – говорят они.

...Поляков немцы мучили не меньше, чем наших людей. Поляки ненавидят фашистов. Многие из них говорят, что они хотели бы быть с нами, воевать вместе... Есть, конечно, и такие, что смотрят исподлобья. Немцы тут вели ярую пропаганду, говорили, что большевики – людоеды и прочее. Вот почему в селах люди вначале боятся, а потом ничего, как в родном доме» [7, с. 144, 146].

Это очень противоречивое взаимовосприятие подтверждает и Давид Самойлов. «Не могу сказать, что Польша сильно понравилась нам, – писал он. – Тогда в ней не встречалось мне ничего шляхетского и рыцарского. Напротив, все было мещанским, хуторянским – и понятия, и интересы. Да и на нас в Восточной Польше смотрели настороженно и полувраждебно, стараясь содрать с освободителей, что только возможно. Впрочем, женщины были утешительно красивы и кокетливы, они пленяли нас обхождением, воркующей речью, где все вдруг становилось понятно, и сами пленялись порой грубоватой мужской силой или солдатским мундиром. И бледные отощавшие их прежние поклонники, скрипя зубами, до времени уходили в тень...» [6, с. 70,71]

Как видим, во взаимоотношениях советских бойцов и местного населения переплелось немало аспектов: идеологических, экономических, бытовых, личностно-эмоциональных. Непосредственные контакты размывали взаимные стереотипы, но сказывались различный индивидуальный опыт и личностные взгляды. Приведу четыре письма, перлюстрированных военной цензурой, которые относятся к одному и тому же времени (концу февраля 1945 г.) и месту (позициям 19-й армии 2-го Белорусского фронта).

Военнослужащая Лидия Шахпаронова 22.02 писала подруге: «Польша мне нравится, и народ здесь приветливый. К нам относятся очень хорошо, как к своим освободителям. Они понимают, что если бы не мы, то никогда бы полякам не сбросить ярмо немцев. А немцы здесь действительно были господами. У нас в СССР они еще не успели развернуться во всей возможной полноте. Полякам нельзя было жениться, есть масло, мясо, хлеб белый, пить молоко и т.д. Им выдавали немного хлеба из отрубей и черного кофе (суррогаты). Вот и все. Специальные нюхачи рыскали

по домам и узнавали, не едят ли поляки, что им не положено. Перед пацаном-немцем поляк обязан был снимать шапку и кланяться, иначе тот его бил по щекам. А если бы поляк дал ему сдачи или отпихнул, его бы повесили. Словом, настоящее рабство. Все поляки от старого до малого были работниками у немцев. Все было немецкое – и заводы, и земля, и магазины. Потому так поляки и ненавидят немцев, проклинают их. Потому они так хорошо встречают нас» [8, л. 92].

Иной акцент мы видим в письме М.П. Анненковой к подруге от 19.02: «...прошли все польские города (Торн, Бромберг и т.д.), побывали у поляков. Поляки – народ не совсем дружелюбный. Некоторые приветствуют хорошо, а некоторые смотрят косо на нас. Немцев ненавидят они крепко, потому что у них деревни и города все разрушены» [Там же, л. 85]. Это мнение разделяла и Вера Герасимова. «Проезжали деревни, села, города, – писала она родным 23.02. – Дороги хорошие, местами взорваны и побиты при отступлении фрицев... Все это была Польша. Деревни грязные, люди не привыкли, видно, мыться в банях, т.к. их нет, что нам не очень понравилось, какая-то брезгливость... Внешний лоск и внутренняя грязь. В городах немного получше одеты, с шиком, видимо, привыкли жить с немцем (от 1939 г.), т.е. нет здесь уже той приветливости [как в деревня и селах], и мне кажется, что многие в этих городах – это фрицы, замаскированные поляками. Где нас много, они не появляются, своих действий не проявляют, а где идешь одна, можешь напасть на неприятность» [Там же, л. 94].

И наконец, последнее письмо, в какой-то мере обобщающее отношение к местному населению освобождаемой Европы. «Проехала Эстонию, Литву, Латвию и Польшу, теперь где-то на границе Германии... – сообщает 24.02.1945 г. подруге Галина Ярцева. – Какие города я видела, каких мужчин и женщин. И глядя на них, тобой овладевает такое зло, такая ненависть! Гуляют, любят, живут, а их идешь и освобождаешь. Они же смеются над русскими... Да, да! Сволочи... Не люблю никого, кроме СССР, кроме тех народов, кои живут у нас. Не верю ни в какие дружбы с поляками и прочими литовцами!» [Там же, л. 86]

В этих письмах отмечается относительное богатство городов и бедность польских сел, унижительность и тяготы немецкого оккупационного порядка. Видна противоречивость отношения поляков к советским войскам, где присутствует приветливость, настороженность и враждебность. В отношении советских солдат к польскому населению также наблюдалось и сочувствие, и недоверие, и отторжение, как чуждого, внутренне враждебного. Последний оттенок был замечен военной цензурой и зафиксирован в донесении политотдела 19-й армии об организации воспитательной работы в войсках в ходе наступления 17 марта 1945 г. как «факт непонимания великой освободительной миссии Красной армии» [8, л. 120–121].

Советские официальные органы тщательно отслеживали как поведение собственных войск на польской территории, так и отношение к ним польского населения. Ценными для нашего анализа являются донесения и доклады дивизионных и армейских политотделов, обобщавших стекавшуюся к ним информацию. Именно политорганы, а также органы контрразведки «Смерш» и военные коменданты проводили основную работу по изучению настроений польского населения. В освобожденных населенных пунктах представителями Польского комитета национального освобождения с активным участием советских политработников проводились собрания и митинги, на которых разъяснялись цели прихода Красной армии в Польшу и суть новых советско-польских отношений. Широко практиковались индивидуальные и групповые беседы советских бойцов и офицеров с местным населением.

Собранный различными способами материал позволял политорганам делать определенные выводы. Характерно политдонесение начальника политотдела 175-й стрелковой дивизии начальнику политотдела 47-й армии о помощи польского населения войскам от 29 июля 1944 г. В нем говорится: «Население Польши проявляет большой интерес к Красной армии. Много случаев, когда женщины выносят навстречу бойцам передовых подразделений молоко и фрукты. На привалах польские девушки под гармошку танцевали с нашими бойцами. Мужское население больше всего интересуется положением на фронтах. Пожилые мужчины,

служившие раньше в царской армии, интересуются порядками в Красной армии, введением погон. Большая часть населения осведомлена о политических вопросах, о наших взаимоотношениях с польским правительством в Лондоне, создании и боевых действиях польской армии в СССР. Симпатии населения на стороне армии Берлинга. Мужское население заявляет о своей готовности идти в армию Берлинга. В одном из хуторов при прохождении с полковым знаменем все мужчины сняли головные уборы и с обнаженными головами пропустили наши знамена. С особым интересом гражданское население слушало сообщения наших политработников о создании Польского комитета национального освобождения, декретах Крайовой Рады Народовой, заявлении Наркоминдела об отношении Советского Союза к Польше и о соглашении, заключенном между СССР и Польшей». Общий вывод констатировал, что гражданское население готово содействовать успехам Красной армии [5, с. 328, 329].

Доклад политотдела 28-й армии 1-го Белорусского фронта о работе политорганов среди польского населения и его отношении к Красной армии за конец августа 1944 г. обобщил материалы, собранные за длительный срок в районе боевых действий. В нем говорится: «Подавляющее большинство населения встречает Красную армию не только лояльно, но и дружелюбно. Сдержанность, наблюдавшаяся в первые дни по отношению к Красной армии, постепенно сменяется пониманием великой освободительной роли, которую выполняет армия Советского Союза. <...> Поляки заявляют: “Мы могли ждать помощи только от русских, от Советов, и вы пришли”; “Немцы принесли польскому народу полное рабство. И теперь, когда Красная армия освобождает из-под гнета немецких захватчиков польский народ, мы будем всемерно помогать Красной армии, чтобы как можно скорее разгромить ненавистного врага” <...> Во многих населенных пунктах население встречает входящие туда части с цветами, хлебом-солью, целует бойцов и офицеров». Порой даже на молебнах католические священники призывали оказывать помощь Красной армии, «очень многие поляки» ждали, «когда их призовут в польскую армию, которая пользуется у населения большим авторитетом». Особенное

желание пойти в польскую армию изъявляет молодежь, в том числе и девушки» [5, с. 347, 348, 350].

Таким факты считались безусловным доказательством лояльного отношения к советским войскам и их союзнику – Войску Польскому. Но в гораздо большей степени они свидетельствовали о ненависти поляков к гитлеровским оккупантам и желании отомстить за страдания своего народа. В одном из политдонесений констатировалось: «...все слои польского населения ненавидят немцев, охотно рассказывают факты о чудовищных зверствах фашистских мерзавцев по отношению к полякам и пленным красноармейцам... Нередки случаи, когда население, желая излить свою ненависть на немцев, пыталось избить военнопленных солдат и офицеров... Красноармейцам с большим трудом удалось защитить пленных и установить порядок» [Там же, с. 350].

Характерным явлением был интерес польских граждан к жизни в Советском Союзе. В политдонесениях отмечалось, что «гражданское население с большим желанием и интересом читает наши газеты и смотрит наши кинофильмы» [Там же, с. 329]. 19 января 1945 г., на второй день после освобождения Ченстохова, Дмитрий Дажин записал в дневнике: «Сохранилось два кинотеатра, где уже показывают наши фильмы: “Сталинград”, “Большая жизнь”, “Чапаев”, “Веселые ребята” (“Весь свит смеетца”). Все они вызывают исключительный интерес у поляков. Польские девушки поют на улицах наши песни. Особенно полюбилась им песня “С берез неслышим, невесом, слетает желтый лист...”. На улицах – ватаги молодежи. Встречают радушно: зазывают в гости, угощают вином. Везде флаги польские и наши, советские. <...> Ксендз перед большой толпой благодарил Россию и молился за победу Красной армии» [7, с. 145–146]. Особенно тепло встречали советские войска в рабочих городах [Там же, с. 147–148].

Вместе с тем почти во всех свидетельствах приводились факты нелояльного и даже враждебного отношения некоторых поляков к Красной армии. В уже цитировавшемся докладе политотдела 28-й армии 1-го Белорусского фронта за конец августа 1944 г. отмечалось: «Имеются определенные лица среди польского населения, которые проявляют сдержанное и даже враждебное отношение

к Красной армии. В селе Сухожабры во время сильного дождя хозяева в одном доме грубо заявили нашим бойцам, желавшим укрыться в хате: “Вам в доме делать нечего, можете найти себе сарай и там дожидаться погоды”. В другом доме на просьбу дать напиться воды ответили: “Для вас здесь воды нет, можете убираться отсюда”. Имеются и другие факты, когда население отказывается давать бойцам на временное пользование косы, ведра, кружки и т.п. Ксендз села Кременув-Ковецкий неоднократно говорил полякам, чтобы они не помогали и ничего не давали Красной армии. <...> “Пусть Советы поскорее ослабнут, проливая кровь за Польшу. Тогда, после разгрома Германии, Англия и Америка могут быстрее установить в Польше правительство Миколайчика”. И не случайно жители этого села не приветствуют и не отвечают на приветствия наших офицеров. Отдельные поляки пытались купить у наших бойцов оружие, обещая за него водку и продукты. В селе Пшесмыки отдельные крестьяне не выполняют задание солтыса по ремонту дорог, по мясоставкам и др. Там же зажиточный крестьянин Филипский избил солтыса за то, что тот требовал у него мяса для Красной армии. До сего времени во всех деревнях и городах плохо выполняются приказы Военного совета о сдаче населением оружия и радиоаппаратуры... Многие поляки скрывают оружие и радиоприемники, что является весьма подозрительным и требует срочных мер...» [5, с. 349].

Особенно острыми и запутанными в сознании гражданского населения были политические проблемы, связанные с межгосударственными отношениями СССР и Польши, с будущими границами и общественно-политическим устройством страны. В том же докладе политотдела 28-й армии отмечалось: «Среди населения существуют самые разнообразные толкования вопросов советско-польских отношений и границ между Польшей и Советским Союзом. Большинство населения, преимущественно средние и бедняцкие слои города и деревни, считают границы 1939 г. справедливыми. Зажиточные и часть средней группы населения мечтают о восстановлении прежних границ с Советским Союзом. <...> Известная часть населения, особенно старые солдаты, служившие в русской армии, и поляки из бедняцких слоев, высказывают мысли

о присоединении Польши к Советскому Союзу. Только в этом они видят гарантии военной безопасности польского народа. Среди этой части населения характерны выражения “наша армия”, “наш самолет” по отношению к Красной армии. <...> В деревне Крыница один поляк, в прошлом солдат русской армии, заявил: “Мы долго жили с русскими, и нас никто не трогал. Мы снова хотим быть вместе, только тогда можно быть сильными”. Крестьяне-бедняки в селе Свитер заявили: “Польшу надо присоединить к Советскому Союзу, чтобы потрясти шляхту, иначе все будет по-старому”» [5, с. 349–350].

Политику ПКНО поддерживали прежде всего бедняцкие и средние слои, рассчитывавшие на то, что «теперь крестьянин не будет жить в нужде». Вместе с тем в аналитическом документе политотдела армии отмечалось, что среди поляков «немало и сторонников лондонского правительства». «Эти лица преимущественно из помещичьих, зажиточных слоев и частично из польской интеллигенции. В связи с отъездом Миколайчика из Москвы учитель из деревни Головчинцы заявил: “Плохо, что Советы не признают Миколайчика, Польша пойдет за ним”. Среди этой части населения орудуют представители лондонского эмигрантского правительства. Выявлены некоторые подпольные националистические формирования. В одном населенном пункте Ягодне-Пенки Седлецкого уезда значительная часть населения недовольна приходом Красной армии. Здесь активную работу проводит подпольная националистическая организация “Партизанка”, куда входят помещики, зажиточные крестьяне и духовенство. Эта организация поддерживается лондонским правительством. Ее члены ведут среди населения агитацию о необходимости восстановления Польши в прежних границах <...> Организация подбивает местное население на вооруженную борьбу против Красной армии <...>

В деревне Струсы Седлецкого уезда орудуют члены подпольной организации “Польские паны”, преимущественно из реакционно настроенных кулаков. В период немецкой оккупации они помогали немцам расстреливать еврейское население и военнопленных красноармейцев. Эта организация призывает поляков к борьбе с Красной армией, выдвигая программу: “Зачем нам в Польше

Красная армия и коммуна? Нас Англия вооружит, тогда мы возьмем за Россию. Польша будет великой империей от Балтийского до Черного моря”. 11 августа в город Венгров приезжал представитель лондонского правительства для установления связи и дачи указаний своим единомышленникам <...> И, как предполагают, выехал в город Седлец с той же целью. В ряде населенных пунктов отмечены факты срывов приказов командования Красной армии и плакатов Национального комитета, вывешенных на стенах. Ряд офицеров и солдат Армии Крайовой угрожает населению репрессиями за лояльное отношение к Красной армии» [5, с. 350].

Таким образом, польское население оказывалось между двух огней. Эту ситуацию точно отразила докладная записка Военного совета 47-й армии в Военный совет 1-го Белорусского фронта об отношении отрядов Армии Крайовой к Красной армии от 30 июля 1944 г.: «Население тепло относится к частям Красной армии, но в то же время исключительно хорошо относится и к отрядам так называемых польских партизанских частей и подразделений» [Там же, с. 330].

Литература и источники

1. Братство по оружию. М., 1975.
2. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993.
3. Колосов М. Заграница // Венок славы. Антология художественных произведений о Великой Отечественной войне. В 12 т. Т. 10. М., 1986.
4. Новосёлова Е. Выстрел в спину. Кто воевал в тылу Красной армии, освобождавшей Европу от фашизма? // Российская газета. Столичный выпуск № 41 (6612). 2015. 26 февраля. URL: <https://rg.ru/2015/02/26/dokumenty-site.html> (дата обращения: 13.03.2019).
5. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 14 (3-1). СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы. М., 1994.
6. Самойлов Д. Люди одного варианта. Из военных записок // Аврора. 1990. № 2.
7. Филимонова И., Дажин Д. А мы такие молодые... М., 1985.
8. Центральный архив Министерства Обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76.
9. Шишов Н.И. В борьбе с фашизмом. 1941–1945 гг. (Интернациональная помощь СССР народам европейских стран). М., 1984.

Невежин Владимир Александрович,
*доктор исторических наук;
ведущий научный сотрудник
Центра по изучению отечественной культуры
Института российской истории*

ПОЛЯКИ НА ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ПРИЕМЕ В КРЕМЛЕ (4 ДЕКАБРЯ 1941 Г.)

Аннотация. В статье преимущественно на материалах Архива внешней политики Российской Федерации и польских мемуаров рассматривается один из эпизодов советско-польских отношений периода Великой Отечественной войны – прием (банкет) в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца в честь Вл. Сикорского с участием И.В. Сталина. Описаны детали подготовки к визиту премьер-министра польского правительства и к самому приему. Выявлены особенности его церемониала. Сделан вывод об эксклюзивном характере этого банкета.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, советско-польские отношения, антигитлеровская коалиция, Кремль, дипломатический прием, И.В. Сталин, Вл. Сикорский

Nevezhin Vladimir Alexandrovich,
*Doctor of Historical Sciences;
leading researcher,
Center for Study on Russian Culture,
Institute of Russian History*

POLES AT DIPLOMATIC RECEPTION IN THE KREMLIN ON DECEMBER 4, 1941

Abstract. The article is focused on one of the episodes of the Soviet-Polish relations during the WWII (the Great Patriotic War) – a reception (banquet) at the Catherine Hall of the Grand Kremlin Palace in honor of Prime-Minister of Polish Government in exile Władysław Sikorski with participation of Joseph Stalin. In the article the details of the preparation are described by the Soviet side for the visit of the Prime Minister of the Polish Government to the USSR, when this reception took place.

Special attention in the article is devoted to the activities of the People's Commissariat for Foreign Affairs, its Protocol Department for specifying the date of the banquet, drawing up a list of the participants from the Soviet and Polish sides, and seating order at the table. In the article are revealed the peculiarities of the reception ceremony on December 4, 1941 and given the list of the dishes served. The conclusion of the article emphasizes the exclusive character of this dinner. The main sources for the article were the materials of the Archives of Foreign Policy of the Russian Federation, as well as the memoirs of the members of the Polish delegation participating in this feast.

Key words: Great Patriotic War, Soviet-Polish relations, anti-Hitler coalition, Kremlin, diplomatic reception, Joseph Stalin, Władysław Sikorski

В период Великой Отечественной войны настоятельная необходимость координации военной, политической и дипломатической деятельности для победы над общим врагом требовала постоянного обмена мнениями между членами антигитлеровской коалиции. Москву с официальными визитами неоднократно посещали политические лидеры, военные деятели, дипломаты государств и правительств, представлявших этот альянс. В рамках подобных визитов, помимо официальных переговоров и других протокольных мероприятий, в Кремле от имени главы советского правительства И.В. Сталина устраивались дипломатические приемы (обеда). Обед – это один из видов дипломатического приема, который начинался между 20 и 21 часами и продолжался два-три часа.

В предлагаемой статье основное внимание сосредоточено на подготовке и проведении дипломатического приема в Кремле в честь польских союзников, состоявшегося 4 декабря 1941 г. Основными источниками явились архивные материалы интернет-публикации «СССР и союзники. Документы Архива МИД России о внешней политике и дипломатии ведущих держав антигитлеровской коалиции»¹. В частности, использовались: переписка и другие материалы, связанные с подготовкой и проведением этого дипломатического приема (поименные списки приглашенных;

¹ Эта документальная публикация размещена в Интернете по адресу URL: agk.mid.ru

схема их рассадки за столом, меню банкета и др.). Помимо этого, использованы опубликованные мемуары непосредственных участников и очевидцев событий [6; 7].

С 1 октября 1941 г. по 13 августа 1945 г. в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца состоялся 21-й дипломатический прием (обед, или банкет) представителей государств антигитлеровской коалиции. Девять раз такие приемы устраивались в честь англо-американских, четыре раза – в честь чехословацких союзников. По одному разу этой чести удостоивались государственные деятели Китая, Франции и Югославии.

Польские союзники были «виновниками торжества» на дипломатических приемах в Кремле пять раз: один раз после установления дипломатических отношений между СССР и польским правительством в изгнании (4 декабря 1941 г.) и четыре раза после их разрыва (16 марта и 27 июня 1944 г.; 21 апреля и 23 июня 1945 г.) [9].

Ко времени начала германской агрессии против СССР официальных контактов с польским руководством у Москвы не существовало. Созданное 30 сентября 1939 г. польское правительство в эмиграции во главе с генералом Вл. Сикорским под влиянием драматических событий лета 1941 г. пошло на сближение с Москвой.

30 июля 1941 г. советский посол в Англии И.М. Майский и Сикорский подписали соглашение о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Польшей и о создании польской армии на территории Советского Союза. На церемонии подписания присутствовали премьер-министр Великобритании У. Черчилль и министр иностранных дел А. Иден. В соглашении, в частности, оговаривалось, что Советский Союз признал утратившими силу договоренности с Германией от 23 августа и 28 сентября 1939 г. «касательно территориальных перемен в Польше». Советское правительство выразило согласие на создание на территории СССР польской армии [4, док. № 136, с. 200–201].

6 августа 1941 г. командующим этими польскими частями был назначен генерал Вл. Андерс. Вопрос о дальнейшей судьбе созданного воинского формирования и другие важные проблемы, касавшиеся перспектив взаимоотношений между СССР и Польшей,

обсуждались в ходе первого (и единственного) визита главы польского правительства в изгнании в Советский Союз.

Работа по организации приема польской делегации во главе с Вл. Сикорским развернулась в середине ноября 1941 г., причем едва ли не основная нагрузка легла на Протокольный отдел НКВД, возглавлявшийся тогда Ф.Ф. Молочковым². Молотов составил «Программу встречи и пребывания Сикорского в Советском Союзе». Первый вариант ее 15 ноября 1941 г. был представлен Молочковым заместителям народного комиссара иностранных дел СССР В.Г. Деканозову и А.Я. Вышинскому. После внесения ими небольших изменений текст был 20 ноября согласован обоими и направлен на имя В.М. Молотова. Тот внес в документ окончательную правку [2, л. 12–14, 14 (2), 23].

В упомянутой «Программе...» описывалась церемония встречи Вл. Сикорского в Баку, Куйбышеве и в Москве, куда он должен был прибыть самолетом. (Аэрофлоту предписывалось заблаговременно подготовить самолет.) Предусматривалось обеспечение польских гостей автотранспортом, размещение их в гостинце «Москва» (она, как отмечалось в документе, имела «хорошее бомбоубежище»). Далее планировались: прием у И.В. Сталина; проводы; кино съемка основных моментов визита польских союзников. Были определены официальные лица, уполномоченные встречать, сопровождать в поездке и провожать Сикорского, а также членов его делегации.

16 ноября Г.М. Пушкин³ составил «Характеристику Владислава Сикорского, премьер-министра и главнокомандующего польской армией», которая 1 декабря была отослана Сталину и Молотову. Эта характеристика была составлена «на основании материалов IV Европейского отдела» НКВД. Никакие оригинальные польские источники при составлении данного документа использованы не были [Там же, л. 64–67]. В нем излагались биографические

² Молочков Федор Федорович (1906–1986), дипломат. Заведующий Протокольным отделом Народного комиссариата (с марта 1946 – Министерства) иностранных дел СССР (1941–1950).

³ Пушкин Георгий Максимович (1909–1963), дипломат и партийный деятель. Заместитель заведующего IV отделом НКВД.

сведения о Сикорском, были выделены основные этапы его политической и военной карьеры. Составитель акцентировал внимание на том, что Сикорский внес решающий вклад в дело подписания советско-польского договора от 30 июля 1941 г. В то же время Пушкин напомнил, что Сикорский, выступая 1 августа 1941 г., пытался «провести аналогию между разделом Польши в 1795 г. и событиями 1939 г.», а также заявил, что предвоенные границы Польского государства не могут быть поставлены под сомнение.

Еще до прибытия Сикорского в СССР Молочков в своей переписке с руководством НКВД неоднократно подчеркивал, что польский премьер является по протоколу гостем советского правительства и поэтому заслуживает особых почестей. 30 ноября помощник народного комиссара иностранных дел Г.Г. Ленский телеграфировал из Куйбышева (со ссылкой на заявление первого секретаря польского посольства Мнишека) о том, что 1 декабря Сикорский должен сообщить в НКВД дату своего вылета в Москву, а также фамилии поляков, которые будут его сопровождать. «Сикорский, – отмечал в своей телеграмме Ленский, – по протоколу считается гостем. Т[оварищ] Молочков просит распоряжения о бесплатном содержании Сикорского в Москве». Молотов, ознакомившись с этой просьбой, обвел слово «бесплатном» и оставил на документе свою резолюцию «Согласен» [2, л. 18].

2 декабря 1941 г. польская делегация в составе 10 чел. (посол Польши в Советском Союзе Ст. Кот, сотрудники польского посольства, генерал Вл. Андерс, другие представители командования польской армии на территории СССР) прибыла в советскую столицу. Сикорского встречали Молотов, начальник войск НКВД СССР генерал-майор А.Н. Апполонов, заместитель председателя исполкома Моссовета М.А. Яснов, комендант Москвы генерал-майор К.Р. Синилов. Затем члены польской делегации направились в гостиницу «Москва» в отведенные им номера [Там же, л. 9].

3 декабря в Кремле, в служебном кабинете Молотова, состоялись переговоры между Сталиным и Сикорским, в которых участвовали Ст. Кот и Вл. Андерс, причем последний выступал в роли переводчика [4, док. № 307, с. 465–475]. Переговоры были напряженными. Они касались главным образом положения поляков

в СССР и перспектив вывода польской армии на территорию Ирана. Хотя Сикорский не стал поднимать проблему границы Польского государства, возник другой сложный вопрос – о судьбе нескольких тысяч польских офицеров, взятых в плен Красной армией, но не обнаруженных на советской территории Андерсом. Сталин попытался тогда отшутиться, заявив, что эти офицеры «бежали в Манчжурию». Тем самым под советско-польскими отношениями «была заложена “бомба”», «разорвавшаяся» весной 1943 г. в виде «Катынского дела» [11, с. 323–324].

Вечером 4 декабря Сталин устроил в Кремле прием в честь польской делегации. В официальном газетном отчете он был назван следующим образом: «Обед у Председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. И.В. Сталина в честь Председателя Совета Министров Польской Республики генерала Вл. Сикорского». В этом отчете были названы фамилии 17 участников банкета [5]. Однако, если судить по архивным документам, их было несколько больше.

Согласно «Плану рассадки на обеде 4 декабря 1941 г.», представленному Ф.Ф. Молочковым 3 декабря [2, л. 4], с советской стороны на банкете присутствовало 8 (из 14) членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП(б): Сталин, Л.П. Берия, Н.А. Вознесенский, Л.М. Каганович, Г.М. Маленков, А.И. Микоян, Молотов, А.С. Щербаков, занимавшие к тому же высокие государственные посты. Так, Сталин, Берия, Маленков и Молотов являлись членами Государственного комитета обороны (ГКО). Берия и Молотов возглавляли еще и важные ведомства (НКВД и НКВД). Наркомами являлись также Каганович (Наркомат путей сообщения) и Микоян (Наркомат внешней торговли), а Щербаков не только возглавлял Московскую городскую и областную организации ВКП(б), но Совинформбюро – важнейший советский пропагандистский орган.

Андерс [6, с. 243] и Е. Климковский [7, с. 200] в своих воспоминаниях сообщали, что на приеме 4 декабря 1941 г. присутствовал А.А. Жданов. Однако советскими источниками эти сведения не подтверждаются. Известно, что Жданов находился тогда в осажденном Ленинграде (с сентября 1941 г. являлся членом Военного совета Ленинградского фронта); 5 декабря он направил

Сталину письмо о мерах, предпринимаемых для обороны города [3, л. 191–195].

Следующую группу участников приема 4 декабря 1941 г. составляли представители советского внешнеполитического ведомства (В.Г. Деканозов, Ф.Ф. Молочков, Б.Ф. Подцероб⁴).

Присутствовали также майор государственной безопасности Г.С. Жуков, осуществлявший связь с командованием польской армии на территории СССР по линии НКВД, и генерал-майор А.Н. Панфилов, уполномоченный Генштаба РККА по ее формированию. На прием были приглашены представители маршал Б.М. Шапошников, генерал-лейтенант А.М. Василевский, генерал-полковник авиации П.Ф. Жигарев, генерал-лейтенант танковых войск Я.Н. Федоренко, адмирал Н.Г. Кузнецов, а также нарком авиационной промышленности А.И. Шахурин.

Таким образом, всего с советской стороны на этом банкете присутствовало 18 человек, представлявших партийную, государственную и военную элиту, во главе со Сталиным.

Количество польских гостей было в два раза меньше. Вместе с Сикорским, в честь которого было устроено это торжественное застолье, в Кремль прибыло командование польской армии, формировавшейся на территории СССР: генералы Андерс, А. Шишко-Богущ, полковник Л. Окулицкий, а также польские дипломаты: посол в СССР Кот, пресс-атташе посольства К. Прушинский, 1-й секретарь В. Арлет, атташе Повежа. Среди участников приема оказался и ротмистр Климковский, адъютант генерала Андерса.

Таким образом, всего за накрытым столом в парадном Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца разместилось около 30 человек.

Происходившее на дипломатических приемах И.В. Сталина в Кремле подчинялось строго режиссированному торжественному обряду по заранее установленным правилам. Этот церемониал включал в себя следующие составные части: прибытие и рассадка гостей, собственно застолье, предполагавшее не только потребление

⁴ Подцероб Борис Фёдорович (1910–1983), дипломат. Сотрудник центрального аппарата НКВД СССР (1937–1943).

яств и алкогольных напитков, но и непосредственное общение между хозяевами и гостями, тосты и здравицы в честь присутствующих, а также (в некоторых случаях) кинопросмотры [10].

Ценные сведения о церемониале приема 4 декабря 1941 г. оставил К. Прушинский, которому в тот день исполнилось 34 года. Польские гости, которых привели в Екатерининский зал, несколько минут провели, ожидая появления Сталина и сопровождавших его членов Политбюро ЦК ВКП(б). Наконец они увидели группу мужчин, приближавшихся через анфиладу комнат с другой стороны банкетного зала. По свидетельству Прушинского, большинство из тех, кто сопровождал Сталина, были в темной одежде, поэтому «фигура плечистого мужчины среднего роста в светлом костюме, застегнутом по самую шею», представлялась особенно выразительной. И.В. Сталин, как писал К. Прушинский, имел большие темные усы и ежик седеющих коротко остриженных надо лбом волос.

Члены польской делегации были представлены Сталину. Затем они обменялись рукопожатиями с членами Политбюро, портреты которых украшали «стены множества учреждений от Одессы до Владивостока».

Когда участников застолья пригласили к столу, они легко обнаружили свои места, которые были указаны в визитных карточках. Сталин и Молотов разместились друг напротив друга. По правую руку от Сталина сидел самый почтенный гость – генерал Сикорский.

Согласно воспоминаниям Прушинского, накрытый стол был сервирован с изысканной простотой. На роскошных скатертях голландского полотна размещался сервиз бывшего петербургского Императорского фарфорового завода, причем несколько предметов имели монограмму Николая II, а другие – Александра III. В центре стола стояли старинные хрустальные графины и тяжелые серебряные кувшины. Однако столовые приборы были советскими (с изображением серпа и молота). Перед каждым из гостей лежала карта, отпечатанная по-русски и по-французски. Таким образом, отдельный гость имел свою собственную тарелку с закусками и мог распорядиться бутылками с различными алкогольными

напитками [8, с. 96–99]. Климковский в не меньшей степени, чем К. Прушинский, был поражен видом огромного накрытого стола, протянувшегося почти на весь Екатерининский зал [7, с. 200].

Меню банкета поражало своей роскошью и разнообразием, необычными в военных условиях. Прушинский отмечал, что из закусок преобладали рыбные блюда (из лосося, белуги, семги). Запомнился ему и порядок подачи блюд. После супов «пришла пора мясных блюд», а также дичи и рыбы, выбор которых был довольно широким. Одновременно с этим одна бутылка алкогольного напитка сменялась другой, и рюмки наполнялись вновь и вновь [8, с. 98].

Благодаря сохранившемуся меню приема 4 декабря 1941 г. стало известно, что в качестве холодной закуски на нем подавались: икра зернистая, икра паюсная и расстегайчики. Имелись также: семга, балык белорыбицы, сельди с гарниром, ветчина, салат «оливье», поросенок, сыры, масло, овощи (огурцы и помидоры). Горячую закуску составляли: грибы белые в сметане огратен и медальон из дичи пуаврад. (Огратен – от французского *ogratin* – золотистая корочка, образующаяся на поверхности блюда в духовке или на гриле. Пуаврад – от французского *sauce poivrade* – соус к приготовленному мясу диких животных.) Собственно, обед на банкете в честь польской делегации состоял из первого, второго блюд и десерта. На первое участники банкета могли выбрать крем-суп (суп-пюре), консоме и «борщок» [10]. (Консоме – от французского *consommé* – осветленный густой бульон, в классической кухне известны консоме из куриного и говяжьего бульона. Борщок являлся поистине уникальным старинным русским блюдом. В отличие от классического борща, хотя в нем также присутствовала свекла, это бульон, основными ингредиентами которого являются: дичь (фазан, рябчик, перепелка); лук репчатый; морковь; мадера (коньяк), лимон, сахар-песок, соль; также добавляется лед [9, с. 152].)

В роли тамады (хозяина стола) на банкете 4 декабря 1941 г. – впрочем, как и на других дипломатических приемах периода Великой Отечественной войны, – выступал Молотов. Он непрерывно провозглашал тосты и здравицы, на которые по-своему

реагировали присутствовавшие. По свидетельству Прушинского, Молотов «говорил, не умолкая», показав себя поистине «неутомимым в провозглашении тостов по адресу всех польских гостей по очереди» [8, s. 99]. Климковский с раздражением писал в мемуарах: «...я сидел за столом и слушал речи. Крикливые, чванливые и надменные, они были известны мне наизусть» [7, s. 201].

Между тем на приеме с Климковским произошел любопытный казус, связанный с неожиданно произнесенным тамадой тостом в его честь. Молотов, обращаясь к Климковскому, заявил, что в его лице провозглашает здравицу за молодых польских офицеров. Этот тост звучал необычно, поскольку лишь за четыре месяца до этого Климковский был освобожден после 11 месяцев, проведенных в заключении в Лубянской тюрьме...

Далее, по версии Климковского, произошло следующее. Он «молчаливо принял» здравицу главы советского внешнеполитического ведомства, чокнулся со Сталиным и Молотовым, которые якобы встали со своих мест и приблизились к ротмистру [Там же, s. 201]. В данном случае мы имеем дело с фальсификацией, поскольку, согласно церемониалу дипломатических приемов в Кремле, Молотов и Сталин никогда одновременно не подходили к тостуемому. И уж точно не сделали они исключения для неизвестного польского ротмистра...

Больше походит на правду описание упомянутого эпизода, которое оставил Прушинский. По его словам, Климковский, неожиданно выделенный герой, «типичный офицер-кавалерист», был невероятно ошарашен, услышав свою фамилию в официальном тосте. Еще более растерянным почувствовал себя «бравый ротмистр», когда Молотов протянул рюмку в его сторону. Этот жест означал, что Климковский должен был чокнуться с Молотовым. Между тем он находился на большом расстоянии, на противоположной стороне стола. Адъютант Андерса поднялся и намеревался проследовать чуть ли не через весь зал, чтобы ответить на повелительный жест тамады. Однако Климковский заметил, что Сталин тоже поднялся со своего места и даже сделал несколько шагов в его сторону. «Это было тяжелое зрелище», – заключал Прушинский. Ведь перед Климковским возникла сложная дилемма:

продолжать ли начатый путь в сторону Молотова или же повернуть и последовать к Сталину? Ротмистр выбрал последний вариант [8, с. 99–100].

По окончании банкета в помещении, примыкавшем к Екатерининскому залу, были поданы кофе и десерт. Тем временем шло уточнение текста совместной советско-польской декларации, которую ближе к полуночи подписали Сталин и Сикорский.

В завершение приема польских гостей пригласили в кремлевский кинопросмотровый зал, где, в частности, демонстрировалась хроника пребывания Сикорского в Куйбышеве и его торжественной встречи в Москве. По свидетельству К. Прушинского, едва гости заняли места в кинозале, послышались орудийные залпы, которые возвестили о начале контрнаступления Красной армии под Москвой. Прушинский не без иронии прокомментировал этот эпизод, отметив, что «Кремль немногому может поучиться у Голливуда»: «по части звуковых эффектов» устроители описанного кремлевского застолья даже превзошли американцев... [Там же, с. 103]

Дипломатический прием 4 декабря 1941 г. в честь польской делегации во главе с генералом Сикорским, устроенный Сталиным, имел эксклюзивный характер. Он был тщательно подготовлен советским внешнеполитическим ведомством, в первую очередь Протокольным отделом НКВД. Банкет был проведен с соблюдением норм дипломатического протокола в одном из самых роскошных парадных залов Большого Кремлевского дворца – Екатерининском. Блюда из меню особой кремлевской кухни, алкогольные напитки, предлагавшиеся его участникам, изысканная сервировка стола поражали воображение. Отличительной особенностью приема являлось и то, что он положил начало целой череде торжественных ужинов, которые Сталин периодически устраивал в честь представителей и лидеров союзных СССР стран (здесь можно назвать имена У. Черчилля, Ш. де Голля, И.Б. Тито, Э. Бенеша).

Правительство Польши, находившееся в Лондоне, весной 1943 г. порвало дипломатические отношения с СССР из-за «Катынского дела». В 1944–1945 гг. на дипломатических приемах в Кремле чествовали представителей уже другого Польского государства.

Литература и источники

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 3 АВТО. П. 19. Д. 243.
2. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3 АВТО. П. 19. Д. 244.
3. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 11. Д. 730.
4. Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942 г. Т. XXIV. М.: Международные отношения, 2000. 632 с.
5. Правда, 1941, 4 декабря.
6. *Андерс В.* Без последней главы // Иностранная литература. 1990. № 11. С. 231–255.
7. *Klimkowski J.* Biłem adiutantem generała Andersa. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1959. 218 s.
8. *Prusziński K.* Noc na Kremlu. 2. wyd. Warszawa: Róy, 1989. 183 s.
9. Кремль. Особая кухня: ветеранам посвящается / авт. кол.: В.А. Богомолов и др. М.: Качество жизни, 2014. 167 с.
10. *Невежин В.А.* Дипломатические приемы И.В. Сталина 1941–1945 гг.: кремлевский протокол и особая кухня // Российская история. 2017. № 2. С. 139–153.
11. Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. А.В. Носкова. М.: Индрик, 2002. 952 с.

Васильева Виктория Владимировна,

*бакалавр Московского педагогического
государственного университета*

К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КИНЕМАТОГРАФИИ ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. В статье рассмотрены основные периоды развития польской литературы и польского кинематографа социалистической эпохи. Основное внимание уделяется вопросам доступности советскому читателю и зрителю польских произведений. Показаны оценки советской интеллигенцией работ зарубежных коллег, отношение к Польше как связующему звену между разными лагерями биполярного мира.

Ключевые слова: Россия, Польша, интеллигенция, литература, киноискусство

Vasileva Victoria Vladimirovna,
bachelor,
Moscow Pedagogical State University

TO THE QUESTION OF THE SOVIET INTELLIGENTSIA'S PERCEPTION OF THE LITERATURE AND CINEMA OF THE POLISH PEOPLE'S REPUBLIC

Abstract. The article considers the main periods of development of Polish literature and Polish cinema of the socialist era. The main attention is paid to the issues of accessibility to the Soviet reader and viewer of Polish works. The article shows the assessment of the Soviet intelligentsia of the works of foreign colleagues, the attitude to Poland as a connecting link between different camps of the bipolar world.

Key words: Russia, Poland, intelligentsia, literature, cinema, art

Литература и кинематография – самые востребованные жанры искусства XX в., способные отразить все значимые процессы культурного развития как отдельной страны, так и мира в целом. Культура стран «социалистического лагеря» испытывала жесткое давление коммунистической идеологии, но все же стремилась найти формы выражения общечеловеческих ценностей. Обращение к опыту восприятия культуры Польской Народной Республики, – несколько более свободной и вестернизированной, чем советская, – может стать один из продуктивных способов анализа культурных процессов, происходивших в двух странах в более чем 40-летний период, начавшийся после Второй мировой войны и продолжавшийся до конца 1980-х гг.

Советская интеллигенция того времени была весьма неоднородной. В ней выделялась творческая интеллигенция, наиболее остро реагирующая на явления в культурной (и не только) сфере. Сама она может быть условно разделена на творцов собственных произведений, отражавших процессы, происходящие в истории

и культуре другой страны, и на тех, чья деятельность была необходимым посредником для первых. В литературной сфере в лице лучших переводчиков эти группы максимально сближались.

Само создание Польской Народной Республики (ПНР) проходило под непосредственным влиянием СССР. Пытаясь следовать советским лекалам, Польская объединенная рабочая партия (ПОРП) подчинила культурную политику своим идеологическим задачам, и до середины 1950-х гг. прослеживалась тенденция к искусственной изоляции польской культуры от западной. Среди жанров господствовал социалистический реализм, среди национальных традиций – Просвещение и реализм XIX в. На этой волне стали популярны такие авторы, как Ю. Тувим, В. Броневский, С.Р. Добровольский, Л. Левин [17, с. 122]. Они использовали призывы, лозунги, клишированные обобщения и идеологический комментарий. На смену литературному пришел газетно-публицистический, а в ряде случаев – и разговорный лексикон.

После разоблачения «культы личности» Сталина в СССР и в других социалистических странах, включая Польшу, произошло обновление политического руководства, стали появляться надежды на более свободное развитие общества и культуры. Однако уже вскоре политика ПОРП в области культуры начала трансформироваться. В.А. Хорев характеризует новый курс как «более репрессивный», но такое определение требует пояснения. Подконтрольными государственной идеологии оставались по большей части темы, связанные с польской историей, с одной стороны, с критическим подходом к современной жизни – с другой. В то же время «свобода» автора проявлялась в области его художественных поисков, средств и методов выражения авторского замысла.

Здесь выделяется творчество выдающегося польского писателя Станислава Лема, называвшего себя фантастом-реалистом. Мысли его были настолько глубоки, что назвать его произведения просто фантастикой или футурологическим романом вряд ли возможно. В конце 1950-х – 1960-е гг. Лем создал романы, ставшие мировыми бестселлерами: «Солярис», «Эдем», «Возвращение со звезд» и др. Энциклопедически образованный человек, фантаст и философ, прекрасно разбиравшийся в астрономии и биологии, кибернетике

и физике, Лем в первую очередь писал о человеке, людях, их попытках достигнуть взаимопонимания с подобными себе и с совершенно иными существами. Простые и понятные на первый взгляд персонажи Лема были близки читателю, но ситуации, в которые они попадали, заставляли их принимать сложные решения.

Знакомство советского читателя с произведениями Лема началось со второй половины 1950-х гг., а с романом «Солярис» – с 1961 г. (Его отрывок был опубликован в № 12 журнала «Знание – сила»; в сокращенном переводе роман опубликован в № 4–8 журнала «Наука и техника» за 1962 г.; единственный полный перевод романа вышел в 1976 г.). Истинный интерес к произведению возник лишь после выхода в свет в 1972 г. одноименного фильма А. Тарковского. Оценка романа советской интеллигенцией, критиками происходила в процессе сравнения концепции книги и фильма. Русская писательница, критик и переводчик Ариадна Громова в 1973 г. отметила, что Тарковский использовал «Солярис» как кусок сырой глины для выражения идей не автора романа, а режиссера фильма [5]. Глеб Пондопуло был более сдержан и писал лишь о противоречивости авторских позиций Лема и Тарковского [8]. Тем не менее произведения С. Лема обрели в СССР огромную популярность.

Польская кинематография переживала невиданный подъем, хотя и лишилась ряда своих ведущих художников: в 1961 г. погиб режиссер Анджей Мунк (автор фильмов «Героика», «Пассажирка» и др.), в 1967 г. погиб известнейший польский актер Згибнев Цыбульский. В 1963 г. эмигрировал Роман Полански. (Его первый полнометражный фильм «Нож в воде» (1961) в Польше признания не получил, зато был номинирован на «Оскар» как лучший иностранный фильм.) В 1968 г. эмигрировал другой молодой режиссер и актер Ежи Сколимовски («Валковер», «Барьер», 1969). Из «мэтров» на Родине продолжал работать, пожалуй, только Анджей Вайда [16, с. 45].

В целом 1960-е гг. стали периодом роста популярности польской культуры в СССР. Однако знакомство с польской литературой опережало знакомство с кинематографией ПНР. Далеко не все фильмы попадали в советский прокат. Советский читатель

был знаком с романом Зофьи Посмыш «Пассажирика» (напечатан в «Иностранной литературе» в 1963 г., № 8), однако не с фильмом, премьеры которого за 1960-е – начало 1970-х гг. прошли в разных странах Европы и США, но не в СССР [11]. Премьера «Ножа в воде» Поланского состоялась в 1965 г. в ГДР, но только в 2003 г. дебют фильма наконец прошел во второй столице России [15, с. 3].

Несмотря на все ограничения, советская интеллигенция все же получала доступ к большинству лучших произведений польских авторов. По мнению И. Бродского, польская культура для русской интеллигенции стала «информационным каналом, окном в Европу и мир» [19]. Некоторые, как Бродский, изучали польский язык, чтобы читать польские газеты и журналы, а также современную западную литературу в польских переводах. Порой они были как глоток воздуха. Бродский писал в письме: «Если бы ты знала, как часто я думаю о Польше. У меня такое впечатление, что в солнечный день ее можно отсюда увидеть. Это так близко» [1, с. 141].

Конец 1960-х гг. был связан с Пражской весной и вводом войск СССР и других участников Варшавского договора (Польши, Болгарии, Венгрии и ГДР) в Чехословакию. Протесты представителей культуры против этой акции привели к ужесточению цензуры, а порой и к практическому запрещению их основной деятельности – публикации литературных произведений, постановки пьес, съемок или выхода на экран уже снятых фильмов. Однако культурная жизнь продолжалась.

В СССР и Польше конец 1960-х – 1970-е гг. ознаменовались рядом новых культурных тенденций. Их носителем стало поколение художественной интеллигенции, чье личностное становление происходило в послевоенные годы. В польской кинематографии существует термин «третье польское кино», обозначающий творчество мастеров, родившихся после войны. Важной темой, к которой они обращались, стало исследование духовного мира своего современника.

Ярчайший представитель «третьего польского кино» – кинорежиссер и сценарист Кшиштоф Занусси. Проблемы, разрабатываемые им, менялись. Если тема духовного мира прослеживается в таких фильмах, как «За стеной» (1971), «Роль» (1972),

«Иллюминация» (1973), то в фильмах «Константа» (1980) и «Контракт» (1981) главное место занимают проблемы социальные [16, с. 46].

Проблема нравственности, замены любви партнерством стала одной из основных тем творчества Романа Залуски. Мелодрама «Анатомия любви» (1972) – фильм-притча – «анатомирует» психологию отношений между двумя тридцатилетними героями, которых сыграли Барабара Брыльска и Ян Новицки. Позднее (1978) в фильме «Убежище» Залуски поднял проблему нравственного конформизма.

Советский экран для показа выбрал более легкий жанр. Премьера «Анатомии любви» состоялась в СССР в октябре 1973 г. Всего фильм посмотрели в стране 36,8 млн зрителей (!) [9]. Показ фильма дал возможность работникам советского кинематографа оценить работу зарубежных коллег, как режиссеров и сценаристов, так и актеров. Стали возникать идеи привлечения иностранных партнеров к собственным проектам.

В своих мемуарах Э. Рязанов [12], характеризуя работу над фильмом «Ирония судьбы», описывал свой поиск актрисы, которая бы совмещала в себе комедийные, драматические и музыкальные способности, была обаятельной, лишенной вульгарности, независимой, но немножко при этом и беззащитной. Решить задачу позволило то, что Рязанов увидел Барбару Брыльску в «Анатомии любви», после чего лично позвонил ей и пригласил в Москву на пробы. Если в Советском Союзе Брыльска получила Государственную премию, в Польше картину показали всего четыре раза, подвергнув комедию жесткой цензуре. Сам юмор в картине остался непонятен для польского зрителя, а работу своей актрисы в советском фильме соотечественники посчитали предательством.

Отношение советской интеллигенции к польской культуре выразила фраза Давида Самойлова: «Любовь к Польше – неизбежность для русского интеллигента». Сам он и явился типичным русским интеллигентом, представителем фронтового поколения, поэтом и переводчиком с польского, чешского, венгерского, литовского языков. Он переводил Рембо, Аполинера, Лорку, Брехта, Незвала, Тувима, Галчинского, Бажана, Эминеску. Когда с середины

1960-х до середины 1980-х гг. основным выражением независимой гражданской активности в СССР стало диссидентство, художественная интеллигенция, не участвующая непосредственно в правозащитной деятельности, общалась с диссидентами. Самойлов дружил с Юлием Даниэлем, Анатолием Якобсоном, Лидией Чуковской, подписал письма в защиту Даниэля и Синявского (1966), Гинзбурга и Галанскова (1968).

В незаконченной книге воспоминаний Самойлова «Перебирая наши даты» [13] немало страниц посвящено размышлениям о Польше. «Резкая самостоятельность польского самосознания», польская национальная гордость, которые способствовали в самых неблагоприятных условиях созданию сильной и самостоятельной культуры, явились причиной любви поэта к Польше и частью его мирозерцания. Еще в 1972 г. Самойлов создал поэму «Последние каникулы» [14], в которой Польша и Германия разных времен – страны, по которым путешествует лирический герой, созданный автором, а его спутником является немецкий скульптор XVI в., много работавший в Кракове, Фейт Штос (нем. – Veit Stoß, польск. – Wit Stwosz, у Самойлова – Вит Ствош).

1980-е годы стали для Польши периодом, приведшим к демонстрациям социалистической системы. Русская интеллигенция на бурные польские события реагировало по-разному. И. Бродский спустя десять лет после эмиграции из России, узнав, что в Польше введено военное положение, написал стихотворение «Полонез: вариация» [2] (1981), где упоминал Шопена и Коперника, Мицкевича, Норвида и Галчинского, и с горечью отмечал: «...и к тому, как мы будем всегда, в веках, лучше привыкнуть уже сегодня». Поэт подчеркнул: «Моя Польша родом из книг, поэтому Польша для меня – это скорее состояние разума и сердца, чем реальное – полицейское или демократическое – государство» [3, с. 60–72].

В 1980-е гг. продолжалась творческая деятельность С. Лема. Тема столкновения человека и космоса отразилась в рассказах о пилоте Пирксе и романе «Фиаско» (1987), главным героем которого является этот персонаж. Пиркса критики считают «самым ПНРовским» персонажем (в «мире Пиркса» сохраняется мирное сосуществование двух систем во главе с США и СССР). Логика

борьбы – «железная человеческая логика» (как показано в «Фиаско») – привела к уничтожению пришельцами-землянами планеты Квинта и гибели их самих.

Бестселлером стала серия романов А. Сапковского «Ведьмак». Первый рассказ из цикла был опубликован в 1986 г. На русском языке первые публикации цикла вышли в 1991 г. Книги на оригинальном языке выходили до 2013 г. (в России до 2014), было сделано несколько экранизаций и адаптации серии книг в виде комиксов, настольной и компьютерных игр, рок-оперы¹.

Е.П. Вайсброт приобрел известность своими переводами книг польских фантастов Станислава Лема, Кшиштофа Боруня, Стефана Вайнфельда, Януша Зайделя, Конрада Фиалковского и многих других. До сотрудничества с ним Сапковский работал с различными издательствами в СССР, но, по словам самого автора, издательства «творили что угодно и давали понять, что так и должно быть», «скажи еще спасибо» [4].

Польский кинематограф 1980-х гг., отмеченный выходом на авансцену «четвертого поколения», отразил основные тенденции времени: сохранение цензуры; ориентацию авторов фильмов на вечные ценности и в то же время возрастающую зависимость кинематографии от массового зрителя, коммерческих интересов.

Так, фильм режиссера Кшиштофа Кесьлёвского «Случай» (1981) был разрешен к показу в своей стране через 6 лет после создания. Это объяснялось тем, что Кесьлёвский присоединился к «свободной группе», в которой состояли такие режиссеры, как Януш Киевский, Анджей Вайда и Агнешка Холланд. Возмущение польских властей вызвало запрет или новую редакцию всех ранее снятых фильмов режиссера. (Следует отметить, что на рубеже 1970–1980-х гг. Кесьлёвский и Занусси занимали равное положение в польском Союзе кинематографистов, председателем которого

¹ Отметим, что компьютерные игры «Ведьмак» 1997, 2002 и 2007 гг., «Ведьмак 2: Убийца королей» 2011 г. и «Ведьмак 3: Дикая охота» 2015 г. имели огромный успех. Версия 2015 г. с мировой премьерой на E3 (Electronic Entertainment Expo – ежегодная выставка индустрии компьютерных игр, проводимая Entertainment Software Association) была удостоена награды «Игра года» на Game Developers Choice Awards.

был Анджей Вайда.) Представляет интерес работа режиссера, созданная на стыке 1980-х и 1990-х гг., – «Декалог» (1989–1990): десять библейских заповедей – десять самостоятельных телевизионных фильмов. Сам режиссер признавался, что в размышлениях о Боге он скорее предпочитает «Бога ветхозаветного – жестокого, мстительного, не прощающего» [6]. Советские кинокритики, как зрители искушенные, увидели в фильме не только идею мщениия, но и идею любви – способность «сделать кого-то дальнего ближним своим» [7].

Одними из самых успешных в советском прокате стали комедии Юлиуша Махульского «Дежа вю» (1989) и «Секс-миссия» (в советском кинопрокате «Новые амазонки», 1986). Польскую цензуру взволновала фраза, которую произносит один из главных героев, выбравшись на поверхность земли: «На восток! Там должна быть хоть какая-то цивилизация!» Намек на Советский Союз расценили как сатиру, а реплику убрали. Фильм оценил не только массовый зритель. Советские кинокритики посчитали, что картина пронизана политическими аллюзиями, намеками и ассоциациями. «Приобретшая эту картину отважная закупочная комиссия едва не положила на чей-то стол в полном составе свои партбилеты», – отметил М. Черненко [18].

Польские киноленты становились все более доступны советскому зрителю. Например, картина «Дежа вю» попала на советские экраны уже в 1990 г. [10]. Страной-производителем фильма была Польша, но сами съемки происходили на Одесской киностудии, наравне с польскими актерами в фильме были задействованы Николай Караченцов, Никита Высоцкий, Галина Петрова, Людмила Поргина.

Литература и кинематограф Польской Народной Республики отличались и самобытностью, и ориентацией на тенденции мировой культуры. Для читателей и зрителей СССР, испытавших изоляцию от западного мира, они во многом стали способом доступа к культуре «другого мира». Этапы развития литературы и кинематографии ПНР во многом были связаны с изменением политической ситуации в социалистическом лагере. На каждом из этапов появлялись и новые аспекты реакции советской интеллигенции

на польскую культуру. В сознании советского человека ПНР, ее литература и кинематография проделали путь от своего рода «окна в Европу и мир» до равноправного партнера, одного из европейских производителей кинопродукции и литературных произведений.

Литература и источники

1. Irena Grudzińska-Gross, Miłosz i Brodski. Kraków, 2007.
2. *Бродский И.* Полонез: вариация (1981). URL: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=7757> (дата обращения: 20.10.2019).
3. *Вуйчак-Марек М.* Польша в биографии Иосифа Бродского // Седьмые чтения памяти Вениамина Иофе. Право на имя. Биографика XX века, 20–22 апреля 2009, Санкт-Петербург. СПб.: НИЦ «Мемориал», 2010.
4. *Гладысь Т.* Разговор с Анджеем Сапковским о переводах его произведений на русский язык. Интервью 2 июня 2005 г. URL: <http://www.correctura.narod.ru/sapkowski-interview.htm> (дата обращения: 20.10.2019).
5. *Громова А.* Бесплодный спор с романом (рец. на фильм А. Тарковского «Солярис») // Литературная газета, 7 марта 1973, № 10 (4400). <http://www.tarkovskiy.su/texty/analitika/Gromova.html> (дата обращения: 20.10.2019).
6. *Косенкова К.* Польские вопросы о главном. URL: <http://www.cinema-theque.ru/post/143868> (дата обращения: 25.10.2019).
7. *Кудрявцев С.* Короткий фильм о любви. 6-й фильм цикла «Декалог», Польша. 86 мин. 1988 г. 28.06.1999. URL: http://www.horosheekino.ru/KROTKI_FILM_O_MILOSCI.htm (дата обращения: 25.10.2019).
8. *Пондопуло Г.* Познание «Неизвестного» и «Тайна» в фильме А. Тарковского «Солярис» // Московская правда. 21 февраля 1973 г. http://samlib.ru/d/dlja_s_p/2.shtml (дата обращения: 20.10.2019).
9. Премьеры. Анатомия любви (1972). URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/66099/dates/> (дата обращения: 22.10.2019).
10. Премьеры. Дежа вю (1989). URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/44394/dates/> (дата обращения: 22.10.2019).
11. Премьеры. Пассажирка (1963). URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/158352/dates/> (дата обращения: 20.10.2019).
12. *Рязанов Э.* Неподведенные итоги М.: Вагриус, 1997. URL: http://modernlib.net/books/ryazanov_eldar/nepodvedennie_itogi/read (дата обращения: 15.09.2019).
13. *Самойлов Д.* Перебирая наши даты. М.: Вагриус, 2000. URL: <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/422977-david-samoylov-perebi-rawa-nashi-daty.html> (дата обращения: 20.10.2019).

14. *Самойлов Д.* Последние каникулы. URL: http://libelli.esmasoft.com/samoilov/poslednie_caniculy.html (дата обращения: 30.10.2019).
15. *Трофименков М.* «Нож в воде» не ржавеет. Дебют Романа Поланского дошел до Петербурга // Коммерсантъ С.-Петербург. № 79 от 12.05.2003.
16. *Федоров А.В.* Польский альбом: заметки о кино. М.: МОО «Информация для всех», 2019.
17. *Хорев В.А.* Польская литература XX века. 1890–1990. М.: Индрик, 2009.
18. *Черненко М.М.* Юлиуш Махульский // Объектив. 1990. № 1. URL: <http://chernenko.org/334-4.shtml> (дата обращения: 20.10.2019).
19. *Шеллкросс Б.* Моргон-стрит, 44. Из книги “Reszty nie Tizeba”. Кативице, 1993 // Бродский И. Большая книга интервью. URL: <http://knigosite.org/library/read/94402> (дата обращения: 22. 10. 2019).

Черемушкин Петр Германович,

*кандидат искусствоведения;
Ассоциация исследователей
российской истории XXI века*

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ГЕНЕРАЛА ВОЙЦЕХА ЯРУЗЕЛЬСКОГО В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ XX в.

Аннотация. Статья посвящена жизненному пути Ярузельского, который был тесно связан с СССР и Россией в XX в. Автор прослеживает малоизвестные эпизоды его биографии, в частности обстоятельства ссылки семьи Ярузельского, формирование генерала как военного и политического деятеля под влиянием советских порядков в Войске Польском, обстоятельства введения военного положения в Польше в 1981 г. Рассматривается советское военное и политическое давление на руководство Польши после создания движения «Солидарность» и роль Ярузельского в проведении реформ в Польше.

Ключевые слова: Ярузельский, СССР, Польша, военное положение, сталинизм, «Солидарность», реформы, Горбачев

Cheremushkin Pyotr Germanovich,

*candidate of Arts;
Association of Researchers
of Russian History of the 21st Century*

**THE LIFE PATH
OF GENERAL WOJCIECH JARUZELSKI
IN THE CONTEXT
OF THE SOVIET-POLISH RELATIONS
OF THE TWENTIETH CENTURY**

Abstract. The article is focused to the research of the biography of Wojciech Jaruzelski, who was closely connected with the USSR and Russia and the history of Soviet-Polish relations in the XXth. The author traces the little-known episodes of the biography of General Jaruzelski, in particular, the circumstances of the Jaruzelski family deportation to Siberia, the shape of Jaruzelski as a military and political leader under the influence of Soviet rules, the circumstances of the participation of Jaruzelski in the imposition of martial law in Poland in 1981. The pressure exerted by the Soviet military and political leadership on the Polish leadership after the creation of the Solidarity movement was analyzed in detail. The author notes role of Jaruzelski in conducting reforms in Poland after the start of perestroika and Mikhail Gorbachev election as Soviet leader.

Key words: Jaruzelski, USSR, Poland, martial law, Stalinism, Solidarity, reforms, Gorbachev

*«Асар, почему поляки судят Ярузельского?
Поляки судят Ярузельского, потому что он
не позволил русским нанести полякам еще одну рану,
которую поляки смогут долго расковыривать».*

*(Из разговора автора с Асаром Эппелем,
выдающимся переводчиком польской литературы
на русский язык в августе 2007 г.)*

История жизни генерала армии Войцеха Ярузельского, возглавлявшего Польшу в 1980-е гг., вызывает споры среди историков и простых людей. Зачастую его подвергают критике за «прислуживание Советскому Союзу».

Биография Ярузельского полна противоречий – дворянин, ставший коммунистом, диктатор, введший военное положение в своей стране, подавив демократическое движение, и реформатор, начавший бескровный переход польского общества к рыночной экономике и демократии. Как глава государства он постоянно стремился соблюсти баланс между интересами Польши и Советского Союза. Ярузельский прошел жизненную школу в СССР и считал его важнейшей мировой державой, которая спасла Польшу и поляков от физического уничтожения немцами. За введение военного положения 13 декабря 1981 г. (которое считается эффективной военно-полицейской операцией с минимальными жертвами) Ярузельского постоянно подвергают осуждению. Он прекрасно владел русским языком, в разговорной речи у него угадывался сибирский диалект. Он поддерживал хорошие отношения с советскими маршалами и генералами, проводил отдых в Крыму. Советские руководители обращались к нему: «Войцех Владиславович!» В Польше Ярузельского называют *homo soveticus militarus* – «персонай, клонированной советским империализмом в массовом масштабе».

Но что было важнее на его 90-летнем жизненном пути: решение о введении военного положения или ультиматум 1988 г., когда, угрожая собственной отставкой, он добился согласия так называемого «партийного бетона» на проведение «круглого стола» – переговоров с оппозицией о мирном переходе в управлении Польшей от советской системы к демократической?

Решения, которые Ярузельский принимал, вплоть до распада СССР формировались с оглядкой на советских генералов, модель мышления которых он усвоил: «Не можешь – научим, не хочешь – заставим». Как говорил Первый секретарь ЦК ПОРП, премьер-министр ПНР и соратник генерала Мечислав Раковский, Ярузельский «принадлежал к поколению генералов, которые вынесли свой опыт из Сибири с верой в то, что Россия является огромной силой и такой мощной державой, что мы должны принимать этот факт и все последствия, из него вытекающие» [7, с. 3.]. В одном из интервью Раковский рассказывал, что Ярузельский всегда держал в памяти горящий Будапешт 1956 г. и подавление Пражской весны в 1968 г.

Генерал не только предстал перед судом в 2008 г., но и подвергся покушению, в результате которого получил травму головы. В интернете стали появляться оскорбительные для него ролики и выступления, которые он стоически сносил. Его бывшие сослуживцы, в том числе и военные, заявляли, что попытки очернить Ярузельского бросают тень на всех, кто служил Польше в советские времена. В укреплении негативного отношения к генералу немалую роль сыграли падение популярности в Польше левых сил и приход к власти партии «Право и справедливость».

Немногие семьи могут похвастаться таким генеалогическим деревом, как восходящий корнями к рубежу XV–XVI вв. род Ярузельских герба Слеповрон. Принадлежит к мелкопоместной шляхте и постепенно беднея, Ярузельские высших постов не занимали. Судьбы представителей рода были связаны с национальными катастрофами, восстаниями и войнами. Дед Ярузельского со стороны отца, тоже Войцех, был участником антироссийского Январского восстания 1863 г., после чего провел 8 лет в Сибири. Через несколько десятков лет отправился в ссылку его внук.

Ярузельские были глубоко религиозными людьми и патриотами Польши. Никогда не забывая обид, нанесенных полякам царскими властями, а затем большевиками, они воспитывали своих детей в глубокой неприязни, даже враждебности к русским [6, s. 10]. «Русские, а особенно большевики, являли собой воплощение всяческого зла» [3, s. 20].

Отец Ярузельского Владислав Мечислав был выпускником Сельскохозяйственной академии в чешском Таборе. В 1920 г. он пошел добровольцем на Советско-польскую войну. 19 сентября 1922 г. он женился на Ванде – девушке из дворянской семьи Заремба, выпускнице Сельскохозяйственной школы в Пулавах. 6 июля 1923 г. в Курове родился Войцех Витольд Ярузельский. Он единственный из внуков получил свое первое имя в честь деда-повстанца, у других внуков это имя было второе. Внешне Войцех был похож на мать, от нее он унаследовал тонкие черты лица.

В 1933 г. десятилетнего Войцеха отправили на учебу в частную гимназию *Kolegium Księżu Marianów na Bielanych* (в то время под Варшавой). Эта гимназия, основанная монахами-марианами, воспитывала учеников в духе католицизма и почитания польских традиций. Ярузельский был примерным учеником и отличался хорошим стилем и умением ясно формулировать свои мысли. В 1935 г. он вступил в дружину имени Стефана Жолкевского Союза польских харцеров (национальной молодежной скаутской организации).

Как пишет биограф Ярузельского Лех Ковальский, Войцех был хорошо воспитан, организован и склонен к возвышенным проявлениям патриотизма. В своей статье «Служение Польше» в школьной стенгазете он писал о героическом наследии львовских орлят (молодых ополченцев) и харцеров, погибших в 1920 г., «защищая страну от красных захватчиков». За несколько месяцев до начала Второй мировой войны он закончил IV класс гимназии и получил «маленький аттестат зрелости» (*mała matura*).

В сентябре 1939 г. Ярузельские бежали на восток, спасаясь от немцев, но уже через неделю, 17 сентября, узнали, что с востока на Польшу напала Красная армия. Ярузельские бежали в Литву. После того как летом 1940 г. Литва была присоединена к СССР, они

решили бежать на запад, но отказались от этого под влиянием матери Войцеха, боявшейся разделения семьи.

14 июня 1941 г. Ярузельских выслали в алтайское лесное поселение Турочак в 300 км от Бийска. Последний отрезок пути их везли на телегах. Тогда мать Войцеха заболела ревматизмом. В это же время отца отправили в один из лагерей Красноярского края. В Турочаке Войцех стал единственным кормильцем семьи. Его послали на лесоповал корчевать деревья.

Судьба депортированных поляков была бы предрешена, если бы не нападение гитлеровской Германии на СССР. Война вынудила Советский Союз присоединиться к антигитлеровской коалиции, в состав которой уже входила Польша в лице лондонского правительства в изгнании. 30 июля 1941 г. польское и советское правительства возобновили дипломатические отношения, прерванные 17 сентября 1939 г.

Осенью из лагеря выпустили Владислава Ярузельского. Он отправился на поиски семьи. В то же время тысячи поляков устремились в районы формирования дивизий, входящих в состав польской армии. В Бийске действовала польская делегатура (представительство правительства в изгнании), куда прибывали ссыльные, хотевшие вступить в армию Андерса. Добрался до Бийска и отец Войцеха. По словам сестры генерала, отец записал сына в список добровольцев и слал телеграммы в Турочак, чтобы ускорить приезд жены и детей.

В октябре 1941 г. Войцеха вызвали в местное управление НКВД, где сообщили, что был подписан польско-советский договор и что «он теперь будет работать не в тайге, а станет помощником заведующего складом в единственном в Турочаке магазине, а также получит более благоустроенное жилье и увеличенный хлебный паек». О формировании польской армии не было сказано ни слова. Трудно понять, почему турочакское управление НКВД утаило информацию о создании Войска Польского и почему оно хлопотало, чтобы радикально изменить условия жизни семьи Ярузельских. Семья решила покинуть Турочак только в январе 1942 г. В Бийске их ждал отец, состояние здоровья которого оставляло желать лучшего. Войцех начал работать лесорубом, Владислав –

извозчиком на местном рыбном предприятии, однако уже 4 июня 1942 г. он умер. На могилу отца Войцех приехал только через 48 лет во время официального визита в СССР.

В начале мая 1943 г. решением Сталина была создана 1-я Польская пехотная дивизия им. Тадеуша Костюшко. Ее командиром был назначен полковник Зигмунд Берлинг, который числился в составе армии Андерса, однако принял решение остаться в России и, как выяснилось позднее, был доверенным лицом советских властей. Местом формирования дивизии стал военный лагерь вблизи Рязани, куда съезжались поляки так же, как раньше в лагерь в Бузулуке. К концу июля 1943 г. в дивизию записалось около 15 тыс. добровольцев. В августе советские власти позволили переформировать дивизию в 1-й корпус польских войск в СССР. Войцех Ярузельский прибыл в военный лагерь в Рязани в августе 1943 г. Этот выбор не был добровольным: советские чиновники решили за Ярузельского, что он станет офицером. Ему удалось скрыть свое дворянское происхождение [6].

Рязанская школа была устроена по советским образцам, ее выпускники стали основой командного состава Войска Польского будущей ПНР [6, s. 28]. 11 ноября будущий генерал присягнул на верность Советскому Союзу и оставался верен этой клятве до конца своих дней

26 июля 1944 г. 1-я армия Войска Польского выдвинулась на передовую. 2-я пехотная дивизия подошла к Пулавам в 50 километрах от Люблина, где произошло боевое крещение. 29 июля Войцех Ярузельский на коне доставлял приказ из штаб-квартиры полка в один из батальонов. Разрывом снаряда его вышибло из седла. Это произошло в нескольких километрах от деревни Куров, где он родился. При форсировании Вислы в августе 1944 г. вблизи от него снова разорвался снаряд. Всю оставшуюся жизнь он практически ничего не слышал правым ухом.

В марте 1947 г. Ярузельский командирует в распоряжение Центра обучения пехоты в Рембертове. Школу курировал Главнокомандующий сухопутными войсками Польши генерал Станислав Поплавский, во время войны командовавший 1-й армией Войска Польского. Он оказал на Ярузельского большое влияние [6, s. 55,

183; 11, s. 35]. Среди преподавателей было много советских офицеров, которые плохо знали польский язык и часто вели занятия по-русски.

В июне 1947 г. Ярузельский вступил в Польскую рабочую партию. Он объяснял свое решение тем, что был возмущен социальной несправедливостью, царившей в предвоенной Польше. Подобным образом вели себя и другие офицеры, которые впоследствии займут руководящие посты в Войске Польском. С прибытием Рокоссовского началось еще более яростное насаждение сталинских форм и методов управления армией. Те, кто воспринимал Вооруженные силы в категориях национальной армии, вытеснялись.

Неизвестно, как вел себя Ярузельский в июне 1956 г. во время подавления крупных рабочих выступлений в Познани и в октябре во время броска советских танковых войск на Варшаву¹. Однако наставник Ярузельского генерал Поплавский принял участие в подавлении Познаньского протеста.

В октябре Ярузельский получил свое первое генеральское звание. Дивизия в Щецине, которую принял Ярузельский, считалась едва ли не самой худшей в Войске Польском. Однако он быстро поднял ее на такой уровень, что тогдашний министр обороны Мариан Спыхальский дал ей самую высокую оценку. В связи с празднованием 15-й годовщины образования ПНР в 1959 г. поездку по Польше совершил Первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев. 17 июля он прибыл в Щецин. Встреча с ним ничем особенным Ярузельскому не запомнилась [11, s. 17].

Назначение на должность начальника Главного политического управления Войска Польского (ГлавПУРа) стало для Ярузельского

¹ Познаньские протесты сопровождались беспорядками, разгромом здания горкома ПОРП, штурмом тюрьмы и т.п. Погибли, по оценкам, от 50 до 70 человек. Проходили в контексте ожесточенной борьбы за освободившееся в результате загадочной смерти Берута место первого секретаря ЦК ПОРП между соратниками Берута и группой Гомулки. Накануне VIII пленума ЦК в Польшу прилетел Хрущёв. В ночь на 19 октября на Варшаву двинулись части размещенной в ПНР Северной группы войск и – по приказу Рокоссовского – моторизованные части Польской народной армии. Группу Гомулки поддержал Корпус внутренней безопасности. В итоге Гомулка был утвержден на посту Первого секретаря ЦК.

началом карьерного взлета. В конце 1966 г. Ярузельский командирован в Москву для консультаций офицеров из отдела военной цензуры Нормативно-административного управления Генерального штаба. Речь шла прежде всего о том, какую информацию о Вооруженных силах СССР можно распространять в Войске Польском. В частности, разрешалось упоминать только один советский гарнизон в ПНР в Легнице. Ярузельский, напротив, полагал, что нужно шире пропагандировать присутствие Советской армии в Польше, что граждане должны знать о том, что ее воины приносят большую пользу польскому обществу, особенно во время пожаров и наводнений. Однако эта идея не встретила понимания у советского руководства.

Одним из первых испытаний для нового министра национальной обороны Польши стало взаимодействие с генералитетом Варшавского договора, войска которого вошли в Чехословакию в августе 1968 г.

В июле 1980 г. в Польше начались забастовки рабочих. На юго-востоке оказался парализован железнодорожный узел в Медыке, который обеспечивал прохождение военного транспорта, снабжавшего военные базы СССР в Польше и ГДР. Проблема оказалась настолько серьезной, что ее включили в повестку дня специального заседания Политбюро ЦК КПСС. В августе снова начались забастовки на судостроительном заводе имени Ленина в Гданьске, которые распространились на все Балтийское побережье, Варшаву, Лодзь и Силезию. Поначалу рабочие выдвигали экономические требования и обычно прекращали бастовать, если им ненамного повышали зарплату. Первый секретарь ЦК ПОРП Эдвард Герек в это время отдыхал в Крыму и встретился с Брежневым, который впервые выразил беспокойство по поводу ситуации в Польше.

На заседании Политбюро ЦК ПОРП прозвучало предложение ввести в стране чрезвычайное положение. Конституция ПНР 1952 г. не предусматривала такой возможности. Ярузельский впервые высказался на сей счет, заявив, что спасти ситуацию может только военное положение, но «как обеспечить суровые меры, если встанет вся страна?»

25 августа 1980 г. Политбюро ЦК КПСС приняло постановление «К вопросу о положении в Польской Народной Республике». Была образована секретная комиссия ЦК во главе с М.А. Сусловым (в 1982 г. ее возглавил М.С. Горбачев). Теперь Брежнев начинал день с вопроса «Как дела в Польше?». По мере нарастания протестного движения председатель КГБ Ю.В. Андропов все чаще требовал докладов от представителя КГБ в Польше генерала Виталия Павлова, который звонил ему по нескольку раз в день.

Среди разных вариантов руководство СССР рассматривало массированное введение в Польшу советских войск для подавления «контрреволюции». 28 августа члены «комиссии Суслова» в записке на имя Брежнева просили на следующий день привести в полную боевую готовность три танковые и одну мотострелковую дивизии. В случае дальнейшего обострения обстановки предполагалось доукомплектовать дивизии нескольких округов до состояния военного времени. Брежнев сказал: «Повременим». Среди противников этой военной операции был и начальник Генштаба маршал Н.В. Огарков.

Между тем в Гданьске 31 августа лидер «Солидарности» Лех Валенса подписал исторические соглашения с правительственной комиссией, что привело к созданию независимых самоуправляющихся профессиональных союзов. Трудящиеся, на которых так любили ссылаться советские и польские партийные руководители, приняли решение самостоятельно позаботиться о себе.

По воспоминаниям резидента КГБ в Варшаве генерала Виталия Павлова, Герек пытался убедить Каню в необходимости обратиться к советским товарищам с просьбой введения войск для восстановления порядка [9, s. 53]. Не очень понятно, почему он обращался с этим предложением к С. Кане, а не к Брежневу. Скорее всего, из-за того, что никто из польских руководителей не хотел брать на себя ответственность за приглашение Большого брата. Тем временем забастовки в Польше продолжались. В них участвовали уже 1,2 млн человек. Оказавшись не в состоянии взять под контроль ситуацию в стране, Каня и Ярузельский решили обратиться за поддержкой к польской Римско-католической церкви. Впервые с 1967 г. состоялось заседание совместной комиссии правительства и епископата.

Военное руководство хотело провести в Польше осенью 1980 г. военные маневры «Союз-80» с участием армий Польши, Чехословакии и ГДР. Однако, как вспоминал генерал Грибков, по просьбе поляков, и особенно Кани, эти маневры было решено перенести на 1981 г. 3 декабря 1980 г. президент США Джимми Картер проинформировал по горячей линии Брежнева о том, что в случае военной интервенции в Польшу Советскому Союзу придется столкнуться с очень серьезными последствиями. Бжезинский на конференции в Яхранке вспоминал, что в его распоряжении имеются воспоминания военных из ЧССР и ГДР, которые должны были войти в Польшу 8 декабря и начали передвижение войск. В документах, имеющихся в распоряжении чехословацких военных, говорится о маршрутах передвижения войск, а также содержится карта планируемых военных операций на 12 страницах. В этих материалах также есть предупреждение о необходимости избежать кровопролития.

Открывшийся 9 февраля 1981 г. пленум ЦК ПОРП отстранил от должности главу правительства Юзефа Пиньковского и предложил на его место Ярузельского с сохранением за генералом поста министра обороны. К этому времени на Первого секретаря ЦК Каню нападали со всех сторон партийной верхушки – и умеренные, и «партийный бетон». А премьера Пиньковского критиковали за то, что он подписал соглашение с бастующими рабочими.

Советская сторона, в свою очередь, нажимала на поляков из-за «Солидарности» и манипулировала за кулисами пленумом, помогая сторонникам жесткого курса посадить в кресло председателя правительства их человека. Американская разведка была убеждена, что ЦК ПОРП, выдвигая Ярузельского на пост премьера, заручился поддержкой Москвы и, возможно, обговаривал эту кандидатуру с министром обороны СССР Устиновым.

3 апреля 1981 г. в Бресте состоялась секретная встреча Ярузельского и Кани с Андроповым и Устиновым. Встрече предшествовали визиты в Польшу Главнокомандующего Объединенными вооруженными силами стран – участниц Варшавского договора маршала Виктора Куликова. Как подсчитал адъютант Ярузельского, в 1981 г. они встречались с маршалом 22 раза. «Куликов был

твердый, но интеллигентный, – вспоминал Ярузельский. – Крутил мне дырки в животе тактично, но последовательно и методично» [3, с. 93]. Основная аргументация и вывод Куликова сводились к тому, что развитие ситуации в Польше угрожает интересам Варшавского договора.

Очередная встреча произошла 27 марта, когда «Солидарность» объявила предупредительную забастовку. Вместе с Куликовым прибыла большая группа представителей штаба Вооруженных сил стран – участниц Варшавского договора. Симптоматично было то, что в ней находился генерал-полковник Николаев, который в 1956 г. участвовал в событиях в Венгрии, а в 1968-м – в Чехословакии. Он привез и хотел вручить Генеральному штабу Войска Польского проект введения военного положения. Как вспоминал Ярузельский, проект этот был с благодарностью не принят.

Кане дважды звонил Брежнев, который говорил о том, что «социализм в Польше оказался перед лицом смертельной угрозы» [Там же]. Требовал, чтобы польские руководители искали склады с оружием, которые прячет оппозиция. (Ярузельскому это напомнило «открытия», предшествовавшие советскому вторжению в Чехословакию в 1968 г.)

23 апреля 1981 г. в Польшу прибыл Сулов – второй человек в КПСС, считавшийся блюстителем партийных догматов и человеком, лично руководившим подавлением антисоветского сопротивления в Литве после войны и при этом не церемонившимся в выборе средств.

13 декабря 1981 г., проснувшись утром, миллионы поляков не узнали своей страны: на улицах стояли танки и бронетранспортеры, солдаты с автоматами грелись у печек, а по телевизору транслировалось выступление главы государства – человека с большим лбом, в толстых очках и с маленьким подбородком – Войцеха Ярузельского. Генерал говорил строгим, подчеркнуто спокойным голосом, в котором все же можно было угадать волнение, и обращался к населению со словами: «Гражданки и граждане! Великая тяжесть ответственности легла на меня в этот драматический момент польской истории. Объявляю, что сегодня был создан Военный совет национального спасения. Государственный

совет в соответствии с требованиями конституции ввел в полночь военное положение на территории всей страны».

Движение «Солидарность», объединившее миллионы поляков, бросило вызов промосковской власти и стало угрожать советским военным интересам в Восточной Европе. В современной польской и западной историографии доминирует мнение, что Советский Союз не был готов пойти на военную интервенцию в отношении Польши, что американская разведка давала неправильные оценки его военных приготовлений. В этой связи приводятся фрагменты выступлений Суслова и Андропова, которые категорически отвергали возможность ввода советских войск в Польшу. Считается, что Ярузельский «безуспешно упрашивал» Главнокомандующего Объединенными вооруженными силами стран Варшавского договора Куликова и советского посла Бориса Аристова ввести войска. И, только осознав, что этого не последует, принял решение о введении военного положения.

В 1997 г. в ходе масштабной конференции историков и бывших политиков в Яхранке Куликов заявил, что никаких планов советского военного вторжения в Польшу не существовало и соответствующей подготовки не велось [12, s. 140]. Маршал категорически отверг мнение генерала Виктора Дубынина, бывшего командира танковой дивизии в Белорусском военном округе, что такая подготовка велась [14].

Появление фигуры такого масштаба, как Куликов, не могло произойти без санкции российского руководства. По всей видимости, его участие в конференции и заверения о том, что СССР не намеревался вводить войска в Польшу, были попыткой России привести еще один аргумент в пользу невступления Польши в НАТО, в направлении чего она активно работало в это время. Об этом говорил Ярузельский в своем заключительном слове на конференции в Яхранке [12].

Маршал поставил Ярузельского в крайне неудобное положение. Потом, когда бывший Главком представил публике так называемый дневник полковника Аношкина, своего адъютанта, делавшего запись бесед Куликова с Ярузельским в 1981 г., из которого следовало, что польский руководитель просил СССР о военной

поддержке в случае неудачи с введением военного положения, генерал казался абсолютно подавлен. Вопрос о том, кто тогда соврал на конференции в Яхранке: Куликов или Ярузельский, – до сих пор остается открытым. Впрочем, бесчисленные визиты Куликова в Варшаву в 1980 и 1981 гг. заставляют задуматься о том, что маршал посещал Польшу, чтобы выкручивать руки Ярузельскому или блефовать по поводу советских планов.

Другие участники конференции в Яхранке, как поляки, так и представители США, усомнились в правдивости слов Куликова. Бывший помощник президента США по национальной безопасности Збигнев Бжезинский заявил, что в Соединенных Штатах внимательно следили за передвижениями советских войск вблизи польских границ и жесткое письмо президента США Джимми Картера остановило вторжение советских войск в Польшу в декабре 1980 г.

Многие советские генералы в своих интервью после распада СССР говорили, что запасной план у военных на случай неудачи с введением военного положения существовал. До конца своих дней Ярузельский продолжал настаивать, что угроза ввода советских войск в Польшу была реальной, что советское военное руководство было сторонником этого шага и что введение военного положения предотвратило интервенцию.

Лишь 10 декабря 1981 г., за три дня до введения военного положения, Политбюро ЦК КПСС под председательством Брежнева приняло решение: советские войска в Польшу не вводить. Как отметил автор журнала «Посев», единственной «поправкой» к решению можно считать реплику Андропова в ходе заседания: «Что касается коммуникаций, которые ведут из Советского Союза в ГДР через Польшу, то мы должны, конечно, что-то сделать и предпринять для их охраны» [16].

При оценке Ярузельского мне ближе всего слова Адама Михника, который считал, что если что-то и спасло страну от катастрофы советского вторжения зимой 1981–1982 гг., то два фактора. «Первый – рассудительная позиция руководителей “Солидарности” и католической церкви, избравших путь длительного марша и пассивного гражданского сопротивления. Второй – это политика группы Ярузельского, которая не стремилась к кровавой расплате

и не провоцировала кровавой реакции реванша. Во время военного положения погибло гораздо меньше людей, чем, например, во время майского переворота в 1926 г. К тому же это сняло проблему советской интервенции» [15, с. 97].

Приход к власти Михаила Горбачева в 1985 г. стал ответом на кризис всей социалистической системы. Перестроечные реформы в СССР дали Ярузельскому и его команде возможность позволить некоторые отступления от советской модели. Попытки реформировать политический строй в СССР и странах советского блока привели к отходу от прежних формулировок: «пролетарский интернационализм», «братство по оружию», «нерушимое единство». Горбачев постепенно завершал политику ограниченного суверенитета соцстран, которую на Западе называли доктриной Брежнева.

В 1986 г., когда Горбачев на встрече с руководителями социалистических стран заявил, что они больше не могут рассчитывать на помощь Советской армии, чтобы сохранить свою систему власти, его объявление было встречено с некоторым скептицизмом. Отлично помню, как генерал КГБ Леонид Шебаршин сказал, подражая лидеров соцстран: «Их не учили основам политической борьбы, а только лояльности по отношению к Советскому Союзу».

Появление Горбачева, его стиль были неожиданностью для многих, и не только в СССР. Однако между ним и Ярузельским установились прекрасные отношения. Ярузельский назвал его человеком, который «является и останется в истории одной из крупнейших фигур нашего времени» [3, s. 125]. Во время беседы со мной в 2004 г. он, когда уже был выключен микрофон, заговорил о Горбачеве и сказал: «Я очень высоко ценю книгу Михаила Сергеевича Горбачева “Жисть и реформы”». Слово «жизнь» он так и произнес: с просторечным выговором, усвоенным в сибирской тайге, – «жисть».

В СССР тогда часто говорили о Польше как о «лаборатории перестройки». Среди руководителей «братских партий» у Горбачева был не такой уж большой выбор, и во многом поэтому он демонстративно ценил союзника в лице Ярузельского. Однако под давлением польского общественного мнения тот был вынужден

ставить перед советским лидером сложные исторические вопросы, среди которых первое место занимало Катынское преступление. Уже в октябре 1986 г. Ярузельский впервые поднял этот вопрос. Вместо запланированного часа он разговаривал с Горбачевым с глазу на глаз и без переводчиков пять часов. Разговоры о Катыни он и в дальнейшем проводил лично, не доверяя даже министру иностранных дел Мариану Ожеховскому. Ярузельский прибыл в Москву 21 апреля 1987 г. для празднования 42-й годовщины Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и ПНР и подписания декларации о сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры. Вскоре после этого в Москве была создана советско-польская комиссия по изучению истории двух стран, на заседаниях которой разгорелась жаркая дискуссия. Советская сторона пыталась свести дело к менее взрывоопасным вопросам, таким как оценка деятельности Молотова или позиции СССР в отношении Варшавского восстания, но любой ценой избежать темы Катыни [1].

Следующая и последняя фаза в отношениях СССР и ПНР началась летом 1988 г. во время визита Горбачева в Польшу. Ярузельский очень надеялся на то, что его поездка по стране, встречи с представителями интеллигенции станут своеобразным ответом на визиты папы римского Иоанна Павла II и укрепят шансы социализма в условиях так называемого обновления. Во время визита Ярузельский снова осторожно пытался заговорить о необходимости выяснить правду о Катынском преступлении.

К этому его всячески подталкивал Веслав Гурницкий, составитель речей генерала. Ярузельский тем не менее продолжал защищать Горбачева в связи с тем, что тот не смог сказать правду о Катыни, поскольку в своей стране сталкивается с постоянным сопротивлением, в том числе в процессе поиска документов, подтверждающих виновность НКВД в расстреле польских офицеров².

В августе 1988 г. один из ближайших соратников Ярузельского Мечислав Раковский проинформировал о своих встречах в Крыму с сотрудником Международного отдела ЦК КПСС Георгием Шахназаровым. Он заявил, что перестройка допускает новые подходы

² List Wojciecha Jaruzelskiego do Moniki Olejnik (TVN 24). 18 stycznia 2011.

к политике в отношении Восточной Европы и не исключает финляндизации Польши, поскольку «“Солидарность” все равно будет вынуждена считаться с СССР, потому что не может не считаться» [6, s. 333; 13, s. 9]. Иными словами, Раковскому дали понять, что Советский Союз допускает, что польским коммунистам придется поделиться властью с оппозицией. Как пишет Павел Коваль, это неприятно удивило команду Ярузельского, которая делала ставку на Горбачева и рассчитывала на его поддержку.

Важнейшим событием политической жизни Польши в январе 1989 г. стал X Пленум ЦК ПОРП, на котором партийное руководство принимает решение, до какой степени оно способно отпустить вожжи и допустить легализацию оппозиции. Ярузельский и его команда столкнулись с сильной оппозицией внутри партии и подверглись резкой критике со стороны консервативных сил. 16 января 1989 г. началась вторая часть X Пленума. Ярузельский понимал, что проведение свободных выборов невозможно без соглашения с оппозицией. Последняя добивалась легализации «Солидарности» и признания ее партнером за Круглым столом. Однако на пленуме появилась угроза победы противников переговоров с оппозицией. Несколько партийных лидеров во главе с Ярузельским пригрозили уйти в отставку, если курс на соглашение с оппозицией не получит поддержки пленума. Историки полагают, что победил прагматизм: партия не отважилась свергнуть своих лидеров, хотя и сомневалась в их программе.

В результате выборов 4 июня 1989 г. коммунисты потерпели сокрушительное поражение, но сохранили места, определенные им по соглашению Круглого стола. 19 июля 1989 г. Ярузельский был избран президентом с перевесом всего в один голос. (Тогда говорили: он избран единогласно, в том смысле, что единственным голосом.) Генерал поручил формировать правительство Кищаку, который, однако, с этой функцией не справился. В итоге первым после окончания Второй мировой войны премьер-министром Польши 24 августа 1989 г. был избран представитель оппозиции Тадеуш Мазовецкий.

Как отмечали некоторые журналисты, «оказывается, что Ярузельский неплохо справляется со своей ролью» [2, s. 23–25].

Все члены первого некоммунистического правительства Тадеуша Мазовецкого признавали, что президент-коммунист не блокировал реформ. Ни экономических, весьма радикальных, предложенных Лешекком Бальцеровичем, ни политических, в том числе затрагивавших силовые структуры. Пакет законов для так называемого «плана Бальцеровича», или плана «шоковой терапии», Ярузельский подписал 30 декабря 1989 г. – на следующий день после утверждения законов парламентом. За время президентства он ни разу не использовал право вето и попытался воспротивиться только один раз – в октябре 1990 г. во время обсуждения закона, разрешавшего продажу государственных земель иностранцам. Тяжело дался Ярузельскому и указ об отмене главного государственного праздника Польской Народной Республики, который отмечался 22 июля.

В апреле 1990 г. произошло то, чего Ярузельский так долго добивался: Горбачев первым из советских руководителей признал ответственность СССР за Катынское преступление – убийство в апреле 1940 г. в разных частях СССР польских офицеров, интернированных после начала Второй мировой войны. Ярузельский заявил, что не посетит Советский Союз с официальным визитом, если эта тема не будет подниматься [8, s. 633]. Во время его визита в Москву Горбачев передал ему первые документы, касающиеся убийства в Катыни. К слову сказать, полностью все официальные материалы так и не были переданы вплоть до сегодняшнего дня. На обратном пути из Москвы в Варшаву 14 апреля 1990 г. Ярузельский посещает с визитом Катынь, где позже будет создано военное мемориальное кладбище.

Ранней весной 1990 г. Ярузельский предложил сейму сократить свой президентский срок. Таким образом он отреагировал на динамику политических перемен в стране и в мире. В июне 1990 г. Ярузельский с премьер-министром Тадеушем Мазовецким прибыли в Москву на де-факто последнее заседание Политического консультативного комитета государств – участников Варшавского договора. Вскоре эта организация будет распущена.

22 декабря 1990 г. завершилось участие Войцеха Ярузельского в государственной жизни Польши. Уходящего президента

не пригласили на инаугурацию его преемника. Однако на следующий день Лех Валенса принял генерала в президентском дворце – Бельведере.

В 2010 г., когда в авиакатастрофе под Смоленском погибли президент Польши Лех Качиньский с супругой и еще многие военные и государственные деятели, Ярузельский написал письмо брату покойного президента Ярославу Качиньскому, лидеру партии «Право и справедливость» и своему политическому оппоненту, с соболезнованиями, из которых следует, что генерал был неплохо знаком со многими членами семьи Качиньских⁵.

В последние годы жизни генерал много болел, перемещался из одного госпиталя в другой. После кончины отца Моника Ярузельска установила на его могиле памятник из грубо обработанного камня, своими формами напоминающий очертания современных границ Польши, сохранение которых генерал неизменно отстаивал. По сути дела, он всегда руководствовался интересами своей страны так, как понимал с учетом обстоятельств времени, при котором ему пришлось жить.

В Польше продолжается дискуссия о наследии советских времен, когда страна входила в Варшавский договор и строила свою общественную модель по подобию государственного устройства в СССР. Те, кто считает, что тогда были большие преимущества и возможности, или испытывает ностальгию по социализму, составляют меньшинство. Большинство уверено, что во времена ПНР страна утратила независимость, а суверенитет ее был ограничен, в том числе присутствием советских войск на территории Польши. Образ генерала Ярузельского и оценка его деятельности носят в основном негативный характер.

Генерал часто повторял: «Я служил той Польше, которая существовала, а не той, которую кто-то хотел видеть». За границей отношение к Ярузельскому более доброжелательное и, можно сказать, сбалансированное. В некрологе, опубликованном в «Вашингтон пост» в 2014 г., говорилось: «Некоторые видели что-то неподкупное

⁵ URL: <http://www.gp24.pl/polska-i-swiat/art/4726933,wojciech-jaruzelski-napisal-list-do-jaroslaw-kaczynskiego-w-sprawie-tragedii-pod-smolenskiem>

в аскетичном и дисциплинированном офицере». В одной советской песне были такие слова: «Время выбрало нас». Это время выбрало для решения непростых задач Войцеха Ярузельского. И он подошел к их решению с максимальной ответственностью и осторожностью.

Литература и источники

1. AMSZ, ZD 38/89, Szyfrogram nr 2096/II 7 maja 1987 r, w 16. Цит. по: *Kowal P.* Koniec systemu władzy, Polityka Ekipy gen. Wojciecha Jaruzelskiego w latach 1986–1989. Warszawa: RIO, 2015.
2. *Burnetko K.* Zdjecie generala // Polityka. 4 grudnia 2010. № 49.
3. *Jaruzelski W.* Stan wojenny. Dlaczego... Warszawa, 1992.
4. Kiszczakowa. Tajemnice Generalowej. Maria Kiszczak w rozmowie z Kamilem Szewczykiem / Maria Teresa Kiszczak, Kamil Szewczyk. Warszawa: Proszynski i S-ka, 2015. S. 226–227.
5. *Kowal P.* Koniec systemu władzy, Polityka Ekipy gen. Wojciecha Jaruzelskiego w latach 1986–1989. Warszawa: RIO, 2015.
6. *Kowalski L.* Jaruzelski. Generał ze skazą: Biografia wojskowa generała armii Wojciecha Jaruzelskiego. Poznań: Wydawnictwo Zysk i S-ka, 2012.
7. Nie badzcie moimi sedziami. Rozmowy z Mieczyslawem F. Rakowskim / J. Ordynski, H. Szlajfer. Warszawa: Rosner & Wspólnicy, 2009.
8. *Osiecki J.G.* Wojciech Jaruzelski w rozmowie z Janem Osieckim. Warszawa: Prószyński i S-ka, 2014.
9. *Pawlow W.* General Pawlow: Bylem Rezydentem KGB w Polsce. Warszawa: BGW, 1994.
10. Poznań: Wydawnictwo Zysk i S-ka, 2012.
11. *Toranska T.* Byli. Warszawa: Swiat Ksiazki, 2006.
12. Wejda nie wejda: Polska 1980–1982: wewnętrzny kryzys, międzynarodowe uwarunkowania: konferencja w Jachrance, listopad, 1997. London: Aneks, 1999.
13. Wieslaw Gornicki. Zapoisy ze spotkan i rozmow politycznych dot // Okraglego stolu. 1998.
14. *Борецкий П.* Мой генерал. М.: Икар, 2008.
15. *Михник А.* Антисоветский русофил. М.-Вроцлав: Летний сад, 2011.
16. *Цурганов Ю.* «Польские события» в рассекреченных документах ЦК // Посев. 2007. № 1–2. URL: <http://www.posev.ru/files/articles/58.htm>
17. *Чапский Ю.* На бесчеловечной земле. Москва–Вроцлав: Летний сад; Коллегиум Восточной Европы им. Яна Новака Езёранского, 2012. 478 с.

Шетэля Виктор,

*кандидат филологических наук;
доцент кафедры
контрастивной лингвистики
Института иностранных языков
Московского педагогического
государственного университета*

**К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ
ПОЛЬСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В УЧЕБНИКЕ ДЛЯ ПОЛЬСКИХ ЛИЦЕЕВ
ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ
Г. МИХНИК И Л. МОСЛЕР (1961 г.)**

Аннотация. Учебник для польских лицеев по отечественной (польской) истории Г. Михник и Л. Мослер (1961) вызывает интерес прежде всего с точки зрения представленных в нем проблем польско-российских государственных взаимоотношений с древнейших времен до 1795 г. Способом освещения исторических фактов учебник формировал отношение учащихся ко многим историческим событиям. Наиболее полно и интересно представлен материал, касающийся развития образования и школьной системы в Польше.

Ключевые слова: история взаимоотношений, содержание учебника, тема, учащиеся лица

Shetelya (Szetela) Victor,
Candidate of Philological Sciences;
associate professor,
Department of Contrastive Linguistics,
Institute of Foreign Languages,
Moscow Pedagogical State University

**TO THE QUESTION ABOUT THE REFLECTION
OF POLISH-RUSSIAN RELATIONS
IN THE TEXTBOOK FOR HIGH SCHOOLS
ON POLISH HISTORY,
G. MICHNIK AND L. MOSLER (1961)**

Abstract. The textbook on Polish history for Polish lyceums by G. Michnik and L. Mosler (1961) is of interest in terms of the problems of Polish-Russian state relations from ancient times to 1795 presented in it. The way of covering historical facts used by the authors forms the attitude of students to many events. The material concerning the development of education and school system in Poland is presented in the textbook in the most complete and interesting way.

Key words: relationships, the content of the lesson theme, students of the Lyceum

С 1961 г. в практику преподавания в учебных заведениях Польши среднего уровня (лицей) вошел новый учебник двух авторов: Г. Михник и Л. Мослер «История Польши до 1795 г.» [2]. Его, а также учебник С. Кеневича, Т. Лепковского, В. Лукашевича и Т. Менцеля «История Польши. 1795–1864 гг.» [3] учащиеся должны были освоить за два года обучения в VIII и IX классах лицея. Мне довелось быть учеником лицея им. Ст. Дюбла в г. Кошалин с 1963 по 1967 г. Запомнились мне именно эти учебники. Учебники для X и XI классов, в которых была представлена дальнейшая история, хотя и включали темы возрождения польской государственности после Первой и после Второй мировых войн, не позволяли запомнить ни авторов, ни даже обложек этих пособий.

Это объяснялось характером изложения материала, а в какой-то мере и тем, что в учебниках для старших классов освещались

события сравнительно недавние и известные, а в учебниках VIII и IX классов была представлена едва ли не мифическая история страны. Особенно привлекательными были темы, раскрывающие начальный этап формирования Польского государства, борьбу за его сохранение в XVII в., а затем столетнюю историю польского национально-освободительного движения. На наш взгляд, именно эти темы в большей степени привлекали внимание и формировали учащегося как гражданина, как патриота своей Родины.

Материал в учебнике Г. Михник и Л. Мослер представлен хронологически, по тем событиям, которые происходили в истории страны и народа. Учебник состоит из введения, где с использованием археологического материала представлена древнейшая история земель, на которых проживали *лехитские* племена, а затем формировалось Польское государство [2, с. 3–13]. В первой главе «Ранний феодальный период» представлен материал о расселении польских племен, развитии сельского хозяйства, ремесла, торговли, формировании социальных классов, создании Польского государства в IX–X вв. и принятии христианства в 966 г. Впервые обозначена проблема взаимоотношений Польского государства с соседями, в том числе и с Русью. Последняя чаще всего лишь упоминается наряду с другими соседними странами. Более подробно говорится о немецком наступлении на Прибалтику (Pomorze) в правление Мешко I и о битве под Цедыней 972 г., которая закрепила выход Польского государства к Балтике. В целом в учебнике преобладает немецкая тематика, а русская уступает ей. Наиболее полно и интересно, на наш взгляд, представлен во всех главах материал, касающийся развития в течение веков образования и школьной системы в Польше [1], участия в этих и в других делах католической церкви.

В последующих главах учебника рассматриваются темы: сельское хозяйство, торговля, ремесло, взаимоотношения между социальными классами, государственное устройство при очередном правителе, архитектура и т.д. Вместе с тем отражаются и непростые проблемы польско-российских государственных взаимоотношений с самых ранних времен по 1795 г., до падения Польского государства.

Первой крупной темой, непосредственно относящейся к Киевской Руси и отраженной в учебнике, является брак дочери Болеслава Храброго со Святополком, сыном Владимира, и поход в 1018 г. Болеслава на Русь для поддержания своего зятя в борьбе за киевский престол. Отмечается, что русское население выступило против Болеслава. Он должен был уйти, но на обратном пути присоединил к своим владениям *Гроды Червенские* (Grody Czerwieńskie). Когда через год Святополк был изгнан своим братом Ярославом, Болеслав не поддержал его, а “nawiązał przyjazne stosunki z nowym władcą Rusi, Jarosławem” [2, с. 30]. Эти добрососедские отношения изменились после смерти Болеслава, когда немецкие феодалы возобновили борьбу за польскую Прибалтику, а Чехия попыталась, и весьма успешно, вернуть себе Мораву, а Ярослав Мудрый – *Гроды Червенские*. Одновременно авторы освещают внутреннюю ситуацию в государстве, борьбу между польскими феодалами за власть.

Подобные факты излагаются авторами в нейтральных тонах, так, как они есть, без дополнительных тенденциозных комментариев. Тем не менее описание внутренней ситуации в стране могло оттенять или замалчивать факты недружественных отношений в это время между Русью и Польшей. В целом, рассматривая историю страны «от короля к королю», авторы учебника все же пытаются – в угоду укрепления дружбы между СССР и ПНР – прежде всего акцентировать моменты дружественных отношений между Россией и Польшей.

Тем более что добрососедские отношения двух стран вновь налаживаются, когда в 1039 г. Ярослав Мудрый помог Казимиру укрепиться на польском престоле. Этот союз продолжал действовать и в ту пору, когда киевский престол занимали другие русские князья, а в Польше правили Болеслав Смелый и Болеслав Кривоустый (Krzywousty). Отметим, что самыми любимыми польским королем для учащих польского лица 60-х гг. XX в. были именно эти два Пястовичи: Болеслав Смелый (1058–1079) и Болеслав Кривоустый (1102–1138).

Кроме того, симпатию вызывали Болеслав Храбрый (992–1025) – за укрепление польской государственности, а затем Стефан Баторий (1576–1586) – может быть, за венгерское происхождение –

и Ян Собеский (1674–1696) – за освобождение Вены от Османов. Симпатию вызывал и последний польский король Станислав Август Понятовский (1764–1795) за проводимую им реформу просвещения, за создание возможности для обучения всех сословий, в том числе и крестьянских мальчиков и девочек. Предполагается, что грамотность всех сословий способствовала сохранению польской нации в период, когда польский народ в Пруссии, Австро-Венгрии и России оказался в положении инородцев на своей земле. Возможно, что симпатии польских учащихся к этим королям проявляются и поныне. Как ни странно, но не вызывает симпатии, как нам показалось, Владислав Ягайло (Władysław Jagiełło, 1386–1434) победитель крестоносцев под Грюнвальдом в 1410 г.

Учебник, безусловно, обогатил знаниями учащихся лица, а способом освещения исторических фактов он формировал их отношение ко многим историческим событиям. Кроме того, он формировал у учащихся мнение о соседствующих с Польшей странах и их жителях. Авторы учебника 60-х гг. XX в. ничего не приукрашивали, нет в тексте и тенденциозных намеков. Тем не менее они все же должны были преодолевать затруднения при представлении некоторых событий в непростых польско-российских отношениях, например, таких тем, как: «Войны польско-московские в период правления Стефана Батория»; «Смутное время»; польские восстания в XIX веке и др.

Можно, вероятно, сказать, что Смутное время – это история в большей степени России, а не Польши. Если так подойти к вопросу, то данной теме можно уделить минимальное место в польском учебнике. Да и в целом можно избирательно указывать те факты, которые более выгодны и нужны для учебной практики. Здесь, однако, встает вопрос о том, что думаем о себе, о нашей истории мы сами, а что думают о нас и о нашей истории другие. Тема Смутного времени в учебнике Михник и Мослер [2] все же подробно рассматривается во второй главе «Экспансия польских магнатов на восток», в разделе «Попытки польских магнатов завоевания России в начале XVII века» [Там же, с. 278–279]. Здесь нет «польской» точки зрения. Она та же, что и у российских историков, но в рассматриваемом учебнике более подробно освещены планы

польско-литовских магнатов по захвату российских земель. Отмечается трудная ситуация в России после смерти Ивана Грозного, крестьянские бунты, “konflikty między średnią rosyjską szlachtą a bojarami” [2, с. 276]. Акцентируется отпущение грехов папой римским Павлом V тем, кто примет участие в походе на Москву. Указывается, что договор между королем и сторонниками Лжедмитрия явился непосредственной причиной в 1609 г. польско-литовской интервенции. Упоминается и требование Сигизмунда III, чтобы польский королевич Владислав был избран на царский престол, а не являлся ставленником гетмана Жолкевского. Такой личный союз в большей степени должен был подчинить Россию Речи Посполитой. Представлены последствия этой интервенции. Авторы с сожалением отмечают, что «польза от войны, которая поглотила столько жертв, материальных затрат, была только на руку магнатом, которые еще больше обогатились и значительно расширили свои латифундии» [Там же, с. 279].

Таким образом, даже фрагментарное рассмотрение тем по польско-российским историческим взаимодействиям, представленное в польском учебнике по отечественной (польской) истории для лицеев 1960-х гг., показывает интересное и – учитывая существовавший тогда политико-идеологический контекст – добросовестное, на наш взгляд, их изложение.

Литература и источники

1. Шетэля В. Польша // Российская педагогическая энциклопедия. Т. 2. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. С.167–171.
2. Michnik H., Mosler L. Historia Polski do roku 1795. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1961. 476 s.
3. Kliniewicz S., Łepkowski T., Łukaszewicz W., Mencil T. Historia Polski. 1795–1864 / pod red. S. Kliniewicz. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1961. 188 s.
4. Szcześniak A.-L. Historia 1918–1939. Podręcznik dla klasy III Liceum ogólnokształcącego, II klasy technikum i liceum zawodowego. Warszawa: Fundacja “Innowacja”, 1995. 192 s.
5. Radziwiłł A., Roszkowski W. Historia 1945–1990. Podręcznik dla szkół średnich. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1994. 362 s.
6. Jan Matejko. Poczet królów polskich. Tekst napisał Jan Gintel. Kraków: Wydawnictwo Artystyczno-Graficzne, 1967.

Косулина Людмила Геннадьевна,

*доктор исторических наук;
профессор кафедры истории*

*Института
социально-гуманитарного образования
Московского педагогического
государственного университета*

**ПОЛЬША В СОСТАВЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ:
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ОСВЕЩЕНИИ
СОВРЕМЕННЫХ УЧЕБНИКОВ
ПО ИСТОРИИ РОССИИ**

Аннотация. В статье содержится сравнительный анализ освещения проблем взаимоотношений между Польшей и Российской империей в конце XIX – начале XX в. в школьных учебниках, разработанных в соответствии с требованиями Концепции нового УМК по отечественной истории и Историко-культурного стандарта и включенных в федеральный перечень учебников. Автор выявляет общие проблемы и специфику их освещения каждым авторским коллективом. Анализ проводится также с точки зрения соответствия содержания учебников рекомендациям Историко-культурного стандарта.

Ключевые слова: Концепция нового УМК по отечественной истории, Историко-культурный стандарт, Царство Польское, Российская империя, учебник

Kosulina Lyudmila Gennadyevna,
*Doctor of Historical Sciences;
professor, History Department,
Institute of Social Studies and Humanities
Moscow Pedagogical State University*

**POLAND AS PART OF RUSSIAN EMPIRE:
MAIN PROBLEMS IN INTERPRETATION
OF MODERN TEXTBOOKS
ON RUSSIAN HISTORY**

Abstract. The comparative analysis of interpreting the problems of relationships between Poland and the Russian Empire at the end of XIX – beginning of the XX centuries in the textbooks is given in the article. The textbooks were developed in compliance with the requirements of Concept of a new Educational and Methodical Complex (EMC) on Russian History and Historical and Cultural Standard and included in the federal list of textbooks. The author shows the problems common for all textbooks and specifics of their elucidation by each collective of authors. The analysis is also made in terms of accordance of textbook content to the recommendations of Historical and Cultural standard.

Key words: Conception of New EMC on Russian history, Historical and Cultural standard, Kingdom of Poland, Russian Empire, textbook

Стабильные дружеские связи с соседними странами и народами являются значимым фактором устойчивого развития для любого государства. Современная Россия имеет общую границу с 14 странами, 10 из которых когда-то входили в состав нашей страны. Наиболее противоречивые и непростые отношения сложились между Россией и Польшей – двумя крупнейшими славянскими государствами, история взаимоотношений которых уходит вглубь веков. Особенно непростым для наших народов был период с конца XVIII до начала XX в., когда значительная часть польской территории находилась в составе Российской империи. Это создало множество коллизий, имевших долгосрочные последствия. Вместе с тем длительное взаимодействие родственных

народов обеспечило взаимопроникновение культур, формирование общих традиций и т.д., что, несомненно, обогатило общекультурное развитие обеих стран. Сегодня, несмотря на определенную политическую напряженность на государственном уровне, межличностные отношения между поляками и россиянами остаются в целом дружественными. Для укрепления добрососедских отношений очень важно уже в подростковом возрасте формировать толерантное и уважительное отношение друг к другу. Значимую роль в этом процессе играют школьные уроки истории. От того, какие сведения и в какой тональности учителя преподнесут молодому поколению, в немалой степени зависит будущее наших народов и их взаимоотношения.

С этой точки зрения представляет интерес анализ современных учебников по отечественной истории на предмет их освещения российско-польских отношений в период нахождения Польши в составе Российской империи.

В 2013 г. в Российской Федерации началась создание Единого историко-культурного стандарта и Концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. Эта работа была поручена Российскому историческому обществу, которым руководил председатель Государственной думы С.Е. Нарышкин. Историко-культурный стандарт стал руководством к написанию новых учебников по истории России.

Весной 2015 г. в Российское историческое общество поступило восемь завершенных линий учебников (с 6 по 10 класс), представленных пятью издательствами, которые затем прошли не менее трех независимых экспертиз. На основе анализа экспертных заключений Комиссия Российского исторического общества признала соответствующими Концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории завершенные предметные линии учебников издательств «Просвещение» (под ред. А.В. Торкунова) и «Дрофа» (Андреев И.Л., Фёдоров И.Н. и др.); учебники с 6 по 9 класс издательства «Русское слово» (под ред. Ю.А. Петрова). Они были рекомендованы к включению в федеральный перечень учебников.

В Концепции нового УМК по отечественной истории проблемы русско-польских отношений не имеют системы и прописаны в общем виде. Так, по периоду нахождения Польши в составе Российской империи предлагаются следующие проблемы: «Участие России в разделах Речи Посполитой», «Борьба Польши за национальную независимость», «Восстание под предводительством Тадеуша Костюшко», «Венский конгресс и его решения», «Польская конституция 1815 г.», «Особенности административного управления на окраинах империи», «Царство Польское», «Польское восстание 1830–1831 гг.», «Польское восстание 1863 г.», «Национальные партии и фракции в Государственной Думе», «Великая российская революция 1917 г.», «Национальные и конфессиональные проблемы» [8]. В связи с этим авторам учебников предоставляется определенный простор как в подборе фактологического материала, так и в трактовках тех или иных событий.

Наиболее основательно в учебниках освещена проблема разделов Речи Посполитой и присоединения части ее территории к России. Эти вопросы по новому стандарту изучаются в 8 классе. Однако при объяснении причин первого раздела Польши в каждом учебнике акценты расставлены по-разному.

В учебнике издательства «Русское слово» на первый план выносятся внутренние проблемы Польши, приведшие к слабости некогда могущественной державы. Прежде всего это:

- 1) религиозный, национальный и экономический гнет населения Украины и Белоруссии, приводивший к многочисленным восстаниям на востоке Речи Посполитой. Россия вынуждена была оказывать помощь православным народам;
- 2) слабость государственной власти, виновником которой авторы считают деятельность польского сейма, являющегося ареной борьбы различных шляхетских группировок, что приводило к дестабилизации положения в стране, «препятствовало усилиям королевского двора в проведении реформ и централизации власти» [3, с. 132].

При этом авторы подчеркивают, что «целью политики России по отношению к Польше в XVIII в. было сохранение единой Речи Посполитой и поддержка дружественных правительств, а также забота о правах православного населения» [Там же].

В учебнике издательства «Дрофа» материал о первом разделе Польши вписан в канву Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Отмечается, что возведение Россией на польский престол бывшего фаворита Екатерины II Станислава Понятовского вызвало недовольство заинтересованных держав, и прежде всего Турции. В результате провокации турецкого правительства началась война, в которой Россия одержала ряд блестящих побед. Но заключению мира между Россией и Турцией препятствовали Англия и Франция. России ничего не оставалось делать, как согласиться на настойчивое предложение Пруссии о разделе Польши. При этом подчеркивается, что «Екатерина II не видела в разделе никакой необходимости, но вынуждена была согласиться на него» [1, с. 143, 144].

В учебнике издательства «Просвещение» авторы акцентируют внимание учащихся на том, что в «царствование Екатерины России удалось приблизиться к решению внешнеполитических задач, стоявших перед страной на протяжении долгих десятилетий». Одним из направлений внешней политики стало возвращение «в состав России украинских и белорусских земель, находившихся с XIV в. в составе Польско-Литовского государства» [4, с. 38]. В то же время отмечается, что союзники России «Австрия и Пруссия неоднократно предлагали ей предпринять раздел слабеющей Речи Посполитой. Екатерина II не шла на него из-за того, что польским королем в это время был ее ставленник *Станислав Понятовский*. Однако после побед России в ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. сложилась вполне реальная угроза заключения союза Турции с Австрией для совместной борьбы против нее. И тогда Екатерина согласилась на раздел Речи Посполитой» [Там же].

Таким образом, общим всех учебников является снятие прямой ответственности России за начавшийся раздел Речи Посполитой. В учебнике «Дрофы» и «Просвещения» раздел преподносится как вынужденный шаг, позволивший России предотвратить оформление антирусского союза между Турцией и некоторыми европейскими странами. Причем в качестве врагов России представлены в одном случае Англия и Франция («Дрофа»), а в другом – Австрия («Просвещение»). Учебник же «Русского слова» фактически возлагает вину на саму Польшу, которая своей внутренней политикой провоцировала пограничные страны.

Второй раздел Речи Посполитой представлен в учебниках «Русского слова» и «Дрофы» как реакция России и Пруссии на внутренние события, происходящие в Речи Посполитой. Так, авторы учебника «Русского слова» причинами второго раздела Польши называют набирающее силу польское патриотическое движение за реформирование политического строя страны, получившее мощный импульс под воздействием революционных событий во Франции в конце 1780-х – начале 1790-х гг. Результатом стало провозглашение 3 мая 1791 г. конституции Польши, предусматривающей установление сильного центрального правительства и наследственной королевской власти. «Подобное развитие событий не устраивало значительную часть польского дворянства, а также правящие круги соседних держав. В 1793 г. Россия и Пруссия договорились о втором разделе Польши» [3, с. 133]. В принятии Польшей конституции, укреплявшей ее самостоятельность, видят причину второго раздела Польши и авторы учебника издательства «Дрофа». В учебнике «Просвещения» лишь констатируется факт второго раздела Польши.

Третий раздел Польши авторы всех учебников связывают с восстанием под руководством Тадеуша Костюшко, направленным против дележа польских земель соседними государствами.

Оценка политики раздела польских территорий содержится только в учебнике издательства «Дрофа». Авторы подчеркивают, что «разделы Польши трудно оценить однозначно». С одной стороны, «Австрия, Россия и Пруссия совершили явный акт агрессии по отношению к Польше». Но значительная часть вины возлагается и на польских магнатов и шляхту, которые так и «не решились предоставить равные права католикам и православным, ничего не сделали для облегчения участи крестьян, слишком долго сохраняли вносившее в общество разлад право вето». Не снимая ответственности с России «за трагическую судьбу Речи Посполитой», авторы учебника еще раз подчеркивают, что не она «являлась инициатором разделов Польши. Екатерина II не раз заявляла, что нам выгоднее было бы иметь на своих западных рубежах слабую Польшу как “барьер”, защищавший Россию от агрессии других империй». Подчеркивается также, «что вхождение в состав Российской

империи украинского и белорусского народов отвечало их интересам» [1, с. 154]. Авторы учебника издательства «Просвещение» предлагают дать оценку участию России в разделах Речи Посполитой ученикам самостоятельно, в качестве задания к параграфу.

Следующая проблема, которую согласно Концепции нового УМК необходимо осветить в учебниках, связана с решениями Венского конгресса о присоединении к России Герцогства Варшавского и о предоставлении Александром I Царству Польскому конституционного правления. Эти вопросы по новому стандарту изучаются теперь в 9 классе.

В учебнике издательства «Русское слово» отмечается, что согласно решениям Венского конгресса «все великие державы приобрели новые земли. России досталась территория Герцогства Варшавского – государства, которое было образовано Наполеоном из завоеванных им польских земель» [10, с. 53]. Эти земли в составе России переименовывались в Царство Польское.

В учебнике констатируется факт обнаружения Александром I в 1815 г. польской конституции. Однако не содержится объяснений, почему император пошел на такой шаг. Достаточно лаконично в учебнике характеризуется политическое устройство Царства Польского. Отмечается, что «российский император в Царстве Польском делил законодательную власть с двухпалатным парламентом – *сеймом*. Верхняя палата – сенат – состояла из назначенных царем сенаторов, нижняя – палата послов – из выборных депутатов. Право избрания в сейм принадлежало дворянству, предпринимателям, духовенству, а также профессорам и учителям. Кроме того, в законе провозглашалась свобода вероисповедания, свобода печати, независимый суд, неприкосновенность личности». Авторы констатируют, что «для своего времени это была очень либеральная конституция» [Там же, с. 54].

В учебнике издательства «Дрофа» об итогах Венского конгресса упоминается вскользь, констатируется лишь то, что «по его итогам Россия и Австрия расширили свои территории за счет Польши» [9, с. 50]. Что касается материала о польской конституции, то в параграфе ей посвящено полпредложения: «...в 1815 г. на открытии польского сейма (парламента) монарх, объявляя о даровании

Польше конституции, заявил, что подобное ожидает и Россию» [9, с. 53]. При изложении сути конституции авторы учебника используют иной методический прием, помещая в конце параграфа документ «Из Конституционной хартии Царства Польского. 1815 г.» и предлагая учащимся ответить на следующие вопросы: «1. Какие права были дарованы жителям Польши? 2. Можно ли считать конституцию, дарованную Польше, либеральной? Свой ответ обоснуйте» [10, с. 55–56].

Наиболее развернутое изложение этой проблемы содержится в учебнике издательства «Просвещение». Прежде всего, авторы осветили причины, по которым Польше было даровано конституционное устройство. В учебнике отмечается, что «Александр I выступил с предложением объединить польские земли под своей властью... Александр не столько стремился к расширению территории государства, сколько желал создать в составе России Царство Польское, управляемое согласно либеральной конституции. Это подняло бы авторитет российского монарха в Европе и в то же время не вызвало бы, по его мнению, сильного недовольства польских дворян, мечтавших о независимом государстве» [5, с. 36].

В учебнике «Просвещения» материал «Царство Польское и его Конституция» выделен в специальный «фонарик». Правда, помещен он в разделе, предназначенном «для самостоятельной работы и проектной деятельности учащихся». Авторы учебника отмечают, что поляки стали третьим по численности народом страны (после русских и украинцев), а Царство Польское имело значительную самостоятельность. Достаточно подробно освещены основные положения польской Конституции 1815 г. Констатируется, что главой Царства Польского являлся российский император, который должен был присягать на верность конституции. Законодательная власть принадлежала царю и сейму, состоящему из двух палат. Нижняя палата сейма избиралась от городов и дворянства. Избирательное право ограничивалось возрастным и имущественным цензом. Сейм не обладал правом принимать законы, он мог лишь представлять обращение на имя императора с предложением принять те или иные законы. Все проекты законов должны были обсуждаться в Государственном совете. Конституция гарантировала

неприкосновенность личности, свободу печати, обязывала использовать польский язык в государственных учреждениях, назначать на государственные, судебные и военные посты только поляков.

В учебнике содержится оценка конституции как весьма прогрессивной для своего времени. Отмечены неоднозначные последствия введения конституции. Это, по мнению авторов, вселило надежды польскому дворянству на дальнейшее усиление суверенных прав и расширение польских территорий за счет украинских и белорусских земель. Однако сам император «полагал, что и так сделал для Польши слишком много». Это противоречие вызвало формирование мощного польского национально-освободительного движения, которое развернулось в последующие десятилетия, став источником многих проблем для власти [5, с. 45].

Помимо этого в учебнике издательства «Просвещение» представлен материал о решении «польского вопроса» в русском общественном движении. Так, при рассмотрении проблем движения декабристов отмечается, что в «Русской Правде» П.И. Пестеля Россия рассматривается как унитарное государство. Но исключение делается для Польши, «которая, получив самостоятельность, должна была, по его мнению, вступить в тесный союз с освободившей ее Россией» [Там же, с. 57]. Упоминается в учебнике и о существовании национальных тайных организаций, в частности польского Патриотического общества. Рассмотрена в общих чертах программа «Общества соединенных славян», включающая Польшу в состав демократической славянской федерации, с собственной конституцией [Там же, с. 58].

Следующая проблема, которая освещается во всех анализируемых учебниках, связана с Польским восстанием 1830–1831 гг. и изучается в 9 классе.

В учебнике издательства «Русское слово» материал по восстанию выделен в специальный «фонарик» параграфа 12 «Народы России в первой половине XIX в.». Авторы посчитали необходимым предварить рассказ о восстании краткой характеристикой положения Царства Польского. Отмечается, что «царство Польское, созданное в составе Российской империи по решению Венского

конгресса, пользовалось значительной автономией. Согласно Конституции 1815 г. в Царстве Польском все законы принимались с участием выборного сейма, в административном аппарате служили только польские чиновники, которые вели все делопроизводство на польском языке, а своим наместником в Польше Александр I назначил польского генерала И. Зайончека. Кроме того, у Царства Польского была своя армия, состоявшая из польских солдат и офицеров. Ее главнокомандующим являлся брат царя великий князь Константин Павлович. Тем не менее, отмечают авторы, «польское общество... хотело большего. Слишком сильна была память о том, что еще полвека тому назад Речь Посполитая была одним из самых крупных государств в Европе. Польская аристократия, поддерживаемая католическим духовенством, мечтала о восстановлении независимого Польского государства в границах 1772 г., т.е. с Правобережной Украиной и Белоруссией в своем составе» [10, с. 91]. В этих настроениях авторы, очевидно, и видят основные причины восстания. Поводом к восстанию, как указывают авторы учебника, стало намерение Николая I направить польские войска на подавление бельгийской революции, вспыхнувшей в 1830 г. вслед за революцией во Франции.

Ход восстания остался за рамками учебника. Отмечается, что «восстание началось в ноябре 1830 г. в столице Царства Польского Варшаве. Великий князь Константин Павлович бежал, и власть во всем царстве перешла в руки повстанцев. Поскольку главной силой восстания была регулярная армия численностью до 80 тыс. солдат, это выступление приняло характер настоящей войны. Боевые действия растянулись почти на целый год, и только в сентябре 1831 г. фельдмаршал Иван Федорович Паскевич рапортовал Николаю I: «Варшава у ног Вашего Величества» [Там же, с. 92]. Вопрос о причинах поражения восставших в учебнике отсутствует. Подводятся лишь итоги восстания: «...отмена Конституции Царства Польского 1815 г. и ликвидация других привилегий, которыми пользовались поляки. Сейм как законодательный орган был упразднен, а самостоятельное польское войско распущено. В делопроизводство государственных органов власти постепенно вводился русский язык, были закрыты университеты

в Варшаве и Вильно, а имения тех польских помещиков, которые приняли участие в восстании, были конфискованы» [10, с. 92].

В учебнике издательства «Дрофа» польскому восстанию уделено буквально три предложения: «В 1830 г. на борьбу с царизмом за национальное самоопределение поднялась Польша. Польское восстание, исключительно шляхетское (дворянское), не предусматривало решения социальных проблем, поэтому его не поддержали крестьяне. После штурма в 1831 г. предместья Варшавы русскими войсками и падения польской столицы восстание было подавлено» [9, с. 92]. Нет ни хода, ни последствий восстания. Его причины, по мысли авторов учебника, должны определить сами ученики, отвечая на вопрос, помещенный в конце параграфа. Однако материал о положении Царства Польского в составе Российской империи изложен настолько кратко, что не дает возможности ответить на этот вопрос. Он может вызвать только недоумение у учащихся: почему поляки поднялись на восстание, ведь они получили в 1815 г. конституцию?

Авторы учебника издательства «Просвещения» поместили текст о положении в Польше и польском восстании 1830–1831 гг. в раздел: «Материал для самостоятельной и проектной деятельности учащихся “Национальная и религиозная политика Николая I. Этнокультурный облик страны”». Польскому восстанию посвящен довольно обширный, хорошо структурированный материал. Причины восстания авторы учебника видят как во внешнем воздействии: в революционных событиях во Франции 1830 г., в развитии национально-освободительных движений в Европе, – так и во внутренних условиях Польши: в мечте польского дворянства возродить утраченную независимость и в мерах Николая I «по усилению контроля за Царством Польским, что было в русле общей политики его правления. Так, была создана тайная полиция, усилился контроль за печатью, производились аресты и ссылки оппозиционных депутатов сейма. Также была сужена сфера деятельности сейма. Наместник Царства Польского великий князь Константин Николаевич стал все чаще действовать в обход сейма, не советуясь с польским дворянством» [5, с. 80]. Поводом к восстанию стала угроза мобилизации в русские войска для помощи французской

монархии. В учебнике представлен общий ход восстания, подробно описаны его итоги: отмена польской конституции, ликвидация армии, закрытие некоторых учебных заведений, в том числе Варшавского и Виленского университетов.

Проблема польского восстания 1863–1864 гг., согласно Концепции нового УМК, также отмечается как необходимая для освещения в учебниках. Однако в учебнике издательства «Дрофа» об этом значимом как для Польши, так и для России событии не упоминается вовсе. Наиболее репрезентативный материал содержится в учебнике издательства «Просвещение». Там восстание 1863–1864 гг. рассматривается как проявление общеевропейской тенденции к национальному суверенитету в многонациональных странах и колониях, вылившейся в ряд революционных выступлений: в Греции против турецкого господства, ирландцев против британского господства, в Венгерском королевстве и в Италии против австрийского господства. Внутренним фактором стали либеральные реформы Александра II, возродившие стремления польского дворянства к получению независимости [5, с. 146–147]. В учебнике дается характеристика тайных организаций, возникших в Польше. Представлен общий ход восстания. Причины поражения восстания авторы видят как во внутренних конфликтах в среде восставших, так и в умелом маневре Александра II, сумевшего отвлечь от восстания подавляющую часть крестьян, узаконив реформы, разработанные повстанцами [Там же, с. 147]. Результатом восстания стала ликвидация последних следов автономии Польши, указывается на изменение названия этой части Российской империи – Царство Польское теперь стало Привислинским краем. Правда, и этот материал помещен в учебнике в рубрике «Материалы для самостоятельной работы и проектной деятельности учащихся».

Авторы учебника издательства «Русское слово» подчеркнули международный аспект восстания: «Руководители восстания рассчитывали на помощь западноевропейских государств. Великобритания и Франция действительно им сочувствовали, однако Австрия и Пруссия оказали поддержку России, опасаясь польского выступления уже на своей территории» [10, с. 177].

В учебнике издательства «Просвещение» в «Материале для самостоятельной работы и проектной деятельности учащихся “Национальная и религиозная политика Александра III”» содержится фонарик «Национально-религиозная политика в Царстве Польском, Финляндии, прибалтийских губерниях, Украине, Белоруссии», в котором представлен материал о русификаторской политике и мерах по экономической интеграции Польши и России [6, с. 26–27].

Что же касается проблем о положении польских губерний в начале XX в., то необходимо подчеркнуть, что Концепция нового УМК не ориентирует авторов учебников на последовательное освещение конкретных проблем. Из всего спектра сложнейших сюжетов выделяется только один – «Национальные партии и фракции в Государственной Думе». Далее авторам учебников на свое усмотрение предлагается раскрыть национальную и конфессиональную проблематику периода Великой российской революции 1917 г. Как же авторы учебников справились с этими задачами? Показательно, что польские проблемы в этот период практически исчезли со страниц учебников.

Учебник издательства «Дрофа», освещая проблему «Национальные партии и организации», вскользь упоминает о том, что «самостоятельные социалистические партии существовали в польских и литовских землях» [9, с. 304]. В учебнике издательства «Русское слово» данная информация конкретизируется еще одним предложением: «Так, еще в 1892 г. образовалась Польская социалистическая партия» [10, с. 236]. Неосвещенной осталась в учебниках и проблема «Национальные партии и фракции в Государственной Думе». Учебник издательства «Русское слово» ограничился общей фразой о том, что «Первая Дума была весьма представительной, в ней отразилось все национальное и социальное многообразие тогдашней России» [Там же, с. 247].

В учебнике издательства «Просвещение» содержится материал о национальной политике в 1907–1914 гг., в котором авторы указывают на усиление антипольской направленности политики правительства. В качестве примеров приводятся сведения о сокращении почти в три раза польского представительства в III Государственной

думе, избранной по новому избирательному закону; о закрытии всех национальных культурно-просветительских обществ и учреждений; о предложенном Столыпиным законе о земствах в западных губерниях [6, с. 105–106].

Что касается проблемы создания независимого Польского государства, то она в учебниках 10 класса издательства «Просвещение» и «Дрофы» (учебник 10 класса издательства «Русское слово» не прошел экспертизу) освещается мельком, при изложении материала о Брестском мире. Сообщается лишь о том, что по условиям Брестского мира Польша с рядом других территорий отторгалась от России [2, с. 59; 7, с. 49].

Таким образом, анализ содержания учебников по истории России, входящих в Федеральный перечень, по проблеме взаимоотношений России и Польши в конце XVIII – начале XX в. позволяет сделать следующие выводы.

1. Период, когда Польша входила в состав Российской империи, изложен во всех учебниках без достаточной системы, отрывочно, зачастую невозможно вычленить логику подачи материала.
2. Несмотря на наличие некоего «навигатора» в виде Историко-культурного стандарта, отсутствуют общие подходы к освещению событий, авторы в некоторых случаях оставляют на свое усмотрение включение тех или иных событий в канву учебного материала.
3. Бросается в глаза событийный характер изложения материала, оценки встречаются крайне редко. Тем не менее расставленные акценты в большинстве случаев снимают негативное восприятие действий России по отношению к Польше.

Литература и источники

1. Андреев И.Л. История России: конец XVII – XVIII в.: учебник для 8 кл. / И.Л. Андреев, Л.М. Ляшенко, И.В. Амосова и др. 4-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2019.
2. Волобуев О.В. История России: начало XX – начало XXI в.: учебник для 10 кл. / О.В. Волобуев, С.П. Карпачёв, П.Н. Романов. 4-е изд., испр. М.: Дрофа, 2019.

3. *Захаров В.Н., Пчелов Е.В.* История России. XVIII век: учебник для 8 кл. общеобр. организаций / В.Н. Захаров, Е.В. Пчелов; под ред. Ю.А. Петрова. 4-е изд. М.: Русское слово – учебник, 2018.
4. История России, 8 класс: учебник для общеобр. организаций. В 2 ч. Ч. 2 / Н.М. Арсентьев, А.А. Данилов, И.В. Курукин, А.Я. Токарева. М.: Просвещение, 2016.
5. История России. 9 класс: учебник для общеобр. организаций. В 2 ч. Ч. 1 / Н.М. Арсентьев, А.А. Данилов, А.А. Левандовский, А.Я. Токарева. М.: Просвещение, 2016.
6. История России. 9 класс: учебник для общеобр. организаций. В 2 ч. Ч. 2 / Н.М. Арсентьев, А.А. Данилов, А.А. Левандовский, А.Я. Токарева. М.: Просвещение, 2016.
7. История России. 10 класс: учебник для общеобр. организаций. В 3 ч. Ч. 1 / М.М. Горинов, А.А. Данилов, М.Ю. Моруков и др. М.: Просвещение, 2016.
8. Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. URL: <https://historyrussia.org/images/documents/konsepsiyafinal.pdf>
9. *Ляшенко Л.М.* История России: XIX – начало XX в.: учебник для 9 кл. / Л.М. Ляшенко, О.В. Волобуев, Е.В. Симонова. 2-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2017.
10. *Соловьёв К.А., Шевырёв А.П.* История России. 1801–1914: учебник для 9 класса общеобр. организаций / К.А. Соловьёв, А.П. Шевырёв; под ред. Ю.А. Петрова. 4-е изд. М.: Русское слово – учебник, 2018.

Научное издание

РОССИЯ И ПОЛЬША:
ОПЫТ ТЫСЯЧЕЛЕТНЕГО СОСЕДСТВА

*Материалы Международной научной конференции
г. Москва, 15 марта 2019 г.*

Под редакцией С. В. Леонова, Г. В. Талиной

Технические редакторы: *Васильева В. В., Пожилов Д. М.*
Корректор *Леонова Е. И.*
Верстка: *Попова Н. А.*

Авторы несут ответственность за достоверность
приведенных фактических материалов, корректность цитирования
и правильность указания источников

Московский педагогический государственный университет (МПГУ).
119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.

Управление издательской деятельности
и инновационного проектирования (УИД и ИП) МПГУ.
119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 88, оф. 446,
тел. +7 (499) 730-38-61, e-mail: izdat@mpgu.su

Подписано в печать 25.12.2019. Формат 60×90/16.
Бум. офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 27,5.
Тираж 500 экз. Заказ 1034.

ISBN 978-5-4263-0849-7

9 785426 308497